МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И СТРАНОВЕДЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Акройд – блестящий рассказчик. Его история Венеции увлекательна и невероятно соблазнительна.
THE GUARDIAN

Питер Акройд

ВЕНЕЦИЯ

ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОЛЬГИ МОРОЗОВОЙ

Венеция. Прекрасный город
Питер Акройд

Аннотация
Питер Акройд. Венеция. Прекрасный город
I. Город на море
  Глава 1. Начала
  Глава 2. Вода, вода кругом
  Глава 3. Зеркало, зеркало
II. Город Святого Марка
  Глава 4. Пришествие святого
  Глава 5. Прибежище
  Глава 6. Вопреки природе
  Глава 7. Камни Венеции
III. Государственный корабль
  Глава 8. Пусть живет в веках!
  Глава 9. Избранный народ
  Глава 10. Тюрьма
  Глава 11. Тайны
  Глава 12. Хроники
IV. Торговая республика
  Глава 13. Венецианские купцы
  Глава 14. Бесконечная драма
  Глава 15. Шестеренки внутри шестеренок
V. Империя торговли

Глава 16. Львиный город
Глава 17. Столкновение городов
Глава 18. Призыв к оружию
VI. Город вне времени
Глава 19. Колокола и гондолы
Глава 20. Правосудие
Глава 21. Против турок
VII. Живой город
Глава 22. Тело и рост
Глава 23. Просвещение и язык
Глава 24. Свет и цвет
Глава 25. Туристы и паломники
VIII. Искусство жизни
Глава 26. Да здравствует карнавал!
Глава 27. Божественное искусство
Глава 28. Вечная женственность
Глава 29. Что на обед?
IX. Священный город
Глава 30. Божественное и дьявольское
Глава 31. О вере
X. Тени истории
Глава 32. Угасание и закат?
Глава 33. Смерть в Венеции
XI. Город мифов
Глава 34. Карта разворачивается
Глава 35. Сплоченная семья

Глава 36. Луна и ночь
Глава 37. Пока звучит музыка
Венецианская хронология

Аннотация

Новая книга Питера Акройда – очередное доказательство того, что биография города не менее, а возможно и более увлекательна, чем биография любой знаменитости. Особенно если новым героем исторического расследования Акройда становится Венеция. Самый загадочный и независимый город Италии, бывшая республика, расположенная на ста восемнадцати островах, город, над которым постоянно висит угроза затопления, Акройд описывает в свойственной ему манере документалиста-романтика. Акройд разбирается в том, почему венецианцы так отличаются от остальных жителей Италии, как получилось, что на постоянно подтопляемых островах появились и сохранились сотни произведений искусства, и когда великая империя купцов и художников превратилась в город Казановы, туристов и резиновых сапог.

Питер Акройд
Венеция
Прекрасный город

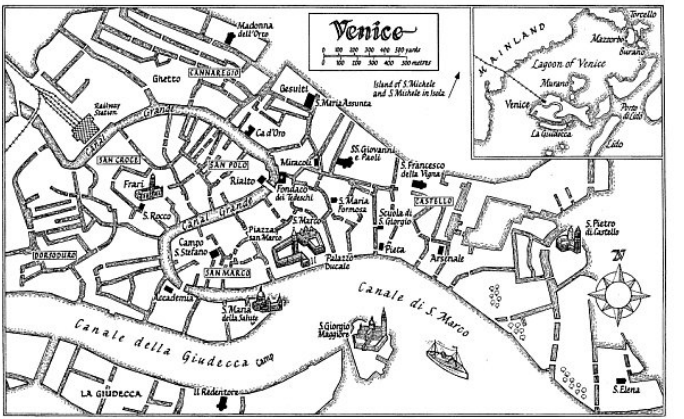
Peter Ackroyd
Venice Pure City

This edition published by arrangement with The Susijn Agency Ltd and Synopsis Literary Agency.

Copyright © Peter Ackroyd, 2009
© Издательство Ольги Морозовой, 2012
© В. Кулагина-Ярцева, перевод, 2012
© Н. Кротовская, перевод, 2012
© Г. Шульга, перевод, 2012
© А. Бондаренко, оформление, 2012

* * *

Посвящается Элисон Сэмьюэл



I
Город на море

Глава 1
Начала

Они добрались до этих отдаленных безлюдных вод. Они приплыли на плоскодонных судах, старательно избегая мелей. Спасаясь от варварских племен с Севера и с Востока, они оставили далеко позади свои города или селения. Так они оказались в диком месте, в широкой неглубокой лагуне, в которой смешивались пресная вода материковых рек и соленая вода Адриатики. При отливе обнажался берег моря, изрезанный ручьями, речками и небольшими проливами; во время прилива были видны наносные островки, покрытые болотной травой. Мелководья поросли камышом и дикими травами, невысоко поднимавшимися над поверхностью. Иногда при отливе показывались обычно затопленные клочки суши. Пустынные болота вода заливала лишь изредка. Эти соленые болота и берег, казалось из отдаления, образуют широкое пространство, испещренное прудами и островками. Топи, до которых не доходил прибой, были так же темны и неприветливы, как воды. Линия поросших

сосновыми лесами островов, состоящих из песка и речных наносов, защищала лагуну со стороны моря.

Несмотря на то что лагуна находилась недалеко от некогда важных центров римской цивилизации, она была пустынной и изолированной. Тишину нарушали только крики птиц, рокот морских валов да звук ветра, шелестевшего в камышах. Ночью здесь царила тьма, луна освещала лишь неугомонные волны. Но при дневном свете, когда изгнанники прибыли сюда, море тянулось туманной линией, а покрытое облаками небо будто отражало серебристую рябь воды.

Со всех сторон их заливал свет. Они нашли остров. И голос, подобный шуму многих вод, велел им построить церковь на обретенной земле.

Это одна из историй о началах, которую рассказывали венецианцы.

Лагуна представляла собой нечто неопределенное — не землю и не море. Она простиралась примерно на пятьдесят шесть километров в длину и одиннадцать километров в ширину вдоль берега Северо-Восточной Италии и имела форму полумесяца. Она возникла около шести тысяч лет назад из ила, наносов и мусора, принесенного в Адриатику семью реками. Главные из них

— Брента, Силе и Пьяве — несли все это с Альп и Апеннин; в один прекрасный день из крошечных частиц мусора с гор возник каменный город. Болота, топи и заливаемый приливом берег были защищены с моря длинным и узким песчаным барьером, разделенным на острова несколькими проливами; самый длинный из этих островов ныне известен как Лидо. Проливы проделали в барьере *porti* (выходы), через которые море устремляется в лагуну. Сейчас существуют три *porti* — в Лидо, Маламокко и Кьодже. Проливы вдыхают в Венецию жизнь.

Это всегда разное, нестабильное место — частично ил, частично песок, частично глина; всегда зыбкое и движущееся, оно меняется под воздействием приливов. Вот почему внешний вид лагуны меняется. Существует теория относительно того, что в VI–VII веках лагуна представляла собой по сути болото, во время прилива покрытое водой. В XIX веке, по словам Джона Рёскина, во время отлива иногда казалось, что Венеция покоится на просторной равнине темно-зеленых водорослей. Лагуна превратилась бы в сушу пятьсот лет назад, если бы не вмешательство венецианцев. Лагуна сейчас — просто другая часть Венеции, другая часть города, ни суша, ни

море. Но Венеция потихоньку возвращается в море. Вода становится все глубже и солонее. Это опасное место. Святой Христофор, переносящий младенца Христа через реку, был когда-то одним из самых почитаемых святых города.

В лагуне всегда кто-то жил, ведь и дикие места бывают изобильными. С самых ранних времен здесь были небольшие зоны обитания людей — рыбаков и охотников, привлеченных пернатой дичью, дарами моря, в частности осенним движением рыб из рек в море. Болота служили природным источником для сбора соли. А она была ценным продуктом. Венецианцы всегда славились умением торговать, но торговая активность на этой земле началась даже прежде, чем сюда прибыли их предки.

Следы древних племен теряются в доисторическом мраке. Но первые опознаваемые предки венецианцев заселяли регион, окружающий лагуну, с VIII века до н. э. Это были люди, жившие в северо-восточной части Италии и вдоль берегов современной Словении и Хорватии. Они были известны как венеты; Гомер называет их *Enetoi*, потому что в греческом не было звука *v*. Они были главным образом купцами, какими станут и венецианцы, торговали янтарем и воском, медом

и сыром. Они устраивали большие рынки, как те, что в конце концов создадут венецианцы. Они торговали с Грецией, как впоследствии Венеция — с Византией и Востоком. Они добывали соль в прибрежных районах, в какой-то мере предвосхищая монополию венецианцев на производство этого продукта.

Они одевались в черное, этот цвет станет отличительным в одежде венецианских аристократов. Племенным героем венетов был Геркулес, он стал легендарным защитником Венеции. Он — полубог, который трудами добился того, на что другие претендовали по праву. Венеты возводили свою родословную к Антенору, который вывел их из разрушенной Трои. Они были известны мореходным искусством. В брачных и семейных делах они подчинялись авторитету государства. Эти люди населяли города Падую, Альтино, Аквилею и Градо.

До бегства венеты были романизованы. Ко II веку н. э. они заключили договор с римскими властями. Во времена Августа регион лагуны был частью Десятого округа Италии и в IV веке стал частью Восточной Римской империи, Византийской империи. Лагуна уже была частично заселена. На одном из островов, Сан-Франческо

дель Дезерто, найдены руины римского порта с керамикой I века и стенная штукатурка III века.

Порт, несомненно, использовался кораблями, совершавшими рейсы между Аквилеей и Равенной, привозившими зерно из Паннонии и товары и продовольствие с более дальних берегов. Там были найдены амфоры для перевозки вина и оливкового масла из Восточного Средиземноморья. Большие корабли причаливали к острову, доставленные ими товары затем переправлялись на меньших кораблях на отмели лагуны. Поэтому здесь должны были быть местные лоцманы, проводившие груз по мелкой воде. Под четвертым нефом базилики Санта-Марии дель Ассунты на острове Торчелло был обнаружен проход, относящийся ко II веку н. э. На большой глубине на острове Сан-Джорджио Маджоре найдены римские развалины, а на меньших островах обнаружен археологический материал I и II веков. Находки на других островах могут быть отнесены к IV–VII векам. Существует предположение, что внешние острова лагуны могли использоваться как стоянка римского флота; возможно, там сооружали виллы.

Но, когда изгнанников с материка становилось все больше, в природе лагуны произошли

кардинальные изменения. Это не был массовый исход, скорее следующие одна за другой волны миграции, достигшие наивысшей точки в конце VI века. Тогда венеты бежали от захватчиков. В 403 году Аларих, вождь вестготов, напал на провинцию Венеция; по словам римского историка Клавдиана, «разнеслась молва о походе варваров и наполнила эту землю ужасом». Аквилея и Верона пали, множество их жителей в поисках безопасности уехали на острова. Когда угроза миновала, многие вернулись домой. Но часть осталась строить новую жизнь в лагуне. В 446 году Аттила захватил римские провинции от Дуная до Балкан, а затем, шесть лет спустя, взял Аквилею. Альтино и Падуя тоже были разграблены. От этих бедствий беглецы снова спасались в лагуне.

Они перемещались по определенной схеме. К примеру, жители Альтино переселялись на Торчелло и Бурано, а горожане из Тревизо бежали на Риальто и Маламокко. Падуанцы уплывали на Кьоджу. Жители Аквилеи переселялись в защищенный болотами Градо. Приезжали со своими ремесленниками и строителями, с крестьянами и поденщиками, с патрициями и плебеями; привозили священные сосуды из своих церквей и даже камни своих общественных зданий, чтобы

их можно было построить заново.

Но как могли строить на такой ненадежной земле? Как могли строить на тине и воде? Это становилось возможно, потому что в ил забивали деревянные сваи от трех до трех с половиной метров высотой, пока они не достигали слоя более твердой глины и плотного песка, подходивших в качестве основания. Это была «граница» на дне лагуны. Так возникли бревенчатые *casoni* (маленькие дома) с камышовыми покатыми крышами.

На краю лагуны основали новые города — Гераклею и Эквилио (Езоло). На островах образовывались деревенские общины, главы которых держали совет с собранием жителей.

Венеты воздвигали укрепленные лагеря на случай, если гунны или готы решат двинуться на них.

Островитяне были неуживчивы и соперничали друг с другом; в лагунах не было единства. И вот, в 466 году в Градо, двадцать лет спустя после появления Аттилы, состоялось собрание венетов лагуны. Было решено, что каждый остров будет представлен трибуном и что трибуны будут работать вместе для общего блага. Ведь они сталкивались с одними и теми же опасно-

стями и трудностями — не в последнюю очередь, с набегами моря. Это было первое проявление публичного и общинного духа, который впоследствии ясно проявится в Венеции.

К VI веку присутствие венетов в этом регионе стало определяющим. Им платили за перевоз людей и товаров между портами и гаванями материка. Они переправляли византийских солдат из Градо до реки Бренты. Отвозили чиновников и купцов в Византию. Уже тогда они были известны мореходным искусством. Их суда поднимались по рекам Северной Италии, по пути торгуя солью и рыбой в городах и деревнях.

Первое описание этих островных жителей встречается в письме, отправленном в 523 году их трибунам от легата Остготского королевства, господствовавшего в то время в Северной Италии. Кассиодор просил их перевезти водным путем в Равенну вино и растительное масло. «Ибо живете вы подобно птицам морским, — писал он, — и дома ваши на водной глади подобны Кикладам. Лишь ивы и плетни не позволяют распасться земле, на которой они стоят; и все же вы дерзаете противопоставить непрочный этот оплот бурному морю. У вашего народа есть огромное богатство — рыба, которой с избытком хватает на

всех. Вы не различаете богатых и бедных; пища у всех одинакова, дома похожи». Он был не совсем точен в описании, дома иногда уже строились из камня и кирпича с материка. Дошедшие до нас данные свидетельствуют и о том, что даже на ранней стадии освоения лагуны там были и богатые, и бедные семьи.

Кассиодор замечает: «Все силы свои вы тратите на добычу соли, и именно в ней таится секрет вашего процветания». В этом он, безусловно, прав. Он добавляет значимую деталь: суда, «которые вы, словно лошадей, привязываете к порогу своего дома». По счастливой случайности одно из таких судов извлечено из ила лагуны. Шпангоут частично сделан из дуба, а корпус из липы, судно было найдено на острове Сан-Франческо дель Дезерто; судно датируется v веком. Оно лежало на уровне, который в тот период находился под водой, за исключением времени отлива.

Но Венеция как таковая еще не родилась. Ее нет на карте IV века, на ней лагуна изображена как ненаселенный морской район. Венецианские историки, однако, утверждают, что город был основан в полдень 25 марта 421 года бедным рыбаком Джованни Боно, или Джованни Добрым. У этой теории есть преимущества, так как она

сближает три даты — день весеннего равноденствия, Благовещение и предполагаемую дату основания Рима. Тройное совпадение, так же как и своевременное появление Джованни Боно, слишком хорошо, чтобы быть правдой, но это часть необычайной способности венецианцев вытеснять историю мифом. Поэт Райнер Мария Рильке, посетив город в 1920 году, сказал: «Так же, как человек не может ничего схватить в зеркале, но только погружается в тайну его неуловимости, здесь тебя целый день наполняют образы, но ты не можешь воплотить ни один из них. Венеция — это вопрос веры».

На самом деле Венеция возникла век спустя, в конце 560-х — начале 570-х годов, после ряда вторжений ломбардцев. Еще раз провинция Венеция была побеждена чужими племенами. Однако в отличие от гуннов они не собирались уезжать с награбленным. Они хотели остаться здесь. Они заняли область, которая сейчас называется Ломбардией. Их вторжение вызвало массовый исход венетов. Епископ Аквилеи перенес свой престол в Градо, на край лагуны. Епископ Падуи переместился на Маламокко, а епископ Одерцо уплыл в Гераклею. Эти люди были как светскими, так и религиозными лидерами, чтобы создавать

новые общины на воде, им были нужны и граждане, и прихожане. Бурано и Мурано, Аммиана и Констанциака застраивались быстро. Правда, Аммиана и Констанциака исчезли в волнах в XIII веке, поглощенные главным врагом островитян, которые без устали сражались с морем.

Венеция родилась в процессе этого бегства от ломбардцев. Согласно последним археологическим исследованиям первые признаки человеческого обитания датируются второй половиной VI века — VII веком; эти находки обнаружились неподалеку от Кастелло, к востоку от города, и под площадью Святого Марка. Это также свидетельство того, что в те давние годы сперва поднимали уровень поверхности земли и осушали почву. Чтобы противостоять морю, поселенцы ограждали землю скрепленными между собою деревянными столбами, отводили воду, клали булыжник, или осадочные породы, или песок с дюн. Это и было начало города.

Изгнанники выбрали группу островов на середине лагуны под общим названием Ривоальто, или Высокий берег, которая в конце концов превратилась в Риальто, замечательную рыночную площадь и торговый центр города. По островам текли ручьи и потоки, но была и большая река,

приток Бренты — Ривоальтус, который со временем превратился в Большой канал, и еще два мощных холма или острова — их определение зависит только от того, как вы рассматриваете природу территории, — обращенные друг к другу по течению этой реки. Вот там и возникла Венеция. Это была земля, на которой изгнанники могли строить.

Работа была нелегкой. Есть свидетельства о катастрофических затоплениях в 589 году во всем этом районе, настолько сильных, что течение некоторых рек повернуло вспять. Бедствие изменило водную структуру лагуны, но его воздействие на возникновение Венеции невозможно проследить.

Венеция не сразу стала самым значительным городом лагуны. В Градо находился Патриарх, Торчелло был большим торговым центром, или рынком этого региона. Герцог переехал из Эраклеи на Маламокко. В тот период, когда Венеция только строилась, в других городах уже существовали здания сложной архитектуры. На Торчелло строилась базилика Санта-Марии дель Ассунты. Надпись, датированная 639 годом, подтверждает, что этот собор воздвигнут в контексте византийской традиции и богослужения.

Связь с Византией знаменательна. Историографы Венеции настаивают на том, что с самого начала венецианцы отстаивали независимость. Существует легенда об их предводителях, которые сказали византийскому послу: «Сам Бог охранял нас, так что мы могли жить на этих мокрых болотах, в хижинах из бревен и прутьев. Поэтому воздвигнутая нами в лагуне новая Венеция стала нашим могущественным городом». Их не могли тронуть ни короли, ни князья, «если они не приплывают по морю», в чем и кроется сила венецианцев. Это чистейшее мифотворчество. Вначале венецианцы были зависимы. Даже в языке древних венецианцев заметна примесь греческого, и не далее как в прошлом веке в диалекте жителей острова Бурано сохранялись греко-римские элементы.

Существуют разногласия относительно даты, когда *dux* (военачальник лагуны, предводитель) был назначен византийцами: по всей вероятности, это произошло в начале VIII века. Венецианцы придерживались мнения, что он был избран островитянами, но нет сомнений в том, что этот герцог, или дож, находился в подчинении у византийского императора. Назначение военачальника само по себе не принесло согласия

в лагуну; ранние века были полны кровопролитных схваток между островами или отдельными семьями; существуют сообщения о гражданской войне, длившейся в течение VIII века, о битвах в лесах, окружающих лагуну, о дожах, которых ослепляли, либо убивали, либо отправляли в изгнание. Однако это политическое устройство пережило начальный кризис; дожи правили в Венеции более тысячи лет, сто двадцать дожей в непрерывной последовательности.

Венеция состоит из ста восемнадцати островов, которые в результате упорного труда были соединены. Поначалу существовали разрозненные островные церковные приходы, одни из них управлялись монастырями, другие — маленькими общинами, к примеру, рыбаков или солеваров. Были общины кораблестроителей. Эти общины группировались вокруг церкви и *campanile* (колокольни); зеленая лужайка, или пространство перед церковью, была и до сих пор известна как *campo* (поле, площадь). На *campo* находился колодец или водоем с пресной водой, наполнявшийся частыми дождями. Дома были, как правило, деревянные, с камышовыми крышами, хотя жилища видных горожан уже строили из кирпича и крыли черепицей. Некоторыми

островами управляли бежавшие с материка влиятельные семьи, которые взяли с собой слуг, чтобы возделывать сады и виноградники; семейства Орио и Градениго, к примеру, контролировали остров Сан-Джованни ди Риальто. У каждого острова был святой покровитель.

Островные приходы отделялись один от другого болотом или водой, но для связи между ними были установлены водные пути.

Уже существовал образец жилища, постепенно становящегося все более определенным и разработанным.

Очередное вторжение способствовало объединению. В 810 году Пипин, сын Карла Великого, привел войска в лагуну, чтобы заявить на нее права Империи франков. Он попытался штурмовать усадьбу дожа на Маламокко. Дож бежал на острова Ривоальто за защитой. Говорят, что Пипин пустился в погоню, но его флот завяз в болотах, ему помешала убывающая с отливом вода; что он соорудил плоты из бревен, а венецианские моряки их разрушили; что одна местная старушка направила их через опасные мели с древним венецианским наказом: *sempre diritto* (прямо, никуда не сворачивая). Здесь безошибочно просматривается намек на армию фараона, которую

поглотило Красное море, аналогия, на которой в будущем сосредоточат внимание венецианские художники. Каковы бы ни были истинные обстоятельства поражения, Пипин был вынужден отказаться от своей миссии.

Таким образом, место, куда бежал дож — Венеция, — доказало, что оно безопасно. Укрытое среди болот, оно было неприкосновенно. С моря его защищали острова, а от материка отделяла вода.

После этого вторжения франков местопребыванием дожа стала Венеция. Она сделалась центром лагуны. Город начал свою большую карьеру.

Он процветал в уединении. В договоре 814 года было достигнуто согласие относительно того, что Венеция останется провинцией под управлением Византии, но что она будет также платить ежегодную дань королю франков, чей трон в то время находился в Италии. Это может показаться двойными обязательствами, но на деле договор освободил Венецию от безраздельного господства чужаков. Теперь она находилась между франками и византийцами, между Западом и Востоком, между католичеством и православием; срединное положение Венеции позволяло ей следовать изменчивым курсом, иногда склоняясь в одну

сторону, иногда — в другую. Это также провоцировало множество разногласий среди правящих семейств лагуны, зависимых от разных партий на материке и в Восточной империи и преданных им.

Тем не менее положение Венеции эффективно обеспечивало ее независимость. Одна из статей договора 814 года разрешала венецианским купеческим судам свободно заходить в порты Италии и покидать их. Иными словами — венецианцы могли торговать. Могли перемещаться между Востоком и Западом. Венеция стала по преимуществу городом купцов.

Она быстро росла. Множество обитателей лагуны вскоре переселились на островки вокруг Ривоальто. К концу IX века существовало около тридцати островных приходов, ближе к 1000 году их стало более пятидесяти; результат пожара в 976 году, когда сгорели и пострадали триста домов, свидетельствует о том, что место было густо заселено. Церковные приходы, сгруппированные вокруг Ривоальто, теперь были соединены мостами или каналами. Крепостные валы были воздвигнуты, болота осушены, сточные канавы проложены, топи распаханы, земли удобрены. Несколько главных улиц, уцелевших до сих пор,

были распланированы, тротуары замощены. Были сооружены пристани, одни из них были общественными, а другие — частными. Возведенные дамбы мешали речным наносам попадать в лагуну. Было налажено паромное сообщение. Венеция превратилась в поселившееся на иле и воде характерное для города скопление людей, напряженное и мощное. Город возник в результате огромного индивидуального и общинного усилия, вызванного необходимостью и практичностью. Там всегда присутствовала цель общинного существования: желание возделать или удобрить почву, отвоевать воду, объединить и защитить общественную землю.

Венеция в IX и X веках была средневековым городом, в котором свиньи бродили по улицам, а пастбища и сады чередовались с домами и церквами. Здесь были районы с названиями На Болоте, или В Зарослях, или В Водорослях. Горожане ездили верхом по главной улице, *Merceria* (потом она станет торговой улицей), привязывали лошадей к большим старым деревьям, которые росли там, где теперь площадь Сан-Марко (или просто piazza — площадь). Плоские деревянные мосты без ступенек соединяли острова. По берегам каналов росли деревья. На

окружающих островах раскинулись луга, где паслись стада крупного рогатого скота и овец; там были виноградники и фруктовые сады, пруды и маленькие озера. На центральных островах, которые постепенно соединяли, были дворики и *calli* (узкие улочки), определившие неповторимую схему Венеции. Перед каменными домами и даже перед более бедными — деревянными с камышовыми крышами, были небольшие участки земли, которые впоследствии превратились в идущие вдоль каналов, *fondamenta* (своего рода тротуары и набережные) зрелого города.

К концу первой четверти IX века пространство вокруг того, что сейчас представляет собой площадь Святого Марка, сложилось. Там стоял Дворец дожей с большой герцогской церковью, посвященной византийскому Святому Теодору. Самые влиятельные семьи тоже строили себе здесь дома, чтобы быть ближе к средоточию власти. В результате расчистили поля, уступившие место piazza, большой пруд с рыбой засыпали — образовалась piazzetta, небольшая площадь перед Дворцом дожей. Эта дуополия сакральной и светской власти держалась здесь более тысячи лет.

Вплоть до XIII века город не назывался Венецией. Этот регион лагуны был известен как Венето

или *Venetia*. Латинское название Венеции всегда было *Venetiae*, таким образом, отмечено ее начало как объединение островов или городов. Существует девятнадцать различных названий, от *Venegia* до *Venexia*, что подтверждает множественную идентичность города. Название Венеция, *Venice*, можно интерпретировать также как слово-гибрид, в котором содержатся *Venus* и *ice* (лед).

У Венеции нет единственного или определенного начала. Города итальянского материка были основаны в доисторическую эпоху, их территория очерчивалась их кладбищами и была защищена стеной. Они росли естественным образом из традиционного центра к разрастающимся окраинам. Почитание города связано с почитанием места и почитанием умерших, преданных там земле. Самые ранние города первобытны по происхождению. У Венеции с самого начала не было периметра. Не было очертания. Она слилась в одно целое из сотни различных пунктов. Венеция в буквальном смысле не имеет корней. У нее действительно текучее основание. Она ненадежно расположена в мире. Вот почему она всегда вызывала тревогу, как у сегодняшней группы британских архитекторов «Венеция в опасности».

Венеция стремилась определить себя. Пыталась найти свои начала. Чувствовала себя обязанной открыть скрытое или обнаружить отсутствующее начало. Макиавелли писал, что «начала религий, республик или королевств должны обладать некоей добродетелью, благодаря которой они заслуживают свою начальную репутацию и начальное развитие». Эта проблема стояла перед венецианцами.

В этом смысле они не обладали добродетелью. Поэтому придумывали истории о происхождении, в каждой из которых был в какой-то мере явлен Божий промысел — к примеру, якобы исторический факт, что венецианцы были христианскими беглецами, спасавшимися от вторжения язычников. На полу собора Санта-Мария делла Салюте вырезана надпись: *Unde origo inde salus* (Откуда (Венеция) произошла, оттуда пришло спасение). Так создавались изящные и сложные легенды о возникновении города. Их не следует отвергать. Легенды представляют собой самую раннюю форму поэзии. Венеция — город легенд, в частности, религиозных потому что она всегда была городом чудес.

Жители Альтино колебались, куда бежать от язычников, пока не услышали голос с небес,

провозглашающий: «Поднимитесь на башню и взгляните на звезды». Взобравшись на башню, они увидели, что отражение звезд в воде показывает дорогу к островам лагуны. В другом варианте этой истории жителям довелось видеть, как все птицы этих мест, держа птенцов в клювах, летят к островам. Голос из светлого облака, взывающий к беглецам, плывущим на кораблях, был слышен в начале этой главы. Восемь самых ранних церквей Венеции были возведены по Божественному повелению. Святому Магнусу в видении было велено построить церковь там, где он увидит стадо овец, этим местом оказалось Кастелло. Дева Мария появлялась в сияющем облаке, возвещая возведение церкви Санта-Мария Формоза. Большая стая птиц выбрала место для церкви Сан-Рафаэль. Красное облако парило там, где затем была построена церковь Сан-Сальваторе у моста Риальто. Существовали и другие, более мирские легенды относительно того, что предками венецианцев были римляне или даже троянцы, но к ним тоже можно относиться скептически. Эти легенды, как и сама Венеция, не имеют оснований.

Город был построен на воде по небесному повелению. Само по себе чудо — строить на море.

И Венеция стала городом чудес. Это было предназначенное, ниспосланное Провидением место. В венецианских хрониках возникает великий, сияющий образ города. Венеция стала частью истории человеческого спасения. Ее Божественное происхождение подтверждается ее совершенной архитектурой, видимой миру тысячу лет, и даже ее торговым превосходством. На полотнах венецианских художников Бог-Отец и Святой Дух распоряжаются на площади Святого Марка. На мосту Риальто вырезаны фигуры архангела Гавриила и Девы Марии в момент Благовещения. Венеция идеализирована, невзирая на любые исторические факты или бесславные эпизоды.

Но настоящие начала Венеции, редкие и разбросанные, сообщают великую истину об этом городе. Они обнаруживают некоторые характеристики, или некоторые качества жизни здесь. Все сущее хочет дать форму и выражение собственной натуре; таким образом, через смутные предчувствия и слияние общинных желаний Венеция обрела форму. В мраморе таится статуя. У венецианцев не было собственной культивируемой земли, они были вынуждены зарабатывать на жизнь торговлей и промышленностью. Город, который представлял собой наполовину землю,

а наполовину воду, разработал свое смешанное устройство, в котором были уравновешены различные силы государства. Постоянной заботой всех районов общины были стабильность и преемственность. Где эти качества более необходимы, чем в изменчивом и непостоянном месте? Город, построенный изгнанниками, спустя столетия стал домом для беженцев всех мастей. Его заморские владения, его набеги на материковую Италию были обусловлены необходимостью самосохранения. Венеция всегда полагала себя городом под угрозой. Этот город возник не из союза крестьян, он был городом изначально. Венеция не была в своем младенчестве феодальным обществом. К X веку она уже была известна как *la civitas Rivoalti* (город Ривоальто).

Однако важнейшим и продолжительнейшим фактором была борьба с морем. Из нее возникла необходимость общей цели и общественных усилий. Здесь не существовало антагонизма между индивидуальным и коллективным, или скорее отдельные венецианцы в течение веков включили себя в единый организм, который, как и человеческий организм, следует рассматривать как целое. Он повинуется собственным законам роста и перемен. Он обладает внутренним дина-

мизмом. Он является чем-то большим, чем сумма его частей. Каждый аспект венецианской культуры и венецианского общества отражает целое.

Начиная с IX века в Венеции назначались трое представителей, чтобы осуществлять надзор за защитой и мелиорацией земли. В конце концов возникла бюрократия для контроля над вторжением моря. С самого начала Венеция подвергалась вторжению моря. Самая древняя защита состояла в скрепленных между собою деревянных столбах; позднее реки отводили в другое русло, а в качестве защиты от воды возводили мощные каменные стены.

Без сотрудничества соседа с соседом или общины с общиной нельзя было ни осушить землю, ни присоединить остров. Дамбы нельзя было построить, если община не руководствовалась общими интересами. Таким образом, венецианцами с самого начала владела мысль об общинной жизни. Они создали первый общественный дворец и первый городской сквер в Италии. Венеция, возможно, была первым городом в Европе, который извлек выгоду из того, что называлось градостроительством, с продуманным зонированием промышленной и хозяйственной деятельности по периферии города. Все это было частью по-

исков общего блага. Борьба против природных препятствий есть борьба за человеческую культуру и усовершенствование. Она требует огромной сплоченности и социальной дисциплины, которые лучше всего поддерживаются соблюдением религиозной обрядности. Так возникает концепция государства как Божественного замысла.

Но мы не должны забывать о характере и темпераменте ранних поселенцев. Их работа была тяжелой и непрерывной и не могла осуществляться без большой затраты энергии и оптимизма. Таковы, или такими были, отличительные качества жителей Венеции. Они гордятся, или гордились, своим городом. Это одна из черт, подмеченных путешественниками. Но природа иногда мстит тем, кто пытается обуздать ее. Часть островов лагуны поглотило подступившее море, поселения исчезли или были оставлены. Венецианцы никогда не забывали об угрозе бедствия.

Глава 2
Вода, вода кругом

До постройки железнодорожного моста в середине XIX века Венеция была маленьким островом или группой островов. Венецианцы были островитянами, со всеми преимуществами и тяготами, которые приносит этот статус. Быть островитянином — значит быть независимым, но это же означает быть одиноким. Это обеспечивает безопасность, но в то же время привлекает внимание жителей материка. Это увеличивает уязвимость даже при кажущихся благоприятными внешних обстоятельствах. Однако в качестве островного города Венеция пережила все войны и вторжения, обрушивавшиеся на Италию начиная с XI века; она с успехом сопротивлялась Папе и императору, вторжениям французов и испанцев и набегам других городов-государств Италии. Не будь она окружена водой, ее разрушили бы много столетий назад.

Но эта отдельность от материка, от Италии и мира, нанесла городу тяжелый ущерб. Хотя Венеция была частью Италии с 1866 года, Италия

по большей части игнорировала ее. Венецию так или иначе считали чуждой. Итальянцы в действительности вообще не думали о Венеции, она принадлежала какому-то другому миру — не то фантазий, не то притворства.

В венецианцах же традиция свободы и отсутствие страха перед вторжением породили некую беззаботность. Возможно, остров гарантировал горожанам их самодостаточность, но и поощрял некое замкнутое на себя или определяемое только самим собой отношение к остальному миру. До сих пор в Венеции легко стать безразличным к тому, что случается где-либо еще. Венецианцы не слишком интересовались чужими делами. Из-за удаленности и изоляции иногда возникает меланхолия. Венеция — больше не остров, но островной темперамент сохранился.

И, конечно, островитяне должны всегда наблюдать за морем. Это их контекст. Их горизонт. Где бы они были без моря? Город покоится на наносах на дне моря. Он такая же часть моря, как приливы или волны. Море между деревянными сваями, на которых он стоит. Море под ним. Венецианской атмосфере изначально присуще что-то тревожное. Соль в воздухе, туманная от испарений атмосфера. Дымка легко превращается

в морской туман. Воздух, кажется, плавится над домами. Соль и сырость оставляют серебристые следы на беленых стенах, делая их похожими на перламутровые. Летящие над городом птицы — морские чайки. А рядом в каналах плавают морские водоросли.

Таковы образы моря в Венеции. Пол базилики Святого Марка слегка волнистый, словно прихожане бредут по волнам. Мраморные плиты, которыми выложена центральная крестообразная часть этого собора в XVI веке, были известны как *il mare* (море). Мраморные колонны собора с прожилками, струйчатые, будто волны. В других церквах города можно отметить популярность «капителей с дельфинами» и мотив ракушки. Джон Рёскин описывает внушительные дома вдоль Большого канала как «морские дворцы». На картах Венеции, в частности XVII и XVIII веков, очертания города напоминают рыбу или дельфина. Острова и песчаные отмели, на которых была построена Венеция, казались первым поселенцам *dorsi* (спинами) спящих китов; один из районов Венеции до сих пор называется Дорсодуро (Крепкая спина). Наверху одной из двух царящих над piazzetta колонн Святой Теодор стоит на спине крокодила. На капителях во Дворце

дожей изображены крабы и дельфины. Кажется, никто не удивился бы, увидев левиафана, или тех, кого Герман Мелвилл в «Моби Дике» (1851) называет «странными тенями обитателей первозданных времен», вплывающих в период *acqua alta* (время высокой воды, прилива) на площадь Святого Марка, или плывущего в Большом канале огромного полипа или медузу. Это город моря.

Первое впечатление о Венеции тоже морское. Гете увидел море первый раз в жизни, когда приехал в этот город осенью 1786 года; он бросил взгляд на Адриатику из сводчатого окна колокольни на площади Святого Марка. Рёскин прибыл в Венецию лет на пятьдесят пять позже. В автобиографии он пишет, что «прежде всего увидел нос гондолы, просунувшийся в дверь отеля „Даниэли“ во время прилива, а вода у подножия лестницы была два фута глубиной». Увидеть волны Адриатического моря, плещущие в городе, увидеть, как море меняет природу каменных зданий, стоящих вокруг, — это просто волшебство. Луна правит Венецией. Город построен на океанских раковинах и океанском грунте, в нем видна вечность. Он — плывущий мир.

Море воплощает все изменчивое, непостоянное, случайное. Оно — беспокойная и своевольная

стихия. Оно возникает в бесконечных вариациях цветов и узоров на поверхности. Картины Тициана и Тинторетто показывают нам «море» света, в котором любая форма изменчива и неопределенна; венецианская школа живописи славится не столько формой или очертанием, сколько текучестью цвета, мазками краски, обладающими собственным весом и объемом. Все находится в движении. Как в венецианской живописи, так и в скульптуре чувствуется влияние моря. Мозаики по преимуществу изображают библейские легенды о море. Скажем, в базилике Святого Марка можно обнаружить «Чудесный улов рыбы», «Хождение по водам» и «Укрощение бури». Есть церкви, которые, кажется, могли бы подняться прямо из царства Нептуна. В барочном интерьере церкви Джезуити, или Санта-Марии дель Ассунты каскады серого, зеленого и белого мрамора имитируют драпировки. Но они больше напоминают волны, волны, которые катятся и падают вниз по стенам церкви, пока не застывают в момент тишины и спокойствия. Когда лучи солнца пронизывают морской мрак интерьера, кажется, что пол зеленого мрамора мог бы служить украшением какой-нибудь подводной пещеры.

Подступающее море меняет восприятие соору-

жений вдоль венецианских каналов, где здания выглядят изящнее и тоньше. Фасады церквей над поверхностью воды волнообразны, невесомы и изменчивы, словно раковины на дне водоема. Архитектура Венеции в основном горизонтальна, подобно морю. С расстояния, через лагуну, город кажется плоским, протянувшимся вдоль линии горизонта. Он постоянно в движении. Он скорее барочный и маньеристский, чем классический; он мерцает, будто на него смотришь сквозь воду, он изукрашен, словно коралловый риф.

Венецианские ремесленники славились работами по атласу, а блеск и мерцание ткани определили ее название — «мокрый шелк». Работать с шелком называлось в Венеции *dar'onda all'amuer* (создавать волны на море). Существует особый вид венецианского ризотто, более жидкого, чем где бы то ни было, которое известно как *all'onda* (с волнами). Губка, найденная в Эгейском море, называется *enetikos* (венецианская). В последнее столетие в туристских лавочках в Венеции можно купить небольшие украшения, сделанные из раковин жемчужниц, найденных на Лидо, известных как *fiori di mare* (цветы моря). Это единственные местные растения в Венеции.

Существуют и другие глубокие взаимосвязи

между местом и духом. Венецианское общество описывается как неустойчивое и непрерывно меняющееся. О венецианской политике сэр Генри Уоттон, английский посол в Венеции в начале XVII века, говорил, что она «неустойчива, как стихия, из которой возник этот город». Вот в чем причина того, почему венецианские историографы настойчиво подчеркивают целостность и стабильность своего общества. Они всегда осознают движение и неугомонность моря в венецианском государстве. В сердце Серениссимы (*La Serenissima*, Светлейшая, Сиятельнейшая — таково торжественное название Венецианской республики) таился ужас перед быстротечностью, как в венецианском моряке жил страх перед морем. Венецианская поэтесса XVI века Вероника Франко писала: «Само море томится по этому городу». Это прекрасно, пока море не подходит слишком близко.

Утверждают также, что характер венецианских жителей подобен приливу: шесть часов подъем и шесть часов падение, как говорит пословица. И правда, венецианцы часто характеризуют себя посредством идиомы: *andara alla deriva,* ее можно перевести так: плыть по течению. Изменчивость и легкость венецианского темперамента хоро-

шо известны. У венецианцев множество песен и поговорок о море. К примеру: *coltivar el mare elasser star la terra* (возделывать море и оставить в покое землю). Одно время существовало множество популярных песен, начинавшихся фразой *in mezzo al mar* (посреди моря). Посреди моря — что там? Неведомое. Страшное. Посреди моря, если верить песням, возникают странные предчувствия и пугающие видения. Из волн высовывается дымящаяся труба. Здесь же витает образ умершей возлюбленной. В песнях не воспевается ни очарование, ни горечь моря, скорее это перечисление опасностей и неожиданностей, исходящих оттуда.

В венецианском фольклоре множество легенд и суеверий, связанных с морем. Меняющийся город, который находится между морем и землей, становится прибежищем для пороговых фантазий относительно смерти и возрождения. По свидетельству английского путешественника конца XVI века Файнса Моррисона, в Венеции есть статуя Девы Марии, которой обязательно салютуют проходящие мимо корабли. Восковые свечи вокруг статуи всегда горят в благодарность Деве Марии за то, что она спасает жизни в море. Говорят, что острый нос венецианской

гондолы воспроизводит сверкающий клинок святого-воина Теодора. При приближении шторма венецианские моряки вытаскивали из ножен шпаги и клали их крест-накрест.

Море — символ непостоянства. Все появляется из воды и растворяется в ней. Она поглощает все. Не существует свидетельств о том, что венецианцы действительно любили море. Оно, по сути, было их врагом. Байрон говорил, что венецианцы не умеют плавать и одержимы страхом «перед глубокой или даже мелкой водой». Венецианцы всегда гордились тем, что господствуют над морем, но это господство было условным и довольно робким. Постоянно присутствовал страх перед наводнением. Разумеется, море было путем к богатству, но успехи в торговле зависели от милости стихии.

Море воплощало зло и хаос. Оно было жестоким и сеющим распри. Ужас перед полным затоплением тоже был частью дурных предчувствий относительно Божественного гнева. Поэтому существовали церемонии, предназначенные для того, чтобы умилостивить бога или богов воды. Они могли быть номинально посвящены христианскому Богу, но в венецианском государстве всегда оставался благоговейный страх более ран-

них верований.

Город охраняют воды. Во Дворце дожей место для *Magistrato alle Acque* (Магистрата по водным делам, или Властителя вод) украшает надпись: «Город Венеция благодаря Божественному промыслу был воздвигнут на воде, окружен водой, и крепостные стены его — вода. Таким образом, кто бы ни осмелился каким-либо образом нанести вред этим водам, должен быть осужден как враг страны…» Надпись заканчивается утверждением, что «этот закон считается вечным».

Каждую весну, в праздник Вознесения, совершался ритуал, ставший известным как бракосочетание с морем, супругом был дож Венеции, который брал в жены эти бурные воды. После мессы в соборе Святого Марка дож и его свита плыли на *Bucintoro* (церемониальной галере дожа) в сопровождении знати и глав гильдий города. Дож останавливался у той части Лидо, где воды Адриатики смешиваются с водами лагуны. Патриарх Венеции выливал большую бутыль святой воды в смешивающиеся течения. Воды земли и воды духа становились нераздельны. *Bucintoro* описана Гете как «истинная дароносица», — вместилище, где хранятся Святые Дары. Так корабль становится несущим благословение

святым Граалем на водах, участвующим в животворном ритуале.

Стоя на носу судна, дож берет обручальное золотое кольцо и бросает в воду со словами: «Мы берем тебя в жены, о море, в знак истинного и вечного господства». Но какое истинное господство могло быть в таком союзе? Один из символов кольца — плодовитость, поэтому этот праздник можно толковать как одну из старейших церемоний. Он мог также быть актом мольбы, задуманным, чтобы умиротворить море, угрожающее, таящее в себе штормы. Он мог быть и морским вариантом камлания, поскольку издавна существует традиция бросать кольца в море, чтобы предсказать будущее. Все эти значения соединяются в старинном ритуале союза с морем, который происходит весной в том месте, где «внутри» и «снаружи» сливаются. Как свидетельствуют более поздние данные, одним из наказаний за ересь была смерть через утопление, когда приговоренного бросали в море и предавали смерти в воде. Морскую казнь можно, в свою очередь, рассматривать как жертвоприношение морским богам.

Вскоре после одной из церемоний в праздник Вознесения в 1622 году в Венеции произошло сильное землетрясение. Как только дож и его

свита вернулись из торжественной поездки, из-под земли раздался шум, похожий на гром, не прекращавшийся в течение нескольких секунд. Все кругом затряслось, но ничего, кроме одной трубы, не упало. В лагуне случались и другие землетрясения. Это во всех смыслах неустойчивая область. Во время землетрясения 1084 года упала колокольня Сан-Анжело. К концу XII века случились одновременные сдвиги на площади Святого Марка и на острове Торчелло, свидетельствующие о том, что между ними проходит разлом. Сильное землетрясение произошло на Рождество в 1223 году, а в 1283-м за землетрясением последовало мощное наводнение. 25 января 1384 года очередное землетрясение заставило звонить все церковные колокола Венеции; на следующий день за ним последовало еще одно, и так повторялось с перерывами в течение двух недель. Большой канал был пуст, а улицы полны воды.

Погода в Венеции морская; воздух влажен и пропитан солью, что благоприятствует образованию тумана или дымки. Ровный климат отчасти объясняется положением Венеции. Аверроэс, философ XII века, был первым, кто рассчитал, что Венеция находится на широте сорока пяти градусов в средней точке между экватором и

Северным полюсом. Это еще один пример необычайно уравновешенного положения Венеции среди географических областей мира. Климат мягкий, напоминающий Северную Италию, поскольку Венеция окружена морем. Весна мягкая и прохладная, сильный ветер дует с Адриатики. Лето бывает знойным и тягостным, но как только солнце скроется за горами Фриули, воздух становится прохладнее, благодаря дующим с моря бризам. Осень — вот время года, когда Венеция проявляет себя в полной мере. Осенний воздух — воздух меланхолии и прощания. Венецианские живописцы, Витторе Карпаччо и Джованни Беллини, заливали свои полотна лучезарным осенним светом.

Здесь, особенно осенью, возможен дождь. В воздухе появляется приглушенный серый цвет, а небо приобретает жемчужный оттенок. Дождь может быть моросящим или проливным. Никакие меры защиты от него не спасают, промокаешь насквозь. Дождь ослепляет. Реки выходят из берегов, а поднявшиеся вокруг Венеции воды становятся нефритово-зелеными. Лучшее описание венецианского дождя можно найти в романе Генри Джеймса «Крылья голубки» (1902), где он пишет о «Венеции с холодным хлещущим

дождем с низкого черного неба, злым ветром, неистовствующим в узких улочках, с тем, что все приостановилось и замерло, с людьми, участвующими в этой водяной жизни, столпившимися, в затруднительном положении, без зарплаты…» Город воды блокирован водой, словно природные стихии мстят лишенному природы городу.

«Злой ветер» может прийти из нескольких точек. Восточный ветер дует с моря, освежая в теплые месяцы, но в холодное время года становясь более жестоким. *Bora* (ветер с северо-востока) приносит холодный воздух — из северного региона Адриатики. Со стороны лагуны приходит влажный ветер, известный как *salso* (соленый) из-за содержания в нем соли. Говорят, он пахнет водорослями окружающих вод. Соль и влажность пропитывают дома Венеции, краска отслаивается, куски штукатурки отваливаются от стен. Кирпичи трескаются и в конце концов крошатся.

Бывают порывы ветра, которые очень быстро стихают, и вихри или смерчи. Сэр Генри Уоттон пишет о «вспыхивающем ветре». Все это в природе моря. Есть еще *garbin* (юго-западный ветер). Может быть, именно об этом ветре писал Святой Бернардино из Сиены в 1427 году, когда спрашивал своего корреспондента: «Вы были

когда-нибудь в Венеции? Иногда вечером над поверхностью волн начинает дуть слабый ветер и звучит над ними, и это называется голосом вод. Но означает это милость Господа и дыхание Его». Даже погода в Венеции почиталась священной.

Самый известный ветер — *scirocco* (сирокко, теплый ветер), который дует с юго-востока, он может дуть три-четыре дня. Существует *scirocco di levante* (восточный сирокко, жаркий сирокко) и *scirocco di ponente* (западный сирокко, прохладный сирокко); существует даже ветер, который носит название *scirocchetto* (слабый сирокко). Сирокко полагают виновником склонности венецианцев к сладострастию и лености. Его воздействием объясняют пассивность и даже изнеженность жителей города в лагуне. Почему бы людям не формироваться под влиянием климата в такой же степени, как под влиянием истории и традиций? Погода снаружи может определять или не определять погоду внутреннюю.

Несколько недель зимы могут выдаться суровыми и служить действенным напоминанием об Альпах и северных снегах. Наиболее частые жалобы на погоду — сетования на страшный холод. Зимой 1607/1608 года те, кто охотился на птиц в лагуне, могли замерзнуть насмерть, есть

несколько сообщений о путешественниках, которых окружали и загрызали стаи оголодавших волков. В начале XVIII века настал Год льда, тогда провизию в замерзший город привозили на санях. Бывают зимы, когда лагуна замерзает и венецианцы могут пешком дойти до материка. В 1788 году в Бачино, мелкой бухте перед piazzetta, жгли большие костры; на льду поставили киоски и прилавки, это был венецианский эквивалент лондонской *Frost Fair* (Зимней ярмарки). В 1863 году в течение месяца с приливом вверх и вниз по Большому каналу плавали льдины. Тогда Венеция была в полной мере замороженным миром, лед покрывал не только воду, но дома и дворцы. Венецианские дома не рассчитаны на холод, большие окна и каменные полы во время метелей делали жизнь в них невыносимой. Но есть все же что-то непередаваемо восхитительное в заснеженной Венеции, белизна превращает ее в зачарованное царство. То, что было текучим, становится хрусталем; тихий город под снежным покрывалом оказывается совершенно безмолвным.

Но зимой бывают недели, когда идет не совсем снег и не совсем дождь. Это дни и недели тумана. Радужная дымка или мгла окружена сотнями ту-

манов, наползающих с моря. Серый истрийский камень становится форпостом тумана, осязаемым часовым тумана, соткавшимся из мрака. Как у эскимосов существует множество слов для обозначения льда, так у венецианцев — множество имен для тумана: *nebbia, nebbietta, foschia, caligo*. Когда оказываешься окруженным *nebbia*, создается впечатление, что на землю и воду опустились тяжелые дождевые тучи. Ничего не видишь и не слышишь. Иногда туман окутывает весь город, так что слышны только звон колоколов и приглушенные звуки шагов; сев на *vaporetto* (водный трамвайчик), который идет вдоль города, исчезаешь за белой завесой, едва отъехав от берега; все, что остается от Венеции, — фонарные столбы. Город возникнет снова, только когда прибудешь на следующую остановку.

Существуют предвестники наводнения. Воздух становится тяжелым и неподвижным, слышен шум волн, разбивающихся о берег Лидо. Вода в каналах тяжело колышется, становится зеленее из-за морского прилива. Ветер несет прилив вперед. Вода поднимается до краев *fondamenta* и, что более тревожно, начинает снизу заливать город. Она льется потоком через водоотводы, проступает сквозь булыжники, просачивается сквозь

грунт, поднимаясь все выше и выше; она омывает ступени церквей. Город отдан на милость волн, которые, кажется, сам и произвел. Когда звучат сирены, Венеция готовится к очередному приливу.

Acqua alta, заливающая *fondamenta* и *campi* , превращающая площадь Святого Марка в озеро, затекающая в дома и гостиницы, не редкость для города. Один из историков описывает великое наводнение 589 года, хотя, несомненно, их и раньше было немало. Но они были настолько обычны, что заслуживали лишь упоминания вскользь. Сильные наводнения отмечены в 782-м и в 885 году, тогда вода заливала весь город. С тех пор они случались не раз. В 1250 году вода поднималась равномерно в течение четырех часов и, по свидетельству современника, «многие утонули в своих домах или умерли от холода». Существовало поверье, что наводнения вызывают демоны и злые духи, а единственная защита от них — обращение к святым, охраняющим Венецию. В более позднее время обращений к сверхъестественным помощникам было меньше. В 1732 году мостовую piazzetta, обращенную к лагуне, подняли на треть метра, исходя из расчета, что море в Венеции поднимается на семьдесят шесть миллиметров

каждое столетие. Это была недооценка.

Acqua alta — часть природного цикла, случающаяся, когда ветер, прибой и течение сходятся в одной точке. Заключая Венецию в роковые объятия, бора и сирокко могут вызвать штормовые волны в море. Это также феномен *сейшей* (стоячих волн) в относительно неглубоких водах Адриатики. Венеция погружается, кроме прочего, из-за потребления предприятиями воды из артезианских колодцев. Когда воду берут из наносов и глины, уровень грунтовых вод опускается — и вместе с ним Венеция. Углубление фарватеров в лагуне и мелиорация болот тоже усилили опасность затопления.

В каждом столетии случалось по несколько наводнений, но в последние годы они стали чаще и мощнее. В 1920-х их было триста восемьдесят пять; в 1990-х — две тысячи четыреста шестьдесят четыре. В ноябре 1966-го наводнение достигло почти двухметровой отметки. Сирокко дул два дня, запирая темную грязную воду в лагуне. Тогда многие решили, что настало время гибели Венеции.

Когда идет дождь, вода накапливается в каменных желобах церквей и домов, бежит по трубам, по водоводам, пока не достигнет подземных

водоемов под каждым *campo*. Здесь вода фильтруется сквозь массу песка, прежде чем попасть в колодезную шахту. Она пресная и чистая. *Pozzi* (колодцы) были повсеместно. В середине XIX века в городе оставалось шесть тысяч семьсот восемьдесят два колодца, византийских или готических по конструкции.

В XV веке был затоплен огромный колодец в середине площади Святого Марка. Две обширные общедоступные цистерны были сооружены во внутреннем дворе Дворца дожей, и оттуда *bigolanti* (водоносы) разносили свой драгоценный груз. Это были крестьянки из Фриули в ярких юбках, белых чулках и соломенных или фетровых шляпах; они ходили по Венеции с медными ведерками, выкрикивая: *Acqua — acqua fresca!* (Вода — свежая вода!) Это был печальный, хотя и мелодичный, клич.

Для города, построенного на воде, вода сама по себе священна. Это то, что в Евангелии от Иоанна названо живой водой. Навесы над колодцами были богато декорированы в знак важности содержимого. Их украшали фрагменты алтарей, религиозные скульптуры, камни старинных храмов как символ духовного присутствия. Византийские навесы над колодцами

были украшены скульптурными изображениями религиозных символов, включая крест и пальмовое дерево, они представляли собой мраморные цилиндры, какие можно было встретить в любом восточном городе. На готических навесах над колодцами, напоминавших капители больших колонн, были изображения — и натуралистические, и гротескные.

Имеются сообщения о чудесах, происходивших с помощью колодцев или рядом с ними. Во время чумы 1464 года некоего монаха спасла от смерти кружка воды из находившегося поблизости колодца, которую подал ему всадник. Всадник впоследствии был опознан как Святой Себастьян. С тех пор этот колодец стал известен как колодец Святого Себастьяна.

Но колодцы зачастую пересыхали. Венеция, стоящая на воде, время от времени нуждалась в воде. После штормов в колодцы проникала соленая вода. В этом случае к рекам Боттенига и Брента посылали корабли, чтобы привезти запас пресной воды. К концу XIX века на материке для обеспечения города питьевой водой были выкопаны артезианские колодцы.

Вода была сутью жизни, колодец служил основой заведенного социального порядка в приходе.

Железная крышка, закрывавшая отверстие каждого колодца, открывалась в восемь утра, поэтому у колодца в течение всего дня толпились люди. Этот сюжет на фотографиях старой Венеции встречается наиболее часто. Колодец определял дружеские отношения и интенсивность общения в приходе. Вода всегда оказывается великим объединителем и уравнителем, и во многих отношениях Венеция считалась эгалитарным городом. Колодец был символом общественной пользы, зримым символом мудрого управления городом.

Но, разумеется, вода является жизнью и дыханием венецианской жизни и в совершенно ином смысле. Венеция наполнена водой, как тело страдающего водянкой, все ее части взаимопроницаемы. Вода — единственный путь для общественного транспорта. Это чудо текучей жизни. Все в Венеции следует рассматривать в отношении к ее водяной форме. Вода проникает в жизнь людей. Они «текучи», кажется, что они противятся ясности и точности. Когда наиболее богатые венецианцы строили виллы на материке, то всегда выбирали места как можно ближе к реке Бренте. Венецианский живописец Тинторетто любил писать текущую и льющуюся

потоком воду, это в какой-то мере отражало его дух. В работах Джорджоне и его школы постоянно встречаются колодцы, пруды и озера, свежая и бегущая вода. В мифах и фольклоре вода всегда ассоциируется с глазами и с лечением глаз. Разве удивительно в таком случае, что Венеция — самый привлекательный для глаза город мира?

Постоянное присутствие воды порождает и беспокойство. Вода тревожит. На прогулках следует быть осторожным и внимательным. Все непрестанно меняется. Зачастую черная или кажущаяся клейкой темно-зеленая вода выглядит холодной. Ее нельзя пить. Она бесформенна. У нее есть глубина, но нет объема. Как утверждает венецианская поговорка, «на воде нет пятен». Вода из-за бесформенности служит метафорой человеческого подсознания. Карл Юнг в эссе «Видения Зосимы» (1945–1954) говорит, что дух спрятан в воде, как рыба. Венецию часто изображают в виде рыбы. Эта дивная вода, настоянная на духе, представляет собой круговорот рождений и смертей. Но если вода — образ подсознательной жизни, то она дает убежище странным видениям и желаниям. Близкий контакт Венеции с водой потворствует сексуальным желаниям; говорят, вода расслабляет мышцы, так как человек пере-

нимает ее повадку, и разжижает кровь.

Но Венеция, кажется, застыла в раздумье над своим отражением в воде. Она всматривается в него в течение многих столетий. Поэтому постоянно возникает ассоциация между Венецией и зеркалом. Это первый город, который стал производить зеркала в промышленном масштабе, к XVII веку венецианцы изготовляли самые большие зеркала в мире. Зеркальное стекло было создано в конце XV века. Два величайших венецианских художника, Джованни Беллини и Тициан, изобразили молодых женщин, разглядывающих себя в зеркале. В обоих случаях одно зеркало висит позади головы, а другое поднесено к лицу. Обе картины датируются 1515 годом, всего семь лет назад правительство Венеции получило лицензию на изготовление зеркал на острове Мурано. Эти художники рекламировали венецианские товары широкого потребления или скорее разделяли характерную для венецианцев приверженность к предметам роскоши. Но в то же время они средствами живописи показывали контраст между истинной и зеркальной поверхностью, двойственность, которую в окружавшем их мире они вполне осознавали. Молодая женщина могла быть самой Венецией, задумчиво

разглядывающей собственное отражение.

Образ в зеркале может в каком-то смысле служить гарантией подлинности и целостности. Корень нарциссизма кроется в страхе фрагментации, который можно успокоить видом отражения. Дева Мария в «Книге Мудрости» прославляется как «незамутненное зеркало Бога»; а Венеция всегда ассоциировала себя с Мадонной. Но, разумеется, изображение в зеркале это фальшивое «я»; оно статичное, отвлеченное, неуловимое. Считается, что венецианцы всегда осознают собственное отражение. Они всегда умели показать себя и устроить маскарад. Они всегда играли роль. Одним из любимых развлечений венецианской публики в XVIII веке было рассматривать друг друга в театральные бинокли.

В этом городе царит двойственность, и, возможно, потому там процветают двуличность и двойные стандарты. Путешествуя по недавно построенной железной дороге, Рихард Вагнер намеревался «поглядеть вниз с дамбы на отражение Венеции, поднимающееся из воды внизу», но его спутник «вдруг уронил шляпу, когда в восторге высунулся из окна вагона». Отражение вызывает восторг, потому что кажется таким же

реальным и живым, как то, что отражается. Когда смотришь вниз, на воду, у Венеции, кажется, нет иного фундамента, чем отражение. Видно только отражение. Венеция и отражение Венеции нераздельны.

На самом деле это два города, и каждый существует лишь тогда, когда на него смотрят.

Глава 3
Зеркало, зеркало

Для Венеции характерна неизменная приверженность внешней стороне вещей. Слова о том, что в городе лишь фасады домов заслуживают украшения или отделки, стали общим местом. Бóльшая часть готических фасадов представляет собой именно ширму, не имеющую отношения к внутреннему устройству зданий. Это одна из самых странных особенностей города, в некоторых отношениях напоминающего декоративную ракушку. Богатые штукатурные и лепные работы могут скрывать разрушающуюся кирпичную кладку. Рёскин рассуждает о «двуличности» собора Святого Марка, где внутренняя и наружная отделка совершенно разные. Город выстроен из кирпича, но замаскирован мрамором.

Совершенно не имеет значения, что за великолепными фасадами венецианские дома зачастую холодные, грязные и неудобные. Подобным образом у владельцев домов показная расточительность сочетается со скупостью и мелочностью при ведении домашнего хозяй-

ства. Таковы были привычки венецианцев. К примеру, не принято было приглашать гостя в дом, внутреннее пространство ограничивалось родственниками и самыми близкими друзьями. В XVIII веке английский поэт Томас Грей заметил, что в домашней жизни венецианцы «экономны до неприличия».

Честь и доброе имя в венецианском обществе были столь же важны, как и в любом другом, но мерилом чести было то, что называлось *bella figura*; так сказать, искусство соблюдать внешние приличия. Одним из важных двигателей венецианской жизни была — и до сих пор остается — боязнь критики. Все должно делаться по правилам, в соответствии с установленными образцами. Эти образцы могут скрывать должностные преступления и коррупцию, но важно, что они неизменны. Это напоминает фасад-ширму венецианского дома.

Двойные императивы видимости и зрелища, замысла и выставления напоказ пронизывают любой уровень и любой аспект венецианского общества. Рассказ XVI века об обанкротившемся банкире из Риальто мимоходом объясняет, что «этот рынок и город Венеция по природе очень склонны прельщаться видимостью и доверять

ей». Венецианские живописцы смакуют роскошную внешнюю сторону мира. Архитектуру Венеции отличают уловки и показная роскошь, подобно театральным декорациям. Венецианская музыка всегда была сосредоточена скорее на внешних эффектах, чем на внутренней логике. Литература Венеции была ораторской по своей природе — и в театре, и в народной песне. Ни один другой город-государство в Италии не был так сосредоточен на проблемах риторики и стиля. Характерно, что венецианские потолки — фальшивые, подвешенные где-то под балками. В XVIII веке выставление напоказ, зрелище сделались способом маскировки разложения и провала политического курса. Этот неизменный характерный признак помогает понять сущность города и его жителей.

Современная реставрация многих венецианских зданий — свидетельство неблагополучия, создание в большей степени видимости, чем реальности. В пристрастии к видимости реставраторы создали нереальный город, имеющий весьма слабое отношение к своему прошлому и к своему настоящему. Архитекторы и дизайнеры сосредоточены на том, чтобы повторить эстетические очертания города, но они скорее

воображаемые, чем реальные, результат ностальгии и стремления выдать желаемое за действительное. На практике они переделали или модифицировали архитектурный язык прошлого, чтобы он подходил к их собственному заранее составленному мнению относительно того, как в действительности должна выглядеть Венеция. Желобки и кирпичная облицовка были удалены, горизонтальные линии выпрямлены и подчеркнуты, окна изменены, чтобы соответствовать сооружению, балконы сужены ради всеобщей гармонии, мансарды убраны, а барочные детали заменены готическими. По каким-то причинам яркие оттенки красного и желтого стали встречаться в городе там, где их раньше не было. Такой стиль известен как *ripristino* (создание подделок).

Вот характеристика общего недуга современной Венеции, впервые высказанная немецким социологом Георгом Зиммелем в начале XX века. Он отмечал, что город представляет собой «трагедию поверхности, оставшейся без основания». Это не делает Венецию поверхностной. Напротив. Внимание к поверхности без глубины создает тайну и непостижимость.

Столетиями Венеция была известна про-

изводством стекла, теперь доминирующей промышленностью на острове Мурано. В чем привлекательность стекла для морского города? Стекло — материальное море. Море, ставшее твердым, его прозрачность схвачена и обездвижена. Как будто набираете в ладони море и превращаете в парчу. Венеция подходящее место для этого. Писатель Георгиус Агрикола написал в XVI веке об изготовлении стекла в Венеции, что стекло образуется из «легкоплавких камней» и «затвердевших соков» — подходящая метафора положения Венеции между водой и камнем. Песок становится прозрачным. Песок не венецианский, его привозили из Сирии, а потом из Фонтенбло во Франции. Венецианские стекольщики были самыми умелыми в мире.

Стеклодувы работали в лагуне со времен римлян. В Венеции найдено стекло, относящееся к IV–VII векам, а обнаруженная на Торчелло печь VII–VIII веков свидетельствует об условиях производства, характерных для римлян. В народной традиции всегда утверждалась непрерывность производства стекла на островах, и действительно опыт и навыки передавались там из поколения в поколение. Но большая часть знаний почерпнута стеклодувами из византийских

и исламских источников. Это еще один пример равновесия, которое поддерживала Венеция между двумя мирами.

В документе 982 года впервые назван по имени один из стеклодувов, некий Доменико. Венецианская гильдия стеклодувов образовалась в XIII веке. В том же веке из страха перед пожарами мануфактуры по производству стекла были перенесены на остров Мурано. Там они расцвели. Однако в каком-то смысле стеклодувы были узниками государства. Они не могли перемещаться ни в какую другую часть Италии. Раскрыть какой-либо секрет венецианского производства стекла значило навлечь на себя смерть. Любого работника, бежавшего на материк, выслеживали и при возможности насильно возвращали. Так подчеркивалось значение этого ремесла для венецианской экономики, а, может быть, и нечто большее. Изготовление стекла было жизненно важно для экономических успехов города.

Было бы абсурдным предполагать, что рабочие на Мурано считали себя притесняемыми или вынужденными работать в атмосфере страха, однако угроза государственного наказания красноречиво свидетельствовала о постоянном присутствии государства во всех аспектах ве-

нецианской жизни. Это общество ни в каком смысле не было свободным. Оно было островным и потому закрытым.

Венецианские стеклодувы производили кубки и кувшины для умывания, бутыли и фляги, бусины и чаши, лампы и оконные стекла, кувшины и линзы, а также целый ряд декоративных предметов из *cristallo*, поддающейся обработке разновидности стекла, обладающего прозрачностью и блеском горного хрусталя. Мастера могли изготовить настолько тонкое стекло, что, как говорили, оно разлеталось на куски при соприкосновении с ядом. Рабочие Мурано создавали стекло молочного цвета, имитирующее структуру льда, стекло с вкраплениями кристаллов меди. Разновидности стекла напоминали мрамор, металл или фарфор. Начиная с XV века венецианское стекло становилось все более искусным и украшенным. В тот период, когда Венеция сделалась поставщиком роскоши любого вида, оно приобрело статус роскоши. Изготовленные предметы становились все бесполезнее и дороже. В 1500 году один из современников писал о производстве муранского стекла: «Не существует драгоценного камня, которого не могло бы имитировать производство стекольщиков в

прекрасном состязании человека с природой».

Венеция уже была втянута в это состязание, прекрасное или напротив, много веков назад. Вот еще одна причина ее замечательной приспособленности к такому ремеслу. Английский писатель и путешественник Джеймс Хауэлл в середине XVII века поражался, как огонь печи может «превратить маленькую кучку темной пыли и песка в такое драгоценное чистое вещество, как хрусталь». Но разве Венеция не проделала подобное превращение с самой собой, разве она не возникла из темной пыли и песка своих начал? Из этой пыли и песка появился хрустальный город. Мосты, церкви и дома поднимались и становились все просторнее. Приезжая в Мурано посмотреть на искусную работу стеклодувов со шпателем и пинцетами, путешественники постигали природу и становление этого прозрачного города.

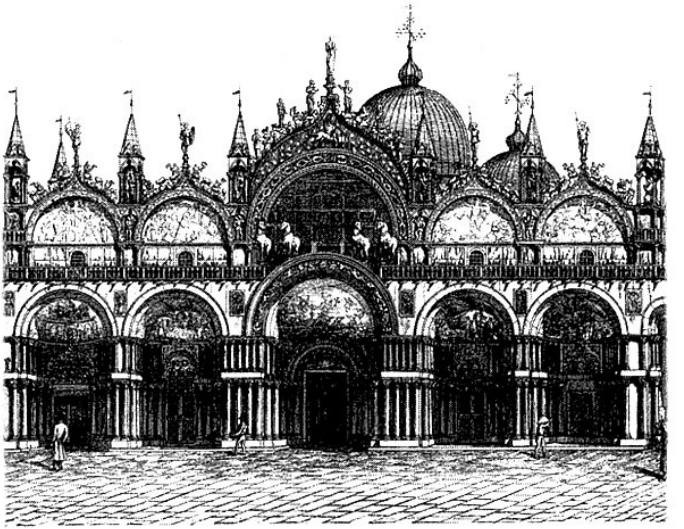
Часто говорят, что лагуна напоминает расплавленное стекло. В самом деле, стекло стало метафорой самой Венеции. Существовала поговорка: «Первая красивая женщина, которая когда-либо была создана, была из венецианского стекла».

Стекло прозрачно, невесомо, оно проницаемо,

оно проводит цвет и свет. У стекла нет объема, оно все — поверхность, идущая рябью или волнами, где внутреннее и внешнее — одно и то же.

Венецианские живописцы учились у сограждан, работавших у печей. Они учились смешивать цвета, создавать ощущение текучих, расплавленных форм. Живописцы буквально заимствовали материал у мастеров стекольных дел. Они смешивали крохотные кусочки стекла со своими красящими пигментами, чтобы передать мерцание и прозрачность, которые видели в окружающем мире. Стекло светится, оно покрыто пятнышками пены, покрыто рябью и волнами, оно обладает огромным прозрачным спокойствием, в нем есть более темные прожилки, оно текуче. Стало быть — стекло, как и Венеция, родом из моря.

II
Город Святого Марка



Глава 4
Пришествие святого

В ранней истории Венеции произошло очень важное событие. В 828 году туда привезли то, что считается мощами великого евангелиста, самого Святого Марка, и это полностью изменило характер и статус города. Рассказ об этом в основе своей оставался неизменным в течение веков.

Речь идет о венецианских купцах — представителях класса, который с самого начала играл ведущую роль во всех делах венецианского государства. Буоно с Маламокко и Рустико с Торчелло поехали по торговым делам в порт Александрию. В чужой земле они разговорились со священниками церкви Святого Марка, отвечавшими за сохранность мощей святого мученика, помещенных в древний саркофаг. Священники сетовали на гонения, которые католикам приходилось терпеть от сарацин, и опасались, что их прекрасную церковь могут ограбить и даже разрушить. Венецианцы выслушали их с большим сочувствием. А затем предложили священникам вернуться вместе с ними в Венецию. По словам

купцов, священники могли бы взять с собой мощи Святого Марка, и это пошло бы в счет платы за путешествие. Несмотря на некоторые опасения, священники согласились.

Сняв шелковый покров, мощи Святого Марка вынули из саркофага, заменили другими, менее известного святого. Потом мощи Святого Марка поместили в сундук, спрятав под слоем свинины и капусты, и пронесли на борт венецианского корабля. Мусульманские чиновники, захотевшие осмотреть сундук, увидев свинину, закричали: *Kanzir! Kanzir!* (Ужас! Ужас!) и прекратили досмотр. А после выхода из порта мощи, для безопасности, завернули в парус и подвесили к нок-рее. Когда же корабль вышел в открытое море, священный груз в окружении свечей и кадил положили на палубе.

Таким образом евангелист был благополучно перевезен в Венецию, но еще во время путешествия по Средиземному морю совершил ряд чудес.

Все благоприятствовало его прибытию. Таинственным образом Марк дал знать своим хранителям, что хочет, чтобы его отнесли во Дворец дожей, а не в кафедральный собор, возводившийся на Оливоло. Мощи поместили в

пиршественном зале.

На том месте, где сейчас находится базилика Святого Марка, была построена часовня. Ее воздвигли на месте фруктового сада.

Приверженность Святому Марку вскоре превзошла приверженность предыдущему святому, Теодору, и в его честь была построена огромная базилика. Дворец дожей нуждался в святыне, чтобы укрепить собственную легитимность, и, как можно предположить, святыня нуждалась во дворце, альянс между ними мгновенно повышал и статус дожа, и силу общины. Если находился кто-то настолько безрассудный, чтобы усомниться в рассказе о Божественном трофее, согласно позднейшему венецианскому историку, нужно было «дать ему приехать в Венецию и увидеть прекрасную церковь монсиньора Сан-Марко, и посмотреть на фасад этой прекрасной церкви», на мозаики, правдиво изображающие всю эту историю. Возможно, такое свидетельство нельзя представить суду, но оно в достаточной мере доказательно для благочестивых верующих. Мозаики — лишь самый явный пример культа Святого Марка. На большой арке, над правыми хорами базилики, можно найти сцену погрузки мощей Марка, там же корабль, плывущий в Ве-

нецию, там же сцена встречи мощей в городе.

Мозаики конца XII века светятся благодаря тому, что изготовлены согласно византийской традиции. Мозаика — это филигрань на серебряной поверхности Венеции.

С самого начала культ Святого Марка был столько же светским, сколько религиозным. Он сделался иконой и эмблемой Венеции (вместе с крылатым львом — символом евангелиста Марка), но всегда ассоциировался скорее с дожем, чем с епископом. Явное похищение мощей не представляло собой проблемы. Вскоре возникла легенда, что Марк, прежде чем сделаться епископом Александрии, был епископом Аквилеи, города, расположенного к северу от лагуны. В любом случае факт, что перемещение было совершено с благословения самого Марка, доказывал милость последнего. Желание Господа исполнилось. Иначе похищение не было бы успешным. Это один из тех нуждающихся в доказательстве доводов, которые так трудно опровергнуть.

В XIII веке был добавлен другой пласт этой истории. Утверждали, что Святой Марк однажды искал убежища от бури и чудесным образом укрылся на острове Риальто. Здесь, на месте будущей Венеции, ему явился ангел и провозгласил:

Pax tibi, Marce. Hic requiescat corpus tuum. (Мир тебе, Марк. Твое тело когда-нибудь упокоится здесь.) Разумеется, ни одного исторического свидетельства о том, что евангелист когда-либо посещал лагуну, не существует.

В любом случае, первоначальный вариант легенды вызывает много вопросов, не в последнюю очередь относительно фантастической цепи событий, которая привела к *translatio* (переносу) Марка. Что это своего рода похищение, кажется несомненным. Что святые мощи нашли приют в Венеции, тоже несомненно. Они могли быть или не быть мощами Святого Марка. Это могли быть любые древние мощи, окутанные благочестивым обманом не хуже любого иного покрова. Похоже, на деле купцы были посланы в Александрию дожем именно с заданием заполучить мощи. Их перемещение в Венецию должно было поднять как священную власть дожа, так и значение Венеции. Венеция и Марк могли соперничать с Римом и Петром. Интересно, что Марк в свое время был секретарем Петра, и Петр ссорился с Марком из-за его непослушания и недостаточного благочестия; те же обвинения выдвигались против Венеции некоторыми Папами. Со времени *translatio*у Венеции начались самые сложные отношения с

Римом, никогда не уступавшим в религиозных делах первенства Понтифика.

Из этого *translatio* вытекало еще множество последствий. Присутствие святого, как считалось, защищало Венецию от нападения или блокады и, таким образом, поддерживало веру в провозглашенную ею собственную неуязвимость. Венеция прожила, невредимая, до времен Наполеона. Благословение святого должно было также объединить острова лагуны под властью Венеции, и эта политическая и социальная перемена действительно произошла в течение двух или трех веков. Ходили слухи, что голова евангелиста осталась в Александрии, но венецианцы настаивали на целостности мощей. Целостность мощей служила также отражением аналогичной природной взаимозависимости островов лагуны.

Было важно и то, что святой прибыл по морю. Море стало настоящей стихией Венеции, и не было лучшего способа освятить его, чем представить сверкающим путем Божественного покровителя. На мозаиках базилики подчеркнут образ корабля на волнах. В более поздней легенде трое святых — Марк, Георгий и Николай, — взяв у рыбаков лодку, утихомиривают затеянный демонами шторм в лагуне. Сходя с лодки, Марк дарит рыба-

ку золотое кольцо, которое тот, в свою очередь, передает дожу. Власть над морем передается от святого к рыбаку, а потом к вождю. Это один из основополагающих мифов о Венеции, связанный с постоянной борьбой города с водой.

Здесь есть и связь с вопросом свободной торговли, от которой зависела Венеция. Во времена переноса мощей Марка на торговлю христиан и сарацин было наложено эмбарго византийского императора. Но вопреки запрету два купца перевезли священный груз из Александрии, возможно, тем самым расчистив путь для менее драгоценных грузов — товаров широкого потребления. Это было выпадом против императора и хорошим предзнаменованием для купцов. Если не можешь заниматься сельским хозяйством, как говорили венецианцы Папе, который выражал недовольство тем, что они торгуют с неверными, тебе остается ловить рыбу. И святых. Говорили, что когда в Александрии открыли саркофаг, город наполнился восхитительным ароматом, похожим на аромат «сладких пряностей». А венецианские торговцы славились торговлей пряностями.

Мощи были залогом независимости Венеции. Прежний хранитель города, Святой Теодор, был

явно византийского происхождения. Заменив Теодора Марком, Венеция обеспечила себе контроль над собственной судьбой. Святой Марк стал синонимом Венеции. Кажется, что половина венецианцев до сих пор получает при крещении имя Марко. Красный флаг Святого Марка стал венецианским штандартом. Крылатый лев везде. Удивительные, если не чудесные, события 828 года гарантировали сущностную и окончательную автономию Венеции.

В 976 году в Венеции в ходе восстания против правящего дожа произошел большой пожар. Собор Святого Марка уничтожил огонь. Можно было бы предположить, что мощи тоже погибли в огне. На самом деле они, по всей вероятности, были «утеряны» до 1094 года, когда по странной случайности часть колонны упала, открыв останки евангелиста. Было действительно чудом, что они уцелели при сильном пожаре. Вопреки всему — святой остается с нами. До самых последних лет сообщается, что его останки лежат под высоким алтарем Святого Марка. Летом 1968 Папа Павел VI вручил некий фрагмент мощей евангелиста делегации иерархов Коптской церкви, но утверждал, что остальное по-прежнему в Венеции. Большой палец Святого Марка, как и

золотое кольцо, которое он дал рыбаку, до сих пор хранятся в сокровищнице базилики. Древние кости продолжают жить в воображении людей.

Существует еще одно напоминание об этом святом, встречающееся по всему городу. Лев Святого Марка — эмблема Венеции; его можно встретить в виде барельефа или статуи, каменного и бронзового. Львов можно обнаружить на Дворце дожей и на часовне дожа, львы стоят перед венецианской верфью, они охраняют дворцы и общественные места. Каждое общественное здание Венеции когда-то несло на себе изображение этого зверя. Крылатый лев стоит на колонне у гавани. Лев был символом — религиозным и политическим. Лев означает власть и патернализм. Он также символ справедливости. Эти ассоциации связаны между собой.

Религиозные коннотации льва как спутника евангелиста ясны. Но лев может быть и жестоким. Он может быть агрессивным. Это способ символизировать мощь Венеции, если ее рассердят. Надпись, датированная серединой XV века, гласит: «Смотри на крылатого льва! Я смиряю землю, море и звезды». Льва Святого Марка часто изображают с задними лапами в воде, а передними на суше, что означает претензии Венеции на

господство и над морем, и над материком.

Глава 5
Прибежище

Венеция воспринимается как большой корабль на море. Из-за непрерывного движения воды иногда возникает впечатление, что почва Венеции тоже движется, наподобие палубы корабля. В XIX веке Ральф Уолдо Эмерсон писал в дневнике о пребывании в Венеции: «Кажется, будто ты все время на море».

Образ государства как корабля известен, но приобретает особую уместность в городе, который чуть ли не плывет. Говоря о руководстве республикой, Франческо Фоскари, дож, правивший Венецией в начале XV века, интуитивно прибег к языку моря. Он рассуждал о парусах и снастях, о ветре и течении так, что чувствовался его опыт моряка-практика. Этот язык венецианцы понимали хорошо. К примеру, проводилась аналогия между строительством в городе и постройкой корабля. Видя перед собой уже построенный корабль, трудно представить, как он выглядел, имея только шпангоуты и киль. Подобным образом нелегко определить, какова изначально

была Венеция.

Острый треугольный мыс Доганы, или таможни, находится на острове Дорсодуро, рядом с Большим каналом, его часто сравнивают с носом корабля. На соборе Санта-Мария делла Салюте, сразу за мысом Доганы, статуя Девы Марии одета в форму *capitano da mar* (адмирала венецианского флота). Венецианские здания часто сравнивают с кораблями из-за их очертаний, с кораблями, превратившимися в камень и поставленными на мертвый якорь. Деревянные крыши некоторых венецианских церквей имеют *forma di galea* (форму корабельного корпуса). Круглые отверстия в домах Венеции похожи на иллюминаторы.

Самая важная аллюзия приберегается напоследок. Корабль был когда-то убежищем для поселенцев. Корабль Венеции с самого начала был приютом для изгнанников и путников, открытым городом, с готовностью ассимилирующим всех, кто появляется в его границах. По словам путешественника XV века, в Венеции «большинство людей иностранцы», а в следующем столетии некий венецианец писал, что кроме аристократов и граждан, «все остальные иностранцы, и очень мало венецианцев». Его замечание касалось преимущественно лавочников

и ремесленников. В 1611 году английский дипломат сэр Дадли Карлтон описывал Венецию как «микрокосм, а не город». Венеция была создана больше на манер *orbis*, чем *urbis*. И такой она оставалась на протяжении всей своей истории.

Здесь наряду с многообразием жителей материковой Италии жили французы и славяне, греки и фламандцы, евреи и немцы, восточные люди и испанцы. Некоторые улицы были названы в их честь. Здесь были представлены все страны Европы и Леванта. Это замечали все путешественники: выйдя на площадь Святого Марка, они словно оказывались у подножия Вавилонской башни. Ни в одном порту мира не было столько чужеземцев. На многих картинах XIX века в толпе среди строгих костюмов и цилиндров венецианских джентльменов видны длиннополые суконные кафтаны еврейских торговцев, алые фески греков, тюрбаны и халаты турок. Можно сказать, что венецианцы моделировали собственную идентичность в постоянном контрасте с теми, кто находился под их защитой.

Немцам была обеспечена их собственная миниатюрная Германия на подворье, известном как Фондако деи Тедески, близ Риальто, где было два больших помещения для еды и восемьде-

сят отдельных комнат. За немецкими купцами наблюдало и следило правительство, но говорили, что «они любят город Венецию больше, чем свое отечество». В XVI веке здесь в огромных количествах селились фламандцы. Собственный квартал с православной церковью был у греков. После падения Константинополя в 1204 году и после сдачи города туркам в 1453-м последовал новый приток византийских греков — среди которых были солдаты, моряки, художники и интеллектуалы, ищущие покровителей. Свои кварталы были у албанцев и армян. В конце концов на острове Сан-Ладзаро был построен армянский монастырь, куда Байрон ездил изучать армянский язык, чтобы наряду с чувственными удовольствиями Венеции тренировать ум. В Венеции была колония турецких купцов, они владели дворцом Фондако деи Турки, где имелась школа с изучением арабского языка.

Венеция была местом, где процветал космополитизм. Но Венеция раскрывала пришельцам свои объятия не из альтруизма или щедрости. Без иммигрантов она не выжила бы. Некоторые из них вступили в брак с местными жителями и поднялись до ранга граждан.

Разумеется, иммигранты не были хорошо за-

щищены. Тысячи бедняков ютились в дешевых жилищах, деля угол с соплеменниками. Они сосредоточивались в беднейших кварталах. Многие приехали сюда, спасаясь от Балканских войн или от невыносимой бедности, некоторые бежали от эпидемии чумы. К XVI веку в результате этого наплыва Венеция стала самым густонаселенным городом Италии. Иммигранты выполняли малооплачиваемую работу для города и даже работали гребцами на шлюпках военных судов. Они делали то, чем сами венецианцы занимались неохотно.

В XIV веке Петрарка прославлял Венецию как «единственное убежище свободы, справедливости и мира, единственное прибежище добра в наши дни». Город-порт, естественно, воспринимался как убежище, укрытие. Пьетро Аретино, который бежал из Рима и обрел безопасность в Венеции, формулировал это иначе. В адресе дожу в 1527 году он пишет: «Венеция принимает тех, кого все остальные избегают. Она помогает подняться тем, кого все остальные унижают. Она оказывает гостеприимство тем, кого в других местах подвергают гонениям». В этом открытом городе существовала терпимость, неизвестная в других регионах. И начиная с XVIII столетия

город стал пристанищем для тех, кого Генри Джеймс называл «свергнутыми, потерпевшими крах, разочарованными, уязвленными или даже просто скучающими». «Свергнутые» были отличительной чертой Венеции. Сюда уезжало множество свергнутых европейских правителей. В 1737 году в городе жили пять изгнанных монархов, одним из них был юный Чарлз Эдуард Стюарт.

Венеция была прибежищем и для тех, кто пал духом, для странников и изгоев. Она стала домом для лишенных собственности и изгнанных. Ее пропитанной влагой, меланхоличной натуре подходили люди, познавшие печаль. Город стал прибежищем для тех, кто не был уверен в законности своего происхождения или в своей истинной идентичности и, возможно, для тех, кто хотел вообще забыть о том или другом. Он был как мать, бесконечно податливый и сговорчивый. Здесь было безопасно, как в утробе матери. Жители отличались благовоспитанностью и мягкостью. Венеция была городом транзита, где легко можно было затеряться в толчее, городом на границе между различными мирами, здесь благосклонно принимали тех, кто «не подходил» для своих родных мест.

К примеру, в XIX и начале XX века город стал притягателен для гомосексуалистов, которых привлекали местные мальчики и гондольеры. Сюда приезжали обманщики и мошенники всех сортов, разорившиеся финансисты и проигравшие политики, опозоренные женщины и авантюристы, алхимики и шарлатаны. Людей без корней притягивал город без корней.

Венеция была пограничной зоной между верами. Католичеством и православием. Исламом и христианством. Поэтому здесь было так много религиозных реформаторов разного толка. Здесь в середине XVI века возник тайный синод анабаптистов, а немецкая община приютила лютеран. Венеция всегда сохраняла дистанцию от Рима и защищала независимость своей Церкви от посягательств Папы. Таким образом, она стала, теоретически, ареной религиозных обновлений. Был даже период, когда английское правительство полагало, что эта республика готова объединить свои силы с Реформацией. Как выяснилось, суждение было ошибочно.

Если ты потерпел крах, то Венеция — самое подходящее место, чтобы о нем забыть. Здесь ты в буквальном смысле обособлен, отделен от внешнего мира, поэтому его пренебрежение или

просто невнимание больше не могут тебя ранить. Венеция была бегством от современности во всех ее видах. И, как всякий открытый порт, она гарантировала анонимность. В Венеции изгнанник мог расстаться со своей идентичностью или скорее мог обрести новую идентичность, соответствующую плавучему городу. Он мог стать таким же текучим и неуловимым. Скажи мне, кто я. Но не кем я был. Это справедливо до сих пор.

Пожалуй, в том, что город, который охотно предоставлял убежище иностранцам и изгнанникам, дал миру слово «гетто», есть ирония. Кажется, что гетто, маленькая островная община, естественно возникает в венецианских условиях. Венецианское гетто сделалось Венецией в миниатюре. И это поможет нам понять природу самого города.

Евреи стали селиться в городе самое позднее в XII веке. В 1152 году их число достигло тринадцати сотен. Жить в самой Венеции им не дозволялось, и они селились рядом, на Спиналонге (цепь из восьми островов), впоследствии переименованном в Джудекку. Два столетия спустя евреи получили разрешение селиться в городе. Место для их кладбища было отведено в песках Лидо и ограждено частоколом, чтобы защитить мертве-

цов от «гнусностей» венецианцев. Евреи всегда были объектом предубеждений и истерии основного населения, движимого предрассудками или жаждой отнять богатство у чужаков. Евреям были запрещены все профессии, за исключением медицины, и все виды коммерческой деятельности, кроме ростовщичества, их осуждали за это занятие, но им не оставалось ничего иного.

В начале XVI века еврейские жилища были разбросаны по всему городу. В тот период поражения в битвах с другими итальянскими городами на материке заставил венецианцев думать, что причиной неудач стала излишняя терпимость в своей среде части горожан к убийцам Христа. Гнев Божий обратился против Его избранного города, что усиливало тревожность, которую, судя по всему, венецианцы испытывали всегда. 29 марта 1516 года евреи были заключены в первое гетто. Оно было расположено на границе северного района, известного как Каннареджо, в удалении от священных мест города. В местности, отданной для поселения евреев, прежде располагались мастерские для литья пушек. Глагол, обозначающий литье металла, — *gettare*. Существительное, обозначающее отливку, — *getto*. К этой территории были добавлены два прилежа-

щих квартала. Так сложился комплекс гетто.

Идея была не нова. Немецкие купцы уже были приписаны к своим кварталам, где находились под надзором и где с них без труда можно было взимать налоги. Туркам вскоре предстояло последовать за ними. Подобная политика разделения и отгораживания была опробована в венецианских средиземноморских колониях. В основе управления Венецией лежал прагматизм. Разумеется, такой прагматизм под другими небесами, в других культурах мог стать убийственно грубым. Венецианцев всегда заботило определение и создание пространства. В таком случае — что может быть более естественным, чем изобретенное ими гетто? Однако идея не была самой милосердной из возможных. Священное государство в некоторых отношениях превращалось в рационалистическое. Где-нибудь еще эта комбинация могла оказаться фатальной.

Венецианское гетто обладало особыми, характерными чертами. Оно было, или сделалось, бедным и переполненным. Окруженный стеной маленький остров с одним мостом, связывающим его с остальной Венецией. Обитателям гетто разрешалось покидать его, когда на рассвете на колокольне Святого Марка звонил колокол

Marangona, но с закатом они обязаны были вернуться. В этот час мост поднимался. Евреи оказывались запертыми на ночь.

Пространство было настолько ограничено, а наплыв обитателей настолько велик, что дома в гетто становились все выше и выше, до восьми-девяти этажей. Здания разделялись на квартиры, в каждой жило четыре-пять семей. Рассказывали, что некоторым приходилось спать в разное время суток, поскольку на полу было слишком мало места. Райнер Мария Рильке в «Сцене из Венецианского гетто» (1900) рассказывает историю одного многоквартирного дома в гетто, который поднимался все выше и выше, пока его обитатели не увидели море. Это весьма значимая венецианская легенда.

На самом деле все окна смотрели во внутренний двор. Визуального контакта между иудеями и христианами не должно было существовать. Считалось, что иудеям не пристало видеть святыни, которые проносят по близлежащим христианским улицам. В этом — отражение латентной тревоги венецианцев. И неслучайно снаружи здания казались каменными утесами. Ворота у моста днем и ночью охраняли стражники. Соседние набережные были обнесены стенами.

Две лодки патрулировали близлежащую зону. Гетто напоминало крепость или тюрьму. Да и сам город стал в некотором роде тюрьмой для своих обитателей.

Евреи должны были носить знак принадлежности к своей нации. Сначала это был круг из желтой ткани размером с яблоко, который нашивали на грудь уличной одежды; затем это стала желтая шляпа, затем красная. Сексуальная близость между иудеями и христианами была запрещена. Любой иудей, застигнутый с христианкой на месте преступления, нес кару: ему отрезали яички.

К концу XVI века стали раздаваться жалобы, что гетто «днем и ночью служит убежищем ворам и распутникам, там все время вспыхивают ссоры, стычки с применением оружия, раздаются угрозы». Но в то время подобное можно было сказать о любом городе. Три столетия спустя Теофиль Готье проклинал гетто как «зловонное, продажное место». Но в тот период такому описанию соответствовала большая часть Венеции. Гетто отражало природу этого большого города, и в этом микрокосме в микрокосме все выглядело более выпукло и ярко.

В гетто были подпольные игорные дома, так же

как в большом городе, где проигрывались или выигрывались огромные суммы. Гетто давало приют людям многих языков и наречий — испанцам, португальцам, грекам, итальянцам, немцам, левантийцам — как и город.

Гетто было жестко организовано и контролировалось еврейской верхушкой, которая следовала примеру венецианских аристократов. На праздник Пурим евреи надевали маски и костюмы совершенно венецианского фасона. Этот праздник считался еврейским карнавалом. Обитатели гетто отличались умением петь и играть на музыкальных инструментах, как, впрочем, и венецианцы. К началу XVII века в стенах гетто была даже Музыкальная академия. Евреи устраивали изысканные театральные представления. Множество еврейских женщин одевались по последней моде — в бархат и плюш, вельветин и кружево. Они были насквозь венецианизированы, то есть настолько, что строгие раввины порицали их за мотовство и чувственность. Гетто сделалось второй Венецией.

В этом одна из загадок города. Он без труда повторял себя во всех самых разных своих районах и учреждениях; его природу и структуру бесконечно воспроизводили, возможно, неосо-

знанно преклоняясь. Каждая из общин в составе Венеции, будь то ремесленная гильдия или мастерская, становилась республикой в миниатюре. Город был настолько силен, что его образ стал притягательной парадигмой. Тысячи городов, сливаясь, составляли город Венецию, подобно тому, как тысячи языков пламени создают костер.

Сами евреи не презирали гетто. Оно стало их домом, убежищем, тем, чем Венеция была для первых поселенцев. Оно сделалось для евреев местом отдохновения. Испанские и португальские евреи, к примеру, были счастливы найти здесь пристанище. Гетто превратилось в центр иудаики и центр еврейских издательств в Европе. Здесь было средоточие раввинической культуры. Несмотря на дурную репутацию, гетто оставалось для евреев основным местом молитвы и духовности, размышлений над священной судьбой самой Венеции. Оно же защищало от вспышек антисемитизма черни.

В течение дня в гетто находились и иудеи, и христиане, на самом деле гетто таило в себе некую прелесть для части венецианского общества. Правительство Венеции пыталось не допускать участия граждан, скажем, в представлениях в Пурим, но растущие протесты заставили отказаться

от подобных попыток. Некоторые венецианцы к тому же регулярно посещали синагоги, слушая известных или особо одаренных раввинов. В свою очередь, раввины ходили на проповеди в венецианские церкви. Между евреями и венецианцами существовала более глубокая близость, чем они хотели бы признать. У них имелось много сходных черт. Для тех и других очень важны были обычаи и церемониалы. Венецианских аристократов часто описывали как степенных и исполненных достоинства, подобным же образом говорили о еврейских старейшинах. И к венецианским торговцам, и к евреям относились с вульгарной предвзятостью. Их обвиняли в «ненасытной алчности» и в «сговоре с целью всех разорить». Остальной мир верил, что Венеция необычайно богата, хотя любой ценой старается скрыть это. Против евреев подобные обвинения выдвигались во все времена. К венецианцам и евреям в мире относились одинаково. И тех, и других ненавидели.

Но при всех издержках в Венеции были терпимы к евреям, как нигде в Европе. К евреям относились терпимо, возможно, потому что они приносили доход. Не следует забывать о принципе коммерческого расчета, пронизавшем

жизнь Венеции. Евреям разрешалось открывать торговые заведения только при условии уплаты высоких пошлин. Торговля, которая пришла в Венецию благодаря еврейским купцам и лавочникам, приносила огромную пользу венецианцам. Родня венецианских евреев зачастую отправляла в этот город свои капиталы. Во времена частых кризисов на гетто ложилось бремя высоких налогов. В первые десятилетия XVII века считалось, что общий доход, полученный от гетто, равнялся примерно 220 000 дукатам, сумма гораздо большая, чем любая собранная в венецианских заморских материковых колониях.

Но важны не только налоги и дукаты. Есть и нечто более возвышенное. Знаменательно, к примеру, что и венецианцев, и евреев отличали священное почитание Закона и святая вера в свой народ. И те и другие были озабочены судьбой родной территории как общинного наследия. И те и другие полагали, что их Своды законов представляют собой договор между Богом и людьми. И те и другие чтили своих предков и с необычайным уважением относились к обычаю и традиции. Евреи знали, что зависят друг от друга, и общественная жизнь считалась даже более священной, чем частная, — из-за общей

цели и необходимости самосохранения. Разве это не напоминает венецианское государство? Эти две культуры были отражением друг друга.

Глава 6
Вопреки природе

Некогда в Венеции было множество садов. В XVI веке их насчитывалось пятьсот, уютно расположившихся в городе и живущих своей свежей, полной чудесных ароматов жизнью. Однако Казанова в XVIII веке замечает, что «сад в Венеции редкость». В середине XX века, судя по подсчетам, их сохранилось всего шестьдесят. С тех пор это число могло уменьшиться. Но в Венеции все еще есть сады, уединенные и тихие, защищенные стенами и воротами, зеленые оазисы в каменной жизни города.

В прежние времена в маленьких садах росли лиственницы, кипарисы или лавры. В больших садах были разбиты цветочные клумбы, посажены аллеи фруктовых деревьев, на которых висели клетки с певчими птицами для создания иллюзии идеальной природы. В большинстве садов имелись храмы, фонтаны, тщательно спланированные веранды. По улицам и площадям плыл аромат фруктов, жасмина и вечнозеленых вьющихся роз.

Любовь венецианцев к цветам можно сравнить только с их любовью к зданиям. Здесь были разносчики-продавцы гладиолусов и тубероз, других цветов, выращенных на материке.

Описывая их в 1623 году, сэр Генри Уоттон создал новое английское слово *florist* (цветочник). Оно легко вошло в словарь. В день Святого Марка у молодых венецианцев было в обычае дарить возлюбленной розовый бутон. В запечатленных на холсте изображениях Венеции XV века видны бесчисленные горшки гвоздики, загромождавшие подоконники. Но вкусы меняются. В первые десятилетия XX века цветком Венеции стала аспидистра. Здесь был все же один местный цветок. *Fiore di barena* (цветок отмели, что на лагуне), одевающий болота фиолетовым плащом. Он оставался символом тех времен, когда Венеция была всего-навсего частью дикой, нетронутой природы.

В самой лагуне были острова-сады. В XV веке преобладали виноградники и монастырские сады. Остров Джудекка до последнего времени был раем для садов. На острове Торчелло росли виноградные лозы и гранаты, олеандры и акации, фиги и бузина; он обладал плодородной почвой, подходящей для маиса и артишоков. Ко-

гда-то оливковые деревья росли по всей Венеции. Остров Кастелло, где стоит кафедральный собор, некогда назывался Оливоло. Оливковое масло было прибыльным товаром.

Но в городе не имело смысла возрождать или обновлять роскошество флоры. Ведь венецианцы предпочитают растительности мрамор. В Венеции место природы заняла архитектура. Она намекала на природу самым благочестивым и утешительным образом. Это одна из тайн венецианского строительства. Камень зданий приобретает форму листьев и ветвей. Сотни колонн Святого Марка составляют священный лес. Дерево становится камнем. Камень становится деревом. Большие дома можно также сравнить с коралловыми рифами.

Чтобы воссоздать природу, необходимо искусство. Среди венецианских живописцев начала XVI века существовала мода на пасторальные сцены. Но мир природы изображался без жизни, нетронутым и ненаселенным. Здесь есть овцы. Есть живописные сельские дома. Есть леса и родники. На переднем плане нимфы и пастухи. Однако внутренняя реальность сельской жизни остается нераскрытой. Трава изображается, как, скажем, если бы это был бархат. Правда, на ве-

нецианских мануфактурах производили бархат, напоминающий траву.

Природную жизнь города скорее можно было вообразить, чем увидеть. Почувствовать под слоями камня. Байрон называл Венецию «самым зеленым островом своего воображения» — парадокс, который мог создать только он. Героя новеллы Томаса Манна «Смерть в Венеции» (1912) — Густава Ашенбаха — посещает видение: «Ландшафт… тропические болота… подобие дебрей первозданного мира, с островами, топями, с несущими ил водными протоками». Это Венеция в ее первоначальном виде. Но такого города больше никто не увидит.

Какие животные населяли этот каменный город? Когда-то здесь паслись овцы и быки. Бродили лисы и даже волки. По улицам Венеции двигались кони и мулы. В 1177 году мул вез на себе Папу Александра III по улицам Венеции, а в 1361 году дож с одиннадцатью аристократами въехали в город верхом на лошадях. Венецианцы с давних времен славились искусством верховой езды и не оставили этого занятия по сей день. В 1310 году для подавления заговора против дожа на площади Святого Марка собрались восемьдесят всадников. На этой площади происходили

спортивные состязания. Присутствовавший на одном из таких выступлений Петрарка заметил, что венецианцы своим искусством верховой езды и владением оружием могли бы сравняться «с самыми жестокими воинами мира». До запрета эдиктом 1359 года устраивались скачки по мосту Риальто. Одними из основных звуков в городе были стук копыт и лошадиное ржание. Однако это не продлилось долго.

В 1611 году английский путешественник Томас Кориат записывает, что во всем городе встретил только одну лошадь. В конце концов, вышел указ о запрете появления лошадей в городе. Там просто не хватало места, а распространение каменных мостов со ступеньками стало следующей помехой.

Лошади в Венеции были так редки, что в 1789 году миссис Трейл видела вереницу горожан, выстроившихся в очередь, чтобы посмотреть на чучело лошади. А к XVIII веку над венецианскими аристократами смеялись из-за того, что они умели кататься только в гондоле. Это показывает, что при отсутствии практики природное умение исчезает. В городе можно увидеть лишь лошадей, застывших в металле. Четыре бронзовых коня на фасаде Святого Марка, трофей войны из Кон-

стантинополя, — символ города, где естественная жизнь заканчивается.

В Венеции были и остаются популярны кошки и собаки. Когда-то город был полон сторожевых и охотничьих собак, их использовали в лагуне. Но спустя столетия в Венеции остались относительно небольшие, комнатные собачки, вполне соответствующие городскому пространству. Собакам нравится, в частности, запах старого камня. У них явно выраженное ощущение территории, как и у венецианцев. Венецианские живописцы любили собак. Их присутствие на холсте нравилось Карпаччо. На одной из его самых известных картин, которая теперь находится в Сан-Джорджо дельи Скьявони, маленький терьер выжидательно смотрит на Святого Иеронима (или, возможно, Святого Августина), застывшего в молитвенном экстазе. Естественное ошеломленно смотрит на сверхъестественное. Карпаччо также рисовал собак на страже, собак спящих, собак на верандах и собак в гондолах. Собаки принадлежали не только аристократам. Почти в каждом номере местной газеты *Gazetta Veneta* в XVIII веке содержатся объявления о потерянных собаках. Венецианцы держали собак как один из символов большого мира природы, мира, которого они

лишились в борьбе за выживание. В современных *vaporetti* собак перевозят в намордниках.

Котов в Венеции воспринимали как «маленьких львов». Они — часть этой территории. От природы они ленивы. Но и наблюдательны, и могут провести большую часть дня просто глядя вокруг. Но коты, в отличие от большинства пород собак, не любят воду. В разных районах города и по сей день встречаются группы одичавших кошек. Они наводняют Рыбный рынок. Их можно увидеть на карнизах, на ступеньках, под мостами, на площадях. Особенно много кошек на *campo* Сан-Лоренцо. Разумеется, они полезны тем, что ловят крыс. Крысы — одно из проклятий Венеции, хотя они на удивление редко упоминаются в литературе об этом городе. В Венеции существует поговорка: «В каждом доме есть крыса», что означает примерно то же, что «В семье не без урода». Но поговорку можно воспринимать и буквально.

Именно успехи кошек в борьбе с этой напастью скорее всего породили венецианское суеверие: тот, кто убьет кошку, в течение года умрет, а с тем, кто покалечит кошку, произойдет несчастье. Это не останавливало закоренелых ненавистников кошек. В республике бывали внезапные таинственные вспышки отравлений и существовал

странный ритуал, в котором кошку, привязанную к доске, венецианская толпа убивала, «бодая» головой.

Тем не менее в республике всегда воспевали животных и птиц. Живопись позднего Средневековья и раннего Возрождения полна изображений животных. Карпаччо и Кривелли, Тинторетто, Веронезе, Беллини рисовали котов и собак, соколов, оленей и фазанов. Тициан изображал белых кроликов. В любом случае, существовало желание постичь мир природы, который в действительности был недосягаем, и чем он был неуловимее, тем горячее его любили.

По всей Венеции можно было увидеть вольеры и клетки с поющими птицами, еще одно напоминание о существовании где-то в других местах природной жизни. Любимцами были ярко окрашенные птицы — попугаи, канарейки и зяблики. Всех этих птиц, разумеется, привозили. В XVI и XVII веках на Мерчерии аптекари для рекламы своей профессии держали клетки с соловьями. Джон Ивлин в XVII веке писал, что «закрыв глаза, можно представить себе, что ты за городом, в то время как на самом деле находишься посреди моря». Погоня за природой была для венецианцев способом забыть о неестественном и рискован-

ном положении, в котором им приходится жить.

Роберту Браунингу нравились в Венеции XIX века чайки. Эти птицы редко упоминаются в хрониках города, хотя чаек, наряду с серыми журавлями и дикими утками, следует считать коренными птицами лагуны. Они тоже были частью мифа города, ведь именно полет птиц привел первых поселенцев к островам лагуны. Существует легенда, согласно которой голуби с площади Святого Марка — прямые потомки тех, кто был в стае, за которой следовали изгнанники из города Одерцо, убегая от варваров. Ласточки дарят совсем другое благо. Они появляются летом и истребляют москитов — бедствие стоячих вод.

Приезжающие в Венецию непременно видят голубей. Те, что живут на площади Святого Марка, — самые избалованные и самые охраняемые птицы в мире, они неприкосновенны. Во время морозов или сильных ливней они буквально сбиваются в кучу, налезают друг на друга, создавая и удерживая тепло. Они знают, что им не грозит опасность со стороны хищников и что их никто не побеспокоит. У них выработалась единственная в своем роде форма поведения, характерная для животных на уединенных островах в далеком море.

Голуби защищены древней традицией, священной в Венеции. Рассказывают, что некогда в Вербное воскресенье голубей выпустили из базилики Святого Марка, привязав к лапкам небольшой груз. Стесненные в движениях, они стали легкой добычей для обеденного стола венецианцев. Но часть птиц каким-то образом избежала гибели и нашла убежище в нишах и на уступах собора. Так они получили защиту благодаря вмешательству самого святого. После этого голуби стали культовой птицей. История продолжается. Дневную норму корма им предоставляют из государственного зернохранилища (подобный обычай существовал в Персии и на юге России), а побеспокоить их или ранить каким-либо образом считается правонарушением.

Сейчас в городе сорок тысяч «голубей Святого Марка». Зерном для них торгуют девятнадцать венецианских семей. Этой божественной раздачей пищи наслаждаются птицы, к которым Элизабет Барретт Браунинг обращалась как к «священным голубям». В течение последних лет было предпринято несколько попыток ограничить их число, так как они представляют собой угрозу здоровью горожан, а их помет разъедает драгоценные камни города. Их травили, ставили

ловушки, даже применяли противозачаточные средства. Все попытки провалились. Голуби на площади Святого Марка с тех пор, как она была создана. Почему они должны покинуть ее сейчас? А если их удалят, станет ли площадь благороднее или безопаснее? Вопрос спорный. Трафальгарская площадь в Лондоне теперь, когда ее голуби изгнаны, кажется оголенным и даже пустынным пространством. Птицы — часть души места. Они — оживший серый камень, ставший мягким на ощупь.

Существовало множество способов, которыми Венеция боролась с природой. Ее душа и бытие были отданы битве с морем, и вечное соперничество, видоизменяясь, проникло во все остальные сферы городской жизни. К примеру, венецианцы стали удивительно искусными, «принуждая» растения. Они умели заставить цвести розы и левкои не в обычное для них время года, их розы чудесно пахли и в январе. В первой половине XX века у венецианцев было обыкновение красить цветы: на продажу шли оранжевые и голубые розы или розовые и фиолетовые маргаритки. Это, несомненно, примеры очень давней практики. Любовь венецианцев к цвету хорошо известна. Почему бы не распространить то, что было на

холсте, на более эфемерный мир?

Венецианцы были очарованы идеей регулярных садов, предпочтение отдавалось самым сложным. На их виллах на материке, около Бренты, сады были симметричными, с разнообразными водоемами, фонтанами и скульптурами в гротах и пещерах. В оранжереях росло множество редких привозных растений, а живые изгороди подстригали в форме лодок или животных. Мраморные статуи, изображавшие нимф и богинь в натуральную величину или большего размера, красовались на фоне пасторальных ландшафтов, модных в начале XVI века. Для той поры характерен всеобщий интерес к садоводству, стремление контролировать и совершенствовать мир природы. Под контролем находилось все. Венецианские аристократы наслаждались победой над природой — или скорее своим прирожденным умением манипулировать ею в собственных целях. Кроме прочего, это был основной урок истории республики. Тонко, но осязаемо город демонстрирует неоднозначную область между естественным и искусственным, наводя на мысль о том, что может существовать некая третья данность.

Глава 7
Камни Венеции

Венеция скорее город камня, чем земли или, скажем, листьев. Не делает ли это ее нереальным городом? Освальд Шпенглер в начале XX века полагал, что развитие цивилизации характеризуется переходом от растения к камню. В этом отношении Венеция может считаться самым цивилизованным городом. С XV века, когда деревянный город стали постепенно сносить, Венеция сделалась маленьким царством камня. Ее надежность и стабильность казались еще ощутимее оттого, что ей приходилось взаимодействовать с водой.

В Венеции нет природного камня, его покупали. Или крали. Такое случалось в прошлом плавучего города. Был период, когда после взятия Константинополя каждый корабль, плывущий из этого города в Венецию, должен был взять груз камня. Он использовался в качестве балласта. Но в большинстве случаев камень приходилось покупать. Мрамор Венеции прибывал из Каррары и с острова Парос. С Эуганских холмов привозили

трахит, он использовался для мощения *calli* и *campi.* Темный или красноватый камень ввозили из Вероны, в нем были вкрапления гальки и обломков более твердого камня, напоминавшие острова, разделенные проливами. Более легкий камень из Вероны, розовый и серый, может менять тон в зависимости от времени года и освещения. Он необыкновенно подходит городу. Розовый гранит и порфир привозили из Египта. В ход шел и камень от старых церквей и домов на островах лагуны. Камень настолько ценился, что его использовали опять и опять. В непрерывном процессе возрождения основой для новых зданий служили развалины. Плиты с римских могил становились частью стен христианских церквей. Алтарь богу солнца из Аквилеи был использован в баптистерии Святого Марка. Можно сказать, что Венеция была построена на античности. Она приютила прошедшие века.

Встречались и более экзотические камни. Венецианцы любили колористические эффекты агата и малахита, аметиста и сердолика. На фасаде *Ca' d'Oro* (Золотого дома), дворца на Большом канале, использован ультрамарин, изготовленный из порошковой ляпис-лазури, доставленной из Бадахшана. Венецианцы любили цветной, с

прожилками камень — зеленый порфир и черный гранит, камень с красноватыми полосами на белом фоне, камень с белыми полосами на оранжевом фоне. В соборе Святого Марка более пятидесяти видов камня.

Но основной камень Венеции добывали в Истрии. Камень из Истрии выносил жару и холод, легко поддавался обработке и, что самое важное, напоминал родственный ему мрамор. Отполированный, он был едва отличим от мрамора. Очередной пример венецианской страсти к «видимости». Этот камень использовался как фундамент для дворцов и церквей. Использовался для скульптуры, для дверных и оконных рам, для колонн и замковых камней, для набережных и щитов гербов.

Еще один важный камень. Известняк. Он возник под действием моря и представляет собой невообразимую смесь миллионов морских существ. Он — сущность моря. Когда Уистен Хью Оден в «Хвале известняку» (1939) изображал известняковый пейзаж, ему слышался шепот подземных ручьев. Известняк неразрывно связан с жизнью и историей воды. Мрамор тоже известняк, затвердевший и настолько изменившийся, что может лучше противостоять воздействию

морского воздуха. Вот почему его чаще всего используют для фасадов церквей и дворцов. Так море, пройдя ряд метаморфоз, стало камнем Венеции. Известняк светится внутренним светом океана. Он блестит. Он сияет. Он мерцает. Город не раз описывали как мраморный лес, вытянувшийся кверху, выросший из окаменевших деревьев, лежащих в его основании. Рёскин посвящает целые страницы книги с точным названием «Камни Венеции» (1853) описанию листвы и цветов, изваянных из камня, эти украшения настолько тщательно выполнены, что каждый каменный виноградный лист отличен от остальных. Ветки и переплетенные усики, листья и грозди винограда в различных положениях, каждая жилка листа скопирована точно. Это способ не только запечатлеть природу, но и спародировать ее.

Венецию посещают из-за ее камня. Потому что для путешественника это скорее город зданий, а не людей. Жизнь города — это камни. Здесь существует традиция священных камней. В фасады дворцов вделаны византийские каменные кресты. В стенах многих церквей и домов обнаружены композиции из овальных камней и каменные кресты. Над готическими дверными

проемами, как правило, размещен каменный тимпан — треугольное поле фронтона с вырезанными на нем ангелами или святыми.

Камень был способом воплотить дух. Здесь есть камни веры и камни текстов — с цитатами из Библии, помещенными на притолоке; есть камни закона, на которых вырезаны правила и указы; есть камни наказания — места публичного суда и казни; есть камни бесславия, отмечающие места предательства и бесчестья, — так, текст на каменной колонне сообщает, что она «была воздвигнута для публичного обозрения, чтобы устрашать некоторых и служить вечным предупреждением всем». Эти символы восходят к очень давним временам, к первобытной вере в камень как изображение бога; вере, существующей в таких различных культурах, как культура Индии и кельтской Европы, Меланезии и Северной и Южной Америк. Эти верования сохранились благодаря особым обстоятельствам плавучего города. Драгоценные камни были в то же время и магическими. Рильке как-то назвал Венецию каменной сказкой.

Венецианские живописцы расточали свое богатство красок и свою фантазию камню. У Карпаччо и Веронезе, Беллини и Тинторетто

есть картины с перспективой, открывающей вид на каменоломни, карьеры, залежи камня. Это пейзаж их воображения. Художники с глубоким почтением относились к общественным зданиям Венеции. Их объектами были лестницы и колонны, коридоры и башенки. То же внимание лежит в основе позднейшего детального воспроизведения Каналетто городской архитектуры. Живописное полотно Каналетто «Двор каменотеса» (около 1730) — раздумье о силе и возможностях камня. У его полотен, как правило, кирпично-красный фон.

У Венеции была тайна. Ее можно представить как город, сложенный из кирпича, и это будет верно. По большей части дома построены из кирпича, искусно облицованного мрамором или оштукатуренного. Это иллюзорность в самом глубоком смысле. Дворцы построены из кирпича. Церкви и жилища — из кирпича. На самом деле это город обожженной глины, изъятой из материковой земли. Но он одет в мрамор и известняк в знак преклонения перед морем, а не перед землей.

Кирпич и камень венецианских зданий иногда сравнивают с плотью и костяком человеческого тела. Свечение известняка уподобляют свече-

нию плоти. Да, камни могут жить и двигаться. Камни Венеции кажутся легкими. Здания насыщены воздухом, готовы подняться с места стоянки и взлететь в небеса. Когда рассказчик в прустовском «Обретенном времени» (1927), споткнувшись у входа в особняк Германтов в Париже, возвращается к моменту, когда стоял на двух неровных булыжниках баптистерия Святого Марка, это видение наполняет его ошеломляющей радостью, уничтожая время и пространство в созвучном ощущении прошлого и настоящего. Камни Венеции дарят ему радость и безразличие к смерти.

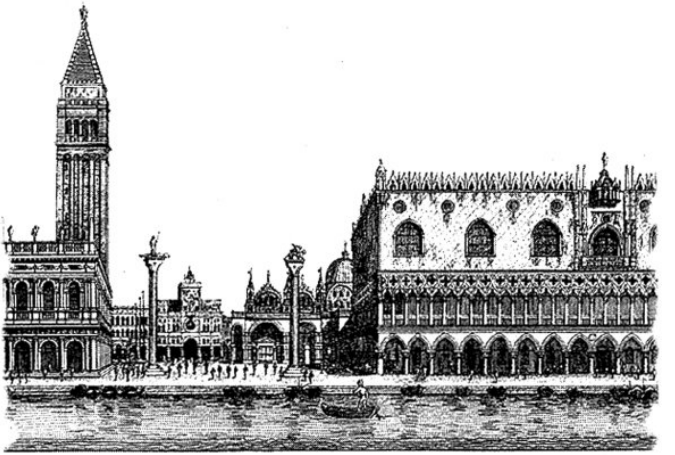
Камни Венеции окружены множеством легенд и суеверий. В некоторых мраморах прожилки принимают удивительные очертания. Мраморные плиты распиливают таким образом, чтобы выявить богатую текстуру материала. На двух плитах из облицовки внутренних стен собора Святого Марка в рисунке прожилок можно увидеть бородатого отшельника с молитвенно сложенными руками. Едва ли в этом здании найдется камень, который не был бы освящен легендой или каким-то слухом. Здесь можно найти скалу, из которой Моисей добыл воду. Здесь есть камни, по которым ходил Христос или на которых

запеклась его кровь. У южной стены базилики, обращенной к piazzetta, стоят две группы фигур из порфира. Считается, что это четыре сарацина, которые были обращены в камень при попытке украсть из базилики ее святыню.

В другой части Венеции, на Салидзада дель Пиньятер, на самом верху арки низкого портика находится кирпичное сердце, если его коснутся влюбленные, их страсть будет вечной. Статуи могут сдвигаться с места или исчезать. В ночь Страстной пятницы статуя Иуды с церкви Мадонна дель Орто, как говорят, летит в Иерусалим, ее сопровождают каменные изображения Правосудия и Веры с крыши той же церкви. Статуя купца, которую и сейчас можно увидеть перед одним из домов в Венеции, как рассказывают, в феврале, когда воздух холоднее любого камня, плачет. Добрые и невинные люди, коснувшись рукой груди купца, слышат биение его сердца. Во множестве городских легенд можно заметить один из главных страхов венецианцев — страх оживающего камня. Существуют истории об оживших каменных львах, о колдунах, которые могут обратить камень в живое существо, об одной из колонн Святого Марка, из которой туманными ночами сочится кровь.

Если Венеция превратила природный мир в камень, то, возможно, ее тайным стремлением было желание обратить чудо вспять и снова стать живой и плодоносящей. Камни выражают стремление к смерти, эту тенденцию и эту жажду можно обнаружить в любом городе. Бог создал мир природы, как учили венецианцев, а город создало человечество. После убийства Авеля Каин стал основателем первого города. В городах воплощены проклятие и разрыв связей с природой. Венеция — олицетворение этого.

III
Государственный корабль



Глава 8
Пусть живет в веках!

Молясь на площади Святого Марка, всегда призывали святого покровителя города: «Марко! Марко!» Один из величайших теологов Венеции, Паоло Сарпи, на смертном одре прошептал: *Esto perpetua!* (Пусть Венеция живет в веках!) Ко времени, когда прозвучало его благословение, в 1623 году, город уже не только по названию был государством, он стал им благодаря своим делам. Абстрактная идея государства возникла в первой половине XVI века, но идея общего блага, безусловно, гораздо более древняя. Именно идея общего блага создала Венецию.

Первое упоминание о *commune Venetiarum* можно увидеть в начале XII века, когда городские сановники пытались искоренить власть дожа и народа. Начиная с этого момента, мы можем составить график усиления бюрократического государства с его администраторами и дипломатами, правителями и законами. Местные связи приходов и *contrade* (кварталов, территориально совпадавших с приходами) с уменьшением числа

религиозных церемоний, предназначенных для их прославления, слабели; вместо них возникло понятие единого, объединенного города, выражавшееся в многочисленных общественных работах и менявшееся в результате исполнения государственных указов. Создавалась новая форма городской жизни — более эффективная, но более безличная. Общественный порядок утверждался и контролировался обществом.

Когда-то люди создали этот город, теперь этот город создавал людей. Или, вернее, люди, жившие в Венеции, теперь идентифицировали себя в пределах города. Частное сделалось общественным. Город стал общностью. Некоторые преступления, к примеру, определялись как «противостояние общественной воле», так происходило объединение людей с городом. Самое позднее к XV веку можно отнести формирование Венецианского государства. Оно известно как Синьория, что приблизительно обозначает «владычество», «власть».

Каким образом этот город стал государством и на деле предшественником современного государства? Это запутанный вопрос, он связан со сложными ритуалами выражения самосознания и общественного самоуважения. Государство

возникает вместе с хорошо контролируемой системой общественных денежных отношений, поддерживаемых такими механизмами, как кредит и переводной вексель. Несколько самых первых банков в мире открылось в Венеции. Первые ссуды были выданы в этом городе в 1167 году. «Банко дель Джиро» был основан в 1619 году. Государство не может выжить без внутренней стабильности, определяемой законом. Венецианцы всегда гордились сущностью своего правосудия, несмотря на пороки в управлении городом. Но законом, лежащим в основе всех законов, как говорил английский посол в начале XVII века, были государственные интересы. Государство было вечным. Государство было источником нравственности. Оно обладало византийской неумолимостью и престижем.

Однако следовало считаться с практическими проблемами. Государство нуждалось в элите в широком смысле, элите, которая будет осуществлять власть, по видимости, в интересах всех. К концу XIII века правление Венецией перешло в руки аристократии, что было закреплено законом. И, разумеется, надежность Конституции была важна для безопасности торговли. Власть и торговля были неразделимы. Общее управле-

ние нуждается в бюрократии для наблюдения за такими вещами, как здравоохранение и общественный порядок.

Бюрократия в Венеции была одним из чудес западного мира. Все должно было фиксироваться, оставлять след на бумаге, об этом свидетельствуют переполненные архивы современной Венеции. В то время, когда другие города или другие народы обладали лишь зачаточной внутренней организацией, Венеция представляла собой образец глубоких административных познаний. В Венеции перепись населения проводилась чаще и была организована толковее, чем в любом ином городе. Якоб Буркхардт в «Культуре Италии в эпоху Возрождения» (1860) писал, что «Венеция с полным правом может притязать на то, чтобы считаться местом рождения статистической науки». Любой аспект социальной и культурной жизни был подробно регламентирован. Даже продажа фруктов на площади Святого Марка и цветов на ступенях базилики проверялась и контролировалась. Возникновение бюрократии помогло узнать значение и сложности искусства составления отчетов и соглашений, текстов, игравших большую роль в формировании того, что получило название

«гражданский гуманизм». Разумеется, в реальной практике искусства управления государством всегда присутствовали в больших дозах оппортунизм и коррупция, релятивизм и прагматизм, они расцветали еще сильнее, потому что их легко было спрятать за внушительными процедурами публичного управления.

Государство нуждалось в критериях послушания своих граждан. Город мог выжить при буйных или враждебно настроенных гражданах — каким-то образом он процветал при них, — но в начале существования венецианское государство нуждалось в критериях внутреннего контроля. Ни один город не преуспел более, чем Венеция, в управлении собственными гражданами. Дож и различные советы в буквальном смысле практиковались в искусстве власти. Любые оскорбительные слова или то, что мы могли бы сейчас назвать «преступные речи», преследовались как преступление *contra honorem huius civitatis* (против чести этого государства) — и карались тюремным заключением. Иностранцев, которые пренебрежительно отзывались о Светлейшей, изгоняли. В секретной переписке венецианского дипломата, опубликованной Альфредом де Мюссе в середине XIX века, обнаружена

запись: «Выплатить синьору А. сумму в пятьдесят скудо за убийство синьора С., который нелестно отзывался о республике Венеции».

Такому государству должны были служить венецианцы. Оно уверяло, что завещано своим гражданам их прилежными предками, что они должны ценить его выше собственных жизней. Обязанность сохранять его была честью. Ключ к Венеции именно в этом — сохранение. Город с самого начала был чудом сохранения и ощущал необходимость снова и снова обращаться к этой идее. Он находился в угрожаемом положении, в постоянной боевой готовности, как провозглашают эдикты, он нуждался в объединенном и послушном корпусе граждан, готовых поддержать его. В этом причина относительного спокойствия Венеции на протяжении веков, с основания города. Сила исходит от города, сознающего необходимость коллективного выживания.

Но это государство возникает из осознания и прославления власти. Венеция стала мощной, потому что ее непосредственные соседи были слабы; по соседству на материке не было города, способного бросить вызов ее власти. Но, в конце концов, она стала государством-городом,

зависящим от своего господства над другими городами. Это всегда было вопросом не природной территории, очерченной реками и горами, но конфедерации отдельных городских объектов. Венеция создала империю городов в Северной Италии, то выигрывая, то проигрывая, то подвергаясь изменениям.

Перед нами предстает образ в высшей степени властного, очень хорошо организованного и исключительно эффективного предприятия. Возможно, это не соответствует современной картине прекрасного и спокойного, если не сказать сонного, города, но это необходимая предпосылка его современного вида. Венеция существует сейчас и всегда будет существовать, потому что когда-то она была такой.

Так Синьория стала объектом мирской религии, ее почитали и поминали буквально в сотнях общинных ритуалов в течение всего года. Большая бюрократия была создана именно для того, чтобы организовывать и проводить эти праздники. Даже во время осады в 1848 году, окруженная австрийскими войсками, Венеция едва ли месяц или даже неделю проводила без праздника или карнавала. Это в крови ее граждан.

Венецианцы органически склонны к зрели-

щам. Сам город был словно предназначен для тщательно продуманных церемоний, на площади Святого Марка, арене действий, обменивались приветствиями и дарили друг другу подарки. Не допускающий отклонений обычай и соблюдение принятых формальностей гарантировали порядок церемоний. Различные группы несли разного цвета свечи. Плавно двигавшиеся флаги имели собственный код: белый, когда в Венеции царил мир; зеленый, когда наступало перемирие; красный, когда объявляли открытые военные действия.

Процессия дожа читалась, в частности, как венецианская государственная структура в движении. Это было живое воплощение священного и мирского правления. В других городах и других государствах, судя по словам миланского наблюдателя в 1494 году, «в момент, когда проходил князь, все кругом шли беспорядочно, как попало». Но в Венеции «все шли в лучшем, какой только можно себе представить, порядке». Существовали гравюры и живописные изображения всей церемонии, где роль каждого участника ясно определена его позой или костюмом.

В XVI веке Маттео Паган выполнил замечательную серию из восьми гравюр на дереве, детально

изобразив участников процессии. Здесь были восемь знаменосцев, за ними следовали несколько судебных чиновников, шесть музыкантов, извлекающих звуки из серебряных труб; здесь были послы иностранных государств, за которыми шли представители дожа. Затем опять музыканты, а вслед за ними — чиновники ниже рангом, наподобие клерков и нотариусов. Процессия делилась на три большие группы, в которых религиозные деятели и государственные власти располагались взвешенно и сбалансированно. Это была процессия не частных людей, а должностных лиц. В середине шел дож, центр был средоточием власти. Расходясь от центра, в процессии в должном порядке двигались представители разных классов и церковной власти. Граждане шли перед дожем по восходящей шкале рангов, аристократы за ним, по нисходящей шкале рангов. Некоторые отмечали, что аристократы явно выглядели благожелательными, много улыбались. Царила атмосфера спокойствия и безмятежности.

Великолепными процессиями отмечались и некоторые события венецианской истории. Эти процессии не всегда носили духоподъемный характер. На празднике Эпифании, 6 января, несколько гребцов, одетых, как старухи, с при-

вязанными к носу морковками, волоча за собой старые чулки, устраивали гонки гондол к мосту Риальто. В Жирный четверг в феврале гильдия слесарей ритуально забивала на площади Святого Марка быка и нескольких свиней. В дальнейшей части церемонии дож и часть сенаторов атаковали с помощью посохов и опрокидывали несколько сколоченных на скорую руку деревянных замков. Церемония воспроизводила победу Венеции над Аквилеей, городом, выходцы из которого основали Венецию. Что это, политика, преобразившаяся в игру, или игра как форма политики?

Были и другие празднества, во время которых дож посещал различные кварталы. Когда он приходил в приход Санта-Мария Формоза, ему вручали шляпу из позолоченной соломки, бутыль вина и несколько хлебов. В завершение церемонии к церкви приносили двенадцать деревянных женских статуй и забрасывали их репой. Говорят, что этот ритуал восходит к случаю, когда двенадцать венецианских девушек были похищены пиратами, а затем спасены молодыми людьми этого прихода. Все это совершенно неправдоподобно. Скорее всего здесь отражен древний период венецианской жизни, когда

молодые женщины из богатых семей выходили замуж в один день, и это было частью ритуала плодородия. Что ж, фольклор и празднества иногда принимают неожиданные формы. В Венеции существует обычай называть холодную или надменную женщину «деревянная Мария». Слово «марионетка», возможно, имеет тот же источник.

В Венеции было так много праздников, что иногда на один день их приходилось несколько. Это стало сущностью города. Церкви занимали центральные точки, где происходило взаимопроникновение театра и благочестия. Публичные пространства становились церемониальными осями, частью огромной геометрии священного города. Это было общество зрелищ. Земля и вода соединялись во множестве празднеств. Зрительно и эмоционально различные *sestieri* (районы) тоже сливались в одно целое в актах благоговения или празднования, процессии демонстрировали коллективные надежды города, так же как увековечивали в памяти коллективный опыт города. Ритуал обещал целостность и гармонию. Ритуал присутствовал и в формировании понятия времени в городе, где следовали скорее церемониальным законам, чем ежеднев-

ному круговороту часов и минут. Ритуал помогал кодифицировать и идентифицировать прошлое. Возможно, существовали и менее возвышенные аспекты этого представления.

Пышные зрелища производили впечатление на иностранцев и послов демонстрацией солидарности и богатства венецианцев. Эти праздники, как и праздники в современной Венеции, помогали приманивать туристов к всегда привлекательным торговым площадкам города. Венецианцы никогда не упускали возможности заработать деньги. Та же практичность стоит за празднованием карнавала и, разумеется, за всеми художественными и кинематографическими Биеннале недавнего времени.

Празднества в большой мере втягивали в игру весь город. Живописные полотна XVI и XVII веков показывают, что окна и балконы домов задрапированы узорчатыми коврами. На множестве украшенных низких платформ на колесах и колесниц располагались основные добродетели или святые покровители города, там демонстрировались образцы декоративной архитектуры, слышались музыка и пение. Здесь были живопись, скульптура и декламация. Здесь были сцены или подмостки для театральных представлений,

в которых аллегорически изображались текущие политические события. На празднике «Семпитерни» в 1541 году по Большому каналу плыла на гондолах круглая расписанная красками «Вселенная», внутри которой шел бал-маскарад. Пышные празднества были способом осмыслить жизнь как форму искусства. Это свидетельствовало об очень высокой форме народного сознания, ведь в празднествах участвовали все слои венецианского общества.

Население Венеции размеренно двигалось по священным маршрутам, причем каждый знал свое место в общем мероприятии. К тому же существовала надежда, что *popolani* (простолюдины) в общем радостном настроении забудут, что свободы, которыми они когда-то обладали, утрачены невозвратно. Зрелище было, разумеется, еще одним способом обеспечить социальный порядок. Тот же миланский наблюдатель в 1494 году сообщает: «Один-единственный человек, показалось мне, руководит всем, и все ему повинуются без малейшего протеста». Только жреческому обществу, наподобие египетского или древне-мексиканского, удавалось достичь подобного порядка. Один из замечательных фактов относительно Венеции состоит в том, что ее

религия таким атавистическим образом держала ее народ. Причина этого — в особом совмещении города с благочестием. Сама почва Венеции, чудесным образом спасенная от мировых вод, была священна. Люди Венеции — часть этой почвы.

Правительство Венеции совершенствовало искусство самопрезентации. Оно сделалось упражнением в стиле, развилось в уникальную форму риторики, с помощью которой все действия и решения государства освящались традицией и получали одобрение Божественной власти. На помощь призывали особое Провидение Венеции, так же как идеи славы, решительности и независимости. Гарантировалось также бессмертие Венеции. Наиболее мягко это можно назвать свойством особо подчеркивать идеальность. Но критически это можно охарактеризовать как умышленное пренебрежение реальностью. Это можно также рассматривать как дымку тонких чувств, не гуще идущего с моря тумана, скрывающую алчность и безжалостность, которыми характеризовалась Светлейшая в большинстве ее отношений с внешним миром.

Ни один другой народ не опирался в такой мере на приемы риторики. Венеция была городом спектакля. Поэзия здесь понималась как вид

ораторского искусства. В такой культуре, как в Венеции, по сути своей прагматической, все художественное и литературное образование сводилось к тому, чтобы привить вкус к техническому мастерству риторики. Художественная жизнь города в музыке и в живописи была направлена на то, чтобы стать зрелищем, она подчеркивала то, что демонстрировалось, а не то, что созерцалось или постигалось интуитивно. Слушаем ли мы музыку Вивальди или рассматриваем картины Тинторетто, мы ощущаем искусство эффекта, ослепительного виртуозного спектакля, блистательного празднества. Гладкость живописи Тинторетто и мелодичность произведений Вивальди могут быть поняты и как воплощение риторического канона *copia* (изобилия). Венецианские учебники риторики рекомендуют местную форму красноречия, опиравшуюся на сдержанность и правильность поведения, а в методах самого государства должно было существовать *variazione* (разнообразие), чтобы смягчать крайности и предотвращать преобладание какого бы то ни было стиля. Это было частью сдержанности и осмотрительности Венеции.

В трактате XVIII века «Описание нравов и обычаев Италии», приписываемом Джузеппе Баретти

и Сэмюэлю Шарпу, отмечается, что «венецианцы очень ценят свое впечатляющее красноречие и считают, что их адвокаты — единственные законные наследники древнеримских ораторов». Судебный адвокат Леонардо Джустиниани в письме, датированном 1420 годом, утверждает, что «нет разновидности случая, нет вида, нет темы, наконец, нет положения искусства в целом (риторики), в котором я не был бы знатоком». С самого раннего времени управление Венецией было настояно на риторике.

Вот почему в Венеции наиболее тонко было разработано искусство дипломатии. Послы Венеции не имели себе равных в умении изящно подать себя, соответствующим образом подчеркнуть свою внешность и манеры. Это были элементы *sprezzatura* (способность создавать эффект, скрывая искусство или умение, которое стоит за ним). Представителям Венеции интуитивно присущи утаивание и двойственная природа.

Венеция была первым городом, постоянно поддерживающим дипломатическое присутствие за пределами Италии — в 1478 году было создано посольство при французском дворе. Светлейшая провозглашала своей главной целью поддерживать мир со всеми, ведь только при

этих обстоятельствах торговля действительно процветала. Война годилась для торговли оружием, но не для транспорта с пряностями и другими товарами, которые везли по морю и по суше. Когда в 1340 году Эдуард III Английский пожелал, чтобы Венеция поручилась, что не станет снабжать деньгами его врагов, дож ответил: «У венецианцев нет обычая вставать между участниками диспута или воюющими сторонами, кроме как ради примирения». Венецианцы были опытны в вежливых отказах. Начиная с XVI века их политика была одной из строго нейтральных, без сближения с теми, кто хотел бы втянуть Венецию в дела других государств или городов. Венецианская система правления основывалась на четко обозначенной модели равнозначности и баланса. Казалось, венецианцы применяют те же принципы во внешней политике. Однако в дни политического упадка эта видимая нейтральность подвергалась критике как прикрытие собственной робости и нерешительности.

Венецианская дипломатия была описана как *occhiuta* (глазастая) — то есть благоразумная, осторожная, многословная, примирительная и практичная. Она была замаскирована *dolce maniera* (заимствованный из музыки, и не только,

термин, обозначающий мягкость или сладостность). Но, скрываясь за этой маской, венецианские послы прощупывали, не обнаружатся ли какие-либо слабости или пристрастия, они не чурались взяточничества и других форм коррупции, они наблюдали за всем, ища чужие обиды, которые можно было бы использовать. Они были мастерами интриги. Они стравливали одно государство с другим, не испытывая угрызений совести, подстрекали один город против другого, если это служило их целям. Они были бесчестны ради чести Венеции.

Самое известное дипломатическое нововведение венецианцев заключалось в том, что каждый посол, после того как срок его пребывания в должности заканчивался, должен был представлять Сенату доклад. Эти *relazioni* (доклады) нисколько не были похожи на другие посольские документы. В них дипломат был обязан «сообщать, если он узнал о стране, из которой вернулся, что-то стоящее, чтобы быть выслушанным и обдуманным рассудительными сенаторами для блага отечества». Обзор включал такие темы, как боевая готовность, экономические условия, здоровье и характер правителя. Следуя принципу «знание это сила», ни одна самая мелкая подробность не

оставалась без внимания.

Венеция, в свою очередь, была городом иностранных послов, приехавших добывать информацию. Их приветствовали изысканными церемониями с государственной пышностью. Но это было прежде всего риторикой, а не истинным радушием. Когда сэр Генри Уоттон делал какое-то предложение или заявление дожу, то получал самый туманный ответ, дожу было запрещено законом отвечать сколько-нибудь конкретно, и, по словам Уоттона, он лишь «увязал в общих местах». Так что послам требовались вся имевшаяся у них хитрость и терпение. Уоттон отмечал, что дож и его советники предпочитали медлить и хитрить в государственных делах. Двусмысленность и неясность были основами их поведения. Неплохая политика для мирного времени, но, без сомнения, пагубная в моменты опасности. Возможно, интересно будет узнать, что именно Уоттону принадлежит известная фраза: «Посол это добродетельный человек, посланный за границу, чтобы лгать ради собственной страны». Только атмосфера Венеции могла внушить такую мысль.

Глава 9
Избранный народ

Венеция всегда была городом мифа. Коллективная потребность в поддержке и поиски идентификации привели к созданию образа фантастического города, основанного на идеалистическом представлении венецианцев о себе. В XIII веке в городе существовал замкнутый политический строй, утверждавший единство и незыблемость. В XIV веке венецианцы облачились в мантию избранного народа. В начале XV века Венеция воспринимала себя как новый Рим с собственной материковой империей.

Но подлинный миф о Венеции возник в начале XVI века, в годы, непосредственно следовавшие за борьбой, которую город вел против своих врагов, известных как Камбрейская лига, когда Венеции противостояли европейские армии. Поражение Венеции, за которым последовало отвоевание большинства ее территорий, имело двойственные последствия. Стало понятно, что город уязвим, но при этом непобедим. Из сочетания тревоги с вновь обретенным спокой-

ствием возникла доктрина, провозглашавшая неизменность и гармонию, которыми обладала Светлейшая. Идея агрессивной и победоносной республики сменилась мифом о прославленном мирном городе. Именно в этот период архитектура города приобретает классические черты. План города становится метафорой порядка и великолепия. Город славится главным образом искусством и музыкой. Рёскин полагал, что миф о народе или племени формулируется во время его предельной мощи. Но это не совсем тот случай. Миф о Венеции был внушен заметной слабостью, которую каким-то образом нужно было скрывать от внешнего мира. Даже после того, как Венеция лишилась власти, она представала перед всеми как гордый и сильный город.

Однако можно различить слагаемые этого мифа. Венецианское государство было основано с помощью чуда и управлялось Провидением. Город был защищен от вторжений извне. Он был неизменен. Он, согласно хронике, прожил тысячу лет «без каких бы то ни было изменений». Любой другой город мира часто или время от времени терял свои свободы, но Венеция никогда не оказывалась под гнетом. В 1651 году Джеймс Хауэлл писал в «Обозрении Синьории Венеции»: «Если

бы человеческий мозг был в силах предписывать правила создания Общества и правила Перехода Власти в тех же самых формах Правления, что существуют столько, сколько стоит Мир, Венецианская республика была бы самым подходящим образцом на земле для подражания». Венеция представляла идею собственной вечности.

Это предполагало гармоничное совмещение всех видов правления. Оно было одновременно демократическим, с Большим советом, аристократическим, с Сенатом, и монархическим, с дожем. Идея равновесия и стабильности в самом деле обладает первостепенной важностью для лежащего на море города. И Джеймс Хауэлл мог с полным основанием написать, что Венеция «так же сноровиста в управлении людьми, как в управлении лодкой или гондолой». Город стремился стать истинной республикой свободы. В нем не было ни социальных беспорядков, ни междоусобных войн. Политические дебаты здесь проходили в атмосфере изысканности и благоразумия. То есть это был город, преданный идее общего блага. Здесь не было места личным амбициям или чьей-то алчности. А правители других стран стремились к собственному возвеличиванию и руководствовались требованиями

насущной необходимости. Папа Александр VI говорил венецианскому послу в Риме в 1502 году: «Вы бессмертны в том смысле, что ваша *Signoria* (правительство) никогда не умрет. Ее можно сравнить с фениксом, птицей, которая обладает способностью возрождаться». Город обладал самосознанием и был уверен в себе настолько, что превратился в непрерывную аллегорию.

Правители Венеции провозглашались воплощением мудрости и братства. На потолочных панелях Дворца дожей они изображены у ног Спасителя или озаренными светом Святого Духа. Считалось, что между ними нет разногласий, все они объединены во имя республики. Они были преданными и справедливыми в своих действиях, никогда не позволяли личным интересам влиять на свои суждения. Они действительно были анонимными служителями Божественного государственного порядка. Вот почему они традиционно одевались в черное (символ власти) и появлялись на публике с достойным и горделивым видом. Дож всегда был солидного возраста, своим обликом он подтверждал представление о мудрости и опыте. Это была великая игра. Но она достигала цели, в частности служила для обмана иностранцев.

А что граждане? Филипп де Коммин, посол Фландрии в XV веке, был удивлен, увидев венецианцев, выстроившихся в очередь, чтобы заплатить налоги, в таких количествах, что сборщики налогов не успевали принимать их. Мотивом здесь скорее был страх, чем ревностное исполнение долга. Но и в самом деле город обладал способностью пробудить жар в сердцах своих обитателей. В XIII веке хроникер из Падуи восклицает: «О счастливая коммуна Венеции, счастливый город, где граждане во всех своих проявлениях руководствуются общими интересами, а имя Венеции хранят в сердцах как Божественное!»

Здесь был престол мудрости. Дворец дожей был почти наравне с дворцом Соломона. Здесь было обиталище правосудия. В центральной части фасада Дворца дожей находились два богато украшенных балкона, на которых дож появлялся перед народом. Над одним из них вздымалась аллегорическая статуя Правосудия с мечом в одной руке и весами в другой, над вторым — фигура Венеции.

Здесь был оплот учености и свободы. Город никогда не находился под властью какой-либо империи. Он не признавал владычества ни

Запада, ни Востока. Его жители были связаны взаимным договором. В XVII и XVIII веках, когда в этом карнавальном обществе свобода приобрела различные формы в искусстве и театре, и сексе, Венеция стала знаменита во всей Европе. Но в более позднее время свобода базировалась, возможно, на более действенных основаниях.

Город быстро приобретал характерные черты Олимпа. Парадная лестница во Дворце дожей, известная как Лестница гигантов, была увенчана статуями Марса и Нептуна. Венера всегда составляла часть мифа Венеции. Изображения Юпитера и Минервы, Меркурия и Аполлона до сих пор можно увидеть на площади Святого Марка. Великолепные картины, изображающие героев классической мифологии, были созданы в Венеции, а не в Риме, что было бы более естественно. Должно быть, в сердце города можно было разыскать гору Олимп.

К середине XVII века мифическая Венеция сделалась для Англии образцом гармонии и целостности, тем более привлекательным, что страна переживала гражданскую войну и цареубийство. Венеция рассматривалась как образец республиканской добродетели, где аристократы и горожане (по-английски это выглядело как

лорды и джентльмены) совместно осуществляли правление. Она также стала примером подражания для интеллектуалов Просвещения, которые видели в ее деятельности подлинное согласие правителей и управляемых. Она послужила источником вдохновения для создателей американской Конституции.

Для человеческой натуры характерно идеализировать и восхвалять, так же, впрочем, как и несправедливо порицать. Повседневный уклад жизни в Венеции не был ни гармоничным, ни свободным. Правительство зачастую было продажным и некомпетентным. Многие относились к этому городу с презрением, тем большим, чем неистовее были его претензии на величие. В XVII веке Венецию изображали пристанищем убийц и содомитов. Она далеко не была свободной, она представляла собой олигархию. Тиранию. Ее символом была камера пыток и Совет десяти (Судебный комитет). Подлинной ее эмблемой была темница. В конце XX века некоторые историки-ревизионисты также подчеркивали алчность и тиранию, свойственные правящему классу, власть которому достается по праву рождения.

Демонстрация триумфализма вызывает ненависть и возмущение. Многие ученые считают

венецианскую версию собственной истории показной. Подделкой. Венецианцев, которые держались в стороне от остальной Италии, высмеивали, называя скупцами и рыбаками. Такими же непредсказуемыми, как вода, на которой они живут. То есть обманщиками. Город торговцев порицали за непомерную алчность. В XV веке Козимо де Медичи описывал венецианцев как бесстыдных лжецов. Действительно, правители и послы Венеции были известны всей Европе двуличностью, они настолько чтили свое государство, что могли ради него пойти на самые низкие поступки. Во всех этих утверждениях есть доля истины. Впоследствии Дэвид Герберт Лоуренс в начале XX века описывал Венецию как «противный, обманчивый, скользкий город». Многих приезжих не трогает обаяние города, они открыто называют его показушным, обветшалым и нездоровым.

Трудно понять, насколько сами жители или правители Венеции когда-нибудь были настолько доверчивы, чтобы всерьез принять миф о Венеции. Но этот миф никогда не умирал. В начале XVII века Джованни Приули обращался к Венеции, называя ее земным раем. Двести пятьдесят лет спустя Джон Рёскин, один из многих

англичан, очарованных Венецией, описывал ее как «истинный рай городов». Он говорил это в то время, когда Венеция утратила свою власть, свою торговлю и свою независимость. Так что миф продолжается. Венеция остается достойным подражания городом.

Венеция уникальна. В этом нет сомнений. В этом причина ее успеха. Расположение города, безусловно, необычно, оно определяет историю Венеции. Подобно тому, как семечко определяет содержащееся в нем будущее дерево. Союз воды и земли позволил городу выйти за пределы обычной практики европейских государств. Городу пришлось изобрести новый образ жизни. Венеция не принадлежала ни одной из стихий, как не подчинялась ни одной внешней власти. Гете считал, что эти особые обстоятельства города в лагуне обусловили то, что «венецианцы вынуждены были развивать новый вид бытия». Венецианская политическая система невероятной сложности и утонченности, предназначенная удерживать в равновесии и гармонизировать деятельность различных местных советов и судопроизводство, не была похожа ни на одну другую в мире. В бесчисленных письмах путешественников преобладает удивление непохожестью Венеции. Леди Мэри

Уортли Монтегю писала в середине XVIII века, что это «великолепный город, совершенно иной, чем все другие, какие доводилось видеть, и образ жизни совершенно новый». В 1838 году Джеймс Фенимор Купер отметил, что оказался «в центре совершенно новой культуры». Неизменное очарование Венеции состоит в том, что она всегда нова и всегда удивительна. Ее каким-то образом всегда обновляют восторг и изумление ее посетителей. Габриэле д'Аннунцио в начале XX века спрашивал: «Видели ли вы какое другое место в мире, подобное Венеции, с ее способностью стимулировать в определенные моменты все силы человека и доводить любое его желание до лихорадочного нетерпения?»

Венецианцы в полной мере осознавали собственную уникальность. Они были уверены в собственном отличии от других. Они полагали, что их город как убежище от варваров родился не иначе как из моря, и в полной мере наслаждались особым статусом, который был им дарован. Они верили в свое особое, причем высшее, предназначение. Если в результате это выливалось в некоторое высокомерие по отношению к другим итальянским городам-государствам — что ж, пусть так. Это придавало венецианцам некое са-

модовольство, которое, впрочем, не имело явных последствий.

Итак, в восприятии приезжих Венеция обладала фантастическими качествами. Это был известный всему миру город, воплощавший красоту. Он казался утонченным, хрупким, хотя в действительности был очень сильным. Он плыл по воде, словно фата-моргана. Петрарка описывал город как явление «иного мира», возможно, имея в виду двойной образ мира. Именно такое впечатление Венеция произвела на Рильке, Вагнера и Пруста. Итало Кальвино в «Невидимых городах» (1972) описывает среди прочих фантастический город с мраморными лестницами, спускающимися от дворцов к воде, с бесконечными каналами и мостами, с «колоколами, куполами, балконами, террасами, с садами зеленевших среди серых вод лагуны островов». Кублай-хан спрашивает рассказчика, Марко Поло, видел ли тот когда-либо подобный город. Венецианец отвечает: «Я и не представлял, что может быть подобный город». В этом контексте Итало Кальвино признается, что в «Невидимых городах» каждый раз, описывая город, говорит «что-то о Венеции». Венеция в этом смысле воплощение города в чистом виде.

Город постоянно вызывает ассоциации со

сновидениями. Генри Джеймс описывает свое пребывание в Венеции как чудесный сон. «Венеция, — пишет он, — словно Венеция из снов, и удивительно, остается Венецией снов больше, чем городом сколько-нибудь существенной реальности». Тем, кто приезжает в город впервые, он кажется странно знакомым, потому что напоминает пейзажи из снов. Пруст говорит: Венеция «была городом, который, я чувствовал, часто снился мне раньше».

Calli настолько запутаны, что кажется, прохожие внезапно исчезают. Обычная для туристов история — после непостижимой прогулки неожиданно оказаться на том же месте, откуда она началась. И это видится сном, который подавляет, который запутывает тебя в лабиринте, сном пугающим и удивительным. Чарлз Диккенс в «Картинах Италии» (1846) изображает путешествие по Венеции как сновидение: «Я снова спустился в лодку, и сон продолжился». Но к этому сну примешиваются кошмары с намеками на ужас и тьму, за предстающими взору прекрасными картинами скрываются «ужасные подземные каменные мешки». Это нереальный город, потому что у него, судя по всему, нет оснований, как в пейзаже из сновидения.

«Ни один другой город не кажется столь похожим на сон и нереальным» (Уильям Дин Хауэллс)… «ее пейзаж похож на сон» (Джордж Гордон Байрон)… «как в сновидении» (Гуго фон Гофмансталь)… «этот город, как сон» (Райнер Мария Рильке)… «жизнь венецианца похожа на сон» (Бенджамин Дизраэли)… «когда находишься в Венеции, словно видишь сон» (Джон Аддингтон Саймондс)… «похожая на сон, туманная, но великолепная» (Джон Рёскин)… «город моих снов» (Жорж Санд)… «прекрасный сон наяву» (Фрэнсис Троллоп)… «мы все время ходили, как в полусне» (Марк Твен). Возможно, здесь важно, что все эти характеристики датируются XIX и началом XX века. Они часть культуры, в которой внутренняя жизнь впервые сделалась предметом изучения. Как уже бывало, город, бесконечно податливый, меняющийся, смог удовлетворить культурные ожидания нового периода. Он дышал духом века. Зигмунд Фрейд посетил Венецию несколько раз. Он упоминает город в «Толковании сновидений» (1900) как место, где ему приснился один из самых тревожных снов. Сон о военном корабле, плывущем по лагуне.

Вряд ли стоит ставить под сомнение, что Венеция до сих пор обладает странной властью над

человеческим воображением. Прогуляться по городу — все равно что оказаться в сбывшейся фантазии. Вода провоцирует воспоминания о прошлом, а долговечный старый кирпич и камень и делают их реальными. Присутствие воды пробуждает бессознательные желания и фантазии. В этой книге уже упоминались нежность и тепло материнской утробы…

Венеция всегда была городом роскоши, а роскошь — это вещи, о которых грезишь.

Самый значительный венецианский текст начала современной истории носит название «Гипнэротомахия Полифила» (1499), или «Любовное борение во сне Полифила». Это малоизвестное анонимное произведение, смысл которого остается неясным, но оно по большей части посвящено промежуточному состоянию между иллюзией и реальностью. Здесь есть сны, сны внутри снов, в которых появляется ряд причудливых архитектурных образов. В этом отношении книга — совершенно венецианская по духу.

Глава 10
Тюрьма

В четвертой песни «Паломничества Чайльд Гарольда», говоря о Венеции, Байрон неточен:

> *В Венеции на Ponte dei Sospiri*[1],
>
> *Где супротив Дворца стоит тюрьма*[2]...

Поэт либо не знал, либо забыл, что в самом Дворце дожей тоже существовала тюрьма. Американского путешественника Джеймса Адамса в 1760 году привела в замешательство и испугала атмосфера города. «Ради Бога, давайте приведем дела в порядок, — писал он, — и уедем из этой отвратительной тюрьмы».

Файнс Моррисон писал, что «венецианские женщины сидят дома взаперти, как в тюрьме». Чарлз Диккенс, плывя по каналам Венеции, думал о темницах и представлял сцены ужасной ночи, «каморку, куда в полночь приходил монах

---

[1] Примечания: 1
Мост вздохов.

[2] Примечания: 2
Перевод В. Левика.

исповедовать политического преступника; скамью, на которой его душили; зловещий склеп, в котором его завязывали в мешок…» В XIX веке Венеция наводила ужас. Самая известная авантюра любимого сына Венеции, Джакомо Казановы, — побег из городской тюрьмы, в которую он был посажен. От запаха помоев, выливаемых в каналы, и запаха трюмной воды в самом городе часто воняло тюрьмой.

В Венеции находятся несколько самых известных тюрем мира. Мост вздохов, названный так из-за рыданий тех, кого должны были заключить в тюрьму, — самый живописный из всех символов наказания. Название он получил в XIX веке в большой мере благодаря Байрону. В конце XVIII века Уильям Бекфорд, плывя в гондоле под этим мостом, вспоминал Пиранези, художника, родившегося в республике Венеции, бессмертную славу которому принесли вызывающие головокружение мрачные изображения порожденных его фантазией тюрем. Несмотря на огромный успех и признание в Риме, Пиранези любил подписываться *architetto Veneziano* (венецианский архитектор). Из своей гондолы Бекфорд посмотрел вверх, на самую высокую часть тюрьмы и, схватив карандаш, «принялся рисовать бездны

и подземные пещеры, обитель страха и пыток, с цепями, механизмами и ужасными орудиями пытки…» Вот образы, которые навеяла ему Светлейшая.

Судебный комитет вызывал в городе ужас и ненависть. Он был создан в 1310 году в результате политического заговора группы патрициев и вскоре стал неотъемлемой частью государственной структуры. В XV–XVI веках он обладал властью, равной власти Сената. Он занимался предотвращением угроз беспорядков и беззакония в пределах республики, и потому его полномочия были весьма широки. Комитет представлял собой внутренние полицейские силы, небольшие и маневренные. Его члены встречались тайно каждый день. Они носили черные мантии и были известны как черные инквизиторы. Комитет использовал тайных агентов и сеть анонимных осведомителей во всех частях города. Комитет не разрешал свидетельствовать обвиняемому, а его свидетели не могли подвергаться перекрестному допросу. Допросы обвиняемого по большей части проводились в темноте, а из комнаты трех глав Комитета лестница вела в подземную тюрьму и камеры пыток. Вердикты Комитета не допускали обжалования. Пригово-

ры: изгнание или смерть через удушение или утопление — приводились в исполнение без промедления. Это был, по словам Руссо, «кровавый суд, в равной степени ужасный для аристократов и для народа». Несомненно, в высказывании Руссо есть преувеличение, так же как и в других, авторам которых нравится лелеять миф о Венеции как темном и порочном городе, но нет сомнения, что репутация Комитета была одним из важнейших элементов для понимания венецианской политики. Он символизировал тайную жизнь города.

Тюрьмы в полном смысле этого слова представляли собой часть подлинного и метафорического мира венецианцев. Записная книжка купца XIV века содержит список всех тюрем города. Пользовавшиеся печальной славой тюрьмы в Венеции на деле были частью Дворца дожей. Закон гласил, что дож лично должен хранить ключи, в этом крылся намек на то, что тюрьмы поддерживают законность и власть в государстве. Тюрьмы располагались на обоих берегах Рио делла Палья, которая течет позади Дворца; камеры на уровне нижнего этажа были известны как «колодцы», по причине того, что в них часто набиралась вода, а те, что находились на верхнем этаже,

назывались «свинцовые» из-за пластин свинца, которыми была покрыта крыша. Некоторые из одиночных темниц имели названия, такие как «Лев» или «Вулкан». Считалось, что зловонные стены вредны для здоровья до такой степени, что лучше быть заживо погребенным.

Но, как и в большинстве аспектов венецианской жизни, здесь было много фантазии и мифотворчества. Предполагаемые ужасы венецианских тюрем могли быть связаны с их близостью к воде, могли истолковываться как часть мира, кроющегося за ритуалом и маскарадом. То же самое можно отнести к любому аспекту венецианской жизни. Какие страшные пытки и пороки могли скрываться в прекрасном городе?

Что спрятано? Ответ может быть — ничего. Когда французские войска вторглись в Венецию и в 1797 году победили ее, в «колодцах» нашли всего одного заключенного. Он пробыл в заточении шестнадцать лет. Выйдя на площадь Святого Марка при ярком солнечном свете, несчастный тут же ослеп и вскоре умер.

Казанова, сидевший в «свинцовых», через решетки своей камеры увидел крыс устрашающего размера, беспечно разгуливающих по чердаку. Когда он спросил тюремщика о мерзавцах,

которые сидят по соседству с ним, тот ответил, что, напротив, это уважаемые люди, которые по причинам, известным только властям, «должны были быть изолированы от общества». Это только подчеркнуло для него «ужасный деспотизм», объектом которого стал и он сам. Казанова бежал, проделав лаз на крышу подобием штыка, который изготовил из куска металла. Его рассказ о заключении в тюрьму и побеге — одна из главных историй всей Венеции.

Принято считать, что Казанова умер в Богемии 4 июня 1798 года, однако существует неофициальная история, согласно которой он тайно вернулся в Венецию после Французской революции и жил там инкогнито. Говорят к тому же, что он совершал некие некромантические ритуалы, чтобы гарантировать себе бессмертие. Некоторые полагают, что он продолжает жить в своем нетленном теле, другие считают, что он возрождается в каждом венецианском младенце. На самом деле, он *Genius loci* (Дух, или Гений места). И он никуда не исчезал.

Образ тюрьмы часто используется, чтобы вызвать в воображении настроение Венеции, ее фон. Как евреи в своем гетто, граждане города в некотором смысле тоже заключенные, они окружены

водой, как если бы были узниками Алькатраса (тюрьмы на острове в заливе Сан-Франциско). Никто из граждан Венеции не мог покинуть ее без официального разрешения. Вот почему в городе было относительно мало преступлений, ведь там, где все следят за всеми, негде спрятаться.

Путь на материк легко перекрыть. Венецианцы вдобавок находились под пристальным полицейским присмотром. В XIV веке здесь на одного полицейского приходилось двести пятьдесят граждан, при том, что законы были ужесточены Советом десяти и *signori di notte* (ночными блюстителями порядка). Здесь были также начальники стражи и *sbirri* (полицейские ищейки). Рассказывали, что *sbirri* поступали с преступниками следующим образом: набрасывали на них свои плащи и затем, закутав, вели в тюрьму. Молчание и тайна как нельзя лучше соответствовали распространенному образу города. Они согласовывались с принудительно введенными законами и постоянным наблюдением.

В Венеции редко можно (или можно было) найти уединение. Люди сбивались в толпу. Члены маленьких общин каждого прихода были кровно связаны между собой. Частное пространство было невелико. Личные интересы подчинялись

общественным нуждам, человек включался в общину, а частная жизнь не считалась важной. Все это может вызывать сильнейшее чувство клаустрофобии. Люди не могут убежать друг от друга, не говоря о том, чтобы уехать с островов, на которых вынуждены оставаться.

Глава 11
Тайны

Тень, которую отбрасывает тюрьма, порождает тайны. Там, где частная жизнь осознается как роскошь, хранение тайн приобретает всеобъемлющий характер. Город масок непременно должен быть и городом тайн. Жители города, несмотря на внешнюю общительность, известны скрытностью. Они не приглашают к себе домой случайных знакомых. На портретах венецианцы, как правило, хранят непроницаемый вид, здесь изображена скорее их должность, а не личность, действительный темперамент или особенности характера остаются тайной. Они непроницаемы. Об одном доже говорили: «Никто не знает, что он любит или ненавидит». Некий публичный лектор из другой части Италии не сумел втянуть своих слушателей, молодых венецианских аристократов, в какую бы то ни было политическую дискуссию. «Когда я их спрашивал, — пишет он, — что люди думают, что говорят и чего ждут от того или иного движения в Италии, все они отвечали в один голос, что ничего об этом не

знают». Было это молчание выражением страха или недоверия? Кто же станет дискутировать в городе, откуда человека могут изгнать на основании лишь подозрений? Завоевав в 1797 году Венецию, Наполеон захотел изучить только что завоеванных людей. Его интересовало, в частности, каковы убеждения и предубеждения венецианцев. Местные авторы исследования не смогли просветить Наполеона в этом, поскольку, по их словам, ответы на такие вопросы недопустимы. Ни один другой город так не заставляет молчать своих обитателей. Действительно, бывали времена, когда любая оплошность могла дорого обойтись. Когда два стеклодува, владевшие секретами своего ремесла, бежали в 1745 году в столицы иностранных государств, Сенат распорядился отравить их.

Отмечалось, что на Риальто банкиры и торговцы, как правило, разговаривали приглушенными голосами. Управление городом происходило тайно. Мы можем представить это как таинственность на восточный манер: с тайными встречами, тайными выплатами, тайными аудиенциями, тайными решениями и тайными смертями. Когда новых аристократов знакомили с практикой правления, их клятва верности включала обеща-

ние «веры и молчания». Это весьма характерно для Венеции. Одна из аллегорических картин во Дворце дожей — «Молчаливость». На базилике Святого Марка есть странная каменная фигура — старик на костылях, приложивший палец к губам. Говорят, что Венеция была тайной олигархией, она не только хранила свои тайны, но природа ее собственной идентичности тоже была тайной.

Клятва Совета десяти звучала так: *Jura, perjura secretum prodere noli* (Клянись, давай зарок, храни тайну). В анналах правительства есть страницы, где можно найти слова *non scribatur* (не записывать). Некоторые венецианские хроники были сожжены. Архивы правительства были засекречены, дож не имел права просматривать их без сопровождения чиновника. Хранителем архива был человек, не умевший ни читать, ни писать. В тексте XVIII века «Китайский шпион» утверждается: «Молчание — символ этого правительства, все кругом тайна, и все покрыто таинственностью. Политическая деятельность скрыта за тяжелой завесой тьмы. В Венеции тех, кто говорит, погребают заживо в свинцовом гробу».

Историк XVII века свидетельствует, что «любые послы могут позавидовать венецианцам в уме-

нии превратить все свои действия в секретные с целью заговора. Они обсуждают каждое слово и действие и на их основании делают серьезные предположения и касающиеся государства выводы». Ни один венецианский чиновник не смел разговаривать с иностранным дипломатом под страхом смерти или пожизненного заключения. Оперные ложи были снабжены крохотными «гостиными», дипломатам следовало посещать какой-либо из оперных театров хотя бы для того, чтобы узнавать тайны, которые в противном случае были бы от них скрыты. Парадоксальным образом секретность только способствовала подозрениям и заговорам. Венеция слыла городом заговоров.

В 1511 году на заседании Сената произошла резкая перепалка, которую Совет десяти счел настолько постыдной, что о ней нельзя было упоминать, и от участников этого заседания потребовали клятву хранить тайну. По поводу множества предложений и споров, ставших известными Сенату, участникам заседания тоже приходилось давать обет молчания. Некоторых сановников заключали в тюрьму или отправляли в изгнание, чтобы те не могли ничего рассказать. Тайна была необходима для общего блага. Сенат

целый месяц обсуждал, заключать ли в тюрьму некоего венецианского адмирала за некомпетентность и должностное преступление, при этом до адмирала не дошло ни слова из обсуждений до момента ареста. Друзья, страстно выступавшие в защиту адмирала, не предупредили его. Когда в Венецию стали просачиваться слухи о тяжелом военном поражении, Совет десяти отказывался обсуждать этот вопрос и сажал в тюрьму любого, кого подозревали в распространении слухов.

В конце XVIII века произошел казус с «венецианской тайной». Эта тайна преследовала сэра Джошуа Рейнолдса до могилы. Тайна касается теплой текстуры венецианской живописи. Как художники создавали золотистый, сияющий тон? Рейнолдс в поисках разгадки даже соскоблил немного краски с холста Тициана. Некая женщина, Энн Провис, заявила, что знает эту тайну, что она содержится в копии утраченного текста, посвященного методам и практике великих венецианских живописцев. Энн Провис обещала показать текст, но только в обмен на наличные деньги. Разумеется, это было мошенничество. Джеймс Гиллрей создал по этому поводу карикатуру под названием «Возрожденный Тициан, или Семь мудрецов советуются с новым венеци-

анским оракулом».

Венеция была хорошо известна как город тайн, молчания и секретности. Генри Джеймс описывает ее как город «бесконечно странных тайн», а в «Женском портрете» (1881), действие которого частично происходит в Венеции, ощущается почти нестерпимое напряжение от слов, которые так и не были произнесены. Подобная атмосфера в высшей степени подходила венецианскому духу интриги. Казанова говорил о венецианских соотечественниках: «Их самая известная черта — делать тайну из ничего». В прошлом венецианцы делали тайну из правительства или из любви, теперь они счастливы создавать тайну ради тайны. Для таинственности были созданы гондолы с их маленькими кабинами со ставнями или черными драпировками. Венецианский писатель Джованни Мария Меммо писал в 1563 году, что в домах Венеции «следовало бы иметь потайные двери, через которые можно было бы входить и выходить незамеченным».

Венеция до сих пор не лишена таинственности. В городе идет тайная жизнь, которую не видят тысячи туристов, занявших все публичное пространство. Вот почему здесь так трудно найти хороший ресторан — венецианцы придержива-

ют их для себя.

Водная стихия усиливает чувство одиночества и тайны. Каналы превращают улицы в далекие и незнакомые.

Тайна сопутствует и тревоге, и стыду. Те, кто хранит секреты, могут скрывать и свою истинную натуру. Таинственность ведет к утаиванию и притворству. Считалось, что венецианцы никогда не обсуждают истинных мотивов собственных действий в событиях мирового значения.

Секретность имеет отношение и к власти. От изреченного слова можно отречься. В нем можно усомниться или опровергнуть его. Так что самым мощным остается непроизнесенное.

Тайный город приобретает вид лабиринта. Эта путаница вызывает беспокойство и даже страх у неосмотрительного путешественника. Она придает элемент интриги самому незамысловатому пешему маршруту. Венеция — город тупиков и кружных улочек, здесь есть кривые *calli* , неожиданные повороты, низкие арочные проходы и пустые внутренние дворики, над которыми, как туман, висит тишина. Узкие дворы кончаются выходом к воде. Местные жители легко находят дорогу, но чужой может заблудиться. И вдруг во внезапном озарении ты находишь то, что

искал, — маленькую церковь, дом, ресторан; они появляются перед тобой неожиданно. Так город преподносит подарок. Потом ты можешь не найти этого места — никогда. Кафка должен был понять Венецию.

Лабиринт — идея древняя. Это составная часть земной магии, которая, по словам специалистов, предназначена для того, чтобы помешать злым духам. Китайцы верили, что демоны способны передвигаться только по прямой. Считалось также, что в центре лабиринта находятся мертвецы. Неудивительно, что лабиринты сохраняют власть над человеческим воображением. Лабиринт из классического мифа — место, где юному и невинному существу грозит опасность и, может быть, смерть. Истинный секрет венецианского лабиринта в том, что ты не можешь увидеть или понять его в целом виде. Находясь в его границах, ты осознаешь его власть. У тебя нет возможности увидеть его должным образом снаружи. Получается, что ты заперт в путанице кривых улочек и каналов, и только так можешь понять самобытность города.

Схема нумерации домов трудна для понимания, в каждом *sestiere* номера начинаются с единицы и змеятся по улицам. Номера доходят до тысячи

без ссылки на улицу или площадь.

Во всяком случае, названия, закрепленные за улицами, оказываются другими, чем названия на картах города. Реальность Венеции не имеет отношения к путеводителям и картам. Самое короткое расстояние между двумя точками здесь никогда не бывает прямой линией. Так паутина Венеции создает тайну.

Город пробуждает знакомые с детства ощущения игры и забавы, чуда и ужаса. Здесь легко поверить, что тебя преследуют. Шаги отдаются эхом в каменном лабиринте. Внезапно открывшаяся улочка или внутренний двор — неожиданность. Возможно, ты краем глаза заметишь тень или силуэт или увидишь кого-то в дверях. Когда бродишь по Венеции, тебя часто охватывает чувство нереальности, ты словно во сне или, вернее, не во сне, а в реальности другого порядка. Иногда жизнь прошедших времен кажется совсем близкой — рукой подать. Близость прошлого ощущается в узких проходах и тесно сдвинутых стенах. Здесь можно почувствовать естественный, камень за камнем, рост города. Можно ощутить историческое движение развернувшегося перед тобой города. В стихотворении Томаса Стернза Элиота есть фраза о том, что у

истории «множество хитрых тропинок, коленчатых коридорчиков, тайных выходов»[3]. Это о Венеции.

По отвечавшим эхом *calli* новости разносились быстро. Венеция была центром новостей, от Востока до Запада и от Запада до Востока. В начале современной эпохи она была главным каналом новостей в мире. Переписка купцов в XIII веке представляет собой значимый источник информации. Тот, кто первым узнавал новости — о важной сделке или о нехватке какого-либо товара, — получал наибольшую прибыль. Важнее всего была скорость. Дорогам полагалось быть в хорошем состоянии, а кораблям — плыть с высокой скоростью. Венеция была одним из первых городов, организовавших в XIV веке *compagnia dei corrieri* (курьерскую службу). Тем не менее письмо шло из Нюрнберга в Венецию четыре дня.

Новости и предположения лежали в основе половины бизнеса Риальто. Венеция не стала бы центром торговли, если бы не была центром новостей. Они поступали со всех сторон — от конных курьеров, из докладов дипломатов, из писем управляющих. Информация стремитель-

---

[3] Примечания: 3
Перевод А. Сергеева.

ным потоком обрушивалась на рынок. Ставшую известной новость обсуждали. Существовала гостиница «Золотой корабль», где венецианцы могли встретиться, чтобы «еще раз обсудить свои сведения, один с другим… туда же приходили купцы-иностранцы». Самые первые кофейни были открыты в Венеции именно для обмена информацией. Состоящий из людей город сам может рассматриваться как средство получения и использования информации. Венеция — город, превосходящий все другие, несомненно, превосходила их и в этом отношении.

Венецианцы гонялись за свежими новостями и последними сенсациями. Вчерашние новости в расчет не принимались. Записи в дневниках Марино Санудо в начале XVI века часто предварялись фразой «стало известно, что…» Свежие новости венецианцы слушали, «насторожив уши». Сообщения, известные как *notizie* и *avvisi*, публично читали вслух тем, кто, чтобы услышать последние новости, платил мелкую монетку, называвшуюся *gazzetta*. Неудивительно, что такую жажду новостей некоторые считали заразой или смутой. Сэр Генри Уоттон описывает «страсть к новостям» как «подлинную болезнь этого города». Одни новости оказывались важнее других.

В письме от 31 марта 1610 года сэр Генри Уоттон пишет из Венеции об «удивительной новости… которая заполонила все кругом». Это была новость об открытии Галилея.

Один из жителей Венеции считается первым журналистом (если это подходящее слово). Его зовут Пьетро Аретино. Он прибыл в Венецию в 1527 году после изгнания из папского двора в Риме, и следующие двадцать девять лет жизни посвятил публичным выступлениям в Венеции. Он сочинял пьесы, религиозные трактаты, стихотворные подписи к порнографическим рисункам и при этом преуспел в мире еженедельных газет, которые в то время были широко распространены в Венеции.

Один из ранних биографов описывает его как «первого великого авантюриста прессы». Пьетро Аретино преуспевал в искусстве создания собственного имиджа и описывал ежедневные события языком улицы. Он писал пасквили, или листовки, которые распространялись по всему городу, и он придал новый блеск такой разновидности издания, как *giudizio* (суждение, мнение). Местные новости и срочные известия стали теперь продуктом публичной печати. Аретино писал по заказу. Он превратил новости в товар,

действуя как любой другой венецианский купец. Его статьи передавали аромат живущего бурной жизнью города. Аретино расцвел в этом городе, и в благодарность разражался непомерными восхвалениями в адрес своих хозяев. Поэтому его терпели. По правде говоря, Аретино не смог бы существовать нигде больше.

Один из первых журналистов, Гаспаро Гоцци, издавал в разное время *L'Osservatore Veneto* и *La Gazzetta Veneta.* Последняя, основанная в 1760 году, выходила дважды в неделю, у ее издателя имелось четыре бюро, где принимали новости, а также оформляли подписку. Там публиковались новостные сообщения, реклама, разговоры, подслушанные на площади Святого Марка, обеденные карты, мольбы «одиноких сердец» и т. п. Здесь была вся жизнь Венеции, от истории привратника, который, изрядно выпив, разбился насмерть, выпав из окна, до обменного курса. Это была одна из многих листовок, газет и еженедельных писем с новостями, рассылавшихся по подписке. Многие из них публиковали сообщения о частных скандалах и ссорах, не отказывая себе в передаче слухов и намеков, перепечатывали частные письма, ставя тем самым в трудное положение некоторых известных венециан-

цев, заботившихся о своем *buona fama* (добром имени).

Газеты были чем-то вроде сатир на определенную тему, распространявшихся на улицах, приметой города, одержимого собственной общественной жизнью. Но одного в них не было. Политические дебаты города проходили незамеченными, без комментариев. Правительство Венеции оставалось замаскированным.

Тем не менее Венеция полнилась слухами и интригами. Шпионы заполонили город. Шпионили куртизанки. Шпионили гондольеры. Шпионили государственные инквизиторы. Свои шпионы были у Совета десяти. Существовали шпионы за гильдиями, которые сообщали сведения о каждом ремесленнике или рабочем, нарушившем правила ведения дел. Были политические шпионы, собиравшие сведения для разоблачения какого-либо подкупа в процессе выборов или правления. Одни шпионы шпионили за другими, а за ними, в свою очередь, велись слежка и наблюдение. Строгий надзор осуществлялся в доках, которые были воротами для людей и товаров. Неизменным правилом для иностранцев и других заинтересованных сторон было молчание. Пока ты молчал, ты оставался на свободе.

Рассказывают, что как-то Вивальди шел по площади Святого Марка с дрезденским скрипачом Иоганном Пизенделем. Неожиданно он прервал беседу и попросил своего друга немедленно вернуться с ним домой. За закрытыми дверями Вивальди велел Пизенделю оставаться в доме, пока он не выяснит, какое преступление тот совершил — если совершил — против могущества Венеции. Оказалось, что кто-то принял скрипача за другого человека. Но страх остался. Его порождало само чувство, что за тобой следят.

Один из секретарей Совета десяти был экспертом по расшифровке кодов и шифров. В каждом иностранном посольстве или землячестве имелся один (или более) постоянно живущий там шпион. Подворья для иностранных купцов, наподобие Фондако деи Тедески для торговцев из Германии, были битком набиты шпионами, венецианские весовщики и маклеры в подобных местах, как было известно, полуофициально работали на государство.

Одна из гранд-дам, Элизабетта Дзено, держала салон, который посещали сенаторы. За ширмой прятались двое слуг, которые ради грядущей выгоды хозяйки салона записывали все, что там говорилось. Узнав о заговоре, венецианцы

отстранили сенаторов от любой публичной деятельности. А Элизабетту Дзено сослали в Каподистрию.

Предполагалось, что каждый венецианец на чужой стороне должен был принять на себя роль шпиона, это расценивалось как гражданский долг. Венецианские прелаты, будучи в Риме, как ожидалось, должны были вызнавать секреты папских анклавов. Венецианские купцы, совершавшие поездки в другие страны или другие города, оказывались особенно полезны, ведь они могли использовать в качестве кода язык торговцев. На выдуманном языке рынка турки, к примеру, могли обозначаться как «неходовой товар», а артиллерия как «зеркала».

Шпионство в Венеции было и работой, и развлечением. Жители города всегда наблюдали и до сих пор наблюдают за согражданами. Строения пребывали в таком состоянии, что наблюдение можно было вести сквозь трещины в стенах и щели в полу. Дома власть имущих тоже не были свободны от этого. Однажды трое молодых людей сумели проникнуть через потолок Сената в зал и услышать выступление посла, только что вернувшегося от двора Оттоманской империи. По всему городу действовало множество различных

доносчиков-профессионалов и доносчиков-любителей. Для этого существовали побудительные причины: обвинители получали награду, если выяснялось, что их сведения верны, а их имена на благородный венецианский манер оставались в тайне. Венецианцы придумали особую форму разоблачения, известную как *denuncia, denontia segreta* (секретный донос). И сейчас венецианцы, если считают нужным, доносят друг на друга. В небольшом городе унижение — самое страшное наказание. Иногда правительству достаточно «перечислить и пристыдить» виновных.

Разумеется, разрушая личную привязанность людей друг к другу, городское руководство процветало. При этом обычай разоблачения можно рассматривать как некое противоречивое или искаженное выражение гражданской свободы и гражданской принадлежности. Воплощением его служили *bocca di leone* (львиная пасть), которые можно было обнаружить в самых разных частях города. Пасть на отвратительной гротескной морде была почтовым ящиком для доносов на любого венецианца. Обвинитель должен был подписать донос, присовокупив подписи двух свидетелей, ручавшихся за его (или ее) доброе имя; сведения могли относиться к чему угодно — от расточи-

тельности до распущенности нравов. Анонимные обвинения должны были сжигать, но если они были связаны с безопасностью государства, их могли принимать к сведению. Львиные пасти были, разумеется, еще одним венецианским изобретением. Это была пасть города, вместительное отверстие для слухов и сплетен, свидетельствующее о том, что здесь царит атмосфера надзора, даже в самых укромных уголках. Имелись пасти, предназначенные для обличения тех, кто мошенничал с налогами или подделывал продукты. Жена могла донести на мужа, сын на отца. Эта же практика распространялась на венецианские владения. В некоторых венецианских загородных домах на материке существовала *bocca delle denoncie segrete* (пасть для секретных доносов), куда осведомители могли положить донос на кого-либо из работающих в поместье.

Сплетни и скандалы способствовали разжиганию страстей в Венеции. Город представлял собой сеть маленьких кварталов, каждый из которых напоминал деревеньку, но так как эти «деревеньки» располагались на острове, атмосфера слухов сгущалась. Фраза «Вся Венеция узнает» была расхожей. Казанова жаловался, что стал «предметом пересудов в городе». Слухи распространялись

необычайно быстро, настолько быстро, что уличные мальчишки знали имя следующего дожа, прежде чем оно было официально объявлено. Здесь все знали, «о чем говорят в городе». Невестка одной из венецианских возлюбленных Байрона, по словам поэта, «рассказала об этом половине Венеции, а слуги… другой половине». Слухи разносились тысячью языков, и, как сказал некий венецианский аристократ, «каждый говорит, что хочет, кому-то ночью приснится сон, и утром он всем его рассказывает». Слухи были испражнениями Венеции. Если хорошо удобрить ими почву, может вырасти что угодно. Уильям Дин Хауэллс в «Жизни в Венеции» (1866) замечает: «Вообразите убожество сплетни у камина, добавленное к злобной ловкости, уму и проницательности одаренного повесы, и вы получите некоторое представление о венецианском скандале». Венецианские сплетни касались любой мелочи. Такие разговоры иногда называли *ciaccole* (пересудами), и само слово, кажется, подчеркивало ничтожность предмета обсуждения.

Жертвы, разумеется, бывали очень оскорблены. Множество народных венецианских песен повествует о бедах, причиненных злостными слухами и «лживыми языками». Некоторые из

жертв склонялись к тому, чтобы просить Божественного заступничества. К примеру, некий венецианец, чтобы избежать «злобных толков», собирался пожертвовать картину «Мадонна в экстазе», если его жена родит в положенное время. Когда государственный секретарь Пьетро Антонио Гратароль понял, что осмеян в одной из пьес Карло Гоцци, то попытался запретить ее или подвергнуть цензуре, но безуспешно. Тогда он бежал в Падую без разрешения венецианских властей и был в конце концов заочно приговорен к смерти. Но и самое страшное наказание не перевешивало страха перед сплетнями и насмешками. Гратароль не мог вынести злорадных пересудов.

Сплетни принимались как свидетельство в суде. Они не оглашались в зале заседаний и, как правило, считались прерогативой женщин и слуг. Но продавцов фруктов, уличных торговцев и гондольеров тоже вызывали в суд, они давали показания на основании того, что видели или слышали. Свидетельства показывают, что «весь двор был там» или что «если один это сказал, то и все говорят». Самые интимные тайны брака были известны всей общине, которая не отказывалась встать на сторону того или другого из супругов в любом супружеском конфликте. Для

соседей в подобных ситуациях было совершенно естественным войти в дом или толпиться в дверях. Венецианская идея «общего блага» обретала здесь наглядность.

Комедии Карло Гольдони дают прекрасное изображение необычной социальной жизни. Люди приходят в дом, оттуда переходят в другой. Двери и окна постоянно открыты. Таверны и лавочки находятся рядом, поэтому разговор, начавшийся в гостиной, без помехи может быть продолжен в гостинице. *campo* или *campiello* (уменьшительное от *campo*) представляют собой одно большое домашнее пространство. Забавно, что в Венеции общественные дела сохранялись в строжайшей тайне, в то время как частные дела практически сразу становились известны публике. В этом смысле сплетни могли в какой-то мере служить компенсацией.

Соседи и домочадцы приходили в суд, чтобы свидетельствовать под присягой. Считалось, что их свидетельства станут общественным достоянием. Поэтому люди следили друг за другом днем и ночью. Они изучали друг друга. Это облегчалось тем, что все знали друг друга в лицо. В опере, как правило, все бинокли были направлены в зрительный зал, а не на сцену. Хотя в каком-то

смысле сидящих в зале тоже можно считать участниками спектакля. Венецианцы до сих пор отличаются пристрастием к сплетням. Чужих людей в привычной обстановке непременно замечают и, если нужно, сообщают о них в полицию. Телефонные линии здесь без конца заняты.

Глава 12
Хроники

Венеция была консервативным обществом. Она чтила традиции. Она благоговела перед властью. Город всегда пребывал в поисках своих исторических начал, следовательно, почитал начала. Он преклонялся перед прошлым. Уважение к обычаям касалось всех уровней и всех аспектов венецианской культуры. Обычай выражал унаследованную волю и инстинкт народа. Обычай был воплощением общины. Существовала стереотипная фраза, сопровождавшая принятие установлений: новый закон следует «самым старинным обычаям» города. Других обоснований не требовалось. Это была некая разновидность успокаивания. К тому же считалось, что обычай превыше закона. Опыт в Венеции всегда был важнее теории. В этом городе никогда не случалось революций.

В социальной жизни людей господствовал обычай. Проявить невнимание к костюму при посещении церкви или при приеме гостей означало подвергнуться критике. Среди всех страхов

венецианцев самым большим была боязнь публичного бесчестья. Именно поэтому венецианцы часто бывали чрезмерны в публичной щедрости и при этом скромны до нищеты в собственном доме.

Художники Венеции использовали узкий иконографический диапазон. Архитектура города известна традиционализмом. Вид домов, больших и маленьких, оставался неизменным в течение веков. Если дома разрушались, их строили снова на том же месте по тем же принципам и из тех же материалов, остатки старого здания использовались при постройке нового. Основания их всегда можно было использовать заново, окаменевшее дерево не гниет и не горит.

В предписаниях строителям содержится неизменное требование — построить это здание заново в соответствии с его первоначальными размерами, не делая стену выше, чем существовавшая ранее, реконструировать дом там, где он стоял прежде. Возможно, это была боязнь текучести, изменчивости — боязнь воды. Казанова говорил, что аристократы Венеции трепещут при одной мысли о нововведениях. Сама власть это консервативная сила. Венецианский историк XVI века Паоло Парута отмечал, что государства

сохраняются благодаря продолжению традиций, на которых были основаны. Изменения пагубны.

Даже в сфере коммерческой деятельности, в чем город был наиболее опытен, существовала явная антипатия к переменам. Часто говорилось, что венецианцы изобрели искусство двойной бухгалтерии, на самом деле эта техника была придумана в Генуе. Генуэзцы первыми стали чеканить золотые монеты, первыми ввели договоры страхования и изготовили первые морские карты, Венеция, как правило, отставала лет на пятьдесят или больше. Она заимствовала у других. Она не создавала *ab novo*. Она боялась нововведений, не верила им. Только военная интервенция Наполеона положила конец системе, просуществовавшей пять столетий без значительных перемен. До 1797 года Венеция была единственным примером средневекового города-государства. Ведь она была островом.

Венецианцы были помешаны на своей истории. Они составили самый большой корпус хроник в итальянском мире. С XIV века накопилось более тысячи подобных текстов. Дневники Марино Санудо, излагающие в подробностях самые незначительные или скучные события конца XV и начала XVI века, занимают пятьдесят

восемь томов *in folio*. В них рассказывается, в частности, как в возрасте восьми лет он составлял список картин во Дворце дожей. Он, подобно другим хронистам, был захвачен жизнью города — его законами, церемониями, торговлей, обычаями, договорами — и полагал, что все это чрезвычайно важно и интересно. Возможно, это узкий взгляд, но он понятен. Устами Санудо говорит Дух дворца. Он мог истинно быть собой, действуя как медиум Венеции.

За хронистами последовали историки. К середине XV века были написаны тома с такими названиями, как *De origine et gestis Venetorum* (О происхождении (начале) и деяниях венецианцев). «Происхождение» (начало) здесь не менее важно, чем «деяния». Начало служит объяснением деяний. В 1515 году Андреа Навагеро был назначен официальным историком Венеции, на этой должности от него ожидали прославления «неизменности и непобедимой доблести» города. Это и был момент создания мифа о Венеции. Идея государственного историографа сама по себе интересна, она подразумевает, что эта задача не может быть предоставлена свободному исследователю. Что же касается официальных биографов, их искусство состоит как в умении

что-либо обнаружить, так и в умении скрыть.

К сожалению, Навагеро не вполне преуспел в осуществлении поставленных перед ним задач и в завещании велел сжечь свои заметки и бумаги. Возможно, он обнаружил слишком многое. За ним последовала череда государственных историографов, которые, как художники XVI века, соединяли на своих сюжетно-тематических картинах сиюминутные подробности с общим прославлением священной истории Венеции. Они всегда видоизменяли миф, приспосабливая его к существующим обстоятельствам. Они описывали и предписывали, искренне убежденные в том, что предоставляют практический путеводитель управления тем, кто придет после них. Все должно было быть объяснено и понято в терминах исторического идеала. Историографы были убеждены, что составить схему истории — значит, открыть ее очевидную судьбу. Ключ — в традиции. В городе, который постоянно волнует вопрос собственного выживания среди моря, сама продолжительность существования считалась достойной прославления.

Почитание обычая и традиции не всегда оказывалось полезным. Нельзя сказать, что именно этим был вызван политический и экономический

упадок города, но присущий власти консерватизм и традиционализм ослабляли возможности улучшения и обновления. Аристократы, успокоенные собственными утверждениями относительно своего превосходства, зачастую принимали заведомо гибельные решения. Использование ими в своих интересах Константинополя и разграбление его вместе с союзниками прямо способствовало завоеванию этого города турками 29 мая 1453 года. Венецианской промышленности наносили ущерб ограничительные нормы, введенные правительством. Как говорил в конце XVII века Джозеф Аддисон, венецианцы «цепко держались старинных Законов и Обычаев к большому Вреду для себя, в то время как Торгующий Народ должен был быть готов к новым Переменам и Приемам, поскольку возникают различные Моменты и непредвиденные Случаи». Венецианцы хотели, к примеру, утвердить свою репутацию как производителей роскоши. Они придавали особое значение качеству, для чего, в частности, увеличивали расходы и цены. В растущей мировой экономике это было ошибкой.

Правители Венеции проявляли глубочайшее нежелание иметь дело с какими бы то ни было переменами. Поэтому Арсенал, кораблестро-

ительное предприятие, которое долгое время было примером технической эффективности, в XVII веке стало безнадежно отсталым. Здесь не произошло ни замены оборудования, ни обновления. Может быть, Венеция сомневалась в своей способности меняться и прилагала к этому все усилия, вместо того чтобы просто выживать. В этом ее бессмертное очарование.

Город принимал различный исторический облик, чтобы соответствовать велениям времени. Он восстановил себя как романский город. Во второй четверти XVI века публичные здания строились в романском стиле. Начало положили триумфальные ворота Арсенала, первый пример венецианской монументальности. В 1480 году к барельефам на Дворце дожей добавили каменные щиты и шлемы. Перед лицом угроз, исходящих от двух империй, Карла V Габсбурга и Сулеймана Великолепного, Венеция заявляла себя наследницей империи более великой. Рим был контекстом ее собственной исторической миссии. Считается, что и венецианская Конституция следовала римским оригиналам.

Аристократические фамилии города начали искать предков-римлян, благодаря которым они могли бы с долей вероятности стать наследника-

ми *virtus* (древней доблести). Семейство Корнато возводило свой клан к роду Корнелиев, а Барбаро — к Агенобарбу. Мантия представителей правящего класса была известна как тога, словно венецианские сенаторы чувствовали бы себя на Форуме в той же мере дома, как на площади Святого Марка. Историки города идентифицировали своих обнаруженных предков как беженцев из Трои, которые, так принято было считать, основали Рим. Все это было фарсом, но бывают времена, когда народ или народ-государство готовы воспринять самые абсурдные и экстравагантные идеи, чтобы укрепить самоидентификацию. В XVI веке венецианцы именовали себя «новые римляне».

Во всяком случае, венецианцы были зачарованы стариной. Всегда и повсюду в Венеции были старинные предметы, выпрошенные, взятые на время или украденные. В публичных местах устанавливали классические скульптуры и трофеи. В городе было множество известных антикваров. Были и пользующиеся дурной славой фальсификаторы, которые без труда могли изготовить любой фрагмент римской статуи или классическую бронзу. В подобном духе правители Венеции любили провозглашать, что некая деятельность

— назовем ее образованием — поддерживалась «с самого основания города». Это была обыкновенная неправда, но даже мошенничество выдавало почтение к старине как таковой.

Венецианцы были прежде всего заинтересованы в материальных следах античных культур Греции и Рима, их не интересовали интеллектуальные достижения античности. Греческий для венецианцев был скорее языком торговли, чем языком Платона. Латынь была необходимым *lingua franca* [4], а не средством откровения. В «Культуре Италии в эпоху Возрождения» Буркхардта есть большой раздел о возрождении античности как средстве нравственного и духовного осознания. Венеция в этом контексте не упоминается. Буркхардт просто хвалит ее как город, где процветает издательское дело, и как центр «вычурности и напыщенности» могильных надписей.

Венецианцы были, разумеется, горды собственной историей. «Я замечаю, — пишет леди Блессингтон в 1820 году, — что венецианские чичероне (гиды) и гондольеры часто обращаются к

[4] Примечания: 4

От итал. *lingua franca* — франкский язык, то есть язык, используемый как средство межэтнического общения в определенной сфере деятельности (*прим. пер.*).

прошлому процветанию Венеции, и всегда в тоне, который показывает их знание своей истории и гордость за прошлое великолепие города, чего не ждешь от людей этого класса».

Венеция была и остается городом, основанным на памяти. Это город ностальгии. Она живет воспоминаниями и представлениями о своем прошлом. И приезжих приглашали полюбоваться зданиями и сценами, которые настолько знакомы, будто ты каким-то образом помнишь их.

Поэтому, как можно было ожидать, венецианские архивы — вторые по величине в мире. Только архивы Ватикана превосходили их. Но не существует документов более богатых или более подробных, чем венецианские. Некоторые датированы IX веком. Все записано в надежде, что прежние решения и постановления могут пригодиться. Мерой эффективности государства служит то, что оно сохраняет официальную документацию. В этом смысле Венеция была очень эффективной. *Archivio di Stato*, один из многих официальных архивов, содержит сто шестьдесят километров папок и документов. Когда немецкий историк Леопольд фон Ранке впервые пришел туда в 1820 году, он был как Кортес на пике Да-

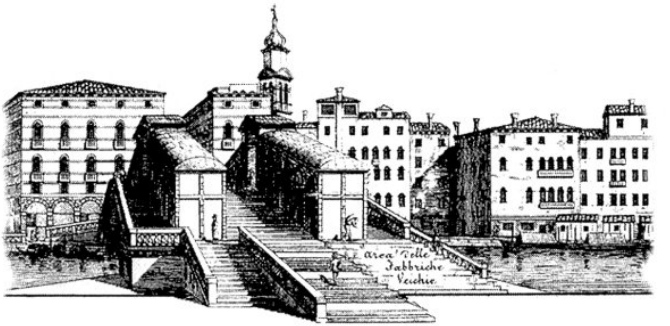
рьен[5], увидевший океан. Из схватки Ранке с этими бумагами возник первый опыт в том, что затем стало известно как научная история. Эти архивы до сих пор остаются бесконечным ресурсом для историков и социологов, которые находят здесь истории и драмы из венецианской жизни в большем количестве, чем в сценах из *commedia dell' arte*.

[5] Примечания: 5

«…Вот так Кортес, догадкой потрясен,
Когда, преодолев Дарьенский склон,
Необозримый встретил он простор»

(*перевод С. Сухарева*).
Сонет Джона Китса «При первом прочтении чапменовского Гомера». Джордж Чапмен — английский поэт и переводчик Гомера (*прим. пер.*).

IV
Торговая республика



Глава 13
Венецианские купцы

Коммерция и промышленность — вот Гений Венецианского государства. Торговля у Венеции в крови. То, что питало город, можно назвать первой капиталистической экономикой, однако эта фраза требует уточнения. Венеция представляет собой первую победу меркантилистского капитализма в Европе, пример ведения коммерции для Амстердама XVII века и Лондона XVIII. На рыночную площадь каждый приходил или покупать, или продавать; художник и священник искали выгоды наравне с купцами. Структура торговли определяла социальную и культурную структуру города. Мода и инновации стали ключевыми понятиями. Трезвый расчет и абстрактные отношения обмена и кредита сформировали совершенно новый тип общества — общество потребления, общество покупателей. Говорят, что дух современной экономики вырос из городского опыта. Париж только тогда стал городом, когда меркаторы, или купцы, поселились близ существовавших университетов и монастырей.

Все действия Венеции, в войне и в мире, определялись интересами коммерции. Она воевала только ради выгоды, не ради славы, и с холодной головой подсчитывала, какую финансовую прибыль можно извлечь из благочестивых порывов крестоносцев, а какую — из грубого разграбления Константинополя. Ее дипломатические договоры составлены в терминах компенсаций и репараций. В частном документе XV века, известном как *Morosini Codex* (Кодекс Моросини), есть формула описания бедствия: «Много людей погибло и много товаров испорчено». Суть торговли — в постоянно развивающейся экспансии. Однако сама Венеция расти не могла. Поэтому она эксплуатировала заморские территории — от материковой Италии до острова Кипр. На вершине могущества она была третьим по величине городом-государством Европы. При этом самым богатым. Вот почему собственный коммерческий интерес лег в основу национальной идеологии.

Самый ранний пример — соль. Обитатели лагуны торговали ею задолго до прибытия иммигрантов из Венето. Лагуна, где вокруг соленые воды мелководного моря, была идеальным местом для выпаривания соли. Венецианцы отнеслись к этому бизнесу ревностно. Они решили

добиться монополии по снабжению солью материка. Венеция завоевала другие центры соляного производства на ближайших территориях. Затем настал черед солеваров по всей Адриатике: их заставили закрыть свои производства, кого-то силой, кого-то подкупом. Вся соль, производившаяся на заморских территориях (к примеру, в венецианской колонии Кипр), доставлялась в Венецию и хранилась на ее огромных складах, откуда отгружалась покупателям по монопольным ценам. Город эффективно подавил малейшие намеки на конкуренцию. Это был венецианский способ делать бизнес. В подобном же духе Венеция воспользовалась спросом на пряности, возобновившимся в XII столетии, когда Средиземное море вновь открылось для судоходства. Очень скоро она захватила господство в торговле пряностями. В XVI веке, к примеру, из Александрии ввозилось почти шестьсот тонн перца в год. В городе были даже специальные перечные чиновники.

Крупнейшим источником доходов была торговля в дальних пределах; чем больше риска, тем выше прибыль. Подсчитано, что в начале XV века торговый флот города составлял около трех тысяч трехсот судов. Венецианские корабли покидали

порт в составе конвоев; каждый год отправлялось семь торговых экспедиций в разные пункты назначения. К примеру, один флот направлялся в Крым, другой — на Кипр и в Египет. Боевые галеры принадлежали городу, их сдавали в аренду тому, кто побеждал на аукционе. Это ярчайший пример проявления коммерческого инстинкта города. Оплата фрахта и даты путешествия оговаривались заблаговременно. Купцы, оставшиеся дома, могли вкладывать деньги в предприятие купцов, отправлявшихся в плавание, за соответствующую долю в ожидаемой прибыли. Так можно было получить немалый барыш. По возвращении больших торговых кораблей причалы в Венеции были завалены коврами, шелками, благовониями, мешками с гвоздикой и корицей. *Argosy* — так назывались эти корабли; воистину подходящее имя. Это слово происходит от названия порта Рагуза (Дубровник в теперешней Хорватии), в XVI веке — венецианской колонии.

В XIV веке воск и перец, сандаловое дерево и имбирь доставлялись в Европу венецианскими купцами из обеих Индий и Сирии, Тимора и Малабара. Восток не знал рыночных цен на Западе, а Запад понятия не имел о ценах на Востоке. А венецианские купцы знали и те, и другие. Металл

и мануфактура отправлялись на Восток, хлопок и специи — в обратном направлении. Венецианцы использовали возможности, которых другие города и страны не видели либо не обращали на них внимания. Венеция — поворотный пункт между тем, что мы называем Средневековьем, и началом Нового времени.

В Венеции были учреждены первые в мире банки. В официальных документах частные банки упоминаются с 1270 года. Также в XIII веке в Венеции был создан первый финансируемый из бюджета национальный кредит, называвшийся *monte* (буквально — *гора*, но здесь это слово приобрело иное значение — *столбик монет*). До XIV века в городе свободно действовали ростовщики, хотя в большинстве других городов их деятельность была запрещена. В XII веке начисление высокого процента называлось старым венецианским обычаем. Прилавки менял, покрытые ковром или тканью, стояли под сенью колокольни на площади Святого Марка. Воистину венецианцы сделали из денег религию. На переводных векселях часто можно было прочитать фразу «Христос да хранит тебя». Государственный (публичный) банк появился в Венеции в 1587 году, а Банк Англии — в 1694-м. Венеция стала

крупнейшим рынком золота и серебра в мире.

Венецианский купец — хозяин Венеции. Основатели города были купцами — или были вынуждены торговать, чтобы выжить. Даже дожи участвовали в торговле. То, что старейшее дворянство города было в полном составе вовлечено в коммерцию, являлось любопытной аномалией: отсутствовала иерархия рождения в соответствии с феодальной системой благородства. Вместо этого костяк социальной структуры был полностью сформирован коммерческими спекуляциями. Как писал английский посол в 1612 году, *omnes vias pecuniae norunt* (они знают все пути денег). Состояния делались не на земельной собственности, а с помощью мастерства в бизнесе. Это отчасти послужило причиной очевидного чувства равенства, которое венецианцы испытывали по отношению друг к другу; во владениях Короля-Деньги все подданные равны. Деньги не знают ни заслуг, ни чести.

На практике это было государство богатых и для богатых. В Венеции не было купеческой гильдии хотя бы по той простой причине, что весь город был огромной гильдией. Это было государство купцов. Фактически, значительную часть коммерции веками контролировало относительно

небольшое число семей. У каждой была характерная черта, к примеру, Дандоло были известны храбростью, а Джустиниани — щедростью. Внутрисемейное партнерство, при котором братья или отцы с сыновьями торговали вместе, было известно как *fraterna* (семейное предприятие); конторские книги многих семей передавались из рук в руки в течение многих поколений как часть семейной обстановки. Домашние счета не отделялись от счетов деловых. Это было одно и то же. Сенат был по своей сути советом директоров, с дожем в роли генерального директора.

Городское правительство было практичным и действенным: умеренным в расходах и бдительным в контроле над ценами. Управление городскими ресурсами велось с большой тщательностью. Венецианцы владели мастерством составления контракта, оно достигало уровня искусства. В городском бюджете не было статьи расходов на постоянную армию: солдаты нанимались по необходимости. Совету десяти было вверено управление Монетным двором. Банкиры держали деньги в помещениях Государственного казначейства.

Правительство могло гарантировать торговлю только поддержанием свободы и безопасно-

сти; свободы в виде устранения ограничений и безопасности в виде господства на море. Необычность венецианских властей состояла в их уникальной способности сплавлять политику и экономику в новую форму силы. Это можно назвать государственным капитализмом, или городским капитализмом, или корпоративным правлением. Суть в том, что это работало. С точки зрения администрации, это был эквивалент философского камня. Венецианские купцы могли бы отнести на свой счет высказывание Исайи о Тире: «23:8 Кто определил это Тиру, который раздавал венцы, которого купцы были князья, торговцы — знаменитости земли? 23:18 Но торговля его и прибыль его будут посвящаемы Господу…»[6]

Образ торговца занимает центральное место в понимании Венеции. Говорят даже, что все венецианцы — купцы. Как это возможно? Купец всегда в какой-то степени спекулянт, готовый к приемлемому риску ради будущей выгоды. Он принимает вызов, но отказывается от явной эскапады. Он жаждет власти и видит в соперниках то, с чем надо бороться, если не удалось сразу подавить. Но при этом он осторожен и экономен. Если

---

[6] Примечания: 6
Книга пророка Исайи.

этот набор качеств парадоксален, то это часть парадокса Венеции. Любовь к коммерции и жажда наживы — неотъемлемая черта ее натуры. Существует много венецианских пословиц о деньгах, к примеру: «Деньги делают деньги, а вши делают вшей»; «Человек без денег — ходячий труп».

Купцы расчетливы. Они экономят свое время и свои слова. Они таинственны и двуличны. Они не видят особой пользы от культуры, за исключением случаев, когда ее можно выгодно продать. Они заинтересованы в отсутствии войны; но, в сущности, судьбы мира им безразличны. В конце концов, удобный случай может вырасти из любой ситуации. Война сама по себе может быть источником огромных прибылей, если правильно взяться за дело. Можно открыть новые рынки и приобрести новые ресурсы. Однако венецианские купцы были более заинтересованы в скорой, чем в долгосрочной прибыли. Они менялись вместе с переменчивой сценой. Поэтому о них и писали, как о лисах в мире львов. Есть венецианская пословица: «Правдой, неправдой, а товар продай».

С XIV по XVIII век Венеция была городом роскоши. Роскошь можно определить как форму эротической демонстрации, как ответ на утон-

ченность чувств. Она предполагает изысканность и делает удовольствия более рафинированными. Кроме того, она подстегивает потребление. Очень многие вещи нам жизненно необходимы, но хотим мы гораздо большего. Желание открывает рот покупателя. Венеция всегда считалась чувственным городом благодаря и ее вездесущим куртизанкам, и сочным краскам ее художников. И живописцы, и проститутки выражали глубинную реальность города, в котором яркая демонстрация и материальная цена священны. Популярные в Венеции праздники тоже можно рассматривать как манифестацию роскоши.

Венеция не обладала природными ресурсами, поэтому полагалась на производство; единственным способом поддерживать превосходство было постоянное создание все более разнообразных и изысканных продуктов. Роскошь выражалась в изобилии пряностей или духов, красок или украшений из золота и горного хрусталя. Венеция торговала всем этим. В ней делали стекло, шелк и мыло. Она производила марципан и воск. Венеция была центром производства шелка, соседний остров Бурано — кружев, а Мурано — стекла и зеркал. Именно в Венеции было изготовлено первое стеклянное окно, на тот момент, без сомнения,

предмет роскоши. В 1615 году она стала первым западным городом, торгующим кофе. Вилка — также венецианское изобретение, одно из множества роскошных нововведений за обеденным столом. Венецианские дома в большинстве своем были богато украшены и обставлены. Весь город был большим человеческим ульем, всегда оживленным; он предпочитал дела малые и быстрые. На картинах — купцы, молодые и энергичные, с перьями, бумагами и весами. Каждый погружен в собственный мирок желаний и риска. Лоренцо Лотто закончил «Портрет молодого человека» в 1527 году; по некоторым признакам понятно, что молодой человек после неудачного романа ищет утешения в изучении семейных счетов и перелистывает страницы бухгалтерских записей. Нигде больше приятные стороны бизнеса не показаны столь живо.

Но давайте познакомимся с венецианским купцом поближе. Бросим более пристальный взгляд на его жизнь. Сохранилась рукописная книжка начала XIV века, известная как *Zibaldone da Canal*. Она составлена неизвестным купцом и заполнена записями из области алгебры и геометрии пополам с тем, что сам владелец назвал множеством изящных и тонких вычислений. Там

есть медицинские рецепты в высшей степени практического характера вперемежку с самыми вопиющими суевериями. Купец отмечает, что сыр становится легче, когда высыхает, поэтому его надо тщательно взвешивать после перевозки. Оценивает возможную прибыль от контрабандного провоза золота в Тунис. Высчитывает дальность поездок. Рекомендует путешественнику, впервые вступающему на его корабль, призывать святого Тобиаса. Отмечает, между прочим, что бывает «время угрожать, но не бояться». Самое сердце купца открыто здесь нашим взглядам.

По словам некоего сенатора, в Венеции все на продажу. Сказано это было о политических должностях, о том, что само государство сделалось объектом коммерческих спекуляций, но вполне верно и в более широком смысле. Венеция стала мировым рынком. «Воистину кажется, — писал некий чужестранец в 1494 году, — что целый свет стекся сюда и что человеческие существа все силы свои направляют к торговле». Понятие силы, энергии, высвобождаемой коммерцией, лучше всего выражает венецианский бизнес. В Венеции оказывались вина с Крита и корица из Индии, ковры из Александрии и икра из Каффы, сахар с Кипра и финики из Палестины. Гвозди-

ку и мускатный орех привозили с Молуккских островов через Александрию; камфару с Борнео доставляли в лагуну вместе с жемчугом и сапфирами Цейлона; кашмирские шали лежали рядом с тибетским мускусом, а слоновая кость с Занзибара разгружалась вместе с богатыми тканями из Бенгалии. Венецианские послы заключали торговые договоры с султанами Египта и татарскими ханами, с султаном Алеппо и графом Библосским. Сыновья аристократов проходили обучение на море. Марко Поло тоже был купцом.

Фернан Бродель во «Времени мира» (1979)охарактеризовал Венецию 1500 года как центр мировой экономики. В 1599 году Льюис Льюкенор упоминал ее как «привычный и основной рынок для всего мира». Томас Кориат в «Черновых заметках» (1611) называет площадь Святого Марка мировой рыночной площадью. Город доминировал на Адриатике и добивался того, чтобы вся его торговля шла через его собственные порты. Венеция выбила конкурентов с рынка. Это была квинтэссенция торгового города, базар в его предельном развитии.

Первые торговые ярмарки в Европе проводились в Венеции по образцу египетских и сирийских. Ежегодная ярмарка *Sensa*, существовавшая

с XII века, была целиком посвящена предметам роскоши; только у мастеров золотых и серебряных дел, к примеру, там было не менее двадцати четырех лавок. Она проводилась на площади Святого Марка, длилась пятнадцать дней и собирала несколько сот тысяч посетителей. Там были стеклодувы, художники, оружейники и др. — представители практически всех ремесел. Торговля превращалась в карнавал, представление, становилась объектом праздничного ритуала, так же как обряды сбора урожая на селе, имевшие и мирской, и сакральный смысл.

Le superflu, chose tres necessaire (Роскошь необходима, поскольку стимулирует торговлю); эта фраза Вольтера подчеркивает значение торговли предметами роскоши. Обладание предметами роскоши было жизненно важно для высокого общественного статуса. Бытует точка зрения, что именно рост роскоши привел к развитию современного капитализма, и в этом случае Венецию следует назвать пионером капитализма по нескольким направлениям. В эксплуатации сырьевых ресурсов, в одержимости прибылью, в рациональной организации торговли и производства, в размахе операций по всему известному тогда миру она сама по себе была моделью капи-

талистического предприятия. Городские купцы и лавочники учились расширять ассортимент, создавать новые продукты и профессии, стремиться к упрощению всех форм обмена.

Роскошь — мачеха моды. В городе случались внезапные всеобщие помешательства; великий хронист Венеции Помпео Молменти отметил, что «ни один народ не показывал себя столь ненасытным в отношении моды». Джон Уилер в «Трактате о коммерции» (1601) пишет: «Весь мир обменивает все на все, бегает и гомонит на базарчиках, рынках и торжищах, и таким образом все вещи включаются в коммерцию». Так и было в Венеции. Здесь же мы видим начало того, что позднее стало требованиями потребителя. Потребитель появился именно в Венеции. Мода была богиней этого подвижного мирка. Согласно наблюдателю XVIII столетия, к Вивальди относились пренебрежительно как к композитору вчерашнего дня, «потому что в Венеции мода — это все; его произведения звучали там слишком долго, а прошлогодняя музыка не приносит денег». Позднее Маргарет Олифант назвала Венецию городом, любящим сенсации. Венецианские дамы всегда одевались в новинки, а на торговой улице Мерчерии была выставлена кукла, одетая

по последней парижской моде. Магазин назывался «Парижская кукла». Мода создавала роскошь; роскошь поощряла торговлю; торговля двигала промышленность.

Венеция была построена из золота. Это был золотой город. Желание разбогатеть превращало золото в навязчивую идею. Оно было одновременно и утешением, и сокровищем. Оно было вкладом и защитой. Оно приносило славу. Оно ласкало глаз. Главный герой «Вольпоне» (1606) Бена Джонсона, венецианец, встает с утра с характерными словами на устах: «Доброе утро новому дню и моему золоту». На венецианском Монетном дворе была установлена статуя Аполлона, держащего золотые слитки. Петрарка в панегирике Венеции перечисляет дикие и отдаленные места, куда путешествуют ее купцы. «Смотри, — пишет он, — что люди делают из жажды золота!» Один дож в начале XV века сказал, что Венеция — *Signoria dell'oro* (Синьория золота). Венеция была золотым городом, как Иерусалим и Небесный град.

Венецианская живопись тоже славилась золотом. Художники использовали золотые нити, золотую пудру и золотые чешуйки. Дева Мария на «Триптихе Фрари» (1488) Беллини сидит на

троне под золотой мозаикой; она залита золотым светом и кажется исполненной сладкого дыхания вечности. Это свет, что ощущается в самой Венеции. Тот же художник в «Молении о чаше» (1465–1470) залил золотом фон, на котором изображен Христос. Тинторетто на картине «Воскрешение Лазаря» (1573) позолотил ветви фигового дерева, так что можно видеть, как свет чуда касается материального мира и преображает его. Золото было священным продуктом: венецианцы верили, что его порождает солнце глубоко в недрах земли.

Самый знаменитый из венецианских домов, без сомнения, *Ca' d'Oro*. Его фасад, построенный между 1421-м и 1437 годами, сплошь покрыт рельефами и позолотой и представляет собой сверкающую стену света. На его поверхности крепится двадцать две тысячи семьдесят пять золотых пластин. Под стать ему в городе только Золотой сундук — Фондако деи Тедески и Золотая базилика Святого Марка. Внутри базилики находится *Palad'Oro* (Золотой алтарь), инкрустированный драгоценными камнями. Слава венецианских мастеров золотых дел была такова, что саму их работу стали называть *opus Veneticum* (особый вид филигранной техники работы по

золоту). Золото использовалось для оформления венецианского стекла и, конечно же, входило в текстуру золотой парчи, которую носил дож. Дож, облаченный в золото, стал эмблемой города и символом его богатства. Прекрасный материал символизировал благородство и моральную силу. Даже исполнители в венецианской опере были одеты в золото.

Менее привлекательный предмет представляет собой земля, на которой венецианцы развивали своеобразный агрикультурный капитализм. В XV веке Венеция приобрела значительную территорию на материке. Столетием позже ее ландшафт был преображен. Часть патрициев отказались от морской торговли и вместо этого сконцентрировались на вложениях в *terra firma* (твердую землю). Работники обрабатывали поля под присмотром надзирателей. Амбары и винные прессы были обустроены для максимально эффективной работы. Земля была мелиорирована, налажена система ирригации. Венецианцы применяли технологии, которыми пользовались для создания самого города. Этим отмечен конец феодализма, и новые владельцы земель в конечном счете стали известны как *capitalisti*. В это же время распространились мода на буколическую поэзию и тяга

к пасторальным пейзажам. Культура следовала за экономикой.

В XVII веке, когда торговля становилась все более затрудненной и ненадежной, венецианские патриции стали смотреть на землю как на основной источник дохода. Экспортировались рис и кукуруза, выращивалась шелковица. К XVIII веку земледелие оказалось в Венеции единственным выгодным предприятием. Кое-кто оплакивал это бегство от торговли к фермерству. Неправильно оставлять море, зеркало Венеции, чтобы обрабатывать землю. Или так казалось… Однако венецианцы всегда предпочитали выгоду чести. Эксплуатируя *terra firma,* они остались верны своему первому принципу. Хотя, разумеется, это не могло не иметь последствий. Частичный уход Венеции из мира торговли неизбежно привел к уменьшению ее влияния и потере статуса. Венецианцы стали провинциалами.

Главным рынком города остался рынок Риальто. Это был источник энергии для Венеции. Это было семя, исток. Он напоминает лондонский Сити, средоточие энергии Лондона, но более локален и насыщен. Предположительно, именно здесь ступили на берег первые венецианские поселенцы, и благодаря странной алхимии го-

рода здесь же начали торговлю первые купцы. Коммерция будто выросла из-под земли в полном вооружении.

В конце XI века в городских документах появляется запись о том, что патрицианские семьи Градениго и Орио уступили городу свои владения по соседству с Риальто для организации общественного рынка; район уже какое-то время был центром торговли и использовался в основном мясниками, так что дар городской коммуне был признанием этого факта. В XII веке частные дома в окрестностях были перестроены в магазины и склады товаров. Риальто стал настоящим базаром. Его значение было таково, что в 1497 году Совет десяти своим декретом объявил его *sacrario* (священной территорией). В Пепельную среду и Страстную пятницу к двум главным церквам Риальто двигались герцогские процессии. Более явного одобрения торговля иметь просто не могла. Ее лелеяли всячески.

Риальто рос и рос. Внешние улицы были расчищены и расширены, улучшены каналы, построены доки. В 1280-х к западу от первоначального места рынка сооружен *Rialto Nuovo* (Новый Риальто), тридцатью годами позже *campo di Rialto* была расширена. Всеобщим желанием

было придать этому коммерческому месту гармонию и даже величие; так, на стене ее главной колоннады поместили огромную карту мира. Здесь были тюрьма и колонна для официальных объявлений. Были склады и правительственные канцелярии для управления торговлей. Патриции встречались и толпились на крытой галерее на мосту Риальто. Когда в 1514 году большая часть этого района была разрушена пожаром, он был отстроен по тому же плану. Неизменный консерватизм венецианцев требовал сохранять старые формы. Риальто, так же естественно, как восточный *souk* (от арабского слова *базар*), стал символом торговли.

Главная улица была застроена роскошными магазинами, но нашлось место и для банков, и для страховых контор. Для каждого вида товара существовали отдельные рынки и специализированные палатки, к примеру, для изделий из кожи. Чем дороже товар, тем ближе к сердцу Риальто он продавался; а сердцем Риальто была маленькая церковь Сан-Джакомо ди Риальто. На периферии располагались таверны и бордели, там же отводились места продавцам тряпья и подержанных вещей. Это был остров наживы, крупной и мелкой. Это была маленькая Венеция

внутри большой, яркий пример коммерческой жизни.

По соседству уже имелся деревянный мост, соединяющий берега Большого канала; он дважды перестраивался и далее подвергался усовершенствованиям. Первый камень ныне существующего моста заложили в 1588 году, строительство длилось три года. Два ряда магазинов и ларьков выстроились на всю его двадцатисемиметровую длину, но не забыто было и возвышенное значение коммерции. Мост украсили фигуры архангела Гавриила и Девы Марии. *Аве, монеты, будьте благословенны.*

Топография города определялась центрами торговли. Крупнейшие *campi* стали рынками под открытым небом. На Мерчерии — улице, соединяющей площадь Святого Марка и Риальто, было построено двести семьдесят шесть магазинов. Это была, согласно Джону Ивлину, «одна из прекраснейших улиц в мире». Еще были коробейники, уличные торговцы и бродячие ремесленники; распродажи и аукционы проводились на улицах, в портиках и в тени церквей, магазины же становились местами собраний. Это был великий карнавал коммерции.

В Венеции были торговцы всех разновидно-

стей. Имелось не менее сорока торговых гильдий, от аптекарей до ткачей, от трактирщиков до цирюльников. А еще имелись сотни профессий, не образовывавших гильдий, таких как кормилицы, или грузчики, или чистильщики отхожих мест. Практически все население Венеции работало. Это было жизненно необходимо для всех ниже уровня патрициев. Существующие названия городских улиц несут в себе свидетельства забытого мира труда и торговли — улица Кровельщиков, улица Мыловаров, улица Воскобойных Заводов, улица Красильщиков. Улица Мастеров Золотых Дел стала в конце XIX века улицей Зеленщиков. Портные и ювелиры работали вместе, в одном квартале. Якопо Беллини, основатель великой династии Беллини, много рисовал бродячих работников своего города. Он понимал, что эти лавочники и разносчики, в сущности, и есть Венеция.

Значительная часть венецианцев работала в текстильном производстве. Кружевницы слепли от работы. Детей приобщали к ремеслу с пятилетнего возраста. Изысканное искусство, ценимое богатыми матронами Европы, измерялось человеческими страданиями. Другие рабочие превращали необработанную англий-

скую шерсть в готовые вещи. Ткацкие станки города производили дамаст и парчу. Мастера создавали гобелены; прядильщики пряли хлопок. Разумеется, женщины и дети тоже участвовали в производстве. Работа не знает половых различий. В отличие от женщин патрицианского сословия, на передвижения и свободу которых налагались строгие ограничения, женщины более низких слоев были топливом в огне венецианской экономики. Женщины работали печатниками и трубочистами, шили паруса и торговали скобяными изделиями.

Были и женщины-лоточницы. Гаэтано Зампино в опубликованной в 1785 году книге «Голоса Венеции» насчитывает шестьдесят разных видов лоточников. Схожие книги были написаны в Лондоне и Париже, но в Венеции бесконечный звук человеческих голосов имел особые, неповторимые качества. Здесь не было других фоновых шумов, кроме торопливых шагов прохожих и криков гондольеров. Голоса торговца дровами, мастера по починке мебели и человека с дрессированной обезьянкой отдавались эхом среди каменных улиц, радостные и печальные, громкие и задушевные. «Помидоры малосольные, как раз для салата!»; «Дамы, кому лимоны на лимонад!»;

«Груши, сочные, на бороду течет!»

В этой атмосфере все поднималось или опускалось до статуса товара. Когда Венеция богатела, ее церкви украшались все обильнее, становясь похожими на покрытые орнаментами и инкрустацией ларчики для драгоценностей благородных дам. Есть предание, что при создании города Всевышнему было обещано «сто храмов из золота и мрамора». Почтение к пышности и блеску здесь имеет давние корни. Поэтому Венеция и была витриной мира. Когда информация стала товаром, Венеция сделалась центром торговли печатными книгами. Оказалось, что знание можно упаковать так же, как груз перца. Альбрехт Дюрер, некоторое время живший в Венеции, выполнил набросок, на котором книги производятся массово, как ковриги хлеба. В результате в Венеции было больше грамотных людей, чем в любом другом городе Италии. Зарождающийся капитализм нашел применение и этому. Надо ли говорить, что выпуск сценических представлений в печатном виде, для чтения, начался именно в Венеции.

Процветала торговля людьми. В XII веке Венеция превзошла в этом остальные города и страны. Венецианцы были отпетыми работорговцами, а

рынки Риальто и Сан-Джорджо — средоточием работорговли. Венецианцы весьма ценили этот источник дохода, потому что выгода от каждой продажи здесь достигала тысячи процентов. Они продавали русских и даже греческих христиан сарацинам. Мужчин, женщин и детей, купленных или захваченных в Черноморском регионе, в том числе грузин и армян, отправляли в Венецию, где их перепродавали в Египет, Марокко, на Крит или на Кипр. Молодых женщин и мальчиков продавали в наложники. Дож Пьетро Мочениго в семидесятилетнем возрасте держал в своей свите двух турецких юношей.

Многие рабы попадали в венецианские семьи. Патрицианское семейство не мыслилось без свиты из трех-четырех рабов. Даже венецианские ремесленники владели рабами и использовали их труд в своих мастерских и магазинах. Венецианские монастыри тоже держали рабов для домашних работ. Галеры снабжали командами рабов. Город постоянно нуждался в свежем пополнении: дело в том, что рабский статус не наследовался. Многих рабов хозяева освобождали. К примеру, Марко Поло перед смертью, в 1324 году, освободил одного из своих рабов — Петра Татарина. В 1580 году в столице было три тысячи

рабов. Черные гондольеры на изображениях Венеции кисти Карпаччо тоже все рабы.

Священные привилегии Церкви тоже продавались и покупались; продавались даже алтари, алтарные окна и праздничные мессы. В 1180 году на площади Святого Марка появился прилавок для торговли индульгенциями, освобождавшими от ожидания в Чистилище. Можно было купить и реликвии. Подлинное облачение Спасителя оценивалось в десять тысяч дукатов. Остров Крит оказался несколько дешевле. Его Венеция купила за тысячу серебряных марок.

Музыка и живопись, скульптура и опера — все оценивалось с позиций прибыли и убытка. Суть дела предельно ясно изложил самый венецианский по духу художник XVIII века Джамбаттиста Тьеполо, который утверждал, что художник должен «угождать людям благородным и богатым… а не тем, которые не могут купить картину высокой стоимости». Это можно считать моральным императивом не в меньшей степени, чем экономическим. В процессе привлечения богатого клиента художники «обращались к высокому, героическому, совершенному». В Венеции были все основания верить, что обладание деньгами совместимо со стремлением к славе. Можно

выдвинуть точку зрения, что сам Ренессанс, вышедший из общественной и культурной жизни итальянских городов, был началом движения западного мира к товаризации: предметы искусства можно было заказать и купить, перевезти из одного места в другое, они не были уникальны, не существовали только в одном каком-то городе или в одном каком-то обществе. В Венеции можно наблюдать подъем культурного материализма, создавшего, в свою очередь, первую космополитическую культуру. Музыка также была частью рынка, где яро торговались Вивальди и Галуппи. Опера имела в Венеции большой успех, потому что с самого начала была прибыльна. Спекулянты делали деньги даже на аренде лож. В этом городе вообще трудно найти такой вид человеческой деятельности, который не был бы изначально коммерческим — или коммерческим по сути.

Венецианские живописцы на своих портретах и на более масштабных полотнах с изображением городских сцен часто демонстрировали различные дорогостоящие материальные блага. Модель изображалась в окружении имущества, а город — в блеске украшений. Картины Беллини запечатлели прекрасный фарфор и пышные ковры, продававшиеся в то время в магазинах Ве-

неции. Эти холсты, в свою очередь, помещались в изысканные золоченые рамы. Не случайно венецианские дома славились изобилием картин. Все говорило о богатстве.

Художники приезжали в лагуну учиться использованию золотой пудры в картинах и украшении рукописей. Здесь же, в Венеции, они могли найти лучшие краски, привезенные с Востока. Венецианские живописцы также были известны мастерством в передаче фактуры бархата и атласа, продающихся в городе. Изображая дожа (1501), Беллини одел его в дорогой дамаст, только на днях ввезенный из Леванта. Это знак того, что прежде всего искусство рассматривается как товар. Во многих случаях первый план был лишен содержания или, точнее, сущность изображаемого была подчинена требованиям декоративности, дороговизны, выставленной напоказ. Один из атрибутов капитализма: значимость объекта определяется не его сутью, а его рыночной стоимостью. Это один из неизменных признаков венецианской живописи.

Взгляд на искусство как ремесло влияет на культурную историю Венеции. Многие произведения были непосредственно заказаны неким лицом или лицами, так что автор прямо сталки-

вался с тем, что сейчас назвали бы требованиями заказчика. В XV веке между теорией искусства и практикой торговли прослеживалась неразрывная связь. Существовали руководства, инструктирующие купцов относительно правильности красок и оттенков, причем изложенные в терминах, которые использовали художники. В торговле и искусстве объекты отделяют от окружающего мира; их можно тщательно осмотреть, изучить, оценить. Покупатель ведь тоже оценивает глазами.

Имелась связь и между торговым расчетом и геометрией картин: в XV веке Пьеро делла Франческа написал не только трактат «О перспективе в живописи», но и «Трактат об абаке». Когда венецианский торговец просчитывал объемы и внешний вид товара, он решал ту же задачу, что и венецианский художник. В 1530-х годах в Венеции одновременно жили Себастьяно Серлио и Андреас Везалий. Один написал трактат об архитектуре, другой о человеческом теле. Сходство великолепных иллюстраций обеих книг бросается в глаза.

Картины постоянно продавались и перевозились по торговым путям города на обе стороны Адриатики; искусство в буквальном смысле сле-

довало за коммерцией. Установление торговли между Венецией и Нидерландами, к примеру, знаменовалось взаимовыгодным обменом между школами живописи. Когда торговля соединила Венецию и Германию, их также объединило искусство. У добрых граждан Аугсбурга и Зальцбурга было немало картин венецианской школы, а у венецианских коллекционеров — работ германских и нидерландских мастеров.

Существовал также рынок прикладного искусства — живописных панно для церквей и картин для оформления интерьеров. Для этого рынка ценовые характеристики значили чуть ли не больше, чем эстетические. В XVI веке в Венеции уже работали «дилеры», посредничавшие между художником и клиентом, продавцом и покупателем. Контракты, заключаемые между заказчиком и поставщиком, часто оговаривали количество золота или дорогостоящих красок, которые следовало употребить на каждую картину. В них оговаривались характер и размеры полотна. Устанавливались срок готовности и неустойка за опоздание. Некоторые контракты даже включали статью, где художник гарантировал, что его произведение превзойдет работу другого поименованного автора. Тинторетто из

семьи красильщиков имел все навыки купца. Он обычно сбивал цены конкурентам, тем самым обеспечивая себе постоянный приток заказов. Он работал быстро и продавал свою работу дешево. Письма Тициана полны обсуждениями денежных вопросов, финансовыми требованиями, торгом и жалобами. Каналетто, двумя столетиями позже, был мастером работы на экспорт. Тьеполо сосредоточился на исторических и аллегорических полотнах на том резонном основании, что только они дают достаточный уровень дохода.

В Венеции существовала страсть к коллекционированию; все, от римских монет до природных диковин, приобреталось и помещалось в витрину или в шкаф. И в этом смысле город стал рынком. В XVI–XVII веках частное коллекционирование было чисто венецианским явлением. Оно создавало новые формы спроса и методы накопления; оно сделало факт обладания вещью самоценным. Покупатель мог принять позу ценителя. Он называл себя *virtuoso* (знаток, коллекционер).

Первые известные коллекции — из Венеции, и они берут начало в XIV столетии. Одержимость антиквариатом, а также собиранием диковин, росла и ширилась. Коллекция венецианского патриция Андреа Вендрамина включала скульп-

туры и медали, урны и геммы, лампы и ракушки, растения и рукописи, костюмы и мумифицированных животных. Целый мир можно было купить и выставить в витрине. Другой венецианский патриций, Федериго Контарини, хотел иметь по одному образчику каждой когда-либо созданной вещи, в чем, конечно, не преуспел. В XVII столетии собирательство стало более специализированным. Имелся рынок антиквариата и рынок пейзажной живописи, был рынок чудес природы, таких как многоголовая гидра, стоимостью в шесть тысяч дукатов, и рынок старинных музыкальных инструментов. Монеты и медали тоже пользовались популярностью. Коллекция Апостоло Зено, к примеру, насчитывала пять тысяч девятьсот медалей. Не следует, однако, забывать о коммерческом инстинкте венецианцев. Медали Зено были финансовым вложением, а не только артефактом. Коллекция могла быть эквивалентом ценных бумаг. Вероятно, это и было причиной длительности и широкого распространения в городе страсти к коллекционированию. Последний великий венецианский коллекционер граф Витторио Чини умер в 1977 году.

Книга Никколо Серпетро «Рынок чудес природы», опубликованная в Венеции в 1653 году,

предлагала устроить выставку природных диковин на некоей воображаемой piazza, не очень отличающейся от площади Святого Марка; там, в галереях, магазинах и киосках можно было бы купить чудеса со всего света. Рынок — и метафора, и реальность. Все напоказ. Ведь главное именно показ, демонстрация, а не внутренняя ценность вещи. Воображаемый мир Серпетро был воссоздан в конце XVIII столетия, когда на площади Святого Марка построили деревянное овальное сооружение специально для демонстрации товаров. Венецианцы славились умением украшать окна, и первые в мире стеклянные витрины появились именно здесь. Их рынки были великолепными выставками. Начиная с ярмарок XII века, здесь шел непрерывный парад товаров. Позднее на этой площади стали выставляться на продажу произведения искусства, классика и современность бок о бок на открытом воздухе. Совершенно естественно, что Венецианские биеннале — современного искусства, кино, архитектуры — в начале XXI века процветают по-прежнему. Они продолжают великую традицию организации зрелищ.

Первыми капиталистическими фабриками были шелковые мануфактуры Венеции. Корабли

покидали кораблестроительные верфи Арсенала, полностью оснащенные и снаряженные, как в наше время автомобили. Стекло и зеркала производили на полномасштабных индустриальных предприятиях, где разделение труда сочеталось с экономией за счет роста производства. Все это были семейные владения, передаваемые по наследству от отца к сыну.

Городские власти внедрили систему зонирования, распределявшую разные виды производства по различным локациям. Можно было составить карту Венеции, где каждое ремесло или производство занимало собственную территорию: сушильщики ткани на западе, а жестянщики на северо-востоке. Район Дорсодуро занимали рыбаки и производители шелка, район Кастелло населяли моряки и кораблестроители. Это разделение городского пространства продлилось до XIX века, когда был принят декрет, которым Лидо целиком отдавался под отдых и развлечения и превращался в приморский курорт.

Индустриальная мощь Венеции в XVI веке подтверждается тем фактом, что ее технические новации быстро достигали других частей Европы. Ткать золотую парчу во Франции начали венецианские ткачи. Производство роскошного

дорогого мыла началось в Венеции. Печатные шрифты венецианских прессов скопировали в других городах. Венецианские мастера революционизировали производство материй из тонкой шерсти. Невероятно, но этот город стал городом технологических инноваций. Больше столетия он был первым индустриальным городом Италии и центром европейской промышленности. На пике развития, в третьей четверти XVI столетия, его население достигало ста восьмидесяти тысяч человек.

Но в конце концов эта промышленность пришла в упадок. Природа упадка всегда интересна — любого упадка в нашем мире. Это захватывающий спектакль и неоценимый урок. Нация в период упадка интереснее, чем на вершине могущества. Печаль и смирение более привлекательны, чем триумф. Было ли так и с Венецией? Похоже, в данном случае печали было немного, а смирения и вовсе не было.

Причин промышленного упадка города много и они разные; можно сказать, что это были изменения человеческого мира в целом. Можно упомянуть в качестве объяснения открытие в конце XVII века новых торговых путей и начало господства Амстердама и Лондона. Купцам из

Англии, Голландии и Франции удалось сбить цены венецианских поставщиков. Венецианское правительство отказалось идти на компромисс в ущерб качеству своих предметов роскоши; соперники таких сомнений не знали. Ткани и металлические изделия с Севера были дешевле. В сущности, произошло глобальное перемещение торговых путей из Средиземноморья в Северную Атлантику. Границы мира изменились. Поэтому в XVII веке рынок шерсти, ключевой элемент венецианской торговли, оказался опасно близок к коллапсу. Венецианцы, в свою очередь, оказались по своему темпераменту не расположены к инновациям; уже отмечалось, что патриции и купцы были традиционалистами. Особенности управления, возникшие в начале истории города и его борьбы за выживание, не могли измениться за поколение. Другие экономики были более гибкими и открытыми. В результате в начале XVIII века венецианская промышленность значительно сократилась.

Правда, нельзя сказать, что это сильно отразилось на уровне жизни различных слоев венецианского населения. Было бы совершенно неправильно употреблять антропоморфные образы слабости и увядания. Быть может, речь

об упадке вообще не оправданна. Быть может, это было просто изменение. Венеция просто изменила свою сущность в соответствии с изменившимися обстоятельствами и достигла коммерческого успеха в другой форме. Это по-прежнему богатый и богато одаренный город, любимое место туристов и Биеннале. Но он нашел рынок сбыта и переключился на продажу последнего товара — самого себя. Память и история Венеции стали предметом роскоши для удовольствия гостей и путешественников. Она торговала товарами и людьми, и, в конце концов, она стала торговать собой.

Глава 14
Бесконечная драма

Венецию можно описать как череду театральных подмостков, открывающихся друг за другом. Уже стало клише, что она напоминает громадную декорацию, которую горожане используют для парадов и карнавалов. Картины Карпаччо и Лонги, рисунки Якопо Беллини запечатлели ее как своеобразный сакральный театр; в произведениях этих венецианских художников город — *tableau vivant* (живая картина), пронизанная тем, что Хауэллс в «Жизни в Венеции» назвал «очаровательным неправдоподобием театра». Граждане стоят живописными группами; их позы и жесты позаимствованы у театра, у торжественных процессий. В этом есть нечто искусственное, так что даже обычные вещи кажутся присыпанными пылью сцены. Это придает им блеск. Дома и церкви имеют вид сценических декораций, размещенных так, чтобы было удобно глазу. Арки и ступени — только видимость. Дворец дожей и базилика Святого Марка занимают место перед просцениумом площади Святого Марка.

Устроители зрелищ в полной мере использовали эту площадь для шествий, парадов, процессий и маскарадов; при каждом крупном государственном событии театральные возможности города раскрывались полностью. Эта же площадь была сценой для выступлений акробатов и фокусников. Особенно популярны были кукольные театры, что неудивительно для города, который и сам часто называли кукольным театром. Венеция приветствовала актеров в шутовских нарядах. Во время маскарадов и фестивалей сцены возводили даже на воде. Их устанавливали на Большом канале для исполнения серенад. Были и разукрашенные баржи для певцов и музыкантов. Вода — прекрасный зрительный зал и великолепная сцена.

Фасады венецианских церквей с выложенными из камня фантастическими орнаментами зачастую чрезвычайно театральны; витые колонны, волюты и шпили, капители и лепнина громоздятся вверх на манер свадебного торта. Церковь Сан-Моизе, перестроенная Алессандро Треминьоном в 1682 году, — буйство причуд и крайностей. Более известная Санта-Мария делла Салюте внушает скорее трепет, чем восхищение. Церковные службы в Венеции были театральны по замыслу

и воплощению, с музыкой, больше подходящей для оперы, чем для священнодействия; паства была зрителями, шумящими и болтающими во время ритуала, а сам ритуал — представлением. В укромных уголках церквей царила атмосфера таинственности: беспорядочная смесь света и тьмы, блеск мрамора и драгоценных камней, воздух, пропитанный благовониями. Рёскин назвал это венецианской бутафорией суеверий. И все это можно было найти, к примеру, в базилике Святого Марка, которую Рёскин считал «беспримерно театральной среди любых других европейских церквей».

Чрезмерная театральность Венеции иногда вызывала недовольство самих венецианцев. Когда в конце XVI века на этой площади построили новые колонны, сенатор Федериго Контарини сравнил их с театральным реквизитом. В XXI веке венецианцы критикуют недавно перестроенный театр *La Fenice* за то, что он являет собой бездарное повторение прежнего здания, уничтоженного пожаром.

Монастыри Венеции тоже сделались своего рода театром, с монахинями, наблюдающими из-за решеток, как остальная Венеция скачет перед ними; для их удовольствия устраивали маскарады с

Пьеро и Арлекином. Гражданские судебные процессы в Венеции изначально разворачивались как театральные постановки. Во время одного из заседаний инквизиции стены в комнате были задрапированы черным; занавеси внезапно отдернули, и появился труп задушенного. Заседания Совета десяти были полны сюрпризов. Различные приемы и встречи, назначаемые во Дворце дожей, обставлялись со всей возможной театральностью. Принимая посла, дож сидел в золотой мантии в окружении советников. По случаю смерти дожа площадь Святого Марка обходила по кругу огромная процессия, каждый участник которой нес факел или большую свечу; перед базиликой гроб поднимали и опускали девять раз под звон всех колоколов города. В Страстную пятницу возле домов и дворцов, выстроенных вдоль каналов, зажигали факелы, так что все каналы Венеции освещались отражениями пламени. Визуальные спектакли играли в Венеции более важную роль, чем в любом другом европейском городе.

В Венеции написана долгая история сотрудничества живописи и театра. Якопо Беллини был не только художником, но и организатором торжеств, и сценографом; в его время не было нужды

в разделении этих профессий. Все это объединялось словом *festaiuolo* (организатор праздников). Искусство Веронезе и Тинторетто тоже имеет отношение к сцене; их видение мира было очень театрально. Работы Веронезе называли *maestoso teatro* (величественный театр). Так же можно было бы назвать творения великих архитекторов Венеции — Сансовино и Палладио, имевших сходное чувство пространства и композиции. Когда Сансовино в XVI веке перестраивал piazzetta, он интуитивно определил ее как декорацию с перспективой в одну точку; если смотреть со стороны Бачино, с водной глади перед ней, то здания по обе стороны уменьшаются к точке схода перспективы — изукрашенной башне с часами. Если же смотреть с другой стороны, от piazzetta на Бачино, то водный пейзаж обрамляют две огромные колонны. Здесь проводились главные постановки венецианской жизни. К примеру, это было место публичных казней. Ритуалы Венеции освещались огнями рампы.

Тинторетто имел обыкновение помещать маленькие фигурки из воска или глины в освещенные коробки. На этой залитой светом арене его фантазии происходила подготовка к работе на холсте. Но это был свет сценического прожекто-

ра. Тинторетто и Веронезе также разрабатывали и рисовали сценические костюмы. Для вдохновения им не требовалось ничего, кроме холста. Тьеполо тоже проявлял интерес к декоративному костюму; его привлекали преувеличенные театральные жесты и мимика. Персонажи на его картинах сгруппированы по образцу театрального хора; они серьезны, целеустремленны и эмоциональны. Они выглядят как актеры, фигуры *commedia dell'arte*, обуреваемые сильными чувствами.

Это могло случиться только в культуре, где не делается различий между природой и искусством, между реальным и искусственным. Или скорее эти различия не имеют значения. Важность определяется нарядным видом и блеском. Активность и экспрессия — скорее следствия, чем причина или самостоятельные сущности. Видимо, это неизбежное следствие городской жизни, где каждый должен сигнализировать о своей роли. Но особенно это относится к Венеции. Рихард Вагнер, знаток сценических мистерий, сразу признал достоверность города. Он отмечал, что в Венеции «потрясает все — как волшебная деталь декораций» и что эта нереальность создает «особое веселье», которое вольно или невольно

действует на каждого приезжего. «Основная прелесть, — добавляет Вагнер, — состоит в том, что все отделено от меня так же, как если бы я был в настоящем театре».

Отделение — ключевое понятие. Фактически это оборотная сторона того, что Сэмюэл Тэйлор Кольридж назвал добровольной приостановкой неверия. Мы знаем, что это реальный город с реальными людьми, но действуем так, как если бы он был нереальным. Часто отмечают, что венецианцы отделяют себя от остального мира. Правительство Венеции к XVIII веку было слишком оторвано от повседневных дел мира, чтобы иметь какое-либо влияние. Можно сказать, что оно было заперто в собственном театре. В том столетии, когда могущество Венеции пришло в упадок, жизнь и веселье в городе били ключом как никогда. Славное прошлое и неясное будущее заслоняли карнавалами и праздниками.

И это был не единственный такой момент в городской истории. Во время осады Венеции австрийцами в начале XIX века, когда лишения, страдания и голод сделались уделом всех граждан, народ толпился на балконах и крышах, наблюдая обстрел города. Колокольни и башни церквей были заполнены венецианцами с под-

зорными трубами и телескопами, чтобы яснее видеть разрушения, наносимые городу.

В зарубежных спектаклях, к примеру, в театрах Лондона, Венецию часто можно увидеть на декорациях. Рождественская пантомима в «Друри Лэйн» в 1831 году включала диораму, называвшуюся «Венеция и прилегающие острова». Когда ставились пьесы Байрона «Марино Фальеро» и «Двое Фоскари», были сооружены декорации, которые считались самой важной частью представления. Когда Чарлз Кин в 1858 году играл Шейлока в «Венецианском купце», декорации хвалили за реализм. Но что за реальность они отображали, если не театральный образ, вошедший в общественное сознание? Именно в этом контексте следует воспринимать разочарование Эдварда Лира в зданиях Венеции, от которых он не получил «ни на йоту больше удовольствия, чем когда видел их на множестве театральных сцен, диорам, панорам и всяких прочих рам где бы то ни было». Он знал их все заранее.

В Венеции нет такого места, которое не было бы запечатлено на картине. Нет такой церкви, дома или канала, которые уже не стали бы натурой для кисти или карандаша художника. Даже фрукты на рынке выглядят так, словно их стащили с

натюрморта. Все уже видено. Путешественник будто бродит по акварелям и картинам маслом, странствует по бумаге и холсту. Не беда и то, что Венеция стала традиционным местом действия для литературы и фильмов XX и XXI веков. Она — естественное место для всего сенсационного и мелодраматического. Сюжеты, полные интриг и тайн, часто помещают на *calli* и *campi* города; и вот Венеция — самое естественное место для проведения международного кинофестиваля. Венеция — не столько город, сколько представление о городе.

И кем же были сами венецианцы, если не актерами, не персонажами на фоне знаменитого задника? Генри Джеймс в «Письмах Асперна» (1888) описывает их как участников нескончаемого драматического представления. Вот гондольер и адвокат в характерных костюмах, вот домохозяйка и нищий. Их жизнь открыта окружающим. Они получают удовольствие от самовыражения. Они используют один и тот же язык жестов и поз. Они непрерывно говорят. Они изображают и передразнивают друг друга. Они наблюдают друг за другом на фоне домов и магазинчиков. Они живут в ограниченном и насыщенном пространстве. Это еще один пример внешней стороны

венецианской жизни, где первенство тесно связано с видимостью. Отсюда возвышенное значение *bauta* (маски) в последний век республики.

Записи судебных процессов, ныне хранимые в обширных архивах Венеции, демонстрируют, насколько инстинктивная, невольная театральность вторгалась в общественную и домашнюю жизнь. Делались не только записи показаний, но и описывалось поведение говорящего. К примеру, описывалось, как некий бухгалтер вытирает лицо платком и корчится под давлением показаний свидетеля. В суде звучали драматические фразы: «Я никогда не хотела его. Я сказала „да“ голосом, но не сердцем»; «Я не разговаривал с ней и ее друзьями, потому что они не моего поля ягода». Есть сведения, что актеров, играющих на *campi*, нанимали учить свидетелей искусству речи и жестикуляции.

В городской жизни всегда можно разглядеть форму театра. Описывая Лондон в «Прелюдии» (1850), Уильям Вордсворт использует театральные метафоры; он пишет о «сменяющихся сценах пантомимы» и «драмах живых людей». Лондон был для него «великой сценой». Но Венеция обладала этими качествами *in excelsis* (в высшей степени). Маскарады во время карнавала

составляли одно гигантское драматическое представление, центром которого был город. Зрители становились частью спектакля, и толпа кружилась внутри и вокруг этого живого театра. Мемуары идеального венецианца Джакомо Казановы показывают легкость, с которой жизнь в городе могла превращаться в осознанную самодостаточную драму. Любой, самый обычный венецианец, без маски и плаща, мог стать гибким лицедеем. Гете писал о человеке на пристани, который на венецианском диалекте рассказывал истории группе случайных прохожих: «В его манере не было ничего вызывающего, ничего смешного, она была скорее сдержанной; в то же время разнообразие и точность жестов демонстрировали ум и мастерство».

Венецианцы умели наслаждаться одеждой. Иногда казалось, что они одеты как актеры, играющие в чрезвычайно запутанной комедии положений. В 1610 году вышел альбом под названием «Костюмы венецианских мужчин и женщин». У них был острый глаз на моду и на яркие цвета. Они получали почти детское удовольствие от нарядов. Женщины из патрицианских семей Венеции особенно любили пышные платья. Собственно, к этому их обязывало поло-

жение. На праздник в честь французских послов в 1459 году Сенат приказал всем приглашенным дамам надеть яркую одежду и столько драгоценностей, сколько возможно. Требовалось создать видимость богатства и роскоши.

Джон Ивлин описывает наряд венецианских женщин как «очень эксцентричный, как будто всегда маскарадный». Файнс Моррисон оставил более подробное описание, отметив, что они «демонстрировали обнаженные шеи и груди и, более того, соски, приподнятые и увеличенные при помощи белья». Их шляпы украшало множество аксессуаров, включая бабочек, цветы и чучела птиц. Но это — венецианский талант все делать напоказ. Нижнее белье, судя по некоторым упоминаниям, меняли не слишком часто. Тем не менее все женщины носили вуали, молодые — белые, средних лет и пожилые — черные. Но больше всего бросалась в глаза обувь венецианок — *zoccoli* (сабо). Это были практически ходули, достигавшие сорока пяти сантиметров в высоту, балансировать на которых помогал сопровождающий. Модницы выглядели как великанши в пантомиме. О венецианках говорили, что они наполовину из плоти, а наполовину из дерева. Столь странную обувь объясняют грязью на ули-

цах либо ограничениями, которые мужчины старались наложить на передвижение женщин. Кроме того, она позволяла демонстрировать *gaudi* (декоративные шлейфы). Однако вернее будет сказать, что это случай, когда мода вырвалась из-под контроля. Можно еще упомянуть между прочим, что венецианки имели обыкновение высветлять волосы до желтого цвета. Одним из ингредиентов такого состава была человеческая моча.

Следование моде — удел представителей обоих полов и всех классов. Женщины бедных слоев носили простые платья и шали, но и они старались дополнить их цепочкой на шее или запястье. Рыбаки украшали свои большие бурые плащи с капюшонами алой подкладкой. Гондольеры надевали белые ботинки и красные кушаки. Служанки ходили в темно-коричневых или переливчато-синих платьях. Нищие были намеренно живописны и часто носили плащ в подражание более богатым гражданам. Рабочие одевались в синие туники с длинными рукавами, суженными к запястью, и штаны, впервые появившиеся в Венеции и получившие известность как венецианские, или панталоны. Любимым в народе цветом был *turchino* (лазурно-синий); Кассиодо-

ру в VI веке он был известен как венецианский колер. По одежде венецианца можно было определить его точное место в иерархии.

Патриции в вопросах одежды подчинялись строгим правилам. Только дожу дозволялось одеваться в золото. У него же были самые широкие рукава, поскольку ширина рукава была отражением статуса. Венецианские патриции носили простые черные мантии — это означало, что они постоянно на службе как защитники государства. Они были священнослужители правительства. Патриции высокого ранга одевались в алое, лиловое или пурпурное; в частности, пурпур носили сенаторы. И это тоже были цвета серьезные, официальные. Поверх мантий надевались плащи с капюшонами. Использовались черные *bereti* (шапочки). Поскольку знатные граждане Венеции — врачи, адвокаты, подобно священникам, тоже носили черное, казалось, что город погружен в траур. В черное одевались и женщины — и бедные, и патрицианки. В основном это была униформа — иными словами, костюм, подчеркивающий единообразие.

Длинная мантия затрудняла быструю ходьбу, так что походка патриция обычно была медленной и осторожной. В 1611 году Томас Кориат

писал: «Они низко кланяются друг другу, вежливо и учтиво, сгибаясь и прижимая правую руку к груди». Черный был цветом серьезности. Черный был цветом анонимности. Черный содержал элемент угрозы. Он символизировал смерть и правосудие. Пристрастие к черному цвету длилось тысячу лет — его прочность показывает, насколько консервативна венецианская социальная традиция во всех своих проявлениях. В самом деле, этот стиль до сих пор актуален. И на улицах Венеции XXI века можно увидеть молодых людей в длинных черных плащах. В одежде современных венецианцев по-прежнему есть нечто экстравагантное, театральное.

Но особенно усердствовали молодые аристократы, принадлежавшие в период Возрождения к одному из многочисленных городских клубов, или *calza* (чулочных) гильдий, таких как *Triumphanti* (Победители), *Valorosi* (Достойные), *Immortali* (Бессмертные) и *Principali* (Главные). У членов этих гильдий чулки, надевавшиеся на правую ногу, были сшиты золотыми и серебряными нитями и сверкали драгоценными камнями и жемчужинами. Их надевали поверх плотно облегающих штанов до колен, они доходили до бедер. Наряд дополнял бархатный дублет поверх

рубашки струящегося шелка. Длинные золотистые волосы юношей зачастую были крашеными. И, наконец, они душились. Стоит ли удивляться, что в самом ненатуральном городе духами пропитывали все — шляпы, рубашки, носки, платки, даже деньги.

Чулочные гильдии наиболее известны театрализованными появлениями на церковных праздниках и свадебных торжествах, где молодые мужчины и женщины демонстрировали себя. «Мы были в клубных чулках, — писал один из таких юношей, Джакомо Контарини, брату в январе 1441 года, — в накидках из александрийского бархата, отделанного серебряной парчой, в дублетах малинового бархата с рукавами с прорезями, подпоясанных малиновым же кушаком и с беличьим подбоем, на головах шапки *alla Sforzesca». Sforzesca*, то есть а-ля Франческо Сфорца — знаменитого *condottiero* (кондотьера), командира наемников. До его победы в Венеции была мода носить шапки а-ля Карманьола, по прозвищу прославленного *condottiero* Франческо Буссоне. Это показатель любви венецианцев к тривиальному и триумфальному, выражаемой в самой театральной из всех возможных форм.

Венецианский аристократ, в самом благород-

ном представлении о нем, имел орлиный нос и высокие скулы; это был государственный деятель и аскет. Его кожа была бледна. Резкая смена образа произошла в 1529 году. Венецианские мужчины начали коротко стричь волосы и носить бороды. До этого волосы были длинными, а борода позволялась только в знак траура. Один или двое на пробу поменяли внешность, все остальные разом последовали за ними. Были и другие, более общие изменения. В конце XVI столетия, к примеру, костюм стал свободнее и шире, чем модный ранее облегающий. Причины этого неясны, они таятся в человеческом влечении к новизне и трансформации. В наши задачи не входит писать историю моды. Важно лишь признать, что венецианцы и венецианки к одежде в основном относились как к театральному костюму.

В XVIII веке по улицам Венеции ходили зазывалы, выкрикивавшие состав трупп и время представления новейших пьес. Венецианцы были известны всей Европе любовью к театру. Эта страсть коснулась всех классов, от гондольера до аристократа, и наиболее очевидно проявилась в необычайном успехе *commedia dell'arte*. Эта форма импровизационной комедии впервые появилась в Венето в XVI столетии, хотя ее древние

истоки бесспорны, будь то классическая драма или праздничный ритуал. Одна из главных фигур — Панталеоне, или Панталоне, венецианское имя, относящееся к узнаваемо венецианскому персонажу веселого и глуповатого старого купца. (Венеция действительно управлялась стариками.) Он был одет в красный костюм, черную шапку, красные турецкие туфли-шлепанцы — в знак того, что торговал с Востоком. На его шестой возраст, по словам Жака из «Как вам это понравится» Шекспира, указывают сползающие «штаны, что с юности берег, широкие для ног иссохших»[7]. Он говорит на венецианском диалекте. Предполагается, что его имя происходит от искаженного *pianta leone* (сажай льва), подразумевается лев Святого Марка на флаге венецианских купцов. Его преследует грех алчности, алчности богатого человека, который боится потерять то, что имеет, в отличие от бедного, который хочет еще. Он робок, он пацифист, тем не менее он хочет завоевать мир с помощью торговли и завидует всему и всем; он фанатичный патриот и отчаянный скряга, он высокопринципиален, но коварен; он так боится быть одураченным, что

[7] Примечания: 7
Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

бросается сломя голову в те самые ситуации, где его гарантированно одурачат. Он представляет нечистую совесть Венеции.

От Панталоне происходит и название «пантомима»; именно Венецию следует благодарить за это по-прежнему популярное в Англии искусство. Персонажи комедии были безусловно пантомимическими фигурами, что Арлекино в клетчатом костюме, что Доктор Грациано в черной мантии. Женские роли играли юноши. Они использовали маски и говорили на венецианском диалекте с вкраплениями греческих и славянских слов. Арлекино говорил на диалекте Бергамо, города в Ломбардии, откуда происходили многие грузчики и рабочие Венеции. Актерам показывали сценарий спектакля, но как только они ступали на временную сцену, начинали импровизировать диалоги с присущими им остроумием и живостью. Их реплики часто были непристойными и всегда смешными. Актеры исполняли лихие акробатические танцы под аккомпанемент лютни и гитары.

Исполнители *commedia* не упускали случая высмеять современников и нравы своего времени. Зрители могли узнать в персонажах себя. Публика шумела и смеялась, аплодировала и

разражалась приветственными выкриками, услышав понятный намек. Среди персонажей *commedia* были куртизанки, и немало куртизанок имелось среди зрителей. Темы импровизаций — несчастные дети, скупые отцы, вероломные слуги — сама плоть венецианской общественной жизни. Это была курьезная смесь высокопарности и пародии, громких ламентаций и явного фарса. Это были спектакли о лицедействе. Их можно назвать комедией меркантильного капитализма, близкой по духу лондонской комедии положений начала XVII века. Так комедия становилась зеркалом мира.

И, наконец, она выходила за пределы сцены, влияя на восприятие реальных людей и реальных событий. Иные дела, слушаемые в судах Венеции, имели элементы фарсового скетча. Французский дипломат начала XVII века высмеял некоего серьезного венецианского государственного деятеля, назвав его «эти панталоны». Вероятно, было что-то смешное в спектакле, разыгрываемом всеми этими мрачными фигурами в тайных поисках личной выгоды.

Венецианцы часто сами насмешливо называли себя *pantaloni*. Байрон тоже отмечал «наивность и панталонский юмор» венецианцев. В Венеции

до сих пор используется идиома *paga pantalon* (платит Панталоне), когда речь идет о государственных или налоговых выплатах.

Казанова описывал, как он надел костюм Пьеро и стал «изображать походку болвана». На маскарадах карнавала нужно было выдерживать характер персонажа, костюм которого вы надели. Приезжие, побывавшие на ранних карнавалах, отмечали, что местные жители любят одеваться иностранцами. Любой венецианец, не колеблясь, мог превратиться в актера.

Предполагается, что опера возникла из сценок и песен *commedia dell'arte*. Тогда неудивительно, что Венеция стала первым центром оперы в Европе. И опера, и *commedia* воплощали дух и взгляды народа. Они вышли из одной среды и выражали одни и те же надежды и чаяния. Оба искусства происходят от зрелищ, характерных для религиозных и светских народных ритуалов. Популярность оперы в Венеции хорошо документирована. Ни одно искусство так не соответствовало темпераменту ее народа. Первый общественный оперный театр в мире появился в Венеции; в 1637 году патрицианское семейство Трон открыло его на территории своего поместья и стало брать плату за вход со всех, кто

там собирался. Второй оперный театр открылся через два года, а пятьдесят лет спустя их было семь. Либреттисты и композиторы процветали. Появилась должность импресарио. Танцоры и певцы нанимались по контракту. Структура самой оперы была стандартизована, каждому из ведущих солистов полагалось пять арий, и эти арии производились так же быстро и профессионально, как стеклянные вазы на Мурано и корабли в Арсенале. Между 1680 и 1743 годами было выпущено и поставлено на сцене пятьсот восемьдесят две оперы.

Опера процветала в Венеции, поскольку во многих отношениях это было городское искусство. Это было искусство контраста — и город в своей неоднородности полнился контрастами между богатыми и бедными, блеском и нищетой. Это было искусство сценичное и зрелищное — и в городе на карнавалах и праздниках полно энергичных представлений. Опера интересуется внешней стороной, жизнью напоказ, она выражает лежащую в ее основе великую драму человеческого духа через музыку и пение.

Опера имеет дело с энергией и блеском, с ритуалом и мелодрамой. Совершенно, как Венеция. Венецианский миф поддерживают именно эти

понятия. Были оперы, в которых Венеция превозносилась как новая Троя или новый Рим; были оперы, инсценирующие основание Венеции изгнанниками. Декорацией служила сама Венеция. Зрители хлопали, свистели, кричали. Гондольеры пользовались правом бесплатного прохода в оперу; они аплодировали, топая ногами и издавая громкие крики «Браво!». Услышав любимую арию, они топали так громко, что певец бывал вынужден вернуться на сцену и повторить. Когда ария заканчивалась, из лож дождем сыпались цветы вперемешку с листами бумаги, исписанными хвалебными стихами. Были даже случаи, когда в опере выпускали голубей с колокольчиками на шеях. Один путешественник описывал реакцию патриция в ложе, он кричал: *Ah! Cara! Mibutto, mibutto!* (Ах, дорогая, я сейчас брошусь к тебе!)

Венецианское сценическое искусство было знаменито на всю Европу изощренностью и сложностью. Джон Ивлин с одобрением отмечал «множество декораций, изящно задуманных и написанных со знанием законов перспективы, машины для полетов в воздухе и другие изумительные приспособления; все вместе это одна из самых великолепных и дорогостоящих за-

тей, какие ум человеческий может измыслить». Очарование чудес сцены соединялось с венецианским пристрастием к сказочным сюжетам и блестящему оформлению. Здесь были кораблекрушения и морские монстры, огнедышащие драконы, всплывающие из глубины, и классические божества, плавно спускающиеся с небес. Особенно ценились венецианские «облачные машины». Они сами по себе были произведениями искусства, на равных с актерской игрой.

Буркхардт в «Культуре Италии в эпоху Возрождения» цитирует некоего венецианца: «Слава этих *apparati* (сценических устройств) влекла зрителей из мест ближних и дальних». Но продолжает он замечанием, что эти машины используются только в «комедиях и других веселых представлениях». Сценические эффекты убивают трагедию. Для трагедии в Венеции никогда не было места. Первый в Европе театр, специально построенный для постановки спектаклей, появился в Венеции в 1565 году. К концу XVII века было восемнадцать общественных театров. Это много для населения, не превышавшего сто восемьдесят тысяч человек. В тот же период в Лондоне было всего шесть, а в Париже десять театров. В XVI веке, по свидетельству итальянского

композитора Джироламо Парабоско, граждане «взбирались на стены, выламывали двери и переплывали каналы, лишь бы проложить себе путь туда, где играли знаменитые комедианты».

Зрители были такой же частью спектакля, как и актеры. Во время спектакля они болтали, смеялись и даже играли в карты. Они бродили из ложи в ложу в поисках компании или лучшей точки обзора. Шум их болтовни сравним с шумом кустарника, полного птиц. Освещение всегда было тусклым, в ложах почти совсем темно; пюпитры музыкантов освещали свечи испанского воска, а сцену — лампы, наполняемые оливковым маслом. Зрители в ложах плевали на зрителей в партере (в буквальном смысле). Этот обычай поддерживался с живым энтузиазмом. Зрителям в партере позволялось смотреть спектакль в шляпах; зрителям в ложе не было дано такой привилегии. Гондольеры, любимые дети Венеции, проходили в театр бесплатно, как и в оперу. Они, в свою очередь, не скупились на аплодисменты понравившимся актерам и драматургам, играя роль клакеров. Часто им платили за то, чтобы устроить овацию или освистать кого-нибудь определенного. Другие гондольеры просто ждали своих хозяев с фонарем у выхода. Между актами

среди зрителей ходили торговцы, продававшие апельсины и печенье, анисовую воду и каштаны, кофе и мороженое.

Занавес мог подняться над античным храмом, лесом или королевским дворцом. На сцене проходили парады и процессии, пиры и битвы. Но имелась одна излюбленная тема. Это был сам город. Зрители приветствовали каждое упоминание Венеции, их восхищали и любовные, и авантюрные драмы, действие которых происходило в домах и на улицах города. Это была очень локальная драма. Зрители особенно любили успокоительные эмоции семейной жизни. Если персонаж или сцена нарушали нормы приличия, принятые в реальной жизни, публика могла возмутиться самым энергичным образом. Гете стал свидетелем того, как спектакль был остановлен зрителями, когда казалось, что молодой человек на сцене вот-вот убьет свою жену мечом; актер вышел вперед, извинился и сказал, что сцена все равно кончилась бы хорошо. Разве не были все они членами одной большой счастливой семьи?

Это нигде так не очевидно, как в работах самого знаменитого венецианского драматурга Карло Гольдони. Его любимый жанр — комедия из венецианской общественной жизни. Можно сказать,

что он держал зеркало перед самой Венецией. Эта работа так хорошо давалась ему, что в один год он выпустил шестнадцать трехактных комедий; а за всю театральную карьеру с 1734 по 1776 год написал двести пятьдесят пьес. Подобно соотечественникам Тинторетто, Тициану и Вивальди, он работал очень быстро. Гольдони был полон жизни и энергии. Говоря языком бизнеса, он наладил быстрый оборот. Он начал с написания шаблонных пьес по образцу *commedia dell'arte*, а затем безошибочное чутье привело его к легким комедиям из венецианской жизни. Он пленил публику портретами гондольеров и слуг, лавочников и домохозяек. Все в масштабе, компактно и четко, как то присуще венецианскому характеру. Типичной декорацией была *campiello* со знакомыми магазинчиками и домами на заднем плане. Гольдони воспроизводил язык и поведение людей с высочайшей точностью. Большой мир вне их города для его персонажей не имел значения. В одной из его комедий лондонец говорит о каналах своего города, то есть Гольдони полагал Лондон похожим на Венецию. Его персонажи не занимаются политикой. Эту задачу решал кто-то другой. Они составляют маленькую группку людей, которые прокладывают свой

жизненный путь сквозь ссоры, недоразумения и нелепости семейной жизни. Семья и домашний очаг, слегка пошатнувшись, укрепляются и снова поднимают паруса.

Первые же авторские ремарки «Веера» (1765), одной из самых знаменитых комедий Гольдони, рисуют совершенно венецианскую сцену.

> Гертруда и Кандида сидят на балконе и занимаются рукоделием. Эваристо и барон в охотничьих костюмах, расположившись в креслах, пьют кофе, рядом стоят ружья. Граф, одетый по-деревенски, в рединготе и соломенной шляпе, с тростью в руке, сидит неподалеку от аптеки, уткнувшись в книгу. Тимотео на балконе своей аптеки толчет что-то в медной ступке. Джаннина в костюме крестьянки сидит с прялкой около двери своего дома. Сузанна, сидя возле своей лавки, что-то шьет из белой материи. Коронато сидит на скамейке около своей гостиницы; в руках у него конторская книга и карандаш. Креспино, примостившись на низеньком табурете, чинит башмак, надетый на колодку. Мораккьо с другой стороны

дома Джаннины, около рампы, держит на сворке охотничью собаку и кормит ее хлебом. Скавеццо, по другую сторону гостиницы, ближе к рампе, ощипывает курицу. Лимончино стоит около Эваристо и барона с подносом в руках в ожидании пустых чашек. Тоньино собирает сор перед входом виллы[8].

Замечательная миниатюра.

Гольдони был точен как в отношении духа людей, так и в умении видеть абсурдные аспекты серьезных вещей. В его юморе много насмешки, немного дерзости, но нет злобы. На его сцене нет жестокости. Гольдони мудро воздерживается от откровенной непристойности более ранней *commedia*. Его персонажи ленивы и болтливы, при этом они живые и остроумные; они говорят о новых спектаклях и о последних скандалах. Их интересы в большой степени сосредоточены на деньгах. И одновременно они веселы и добродушны. Все эти качества можно назвать характерными для венецианского темперамента в начале XVIII века.

---

[8] Примечания: 8
Перевод Н. Георгиевской.

Здесь нет духовного. Нет размышлений и монологов. Можно назвать драму Гольдони поверхностной, но она и не должна была быть никакой другой. В ней все на поверхности. Венецианцы на сцене не индивидуализированы как следует; они думают и действуют как община. Их личностные особенности неизвестны. Они не испытывают великих страстей. У всех одинаковые чувства и, в значительной степени, одинаковые личности. Поэтому комедии Гольдони относят к гениальной поэзии семейной жизни. Они не рассказывают о подвигах и переживаниях выдающихся личностей и необычных людей. Все легко и изящно. Гольдони воспевает заурядного человека.

Каковы же были характерные черты венецианцев? О них везде пишут как о жизнерадостных, веселых и спонтанных людях. Генри Джеймс считал, что они «на первый взгляд имеют счастье мало в чем нуждаться», и это позволяет им посвящать жизнь «солнцу, отдыху и беседе». У них были свободные манеры, несмотря на то что Венецию отличала одна из самых суровых систем правления в Европе. Возможно, есть некая связь между общественной дисциплиной и частной свободой. Жорж Санд описывала их как «веселый

легкомысленный народ, остроумный и любящий песни».

Также пишут, что венецианцы непостоянны, фривольны и наивны. Можно сказать, что это оборотная сторона веселости. В других итальянских городах-государствах они слыли глупыми и ненадежными. Их считали переменчивыми и неверными. Они имели склонность забывать даже совсем недавние и весьма серьезные неприятности. Возможно, такая забывчивость происходит от чрезмерной живости. Наивность же может характеризовать народ, но не патрициев. Правительство относилось к народу почти как к детям. Отсюда доверие к государству и атмосфера повиновения, в которой венецианцы, по-видимому, процветали. Аддисон считал, что Сенат Венеции поощряет соперничество и раздоры среди простого народа в целях безопасности республики.

Они были двойственны. Их было трудно прочитать. Двойственность, отражающая двойственное положение города на воде, может быть ключевым понятием. В XVIII веке монашка могла в то же время быть проституткой. Гондольер мог быть очень состоятельным человеком. У богато одетого аристократа могло не быть денег. Альбрехт

Дюрер писал: среди них были «столь вероломные, лживые, вороватые негодяи, что я не понимаю, как их носит земля; а тот, кто не знает их, считает, что они милейшие люди». Можно спорить, так ли это для всего человечества, но в городе масок и тайн подобная двойственность была всеобщей и проявлялась в самых разнообразных формах.

Очевидно, это и есть причина обвинений в двуличии, доставшихся в равной мере всем венецианцам. У них был талант притворства, который они использовали, ведя дела с другими странами и, конечно, друг с другом в области закона и управления. Они скрывали алчность под личиной честности и набожности; они прятали коварство под маской вежливости. Их натурой стало, по словам английского наблюдателя, «пришивать лисий хвост к шкуре льва Святого Марка».

Есть много историй о двуличии венецианцев. К примеру, в XV столетии в Венецию приехал король Венгрии и стал просить у каноников церкви Сан-Джулиан отдать ему мощи святого Петра-отшельника. Те не хотели оскорблять его величество и отдали останки некоего человека из фамилии Гримани. Потом венгры почитали этот ничего не стоящий труп как святую реликвию.

В городе масок искусство маскировки достигло невиданных высот. Вот почему венецианцы всегда были вежливы, демонстрируя то, что называлось *dolce maniera* (хорошие манеры). Они были официальны и сдержанны в поведении на публике, возможно, вспоминая венецианскую пословицу «кто любит иностранцев — любит ветер». Была особая изысканность в том, как венецианский патриций удерживал дистанцию с собеседником. Мемуары и документы свидетельствуют, что венецианцы оставались сдержанны и учтивы даже в частной жизни. Больше всего они любили форму, оболочку. В обществе венецианцев зачастую считали чопорными исключительно на основании подчеркнутой правильности их поведения. В отличие от других итальянцев, к примеру, они не выделялись экстравагантными жестами и речью. Было несколько характерных фраз, принятых в официальных текстах города. Советники назывались *prudentes et cauti* (благоразумными и осторожными); государственное должностное лицо обязательно было *sapiens et circumspectus vir* (мужем мудрым и осмотрительным). Они были благочестивы, но зилотами не были. Савонарол в Венеции не приветствовали.

Их юмор тем не менее был недвусмысленно

груб. Что подтверждает, к примеру, эффектное венецианское высказывание: «Если хочешь посмеяться, заговори о дерьме». Статуя знаменитого и сверхпродуктивного писателя Никколо Томмасео носит прозвище *El cacalibri* **(**Книгопоносник). Вульгарность, как и в Англии, была частью культа практичности и здравого смысла. Был, к примеру, определенный грубый реализм в государственном управлении. В этом романтическом городе было мало романтиков. Юмор часто возникал за счет лицемерия и притворства; зачастую это черный юмор, а иногда — горький и грубый. Венецианцы вообще были великими ниспровергателями помпезного и самодовольного. Это инстинктивная реакция народа, привыкшего к лицемерной или ханжеской претенциозности общественной жизни. Это их способ нанести ответный удар, показать, что они не одурачены.

Глава 15
Шестеренки внутри шестеренок

В 1605 году Венецию описывали как Вселенную в миниатюре, поскольку все, что имелось в мире, можно было найти и в ней. Если бы весь мир был кольцом, Венеция была бы драгоценным камнем в нем. В некотором смысле это эталонный, идеальный город, бросающий вызов стихиям и миру природы. Это самый урбанистический из городов, его положение сильно отличается от общин, укоренившихся на земле. Поэтому он может предложить другим городам несколько уроков. Льюис Мамфорд в книге «Город в истории» (1961) отмечал, что «если бы общественные достоинства Венеции были поняты и скопированы, более поздние города спланировали бы лучше». К примеру, система транспорта, где Большой канал с быстрым движением пересекает сеть меньших каналов, движение по которым более медленно, была образцовой в своем роде. Воды лагуны ограничивали город размерами, в которых легко было им управлять; он не расползался, его единственными пригородами были другие острова,

живущие собственной жизнью.

Кроме того, Венеция стала парадигмой для европейской культуры. Можно высказать точку зрения, не лишенную правдоподобия, что первая Промышленная революция случилась не в Англии, а в Венеции, в управлении кораблестроением, стекольным и зеркальным производствами. Это был первый центр товарного капитализма, центральная точка обширной сети городов, раскинувшейся по Европе и Ближнему Востоку. Этот город зависел от других городов, а они зависели от него. Он представлял новую форму цивилизации, переход от аграрной жизни к коммерческой. Венеция всегда была городом-символом. В конце XVI и начале XVII века, к примеру, ее считали городом в предельном развитии — извращенным, ненатуральным, низведшим население до рабского статуса. В XXI веке ее можно назвать первым постмодернистским городом, городом-игрой. В этом смысле Венеция — предвестник всеобщей человеческой судьбы.

Венецианское государство стало образцом для других. «Левиафан» (1651) Томас Гоббс написал после продолжительного пребывания в Венеции, и эта книга стала апологией процветающей рыночной экономики. Политические реформа-

торы из пуританского Содружества в XVII веке смотрели на Венецию как на живой образец современной республики. Так же относились к ней отцы-основатели Соединенных Штатов.

Государственная администрация города была образцовой и в другом смысле. Она стала образцом для всех учреждений и форм управления в городе. Процедуры выборов в гильдиях были основаны на сложных правилах избрания дожа. Залы собраний братств и общин копировали залы Дворца дожей, они были так же оформлены картинами на исторические и мифологические сюжеты. Ромбовидные узоры на фасаде Дворца дожей сплетаются в решетку. Венецианские мадригалы XVI века замечательны сложным хором голосов, накладывающихся один на другой, где каждого певца отчетливо слышно в густых пульсирующих волнах звука.

Топография самого города — с мостами, каналами и узкими *calli* — отражает запутанность и взаимозависимость республиканских учреждений. Многообразие государственных чиновников и агентств, надзирающих за городом, часто называют лабиринтом, так же как улицы и переулки города. Члены различных комитетов сменялись раз в полгода или в год, что создавало

переменчивую политическую картину, схожую с волнующимся морем. Так что же — территория определяла форму государства или государство формировало территорию? Этот вопрос столь глубоко заложен в истоках человеческого поведения, что должен остаться без ответа.

В чем же был секрет этого государства, позволявший ему проникать в каждую деталь общественной жизни своего города? Дадли Карлтон, английский посол в Венеции в начале XVII века, использовал аналогию с одним из товаров, продаваемых в городе. Республика — «часы, в которых множество шестеренок, совершающих малые движения, иногда не в лад, но это легко исправить, и все в целом не знает отклонений». Шестеренками и шестеренками внутри шестеренок были различные органы государства.

Правителями Венеции со времен первого поселения в лагуне были трибуны от различных островов; их избирали ежегодно. Эта расплывчатая структура показала себя недееспособной, и в 697 году был выбран первый дож. Паоло Лучио Анафесто был избран всенародно и провозглашен дожем на Генеральной ассамблее на острове Ираклея. Тогда считали, что так возрождается дух республиканского Рима. Однако, как и в Риме,

наиболее влиятельные фамилии использовали свою власть, чтобы уничтожить любые нарождающиеся демократические настроения. Только богатый и могущественный заслуживал этой должности. X–XI века — время распрей между аристократическими кланами; дожей убивали и изгоняли с должности. В середине XII столетия была сформирована группа чиновников, чтобы помогать и советовать дожу. Она называлась «коммуна», тогда это слово не имело революционного подтекста, привнесенного позднее.

Этого было недостаточно. В конце XII века был учрежден Совет аристократических семей, официально для проверки деятельности дожа. Теперь главу государства выбирали они, а народу дожа представляли только для утверждения. Его выводили на балкон со словами: «Это ваш дож, если вам будет угодно». Позже убрали и это указание на власть народа. На правительство было наложено еще больше ограничений. В 1297 году был принят закон, по которому доступ в Высший совет имели только те патриции, чей отец или дед по отцовской линии уже занимал это место. Совет стал эксклюзивным клубом, а Венеция — наследственной аристократией. В 1423 году коммуна была упразднена, и государство в даль-

нейшем стало именоваться *Dominio* или *Signoria*, что указывает на то, что власть принадлежит патрициям.

Таким образом, к началу XV века структура венецианского правительства сформировалась и определилась. Были некоторые структурные изменения в XVI веке, но основы остались теми же вплоть до падения республики в 1797 году. Как если бы в Англии XVIII века по-прежнему действовали государственные учреждения времен Ричарда II и Генриха IV.

Эта структура развивалась в течение многих столетий. Подобно развитию млекопитающих в Австралии, это был уникальный феномен, вызванный относительной изоляцией. Правительство составляли различные советы и официальные органы, чье единство явно имело непостижимую мистическую природу, наподобие единосущности Троицы. У основания сложной пирамиды власти находилось Общее собрание, которое созывалось только для ратификации важнейших законодательных актов. Выше находился Большой совет, который, в теории, избирал различных должностных лиц, членов малых советов и самого дожа. Малые советы включали в себя Сорок — особый корпус

патрициев, и советников дожа. Участники этих советов составляли Сенат. На вершине пирамиды стоял дож. Было бы слишком утомительно для читателя углубляться в сложную и запутанную организацию различных советов, ассамблей и магистратов. Ее с трудом понимали и сами венецианцы.

Однако верное представление о лабиринте венецианских властей может дать описание процесса выборов дожа. Утром в день выборов самый молодой из членов Синьории (одной из ветвей администрации), пав на колени и помолившись в базилике, выходил на площадь Святого Марка и останавливал первого встреченного там мальчишку. Этот ребенок становился *ballotino* (мальчиком, который тянул жребий на выборах дожа), он должен был вытаскивать номинационные бюллетени из урны во Дворце дожей. В первой баллотировке Большой совет выбирал тридцать своих членов. Во втором голосовании из этих тридцати выбирались девять. Эти девять, в свою очередь, выбирали сорок, каждый из которых получал по семь номинаций. В следующей баллотировке эти сорок должны были сократиться до двенадцати, которые голосованием выбирали двадцать, которые выбирали

девять, которые выбирали сорок пять, которые выбирали одиннадцать. Одиннадцать выбирали сорок одного. Этот окончательный состав из сорока одного избирателя и определял дожа. Более громоздкую и запутанную процедуру придумать невозможно. Ее единственным назначением было устранить придирки и частные интересы, но она же свидетельствует о почти всеохватной круговой поруке.

Целостность поддерживалась мириадами перекрещивающихся должностей и полномочий; это воспитывало чувство равновесия, столь важное в плавучем городе, и приспособляемость. Также это давало возможность проведения судебного надзора. Это было правительство дебатов и комитетов. Недостаток новизны и живости компенсировали осмотрительность и постоянство. Оно отличалось настойчивостью и тщательностью, благодаря чему и продержалось так долго. Быстрая смена чиновников, большинство из которых занимали должность лишь полгода, означала, что патриции очень быстро осваивали новые сферы администрации. Неизбежную путаницу и неэффективность вкупе с ошеломляющим количеством бюрократических процедур рассматривали как приемлемую цену за добрый

порядок. Как ни забавно, секрет успеха, вероятно, заключался в том, что никто на самом деле не знал, у кого настоящая власть. Единоличной власти не было.

Венеция носила название республики, но на практике точнее будет назвать ее плутократией. Лишь сотне семей позволялось участвовать в управлении; простые граждане и *popolani* были из него исключены. Это государство имело все признаки геронтократии. Патриции моложе сорока не допускались в Сенат; в XV–XVI веках средний возраст дожей на момент избрания составлял семьдесят два года. Дож всегда был старше по возрасту, чем Папа Римский, — единственный, кроме него, глава государства в Италии, избиравшийся пожизненно. Это могло бы считаться рекламой здорового воздуха республики, но это отражает и значение, которое придавали в Венеции традициям и опыту. Путь к власти, будучи столь длинным, требовал терпения и послушания; долгое служение республике приучало к соглашательству и компромиссам. Это была также предохранительная мера. Ни один дож не мог руководить слишком долго и добиться слишком большого могущества. Военные командиры и важнейшие члены правительства тоже были ста-

риками. Доменико Контарини, к примеру, было семьдесят пять лет, когда в 1526 году его избрали на пост генерала венецианских войск. Он не был исключением. Правление молодых людей — как пример можно взять средневековую Англию — создает культуру пылких страстей, спонтанного насилия и интенсивного соперничества. Ничего этого не было в Венеции.

Распри, разумеется, были и здесь. В последние десятилетия XVI века возникло напряжение между представителями «старых» семей, ведущих свою историю с первых лет республики, и «новых», прибывших позже. «Новые» выступали против безграничной власти Совета десяти и хотели взбодрить торговлю Венеции с помощью новых рынков. В сущности, это была постепенная смена акцентов в управлении городом, но процесс шел медленно, по нарастающей. Разделения на партии и фракции не произошло. Каждый зависел от всех остальных в деле поддержания плавной работы правительственной машины. Ни личным амбициям, ни семейной вражде не дозволялось подтачивать безопасность государства.

Коррупция была повальной. «Каждая должность, — писал Марино Санудо в 1530 году, — источник денег». Соперники, оспаривающие

какой-то пост, шли в Большой совет с сумками золота. Это была общепринятая практика. Индивидуальным выборщикам предлагали «ссуды». Есть старинное венецианское высказывание: оказать услугу — значит получить услугу. В городе было свыше восьмисот должностей, лоббирование того или иного теплого местечка было основным занятием патрициев. Особенно важно это было для бедных представителей правящего класса, их называли *svizzeri* по аналогии со швейцарскими наемниками и, помимо хлебных должностей, у них не было другого источника доходов и статуса. Законы долго продирались через коррумпированные выборные органы, а сложные процедуры выборов даже на мельчайшие должности требовались, чтобы обойти наиболее явные формы подкупа. Продуманные меры предосторожности показательны сами по себе. Они свидетельствуют об осведомленности об уровне коррупции. Глубоко коррумпированный город предпринимал немалые усилия, чтобы казаться некоррумпированным.

Слово *imbroglio*, обозначающее сложный план или замысловатую софистику, происходит из самой топографии Венеции. *Brolo* или *broglio* назывался сад, расположенный перед Дворцом

дожей. Здесь прогуливались аристократы, планируя свои дальнейшие ходы. Это место для интриг и лоббирования, где, чтобы подать нужный знак, достаточно было улыбнуться или потянуть за рукав.

Дож был самым старшим членом правительства. В самый ранний период он носил *bereti*, как древние цари Фригии. Одевался в шелковую мантию с золотой каймой, застегнутую на золотые пуговицы. Его обувь и чулки были красными. Он избирался пожизненно, но был окружен ограничениями и предписаниями. В Венеции не мог появиться свой Цезарь. Дож не мог сам вскрыть письмо, не мог один принимать иностранных гостей. Не мог обсуждать политические вопросы без консультации с советниками. Не мог покинуть город без разрешения. Не мог даже передвигаться по городу без соответствующей санкции. Не мог покупать дорогостоящие драгоценности или владеть собственностью за пределами венецианской территории. Не мог использовать герцогский герб за пределами Дворца дожей. К нему нельзя было обращаться «мой господин», а только «мессир дож». Никто не мог преклонять перед ним колени или целовать ему руку. Говорили, что он — всего лишь «вывеска на таверне», раскачивае-

мая ветром. Чем меньше у него было настоящей власти, тем больше вокруг него было помпы и церемоний.

Но влиянием определенного рода он обладал. Все же он был номинальным главой государства. Сэр Генри Уоттон заявляет, что «подобно солнцу, он выполняет все свои замыслы *in radio obliquo* (косвенным образом), а не прямой властью». Он председательствовал во всех выборных советах, включая сенатские, Большой совет и Совет десяти; он был главным контролером всех правительственных органов. Дважды в неделю он должен был вести публичные приемы; его церемониальные обязанности были весьма обременительны. Он символически представлял все венецианское государство. Он в буквальном смысле воплощал здоровье нации. Его одежда и поведение тщательно изучались — не появилось ли изменений? Когда во время дебатов, касавшихся ведения напряженной войны, дож покинул свое место по нужде, это вызвало сенсацию. Но некоторая часть его власти имела совсем другое объяснение — он знал все секреты города.

После смерти дожа провозглашали стандартную формулу: «С величайшим прискорбием мы услышали о смерти светлейшего князя, человека

доброго и благочестивого; однако у нас будет другой». Кольцо с печатью снимали с его пальца и ломали пополам. Семья покойного дожа должна была оставить дворец в течение трех дней; всю обстановку убирали. Трое инквизиторов назначались для тщательной проверки всех дел дожа и, если требовалось, наказания его наследников за любое его мошенничество или злоупотребление. Только таким способом государство могло противостоять усилению могущественных аристократических семей.

Дож был патрицием среди патрициев. Социальная структура Венеции была, в сущности, очень простой. Патриции составляли четыре процента населения; граждане добавляли еще шесть процентов; все остальные, примерно девять десятых населения, были *popolani*. Каждая группа имела свои функции и свои привилегии. Это было хорошо структурированное и иерархически организованное общество — общество с законодательно определенными сословиями и слоями, — состоящее из множества переплетений родственных групп, связанных между собой, к вящей славе Господа и города.

Но как же десяти процентам населения удалось подчинить остальные девяносто и контролиро-

вать их? Подкупом и обманом. Создавая внутреннее соперничество, утешая в бессилии, сплетая мифы о началах и единстве. В общем, происходило то же, что и во всей истории человечества.

Самая большая группа венецианцев — класс *popolani.* Он включал в себя торговцев, ремесленников, чернорабочих и бедноту. Они составляли скорее социальную, а не экономическую категорию. Была значительная разница в достатке между *popolo grande* (богатыми землевладельцами и купцами) и *popolo minuto* (лавочниками и ремесленниками). Имелось столько частных вариаций, что, в сущности, мы не можем говорить о народе в политическом смысле. Как писал испанский посол в 1618 году, *popolani* «настолько разнородны, что вряд ли смогут поднять бунт, даже при том, что их достаточно, чтобы занять и заполнить всю Венецию». Народ можно было считать лояльным и послушным, его привязанность к родному городу значительно перевешивала стремление протестовать и бунтовать.

Была еще одна серьезная причина социального порядка и стабильности. Всегда хватало дешевой еды, за исключением чрезвычайных ситуаций бедствий и голода, и на протяжении веков заработная плата работающего населения держалась

на сравнительно высоком уровне. Не было местных бедствий, привычных для низшего класса Парижа и Лондона.

Народ мог тем не менее проявлять жестокость, но только в своей среде. Беднейшие слои — рыбаки, гондольеры, слуги и чернорабочие — образовали две крупные фракции, одна из них называлась *Castellani* (иногда также *Arsenalotti*) и *Nicolotti*. Это было древнее разделение, родившееся из вражды между объединенными федерацией городками Венето, Езоло и Ираклея, из которых пришли венецианские первопоселенцы. Уже в XII веке *Nicolotti* носили черные шапки и черные кушаки, а *Castellani* — красные. У *Nicolotti* была и своя версия политической власти: с XIV века у них установилась традиция выборов собственного политического лидера, называвшегося *gastaldo grande*. Он участвовал в торжественной процессии, приветствовавшей дожа в его дворце. *Arsenalotti* имели свои привилегии. Рабочие Арсенала выделялись для охраны Большого совета во время его сессий, они же служили телохранителями дожа. Отсюда можно сделать вывод, что *popolani* участвовали и в государственной жизни. Антиправительственная деятельность не принадлежала к традициям венецианского

народа, напротив, он питал к ней отвращение.

Территории группировок были разделены. *Castellani* занимали восток города, *Nicolotti* запад, с центрами вокруг церковных приходов Сан-Пьетро ди Кастелло и Сан-Николо деи Мендиколи. Эти границы служат ясным показателем того факта, что в свои ранние дни весь город представлял собой набор независимых общин. Одна церковь, Сан-Тровазо, стоит прямо на границе, но *Castellani* заходят в нее через южный вход, а *Nicolotti* через западный. Между фракциями часто случались уличные драки, на которые власти смотрели сквозь пальцы по принципу «разделяй и властвуй»; пока они дерутся между собой, шансы на общегородской бунт против властей минимальны. 1639 год отмечен серией настоящих уличных боев, в которых погибло свыше сорока бойцов. Но в последующие годы столкновения постепенно сменились инсценировками и состязаниями, к примеру регатами. В истинно венецианском стиле агрессия была смягчена до ритуала.

У *popolani* не было политического влияния, но у них имелись различные иерархии и ранги членства в гильдиях и товариществах. Все распространенные профессии имели представительские организации. При регистрации в XIII

веке их оказалось более ста, и они предлагали особые права красильщикам и бондарям, каменщикам и плотникам, канатчикам и торговцам фруктами. Были гильдии прядильщиков пеньки и ткачей фланели; в общей сложности до двухсот таких организаций по всему городу образовывали сложную сеть, призванную держать каждого работника на его месте. Это был скрытый способ поддерживать контроль над работающим населением.

Как и в других средневековых гильдиях в разных странах Европы, в них был ограниченный доступ и иерархическая структура. Они выступали против чужаков и иностранцев, работающих в городе; устанавливали стандарты качества работы и наказывали тех, кто их игнорировал. У них были собственные чиновники и собственные суды; они организовывали рынки и, самое главное, оказывали финансовую поддержку своим членам, оказавшимся без работы из-за болезни или несчастного случая. Ни один венецианец не мог заниматься своим ремеслом, не принадлежа к соответствующей гильдии. Ни один человек не мог вступить в гильдию, не принеся клятву верности городу. Но, конечно же, ни один член гильдии не мог иметь никакого статуса в полити-

ческой жизни республики. Важно и характерно, что представители важнейших профессий — адвокатов или купцов — не нуждались в гильдиях для защиты своих интересов. Для них эту роль выполняло государство.

Гильдии защищали права работников, но так же упорно добивались выполнения обязанностей, связанных с членством в них. К примеру, они должны были поставлять рекрутов для службы на галерах. Через посредство гильдий государство наводило дисциплину в различных ремеслах. Гильдии участвовали и в религиозной жизни, точнее в некоторых ритуалах и процессиях. Они выбирали святых себе в покровители и зажигали свечи перед их изображениями в дни праздников.

Вера в моральность государственной власти укоренилась в народном сознании. Значит ли это, что независимость и статус работников, поддерживаемых гильдиями, были частью большой иллюзии? Все это зависит от точки зрения наблюдателя.

Ремесла *popolani* были в буквальном смысле одним из столпов венецианской жизни. На гранитных основаниях двух колонн на piazzetta (со львом Святого Марка и со Святым Теодором)

были вырезаны изображения работников города — кузнецов, рыбаков, торговцев вином, скотом и фруктами, корзинщиков, мясников, все на своих местах. Сейчас эти рельефы истерты временем и погодой. Как и их прототипы на венецианских улицах, они исчезают. Ремесленники Венеции превратились в шоу для туристов.

Когда все ремесла проходили процессией, приветствуя нового дожа, они выстраивались в раз и навсегда определенном порядке. Возглавляли шествие стеклодувы, за ними следовали кузнецы, скорняки, ткачи, портные, чесальщики шерсти и прочие. Замыкали шествие торговцы рыбой, цирюльники, изготовители расчесок и фонарей и т. п. У каждого ремесла была своя гильдийская одежда, своя символика и свой оркестр. В конце XVI столетия неквалифицированные рабочие и ремесленники, не достигшие уровня членства в гильдиях, насчитывали около десяти тысяч мужчин и женщин; если учесть их ближайших родственников, это составит четверть населения. По существу, это был пролетариат, питавший венецианский меркантильный капитализм.

Класс, более высокий, чем *popolani*, назывался *cittadini* (граждане). Их различие определялось рождением и местом жительства, а также обя-

занностью платить определенные налоги; это была не экономическая группа в любом смысле слова. Претендент на принадлежность к ней должен был доказать, что его отец и дед родились в Венеции и что фамилия на протяжении трех поколений не была запятнана физическим трудом. Позднее стало достаточно, чтобы человек прожил в городе пятнадцать лет и заплатил необходимые налоги. После этого для граждан открылась возможность свободно вливаться в ряды бюрократии, в том числе и составлявшей венецианскую государственную машину. Многие из *cittadini* были на гражданской государственной службе, со всеми достоинствами и пороками этого статуса. Они вносили в нее неразрывность и эффективность, необходимые для дела управления. Как об индивидуальностях, о них неизвестно ничего или почти ничего. В течение истории Венеции они оставались анонимными и безвестными слугами государства. Они одевались как патриции и копировали их важные манеры.

На вершине общества стояли патриции, закрытый класс, или каста, правившая республикой. Никогда больше столь немногие не правили столь многими столь мирно. На предыдущих страницах этой книги они уже описаны — в

черных одеяниях, с величественной осанкой. На сохранившихся портретах они похожи друг на друга жестами и мимикой — или, быть может, отсутствием таковых. Их изображают людьми без какой бы то ни было достойной внимания внутренней жизни, потому они непроницаемы. Об одном доже говорили, что никто не знал, любил он или ненавидел хоть что-нибудь. Их серьезность и самоконтроль создавали ощущение твердости и постоянства в зыбком плавучем мире. Среди меняющихся обличий они были неизменны.

Были и богатые, и бедные патриции, но в подавляющем большинстве они стремились сохранить эксклюзивность статуса. В конце XIII и начале XIV века Большой совет был закрыт для всех, кроме узкого круга привилегированных лиц; выгоды этой формы правления стали наследственными. Список избранных семей был занесен в реестр, известный как Золотая книга. Двадцать четыре из их числа, согласно записи 1486 года, участвовали в венецианской жизни по крайней мере с VII века; к ним относились фамилии Брагадин, Полани, Кверини и Цорци. В XVII веке было уже около ста пятидесяти семей, или кланов, объединенных общими интересами в различные неформальные

группировки. Это многообразие фракций способствовало стабильности государства, ни одна семья или группа не могла добиться господства. Поскольку их было все же относительно немного, они знали друг друга очень хорошо. Сильные и слабые стороны каждого соискателя высоких должностей были известны его соперникам.

Последние уцелевшие реликты класса патрициев еще стоят. Это большие дома Венеции. До XVI столетия даже крупнейшие из патрицианских домов были известны только как *casa* (дом, жилище), или *ca'*. Позднее им часто давалось более возвышенное наименование — *palazzo* (дворец). Некоторые из них действительно были дворцами с богато украшенными аристократическими помещениями. «Я никогда не видел дворцов, — писал Уильям Хэзлитт в 1824 году, — кроме как в Венеции». Их фасады можно было видеть по обоим берегам Большого канала, в то время как другие терялись в пестром ковре аллей и малых каналов, составлявшем остальную часть города.

В XIV и XV веках эти здания имели утилитарное назначение. Это были торговые пункты, а не только жилища. Они представляли коллективную личность семьи. От них зависела репутация последующих поколений (по мужской линии).

Существовали правила, поощрявшие членов одной семьи хранить верность одному дому, точке стабильности в текучем мире.

Некоторые из домов «отворачивались» от воды и компоновались вокруг внутреннего двора. Нижний этаж, или центральный *portego*, используемый под склад и деловые помещения, имел выход в сторону канала — для облегчения перевозки грузов; имелись водный вход и сухопутный вход. На верхних этажах располагались жилые комнаты. В *sala* (центральный зал первого этажа) с обеих сторон выходили группы комнат. Кроме того, имелось множество более мелких помещений, в том числе комнаты для членов разветвленного семейства или приватные лестницы. В XV и XVI веках зал стал больше, его меблировка богаче, а внутреннее убранство роскошнее. Это было время, когда патриции переносили фокус своих интересов с торговли на земельные владения на континенте.

Фактически период, когда Венеция полагала себя центром новой империи, был краток: лишь конец XV и начало XVI века, и огромные дома с роскошно украшенными фасадами отмечали этот момент. Карнизы, капители и филигрань были частью общественной попытки подчеркнуть

величие города. Во многих домах были фрески таких мастеров, как Тициан и Джорджоне. Другие, к примеру *Ca' d'Oro*, украшали драгоценные металлы. Венеция была городом мрамора и золота. Ее запоминали благодаря дворцам, а не замкам; в отличие от обителей аристократии по всей остальной Италии, ничем другим они не были ни укреплены, ни защищены. В этом они не нуждались.

V
Империя торговли

Глава 16
Львиный город

Разбогатев, Венеция стала сильнее. Любому городу нужна правящая власть, а обретенная власть влечет за собой надменность и воинственность. И жаждет еще большей мощи. Венеция, окруженная морем, не могла расширить свои границы. Но могла прирасти иными землями и обогатиться за счет иных городов. Она могла стать империей.

Вначале Венеция была Светлейшая, город Святой Девы; потом ее граждане дали ей мужественность: город Льва. Условия существования этого города сделали войну неизбежной частью его истории. Сперва это была война против стихий и природы, потом — война с конкурентами. Город был вынужден бороться за выживание. В Венеции были лучники, гребцы и морские солдаты. Морские державы были ее естественными конкурентами. С сухопутными державами можно договориться о разграничении территории, а океан не знает границ. Везде, где есть море, есть и враждебные корабли. В течение всей своей

долгой истории Венеция не знала покоя.

Альбомы рисунков Якопо Беллини, созданные в середине XV века, содержат множество набросков всадников и арбалетчиков, готовящихся к бою. Половина жизни Беллини прошла в боях за Венецию против других держав. «Эти моряки, — писал Петрарка, — так искусно обращались с лошадьми и оружием, были так воодушевлены и отважны, что превзошли все прочие воинственные народы и на море, и на суше». Так что Венецию действительно можно считать мужским городом. История города писалась и воспринималась как история патриархальных семей. Форма правления Венеции была патриархальной во всех элементах. Венецианское общество считалось по природе своей патрилинейным. Образ города полностью зависел от проявлений отеческой власти.

Молодые патриции упражнялись в использовании лука и командовании галерой на море. В период, когда Европа следовала рыцарскому кодексу войны, их обучали всем рыцарским искусствам. Записи о первых рыцарских турнирах на площади Святого Марка относятся к 1242 году. Начиная с этого времени они проводятся регулярно. В альбомах Беллини запечатлены рыцари,

красиво бросающиеся друг на друга — торжество милитаризма и воинской доблести. Город становился театром военных действий. Живописцы, помимо привычных портретов, занимались украшением щитов и доспехов. Художников, Беллини в том числе, привлекали к разработке фортификаций и созданию военных карт. В венецианской духовной живописи святые часто держат в руках меч. Святой Георгий, один из покровителей города, — архетипический воинственный святой. Это очень отличается от знакомых образов венецианцев как оборотистых торговцев и важных государственных мужей. Но рыцарская доблесть тоже была одним из аспектов их культуры. Как бы иначе они создали империю?

Они умели применять силу, когда было нужно. Они не медлили с ударом, когда представлялась возможность. Одно завоевание влекло за собой другое. Можно даже сказать, одно завоевание требовало другого. Государство никогда не чувствовало себя в безопасности, обстановка в мире всегда казалась ему угрожающей. Неудачливых генералов и адмиралов заключали в тюрьму, изгоняли или убивали. Когда венецианцы пустили в ход против непокорного итальянского города недавно изобретенное оружие — пушку, старый

хронист записал: «Можно было подумать, что Господь разразился молнией». Одна пушка носила имя Венецианка, что рушит все стены и шпили.

Первые колонии Венеции были в самой лагуне; изначально на мелких островах были самостоятельные или самоуправляемые общины. Когда-то на каждом острове были свой монастырь и своя церковь. Однако все эти острова скоро стали частью Венеции. Главы города могли наслаждаться первыми словами девяносто седьмого псалма: «Восклицайте Господу, все земли; торжествуйте, веселитесь и пойте»[9]. Множество островов было поглощено огромным городом, выросшим среди них. Либо их общины просто зачахли.

Торчелло, в одиннадцати километрах к северу от Светлейшего города, одно время был процветающим местом. Раньше, чем город Венеция поднялся над волнами, это уже был крупный административный центр для беглецов-венетов. Первые прибыли в середине v века. Кафедральный собор в византийском стиле был построен здесь в VII столетии. Он должен был служить беглецам с материка твердыней и убежищем;

[9] Примечания: 9

В английском переводе псалма, используемом автором, это звучит как «да возрадуется множество островов» (*прим. пер.*).

недаром окна собора имели каменные ставни. На плодородных землях были основаны богатые монастыри. В X веке император Константин VII Багрянородный описывал это место как *magnum emporium Torcellanorum* (большой рынок на Торчелло). Но успех Венеции неизбежно вел к упадку Торчелло. В лагуне не было места для двух растущих центров торговли. Некоторые, правда, утверждают, что он был отравлен малярийными водами лагуны. Море было сильно заилено, и остров окружали стоячие водоемы. В этом может быть доля правды, но болезнь нанесла только последний удар в долгом процессе разрушения. Торчелло неизбежно терял значение. В XIX веке дворянина сомнительного или незаконного происхождения титуловали графом Торчелло. Теперь когда-то цветущий остров может прокормить лишь горстку людей; почти всю территорию занимают заболоченные протоки и ручьи вперемежку с тем, что Рёскин назвал соленым болотом. Кирпичная колокольня и мозаики в соборе — вот все, что напоминает о поблекшей славе. Городская площадь заросла дикой травой. Тишина на острове, иногда прерываемая посвистыванием ветра в камышах и шелестом волн, дает живое представление о первозданной лагуне, какой ее

нашли первые пришедшие сюда венеты. Здесь можно найти и другой символ венецианского мира. На острове есть ресторан, часто посещаемый туристами, приезжающими на Торчелло, как в музей под открытым небом. Он действительно является не более чем музеем. И разве не предвосхитил он в этом судьбу Венеции?

На большинстве островов можно найти высокую колокольню и кирпичную церковь; здесь была *campo* с изображением льва на стене или колонне; были небольшие группы побеленных домов с садиками, защищенными от хищнических набегов соленого ветра аккуратными красными заборами. Однако их коснулась ветхость — более коварный враг, чем ветер. Остров Аммиана когда-то мог похвастаться восемью церквами; затем он был покинут населением и превращен в соляной промысел. Куда же ушли его обитатели? Они мигрировали в Венецию. Все эти мертвые города, городки и поселения когда-то могли считаться альтернативой Венеции; они могли расцвести и окрепнуть, как сделала она.

Если бы мы последовали инструкциям из «Невидимых городов» Итало Кальвино, то могли бы создавать другие возможные города в лагуне; разные обычаи и диалекты на каждом острове

могли бы породить несколько разных городов, похожих и не похожих на Венецию. Но это все фантазии.

Другие острова, оказавшись под венецианским контролем, исчезали. Остров Констанциака был поглощен водой. Когда-то на нем были церкви и монастыри, но он стал столь мрачным, что его превратили в место погребения, где кости мертвецов оставляли отбеливаться на солнце. Затем, со всеми церквами и костями, он просто погрузился в море. Никто не знает его точного местонахождения. Были и другие острова со схожей судьбой, к примеру Терра деи Мани и Терра деи Солери. Пять островков, окружавших Мурано, размыло приливами и течениями. Теперь на месте высоких кипарисов растут морские водоросли. Одни острова были побеждены землетрясениями и приливными волнами; другие медленно пришли в полное запустение. Они не смогли соревноваться со Светлейшим городом.

Венецианские власти превратили некоторые из этих когда-то процветавших островов в тюрьмы и больницы. Это был единственный способ удалить нежелательные элементы населения подальше и заодно упражнение в применении власти. Остров Сан-Серволо превратили в пси-

хиатрическую лечебницу для мужчин, а остров Сан-Клементе стал сумасшедшим домом для венецианских женщин. Остров Сакка-Сессола стал местом изгнания для страдающих чахоткой, а Изола делла Грациа — для тех, кто был болен лихорадкой. На острове Повелья находились лачуги для прокаженных, изгнанных из города. Все вместе эти острова были известны венецианцам как *isle del dolore* (острова скорби).

Остров Сан-Бьяджо (из цепи восьми островов, некогда называвшейся Спиналонга, а потом Джудекка) в старые времена зеленел от садов и плодовых деревьев; здесь находился женский монастырь — прибежище для раскаявшихся проституток и постоялый двор для пилигримов. Но мирская жизнь Венеции вторглась и сюда. Остров стал, по существу, ее пригородом. Другие острова поставляли плоды земледелия на рынки Риальто. Во второй половине XV столетия остров, сейчас известный как Лидо, стал продолжением венецианской гавани. Он стал частью экономической зоны, которая сейчас окружает и поддерживает город.

Начало Венецианской империи вне лагуны было положено в IX веке. Тогда Венеция еще не была ведущей морской державой. На это положение

могли претендовать испанцы или северо-африканцы. Однако ей нужно было контролировать непосредственное окружение. Требовалось найти и поддерживать надежные пути снабжения пищей для растущего населения. Для этого был необходим безопасный доступ к воде и сельскохозяйственным угодьям. Это требовало контроля над жизненно важными торговыми путями. Так Венеция повернулась лицом к материку. Народ моря был вынужден завоевывать *terra firma*.

К концу IX столетия Венеция разграбила конкурирующие города на итальянском побережье и взяла под контроль устья рек Адидже и По. Реки давали им доступ к рынкам Северной Италии; спустя короткое время барочники из Венеции предлагали свои товары в Павии, столице Ломбардии. Венецианские купцы были известны также на рынках Вероны и Кремоны. В X веке венецианские рынки и склады товаров появились на берегах рек Силе и Пьяве. Венецианцы завладели замком у реки Ливенца; теперь их товары могли достигать немецких торговцев, появляющихся в Италии. В 977 году венецианские коммерсанты основали колонию в Лиможе, а к следующему столетию проникли в Марсель и Тулузу. Венеция приобрела богатые зерном районы

Тревизо и Бассано. В этот же период венецианцы начали медленный процесс скупки земельной собственности. Некоторые из великих фамилий Венеции, к примеру Бадоер и Тьеполо, приобрели земли вокруг Тревизо. Крупнейшие монастыри покупали имения на прибрежных равнинах. Это постепенное расширение венецианских владений продолжалось семь столетий. Ключевым вопросом, как всегда, был коммерческий, и в особенности снабжение зерном.

Когда торговля с Северной Италией и через нее с большей частью остальной Европы была сочтена безопасной, правители Венеции перенесли внимание на море. Купцы уже фактически контролировали торговлю восточными товарами, но успех этой торговли требовал защитить торговые пути на Восток. Море надо было сделать безопасным для массовой перевозки товаров. Главные города Истрии, расположенные прямо через море от Венеции, подчинились ей. Северную часть Адриатики стали называть Венецианским заливом. Теперь венецианские морские силы повели наступление на юг. К концу X века они эффективно контролировали центральную Адриатику и приступили к завоеванию Далмации (часть современной Хорватии). Острова и го-

рода региона сдавались превосходящим силам венецианцев. Иные города, которые больше волновали грабительские набеги пиратов, гнездившихся в безопасных гаванях мелких островов и заливов вдоль Далматинского побережья, сами приглашали к себе войска дожа. Другим городам досаждали притязания мелких деспотов, живших, что характерно, на укрепленных заставах, и они предпочитали более мягкий сюзеренитет Венеции. Еще некоторые были просто счастливы установить стабильные торговые связи с великим морским городом. Все они рассматривались скорее как союзники, чем как провинции Венеции. Империя только зарождалась. Были побеждены пираты. Мародерствующих славян отбросили от побережья. В 998 году дож добавил к своей титулатуре почетное — герцог Далмации.

Морской путь для увеличившегося торгового оборота с Египтом и, что особенно важно, с Византией был открыт. Венеция стала самым важным торговым партнером Константинополя, она поставляла рабов и лес, получая взамен вино, масло и пшеницу. В 991 году греческие и арабские эмиссары прибыли с Востока, чтобы оказать почтение новому дожу, а годом позже был ратифицирован договор, по которому византийский император

предоставлял Венеции самый привилегированный статус. Это подтверждало то, что было и так известно. Венеция стала господствующей торговой державой Европы, ее коммерческое превосходство поддерживалось могучим и растущим флотом. В обмен Венеция предоставляла корабли для перевозки византийских солдат через Адриатику. Город был практически неуязвим. Во время мадьярских вторжений в Ломбардию в конце IX века была построена каменная стена для защиты острова Риальто. Поперек Большого канала была установлена огромная цепь, не позволявшая вражеским кораблям войти в него. Но предосторожности оказались излишни. Мадьяры не смогли достичь окруженного морем города. Они были разбиты в мелководной лагуне, где пошли на дно многие их корабли. Стену разрушили в XIV веке. Она была не нужна.

К XI столетию Венеция была независимым и влиятельным государством. Во второй половине того же века она сражалась вместе с византийскими войсками против норманнов, вторгшихся на Сицилию. Причина этой норманнской авантюры, так же как и остальных политических и военных действий Венеции в тот период, очень проста. Нельзя было позволить ни одному другому городу

или государству заблокировать выход из Адриатического моря, тем самым заперев Венецию в собственных водах. Этого она всегда боялась, это постоянно внушало ей озабоченность.

Стало традицией описывать XI век как время триумфа латинского христианства. Это нигде не проявляется так ярко, как в истории Крестовых походов. Их толковали как прямую атаку на мусульманский мир или форму духовного империализма, но участие Венеции в Первом Крестовом походе не имело таких мотивов. Венецианцы вели экономическую войну другими средствами. Их интересовал не крест и не меч, а кошелек. Суть в том, что конкурирующие торговые города, особенно Генуя и Пиза, принимали участие в этом предприятии. Венеция не могла позволить соперникам получить преимущество на прибыльных рынках Сирии и Египта. Постоянное присутствие в Антиохии или в Иерусалиме могло стать источником неисчислимых коммерческих выгод. И вот летом 1100 года флот из двухсот венецианских кораблей прибыл в Иоппе (Яффу); венецианские командиры согласились помогать крестоносцам при условии, что купцам их города будут даны права свободной торговли во всех владениях, освобожденных от сарацин.

Были согласованы условия сделки. Венецианцев отправили осаждать город Каифа (Хайфа); когда город сдался, они вернулись в лагуну до конца года.

Венецианцев не удовлетворила единственная и относительно легкая победа. Из участия в святом деле они надеялись извлечь больше выгод. Они основали торговые фактории в портах Сирии и начали выгодный бизнес по перевозке пилигримов в недавно захваченный Иерусалим.

По дороге в Яффу они оказались вовлечены еще в одно чисто венецианское предприятие. Флот бросил якорь близ древнего ликийского города Мира в поисках мощей Святого Николая, который был его епископом; святой, сейчас больше известный как прототип Санта-Клауса, в XI веке почитался как покровитель моряков. Естественно, венецианцы хотели заполучить его мощи. Утверждают, что в городе они подвергли пыткам четверых христиан, хранителей храма. Этим безбожным деянием они не добились ничего и были вынуждены удовлетвориться кражей костей Святого Теодора. Теодор был святым покровителем Венеции до Марка; так что это была неплохая замена. Однако потом, согласно венецианским хроникам Андреа Моросини, пе-

ред самым их отбытием пряный запах мирры разнесся из тайника под алтарем церкви. Аромат исходил от мощей Святого Николая. Их забрали и с триумфом доставили в Венецию, где поместили в монастырь Святого Николая на Лидо. Таково, по крайней мере, предание. Что именно иллюстрирует эта история — венецианскую лживость или венецианскую жадность — вопрос открытый.

Известно и другое: в мае 1087 года итальянским купцам удалось завладеть мощами Святого Николая и перевезти их в Бари (город-порт в Италии), где его объявили святым покровителем города. Мощи этого святого, если, конечно, это они, по настоящее время хранятся в соборе этого города.

Крестоносное предприятие было удачным для Венеции, и в 1108 году венецианский флот вновь вышел в море под флагом крестоносцев. Можно отметить, что правители города особенно интересовались морскими портами в Средиземноморье, и венецианские купцы обосновались в Акре, Иерусалиме и других местах. Но внимание дожа и Сената не ограничивалось княжествами и владениями на Ближнем Востоке. Они полагали благоразумным одновременно поддерживать и консолидировать свои владения на Европейском континенте. Они взяли под контроль Феррару

и Фано и выступили против Падуи. При этом подтвердили свои права на владение основными реками региона. На другой стороне Адриатики они боролись с венграми за прибрежные районы Далмации. Теперь у них было много врагов. Континентальные города завидовали богатству Венеции и боялись ее мощи. Норманнское королевство на Сицилии долгое время рассматривало Венецию как врага. Германская империя Гогенштауфенов по-прежнему предъявляла притязания на Северную Италию.

Возник и еще один грозный противник. В 1119 году новый император Константинополя аннулировал торговые привилегии Венеции. Он приказал всем венецианцам, живущим в границах империи, свернуть свои предприятия и убираться. Он заключил договор с королем Венгрии, тем самым признав венгерские претензии на венецианские поселения в Далмации. Реакция Венеции была небыстрой, но уверенной. Венецианский флот прошел рейдом и разграбил многие византийские территории; в частности, жертвой мести пали острова Родос, Хиос, Самос, Лесбос и Модон. Венецианцы доказали, что теперь именно они являются главной морской силой в регионе, прежде рассматривавшемся как угодья Констан-

тинополя. Император заключил новый торговый договор с Венецией в 1126 году.

Венецианская империя могла бы в оправдание своего существования заявить, что ее целью является торговля, а не завоевания. Она ассимилировала подвластные территории в духе просвещенного меркантилизма. К этому ее побуждало внутреннее стремление к величию. Здесь не было настоящего культа империи, как в Риме III века и в Лондоне XVIII. Не было стремления к массивности и монументальности как таковым. Уступки влечению к славе заметны только в конструкции ворот в ключевых точках города — Торре дель Ороложо, Порта делла Карта и Арко Фоскари. Ворота Арсенала упомянуты в каждом путеводителе по городу. Это были венецианские эквиваленты триумфальных арок, тем более поразительные в городе, лишенном оборонительных стен.

Венецианцы, жившие и торговавшие в Константинополе и на других рынках Византийской империи, становились все менее популярны. Их обвиняли в жадности и надменности. Венецианцы вне Венеции сделались беспокойными и опасными. Они вредили торговле генуэзских и пизанских конкурентов и отказывались

выполнять византийские установления. Они даже крали святые реликвии из церквей Константинополя. Хозяева считали их грубыми и вульгарными, не более чем торгашами, озабоченными выгодой. В ответ венецианцы презирали греков за лень и изнеженность.

В 1171 году по приказанию императора все венецианцы в Константинополе и других местах были арестованы и брошены в тюрьмы. Венецианский флот, посланный с целью угрожать владениям императора, оказался ослаблен до полного бессилия вспышкой эпидемии. Командующий этой провальной экспедицией по возвращении в Венецию был убит на улице. Таково было правосудие для всех, кого постигла неудача.

Византийский император отправил дожу послание, в котором утверждал, что венецианская нация ведет себя безрассудно. Он отмечал, что они «когда-то были бродягами, утопающими в величайшей нищете», которые теперь почему-то присвоили себе право на имперские амбиции: но жалкий провал и нахальство выставили их на посмешище.

Лидеры Венеции реагировали осмотрительно. Они сформировали альянсы с некоторыми из вра-

гов императора и развернули против Византии коварную кампанию. Шли секретные переговоры и проводились тайные встречи. В конце концов, соглашение было достигнуто в 1183 году; через двенадцать лет после ареста венецианские купцы получили возможность покинуть тюрьму. Был заключен официальный мирный договор между Венецией и Византией. Он знаменовал глубокий кризис и недвусмысленно показывал подлинную враждебность между Константинополем и Венецией; один город умирал, а другой с нетерпением ждал возможности захватить первенство. В ближайшие годы последовали еще договоренности, соглашения и уверения во взаимном доверии между городами, но на самом деле их конфликт не мог иметь иного разрешения, кроме фатального.

Иллюстрацией нового высокого положения Венеции стала одна из сцен живого театра, какими вообще славился этот город. Персонажами дорогостоящего спектакля стали лидеры латинского христианства, германский император Фридрих Барбаросса и Папа Римский Александр III. Барбаросса заявил претензии на земли Ломбардии, особенно Милан; Папа Александр энергично воспротивился этому и объединил силы с ита-

льянскими городами. Император был отлучен от Церкви. Тем не менее отвергнутый Церковью Барбаросса имел успех на ратном поприще. Ломбардские города были захвачены. Милан пал и был большей частью разрушен. Однако германскому господству над этой частью Италии постоянно угрожали как внутренние восстания, так и открытая враждебность других итальянских городов, видевших в Папе своего лидера. Усталость от долгой войны и неизбежная смена побед и поражений, в конце концов, подорвала дух обеих армий. Папа и император обдумывали условия соглашения. Но где они могли бы официально встретиться, чтобы заключить его?

Венеция в основном оставалась в стороне от конфликта на том резонном основании, что в столкновении столь сильных противников лучше держать нейтралитет. Так или иначе, она не стремилась ввязываться в итальянские дела, если ее собственные интересы не были непосредственно затронуты. Светлейший город стал самым подходящим местом для примирения Барбароссы и Александра.

23 марта 1177 года понтифик высадился на Лидо и остановился в монастыре Святого Николая; там ему, несомненно, показали так называе-

мые мощи этого святого. На следующий день он прибыл в Венецию, где был принят дожем. Последовали долгие и сложные переговоры об условиях договора, эмиссары обеих сторон выдвигали возражения и предлагали альтернативы. Наконец, текст был утвержден. 23 июля в монастыре Святого Николая приветствовали императора. На следующий день он направился в Венецию, где его ожидал Папа Римский. Александр при регалиях восседал на папском троне, помещенном напротив центральных ворот базилики; его окружали кардиналы, создавая подобие массовой сцены в мистерии того времени. Император, высадившись со сверкающей барки дожа, шествовал к Понтифику во главе пышной процессии. Перед ним шел дож. Достигнув папского трона, император снял алый плащ и с земным поклоном поцеловал ноги Папы. Александр заплакал, поднял императора и даровал ему поцелуй мира. Зрители запели *Te Deum*, все колокола города зазвонили. Площадь Святого Марка была заполнена зрителями, жаждущими видеть развертывающийся спектакль. Великое представление!

Эта драматическая сцена была использована Венецией как реклама могущества города и его

чувства справедливости. Теперь он стал местом общего примирения, беспристрастного суда и законности, это было Божье владение. Венеция не сыграла роли в силовой политике пап и императоров, за исключением исцеления ран, нанесенных ими. По крайней мере, так описывали события лета 1177 года венецианские хроники. В те минуты, когда звонили колокола, Венеция была центром мира. Имелась и непосредственная выгода. Император даровал венецианцам торговые привилегии на всей территории империи, а Папа дал церковную власть над Далмацией.

Сам спектакль мог служить увертюрой более грандиозной оперы, которую только предстояло сыграть. В последующие годы Венеция вступила в новую фазу имперского могущества. Она завоевала и ограбила Константинополь. Новый сценарий пришел вместе с новой священной войной. Папа провозгласил Четвертый Крестовый поход против неверных и в первые месяцы 1201 года французские князья, принявшие крест, приехали в Венецию просить дать им корабли для перевозки в Святую Землю. Они были с большой пышностью приняты дожем, который предложил им обратиться к народу Венеции со своим делом в базилике. После мессы один

из французов выступил вперед и объявил: «Ни одна нация не обладает таким могуществом на морях, как вы»; после этого образчика лести он умолял венецианский народ о помощи. Князья пали на колени и разрыдались. Тут же по всей базилике раздались крики: «Дадим! Дадим!» Это был прекрасный пример режиссуры в лучших традициях города.

Дож Энрико Дандоло был уже стар и почти слеп. Его избрали в возрасте восьмидесяти четырех лет, но это был один из тех венецианских патрициев, чьи твердость воли и целеустремленность были зримым свидетельством беспощадности города. Говорили, что он лелеял обиду на Константинополь с массового заточения в 1171 году. Согласно византийскому хроникеру, «он хвастал, что до тех пор, пока ему не удается отомстить им за то, что они сделали с его соотечественниками, он живет под смертным приговором». В позднейших хрониках утверждалось даже, что его ослепили византийцы, когда он приехал в их столицу как посол; но это легенда.

Плотники Арсенала взялись за работу; требовалось построить и оснастить достаточно судов для перевозки четырех тысяч пятисот конных и тридцати тысяч пеших воинов. За это Венеция

получала восемьдесят четыре тысячи серебряных марок. Эффективность ее судоверфей была известна Европе, так что все суда были готовы вовремя. Но имелась одна проблема. Крестоносцы не смогли найти денег, чтобы заплатить. Тогда договорились по-другому. Венецианцы отказывались от полной оплаты при условии, что крестоносцы помогут им подчинить восставший город Зара (сейчас Задар) на Далматинском побережье. Это было отклонение от Святой Земли, но вожди крестоносных войск рассудили, что оно необходимо.

Три сотни кораблей покинули лагуну в октябре 1202 года под пение псалма *Veni Creator* и направились вниз по Адриатике.

Зара сдалась после пятидневной осады. Христиане повернули оружие против христиан, вместо того чтобы сражаться со своим основным противником — сарацинами. Папа, приведенный в ярость таким возмутительным оборотом событий, отлучил от Церкви всю экспедицию. Однако нет сведений о том, что его гнев как-то особенно испугал или смутил венецианцев.

Когда венецианцы полностью овладели городом, к ним прибыл нежданный гость. Сын свергнутого Константинопольского императо-

ра Алексей Ангел явился к Дандоло в поисках справедливости. Он хотел, чтобы крестоносцы сбросили с трона узурпатора и вернули власть его отцу. Он обещал финансовую и другую поддержку армии в ее высокой миссии. Это было предложение, от которого нельзя было отказаться. Часто высказывают подозрения, что Дандоло подразумевал эту цель на протяжении всей подготовки к Крестовому походу и уже решил, что пунктом назначения венецианского флота станет именно Константинополь, а не Сирия. Не может быть сомнений, что Дандоло увидел великолепную возможность усилиться и обогатиться на этой войне за счет Константинополя. Но элемент случайности есть во всех человеческих начинаниях. Дандоло не мог знать, что французские крестоносцы окажутся не в состоянии выполнить свой долг, но похоже, что он знал заранее о приезде Алексея в Зару.

Венецианцы всегда были искусны в извлечении пользы из случайностей и обстоятельств. С другой стороны, важные мировые события при ближайшем рассмотрении всегда кажутся состоящими из тысяч странностей, случайностей и совпадений. Оказавшись среди такого водоворота событий, бывает трудно разглядеть общую

картину. Тогда мы говорим, что это просто случилось. Вследствие этих событий мощь Византии затмилась, город и империя были невосполнимо ослаблены.

Венецианский флот выступил против Константинополя в поддержку Алексея. 24 июня 1203 года его паруса увидели со стен города. Французская атака на суше не удалась, и тогда, по приказу Дандоло, венецианцы связали свои галеры вместе, сформировав единый фронт; осадные машины с палуб и надстроек кораблей обрушили огонь на город. Константинополь запылал.

Дандоло стоял на носу первого причалившего к берегу корабля. Он был в полной броне, штандарт Святого Марка развевался над его головой. Вдохновленные им венецианские солдаты прыгали на берег и взбирались по лестницам на стены. Был небольшой бой, но в целом византийские войска оказались подавлены стремительной атакой с моря. Взвилось знамя республики. Город был взят. Свергнутый император, в пользу которого просил Алексей, был спасен из подземелья и возвращен на трон. Сам Алексей был коронован в соборе Святой Софии и занял место со-правителя империи.

Но гибельный конец Константинополя должен

был увенчать его неизменный курс. Алексей пообещал крестоносцам больше, чем смог выполнить. У него не хватало денег, и, что важнее, он потерял авторитет среди соотечественников, поскольку получил корону, опираясь на силу крестоносцев. Жители Константинополя, подстрекаемые страхом и слухами, восстали против нового императора. Алексей был зарублен, а его отец впал в безысходное отчаяние. Теперь венецианцы и их союзники должны были погасить это восстание и взять город под свою власть. Они слишком далеко зашли, чтобы все бросить. Поэтому в марте 1204 года они осадили город вновь. Накануне штурма Дандоло объявил своим людям: «Будьте отважны. И тогда, при помощи Иисуса Христа, Святого Марка и крепости своих тел, завтра вы овладеете городом, и все вы станете богаты».

Когда в победе уже не было сомнений, христианские войска, воспламененные гневом и жадностью, начали повальный грабеж города. Константинополь был разграблен и сожжен. Богатейший город мира, полный произведений искусства, был разорен, а его жители перебиты с безумной кровожадностью, при виде которой казалось, что разверзлись врата ада. Из дворцов

и домов выгребли все, церкви тоже не пощадили. Статуи расплавили, картины разодрали на куски. Вскрывали могилы, похищали священные сосуды. Рассказывают, что некая проститутка уселась в кресло Патриарха в соборе Святой Софии и оттуда «бросала оскорбления Иисусу Христу, и пела непристойные песни и бесстыдно танцевала в святом месте». Один из хронистов утверждал, что грабеж превосходил все грабежи с самого сотворения мира. Венецианцы были главной действующей силой этого бесчинства. Значительная часть награбленного оказалась в Венеции. Так, четыре гигантских коня, увенчавших собор Святого Марка, — часть добычи от той жестокой победы.

Имелись и другие трофеи. Крестоносцы разделили империю между победителями. Венеция вела переговоры с обычным купеческим пылом и была вознаграждена «от Римской империи четвертой частью и еще половиной», то есть тремя восьмыми ее прежней территории. Венецианцы уже предъявляли права на Далмацию и Хорватию, а теперь вдобавок завладели побережьем и островами Эгейского моря, а также частью Средиземного. Венеция взяла под контроль острова Крит, Корфу, Модон и Корон (два последних

— сейчас греческие острова Метони и Корони). Она заняла западную часть Греции и острова в Ионическом море. Она потребовала фракийское побережье и порты на Геллеспонте.

Венеция захватила Негропонте (Эвбею) в бассейне Эгейского моря. В то время как другие крестоносцы слабо разбирались в географии этих мест, вожди Венеции точно знали, чего хотят. Многие из островов были затем розданы различным патрицианским семьям Венеции, которые держали их на правах феодальных владений республики. Кроме того, появилась крупная венецианская колония в самом Константинополе, получившая большую долю независимости от метрополии. Есть даже сообщения, что столицу новой империи собирались перенести из Венеции в Константинополь, но что-то этому помешало. Так или иначе, ясно главное. Рынки Востока манили. Все мысли о войне с неверными были забыты, крестоносцы так и не достигли Святой Земли.

Венеция придерживалась стратегии, характерной для морской державы, сосредоточившей силы на усилении контроля над морем. Поэтому ее первые крупные завоевания были в Леванте, в Восточном Средиземноморье, где Венеция

могла разыгрывать из себя лидера «апостолической империи Востока», подлинного наследника христианской империи, основанной на Востоке Юстинианом и Константином. Это типичный пример венецианской риторической маскировки. Трофеи победителям.

Таким образом, Венецианская империя в основном ограничивалась островами и прибрежными регионами. Венецианцы не хотели приобретать ничего из континентальных владений Византийской империи ни в Европе, ни в Азии. Этот город не мог стать новым Римом. Вместо этого он довольствовался безопасными морскими торговыми путями и портами под своим контролем, соединяющими рынки лагуны с рынками Леванта. Это были не столько колонии, сколько торговые посты, протянувшиеся от Венеции до Черного моря. Сущность венецианской власти теперь была ясна всем. С мощью Константинополя было покончено навсегда. Однако последствия венецианской авантюры были далеко не благоприятны. То, что в огне рождено, в огне и умрет. Ослабленный Константинополь стал добычей турок; вновь основанная Латинская империя просуществовала лишь шестьдесят лет. Колониальные владения Венеции, в свою очередь,

оказались открыты для нападения и теперь уже ее сила начала подвергаться испытаниям в долгой череде войн. На следующие семьдесят лет Светлейший город оказался вовлечен в почти непрерывную войну с восстающими колониями и внешними противниками, с сарацинами и пиратами Средиземного моря.

Глава 17
Столкновение городов

Имелся еще один важный конкурент, с которым Венеции приходилось иметь дело, Генуя была известна всему миру как *La Superba* (Гордая). Петрарка назвал Венецию и Геную двумя факелами Италии, но огонь может сбивать огонь. Оба города были знамениты на всю Европу ненасытностью и жаждой наживы. Генуэзцы были более индивидуалистичны и изобретательны, венецианцы — более общественны и консервативны. Генуэзская история полна междоусобных войн и восстаний; венецианцы были поспокойнее. Могли ли они вообще жить в мире между собой?

Много столетий купцы Генуи соперничали с венецианскими на восточных рынках. И успех венецианцев существенно затруднил торговлю города-конкурента. После падения Константинополя был издан указ, по которому генуэзцам запрещалось торговать на всей территории империи. Однако генуэзцы отбивались. Они тоже были морским народом и построили могучий флот, который мог бросить вызов венецианско-

му на всех морях известного мира. Произошли открытые столкновения между соперничающими городами на берегах Крита и на Корфу, чьи жители приветствовали прибытие генуэзцев. Перемирие было подписано в 1218 году, но это была только прелюдия к дальнейшей куда более губительной борьбе.

Напряженность между двумя городами оставалась неизменной на протяжении столетия, выливаясь в перестрелки и нападения в тех местах, где их торговые интересы сталкивались непосредственно. В 1258 году после особенно кровавых столкновений в Сирии венецианцы изгнали генуэзских купцов из их квартала в Акре. Однако это привело к неожиданным и неудачным для венецианцев последствиям. В 1261 году греки во главе с Михаилом Палеологом вернули себе Константинополь. Венецианский флот находился в море, и город оставался относительно слабо защищенным. Воспользовавшись этим, войска императора провели на оставшийся гарнизон латинян стремительную атаку и завладели стенами города. Тремя неделями позже Михаил с триумфом вступил в собор Святой Софии. Значительной частью успеха он был обязан генуэзцам, предоставившим ему пятьдесят кораблей; в об-

мен на свою поддержку они хотели получить неограниченный доступ на рынки города. Они жаждали отомстить венецианцам за выдворение из Акры. Когда венецианский флот вернулся, то не мог сделать ничего, кроме как спасти соотечественников, чьи магазины и жилища были преданы огню.

Генуэзцы не были преданными союзниками. Судя по записям современников, их купцы были алчны и надменны. Их флот на деле не был способен соперничать с венецианским. Что еще важнее, их послов в Константинополе обвинили в подготовке заговора против Палеолога. Всегда готовая подсидеть конкурента, Венеция тут же отправила тайных эмиссаров ко двору императора. Был заключен новый торговый договор. Генуэзцев должны были изгнать из империи, тогда как венецианцам давались широкие привилегии. К тому же Венеция могла оставить себе бывшие византийские владения Крит, Негропонте, Модон и Корон. Это были великодушные условия, и теперь император понимал, что Венеция стала одной из ведущих держав.

Венецианцы привыкали жить в империи. В начале XIV века дож Пьетро Градениго произнес речь перед Большим советом патрициев, в ко-

торой заявил, что «долг каждого доброго князя и каждого состоятельного гражданина увеличивать государство, усиливать республику и искать блага для нее изо всех своих сил». Обязанностью государства также было использовать любую благоприятную возможность для расширения. Градениго в особенности подразумевал континентальную Италию, где Венеция в это время вела захватнические войны. Когда-то венецианцы соблюдали нейтралитет в борьбе между Папой и императором Священной Римской империи за города Италии. Когда-то они хотели только сохранить свои торговые пути. Теперь же опыт имперской экспансии укрепил их мускулы. Они стали воинственнее.

Континентальная Италия должна была измениться в любом случае. Ее главные города больше не хотели быть вассалами великих сил, таких как папство, и видели себя суверенными городами-государствами. По всей Италии их насчитывалось около восьмидесяти. В некоторых из них безраздельно правила одна династия, к примеру Эсте в Ферраре, другие теоретически склонялись к республиканскому устройству. Но основным моментом была их независимость. Независимые города жаждали силы и территории.

Они соперничали за влияние и торговые доходы. Они даже сражались между собой.

В 1308 году Венеция воевала на материке в поддержку своих коммерческих прав в Ферраре и за контроль над рекой По. Она вступила в союз с Флоренцией и Болоньей, чтобы дать отпор экспансивной политике Вероны, а по ходу дела захватила немало континентальных территорий. Она сражалась против Падуи и, выиграв, получила в качестве трофеев провинции Тревизо и Бассано, а заодно и сам город Падуя. Она победила Верону и Виченцу.

Итальянские города, покоренные Венецией, не были порабощены. В них присылали венецианских гражданских и военных правителей, но муниципальное управление оставалось прежнего образца. Правители Венеции обладали несомненным талантом в руководстве и администрировании. Их власть никогда не была ни слишком слабой, ни слишком обременительной. Имелись некоторые признаки общего имперского стиля, но в заморских колониях правители должны были вписываться в местный колорит. Не было господствующей идеологии завоевания. Не было попыток внедрить новую систему ценностей или новые основы веры. Они приходили не

как завоеватели или миссионеры, а преимущественно как торговцы. Их истинной верой была коммерция. Это были очень практичные люди. Они были достаточно непопулярны, но вызывали скорее негодование, чем ненависть.

Тем не менее в колониях имелось недовольство. Завоеванным было трудно перенести сам факт завоевания. Показателен пример Крита. Земли местных византийских магнатов экспроприировали и отдали венецианцам. Не было ни денег, ни ресурсов, чтобы держать на острове постоянную армию, поэтому группу венецианских патрициев отправили туда колонистами, они получили земли острова на правах феодального владения, при условии, что они же будут защищать их.

Венецианцы предпочитали селиться в городах острова. Они привыкли к городской жизни. Это была их естественная среда обитания. Со временем преимущественно земледельческая экономика частично переориентировалась на городскую торговлю, причем торговлю почти исключительно с метрополией. И, конечно, венецианские власти обложили каждую сделку высокими налогами. Они поощряли торговлю с целью эксплуатировать ее. И все-таки торговцы на острове процветали. Среди прочего расширял-

ся рынок произведений критских иконописцев. Девяносто пять процентов мастеров этой профессии во всей Венецианской империи происходили с Крита.

Венецианская стратегия подразумевала перестройку управления островом по образцу самой Венеции. Крит был разделен на *sestieri*. Во главе стоял *duca* (герцог, византийский титул, соответствующий общеевропейскому *герцог-duce* и венецианскому дожу, его просто оставили без изменений), замещавший дожа. Тем не менее важнейшие решения в областях безопасности и торговли оставались прерогативой венецианского Сената. Имелись более зримые перемены. Главная площадь Кандии, столицы Крита, была переименована в площадь Святого Марка. Это было место собраний и рынок для всего острова, с собственной базиликой и Дворцом *duca*. Оно было перестроено и восстановлено, чтобы придать достоинство и серьезность новой администрации. Во время праздников площадь становилась сценой для фестивалей и публичных торжеств. Между въездными воротами порта и базиликой был сооружен путь для процессий. Венеция воспроизводила свой театр торговли и политики в новом окружении. Византийские дворцы и мону-

менты использовались заново, их символическое значение было слегка изменено, чтобы отражать венецианскую гегемонию. Для некоторых из них были сделаны новые «венецианские» фасады.

Венеция считала себя естественным наследником Византии. Не было внезапного разрыва, но, наоборот, упорядоченный переход. Религиозные традиции и публичные церемонии старой империи были заимствованы и адаптированы новыми властями. Венеция, как всегда, жила ассимиляцией. Вновь показателен пример Крита. Религиозные церемонии и процессии латинской Церкви здесь выполнялись по образцу обрядов Церкви греческой. Венецианцы переняли культ местного островного Святого Тита. Здесь не было религиозных войн. Венецианцы были не похожи на испанцев. Происходили бесконечные согласования и компромиссы ради поддержания грандиозной системы торговли.

Между критянами и венецианцами заключались браки. Венецианские торговцы мигрировали на Крит. Ученые и художники с Крита, в свою очередь, переезжали в Венецию. Возникала новая культура, смесь Запада и Востока. После падения Византии Крит стал центром эллинизма на Западе. Разумеется, происходило

влияние и в обратную сторону. В современный греческий язык вкраплены слова венецианского диалекта, в частности, обозначающие сталь, армаду, бархат, акацию и обручальное кольцо. Под венецианским владычеством произошло возрождение греческой литературы. В начале нового времени скорее Венеция, чем Византия, хранила национальную греческую культуру. Тогдашняя греческая поэзия создавалась людьми, политически, национально, духовно и культурно ориентированными на Венецию. Бунты и восстания происходили как результат местных обид и распрей, но остров оставался в руках венецианцев больше четырех столетий.

Можно сделать вывод, что Венеция была первой современной колониальной державой.

В мире, где господствуют войны и империи, не может быть конца вражде и борьбе. В письмах и хрониках конца XIV века венецианский оптимизм частично уступает место мрачности и меланхолии; мир кажется менее надежным и Божий промысел в нем выражен слабо. Потеря уверенности сопровождается поисками большей безопасности. Строительство империи оказывалось обременительным.

В 1364 году местное население в Кандии вос-

стало против венецианских властей; к мятежу присоединилось несколько венецианских патрициев. Восстание подавили, его лидеров казнили, но для Венеции это был тревожный момент. Петрарка находился в городе, когда победоносные войска возвращались в лагуну. «Мы предвидели добрые вести, — писал он, — потому что мачты были украшены гирляндами цветов, а на палубе стояли юноши в зеленых венках и размахивали флагами над головой…» Торжество и облегчение были главными эмоциями дня. В базилике отслужили торжественную мессу, а на площади был организован большой праздник. Петрарка побывал и там тоже и отметил великолепие торжеств. По мере того как венецианская империя укреплялась, пристрастие к спектаклям и церемониям в ней росло.

Изгнание из Константинополя не подавило Геную. Ее торговцы доминировали на Черном море. Она сохраняла превосходные позиции в Сирии и Палестине. На длительный мир не было никаких шансов. В 1350 году венецианский адмирал застал врасплох флот из четырнадцати генуэзских судов в порту Негропонте и захватил десять из них. Четырем удалось уйти, поскольку венецианцы были слишком заняты грабежом

груза на захваченных судах. Позднее венецианцы и их греческие союзники встретились с генуэзским флотом в Босфоре, но битва не привела к определенным результатам. В 1353 году венецианцы нанесли поражение генуэзцам у берегов Сардинии, но тут же второй генуэзский флот начал разрушительный рейд по Адриатике и Эгейскому морю. Год спустя венецианский флот был потоплен в порту Модона в результате генуэзской диверсии; венецианские командиры и экипажи оказались в заключении. Это была знаменательная победа генуэзцев, но, даже потерпев поражение, венецианцы еще раз показали себя искушенными дипломатами. Было заключено перемирие, по которому обе стороны обещали не нападать друг на друга.

Последующий мир для Венеции не стал миром. Она была вынуждена сдать Далмацию венгерскому королю, обладавшему подавляющим превосходством в силах; ей пришлось эвакуировать своих купцов из Фамагусты на Кипре, передав этот город Генуе. Венецианский флот контролировал Адриатику как свою территорию, но он оказался втянут в длительное противостояние с генуэзским на Черном море. Когда Венеция захватила жизненно важный остров Тенедос,

контролирующий вход в море, Генуя вновь объявила войну. Четвертая Генуэзская война стала самой жестокой и разрушительной из всех.

Военные действия начались в 1378 году с того, что венецианский адмирал Витторио Пизани отплыл на запад и одержал крупную победу над генуэзцами в их собственных водах. Однако в это время начались неприятности ближе к дому. Король Венгрии предложил генуэзцам использовать Далматинское побережье, прямо напротив Венеции, как базу для их операций.

Они не могли упустить такой случай. Пизани был вынужден возвращаться на Адриатику, чтобы защитить венецианские конвои в заливе, который венецианцы всегда считали своим. Его база была в Пуле, в Истрии, и к концу года корабли флота были подготовлены для дальнейших боевых действий. Но им навязали сражение раньше, чем венецианские корабли были собраны вместе. Венецианцы получили преимущество, когда был убит генуэзский адмирал, но потом в бой неожиданно вступил резервный отряд генуэзских кораблей, нанесший венецианцам поражение. Сотни были убиты или захвачены в плен.

Ситуации, когда флот фактически выведен из

игры, в Венеции боялись больше всего. Враги подбирались со всех сторон. Король Венгрии закрыл судоходство в Северной Адриатике, правитель Падуи заблокировал сухопутные торговые пути на запад. Флоты Генуи охранялись и все время росли. Они даже смогли войти в лагуну и сжечь городки вдоль берега Лидо. Такого в истории республики не случалось. Когда, объединив силы, генуэзцы и падуанцы захватили большой порт Кьоджа к югу от Венеции, кольцо вокруг города сомкнулось. Венеция оказалась в осаде. Можно было ожидать вторжения. Бизнес на рынке Риальто замер. Была прекращена выплата жалованья должностным лицам. Беднякам дож объявил, что они могут найти еду в домах богатых.

Перед лицом опасности венецианцы сплотились. Они предложили переговоры, но генуэзцы ответили, что не будут разговаривать с врагами, пока кони Святого Марка не будут взнузданы; к этому времени бронзовые кони, привезенные из разграбленного Константинополя, стали символом венецианской гордости и жадности.

Для венецианских властей это был момент крайней опасности, и они понимали, что требуются поддержка и совместные усилия всего народа, чтобы избежать фатального исхода. По

настоянию народа они освободили из тюрьмы Витторио Пизани, который был заключен под стражу за поражение в Пуле. Теперь он стал популярной фигурой и главным защитником города. Сам дож Андреа Контарини помогал в обучении команд для вновь строящихся галер.

План, намеченный Пизани, заключался в том, чтобы затопить баржи и лодки, груженные камнями, в глубоких каналах вокруг Кьоджи и таким образом отрезать порт и генуэзцев в нем от материка и генуэзского флота в море. Эта идея принесла успех. Генуэзцы обнаружили, что блокированы, и вскоре начали испытывать затруднения в снабжении пищей, водой и порохом. Венецианцы также испытывали лишения, но у них было одно преимущество. У них была надежда. Как раз когда Пизани искусными маневрами сумел переиграть генуэзцев, пытающихся вырваться из Кьоджи, другой венецианский адмирал вернулся в порт. Карло Зено закончил военную экспедицию, занимавшуюся захватом генуэзских торговых судов на Средиземном море. Затем он получил инструкции возвращаться в лагуну на помощь городу.

Именно он помог воспрепятствовать все более отчаянным попыткам генуэзцев пробиться из

Кьоджи. Произошли крупные бои на песчаных пляжах; генуэзский командующий Пьетро Дориа погиб при попадании пушечного ядра в башню, с которой он наблюдал за происходящим. После этого, в июне 1380 года, генуэзцы сдались. У Венеции оставалось еще немало забот на Адриатике и в Средиземном море. Но Генуя больше не бросала вызова Венеции. Генуэзские корабли больше не появлялись на Адриатике.

В год поражения некий генуэзский монах читал проповедь в своей конгрегации. Генуэзцы, по его словам, похожи на ослов: «Когда много ослов собирается вместе и одного из них бьют палкой, все разбегаются и несутся кто куда». Венецианцы же напоминали свиней: «Когда много свиней собирается вместе и одну из них бьют палкой, то все они, сгрудившись, бегут на того, кто ударил».

Победа имела для Венеции огромное значение. В XIV веке она сделалась одним из главных городов мира. В предыдущие столетия ее считали частью Востока с точки зрения культуры и торговли; к концу XIV века она стала настоящей европейской державой. По окончании войны Венеция продолжала претендовать по праву завоевания и владения на Дураццо и Скутари, Лепанто и Патрас, Аргос и Афины. Это были места,

богатые вином и пшеницей.

В Италии Венецианская империя тоже росла или скорее складывалась шаг за шагом. В начале XV века Верона и Падуя отправили в Венецию послов для совершения официального акта подчинения. За ними последовали Равенна, Фриули и множество других городов — больших и малых. Венеция утвердила свое господство от Альп на севере до реки По на юге и от Бергамо и Кремы на западе до самого моря. Можно даже сказать, что ее жители восстановили античную провинцию Венетия, откуда пришли их предки.

В подконтрольные города присылали губернаторов и капитанов для руководства военными делами. Высокая должность на материке была прелюдией получения политических полномочий дома. При этом каждый город мог хранить свои привилегии, традиционные собрания и должности. Лишь постепенно происходил переход к более профессиональным и бюрократическим структурам при возрастающем значении небольшого числа аристократических фамилий. Венецианская схема неизбежно начинала воспроизводить себя. Большее влияло на меньшее. Но *inclita dominante* (главенствующий город), Блистательная владычица, как называли

Венецию, — не стремился навязать этим территориям единство. Миланцы и флорентийцы были гораздо более склонны утверждать свою власть в подвластных им городах. Венецианцы были осторожнее или, возможно, консервативнее. Имела место некоторая путаница со статусом местных законов и их отношениями с венецианскими, но это было почти неизбежно. Континентальной империей руководили прагматизм и целесообразность. Не было Венецианского государства как такового, была лишь торговая конфедерация, опирающаяся на косвенные налоги, собираемые Венецией.

Кроме того, венецианцы препятствовали любому предприятию, которое могло бы оспорить коммерческое господство их города, к примеру, производству роскошных тканей, так что, согласно английскому наблюдателю 1760-х годов, «любой другой город на территории республики казался бедным по сравнению с метрополией». Врожденный консерватизм венецианского государства также активно мешал общей модернизации экономики территорий на материке. Это прямо вело к конечному финансовому упадку Венеции. Итальянцы оказались не в состоянии соревноваться с обновленными Англией и Голлан-

дией. Неспособность или неготовность создать государство, притом современное государство, также могла спровоцировать раздробленность Итальянского полуострова. В результате удобный случай для объединения и централизации был упущен. Италия осталась легкой добычей для иностранных держав.

Но Венеция была еще в безопасности. Ее защищала лагуна, а равнины и холмы Северной Италии отделяли от враждебного города Милан; горы и глубокие долины Альпийского региона прикрывали от противников с севера. Чем дальше расширялись владения, тем более ревностно их защищали. Вопросы обороны наряду с коммерческой выгодой были главными факторами, по которым судили о целесообразности присоединения городов и районов. Бездействие было уже невозможно.

И в первой четверти XV века Венеция объединила силы с Флоренцией против миланской династии Висконти; это было первое отступление от ее политики блестящей изоляции. В самой Венеции была сильная оппозиция альянсу. Венецианские купцы весьма успешно торговали с миланскими владениями, а любое территориальное достижение требовало бы

постоянного присутствия армии. Тем не менее лидеры Венеции приняли решение войти в альянс со свободной республикой Флоренция против тиранов Милана. Выбранная стратегия оказалась успешной. И с устранением Висконти Италия пришла в состояние неустойчивого равновесия, весьма выгодное для Венеции. Осталось не более пяти государств, чьи претензии и ресурсы создавали этот баланс: Венеция, Неаполь, Флоренция, Милан и Папское государство. Центральный город с зависимой от него территорией назывался *lo stato* (владение). Со временем это слово стало обозначать коллективное существование нации или народа. Вначале эти *stati* зависели от личности правителя или правящей династии; в конце концов, они были политически и научно организованы так, чтобы заслуживать название «страна». Интересы государства стали первостепенными. Об этих новых итальянских державах немецкий историк фон Ранке писал, что «они не были ни нациями, ни расами; ни городами, ни королевствами; они были первыми в мире странами». И Венеция была одной из них, открывая путь развития нового мирового порядка.

Милан по-прежнему был главным городом Ломбардии, а Флоренция — Тосканы, но, по сло-

вам Уильяма Вордсворта, только Венеция также «держала во владении прекрасный Восток». Восточные связи очевидны при взгляде на улицы и дома города; даже национальная базилика выдержана в восточном духе. К XV столетию Венеция была богатейшим городом Италии, с годовым бюджетом, эквивалентным испанскому или английскому. В Венеции было значительно больше дворцов, чем в любом другом городе. Ее флот, возможно, был лучшим в мире. Кроме того, это был гораздо более стабильный город, чем любой из континентальных конкурентов, его сила и выносливость происходили от древнейших инстинктов выживания в битве с морем. В то время как Геную разоряли гражданские войны и междоусобицы, Венеция оставалась образцом стабильности, несмотря на эпидемии и периоды экономического упадка. Сила и безопасность ее строя давали ей могущество. Торговля города возрождалась, особенно за счет связей с Индией и Китаем, и доходы Риальто никогда не были так тверды. Венеция наслаждалась победой.

Глава 18
Призыв к оружию

В период своего наибольшего присутствия на континенте Венеция содержала армию в сорок тысяч солдат. В 1423 году правящий дож оценивал флот города в тридцать пять галер, три сотни «круглых» кораблей и три тысячи прочих судов. «Круглыми» тогда называли парусные корабли, имевшие в основном торговое назначение, в отличие от «длинных» военных галер. Для комплектации команд требовалось тридцать шесть тысяч моряков, почти четверть от всего населения города, составлявшего сто пятьдесят тысяч человек. Корабли носили названия вроде *La Forza* (Сила), *La Fama* (Слава) и *La Salute* (Счастье). Они предназначались для защиты торговых конвоев, по определенным дням отплывавших из Венеции; для сражений с пиратами и для налетов на вражеских купцов. Ни один иностранный корабль не чувствовал себя в безопасности в водах, которые Венеция полагала своими. Офицеров выбирали из патрициев города. Служба на море была обязательной частью образования молодого

патриция.

Команды поначалу целиком состояли из свободных людей, добровольцев из Венеции и венецианских владений. К началу XVI столетия была введена соответствующая повинность.

Естественно, это понизило статус работы на галерах до уровня бремени, которого лучше избежать. Профессия *galeotto* (гребца) относилась к числу низких. Так что к середине XVI века характер корабельных экипажей изменился. Теперь их составляли из пьяниц, должников, преступников и прочих отбросов общества. Венецианские суды зачастую отправляли осужденных не в тюрьму, а на галеры. К 1600 году заключенные были основной частью экипажей. Насколько тяжела была эта каторга, можно оценить по записям венецианских судебных архивов — полтора года службы на галерах были эквивалентны трем годам тюремного заключения и позорному столбу, семь лет на галерах приравнивались к двенадцати годам тюрьмы. Рацион гребцов состоял из сухарей, вина, сыра, солонины и бобов. Эта диета была придумана специально, чтобы питать «сангвинический гумор». Для воодушевления гребцов на борту находился францисканский монах. И все же донесения сообщают о болезнях и преждевре-

менных смертях от изнурения и отчаяния. Карло Гоцци в XVIII веке видел «три сотни негодяев, закованных в цепи, осужденных влачить свою жизнь в море мучений и страданий, любого из которых достаточно, чтобы убить человека». Он отметил, что «среди этих людей свирепствовала эпидемия злокачественной лихорадки». Неясно, впрочем, были ли гребцы, набранные новым способом, менее искусны в гребле. Ведь именно они помогли выиграть у турок знаменитую битву при Лепанто.

Настоящим морским чудом Венеции был Арсенал, крупнейшее кораблестроительное предприятие в мире. Само слово происходит от арабского *dar sina'a* (место строительства), что лишний раз подтверждает тесные связи Венеции с Востоком. Арсенал был построен в начале XII столетия, потом неоднократно расширялся и увеличивался, пока не превратился в сокровищницу технологий. Различные авторы писали о нем как о «фабрике чудес», «крупнейшем экономическом объекте в Европе» и «восьмом чуде света». Эти эпитеты отражают уважение, с которым тогда относились к новым технологиям.

Знаменитые ворота Арсенала с римскими и византийскими элементами были построены

в 1460 году. Арсенал стал центром еще одной империи. Он был двигателем торговли. Он был фундаментом морской мощи. Он был символом индустриального превосходства Светлейшего города.

В конечном итоге четыре километра стен с четырнадцатью башнями окружали двадцать четыре гектара производственной территории. Это было крупнейшее промышленное предприятие в мире. Вокруг него жила постоянно растущая популяция квалифицированных и неквалифицированных рабочих. Оценки количества работающих в Арсенале колеблются между шестью и шестнадцатью тысячами; в особо важных случаях их число возрастало. Этот кораблестроительный район в восточной части Венеции стал узнаваемой частью города с «лица необщим выраженьем», с собственными обычаями и мнениями. Люди рождались и умирали, крестились и женились, не выходя за пределы трех церковных приходов: Сан-Мартино, Сан-Тернита и Сан-Пьетро. Сейчас это по-прежнему район крошечных домиков, перенаселенных многоквартирных зданий, маленьких площадей, тупиков и узких переулков.

Обитатели этого места стали известны как

Arsenalotti, и их значение для государства было таково, что кораблестроители мужского пола служили телохранителями дожа. Они же работали пожарными. Только *Arsenalotti* позволялось работать на Монетном дворе. Только они были гребцами на церемониальной барке дожа. Гордясь своим положением, они никогда не объединялись с другими ремесленниками Венеции. Еще один случай «разделяй и властвуй». А также пример того, как тонко лидеры Венеции приручили потенциально беспокойную группу населения в самом сердце города. Лояльность *Arsenalotti* существенно способствовала сплочению и выживанию Венеции.

Арсенал был первым предприятием, в основе которого лежала идея сборочной линии, характерная для современной промышленности, и, таким образом, предвестником организации производства позднейших столетий. Путешественник в 1436 году описывал это так: «Войдя в ворота, видишь посередине море, а по обе стороны от него большие улицы, и с одной стороны открываются окна зданий Арсенала, и также с другой стороны. По узкой полоске воды на буксире у лодки плывет корабль, а из окон этих зданий рабочим на нем подают из одного снасти, из дру-

гого оружие…»

Это называлось «машина». Здесь строились военные галеры. Относительно мирные «круглые» корабли, парусные, а не гребные, также строились здесь. Ключ к эффективности заключался в разделении труда и специализации; здесь трудились корабельные плотники и конопатчики, канатчики и кузнецы, пильщики и изготовители весел. За десять дней здесь могли построить и оснастить тридцать галер. Когда в 1574 году Арсенал посетил французский король, галеру построили и спустили на воду за два часа, пока он обедал. Весь процесс сложного производственного взаимодействия напоминает само Венецианское государство. Все в нем — лишь часть целого.

Данте посетил Арсенал в начале XIV века и дал его описание в двадцать первой песни «Ада»:

И, как в венецианском Арсенале,
Кипит зимой тягучая смола…

…

Кто чинит нос, а кто корму клепает;
Кто трудится, чтоб сделать новый струг;

Кто снасти вьет, кто паруса латает...[10]

Не случайно Данте поместил это видение в восьмой круг ада, где отбывают вечное наказание продажные чиновники. Вопиющая коррупция стала настоящей проблемой для венецианского правительства.

В конце концов, Арсенал потерял передовые позиции. В XVII веке с развитием ремесленных технологий он устарел.

Он продолжал строить галеры, когда галеры были уже не нужны. Он сделался неэффективным, рабочим недоплачивали, и качество их работы снизилось. Однако Арсенал окончательно не закрывали вплоть до 1960 года, когда одиннадцать тысяч семей были выселены из этого древнего района. Сейчас фабрики и производственные линии используются для различных выставок в рамках многочисленных фестивалей, проходящих в Венеции. Что символично — такова природа этого города.

Венецианская армия на суше была так же эффективна, как венецианский флот на море. К середине XV столетия Венеция держала регуляр-

---

[10] Примечания: 10
Перевод М. Лозинского.

ную армию в двадцать тысяч солдат, не считая ополчения, готового к призыву в случае опасности. К началу следующего столетия это число удвоилось. Армия была смешанная. Венецианские инженеры славились навыками обращения с осадным вооружением, но считалось, что из венецианцев не выходит хороших солдат. Поэтому город больше полагался на наемников. Его солдаты были родом из Далмации, Греции, Германии и Гаскони; среди них были легкие кавалеристы из Албании и кирасиры из других частей Италии. В битве при Бути в 1498 году нескольких венецианских артиллеристов захватили в плен, им и отрезали руки; некоторые из этих несчастных оказались из Англии и Голландии.

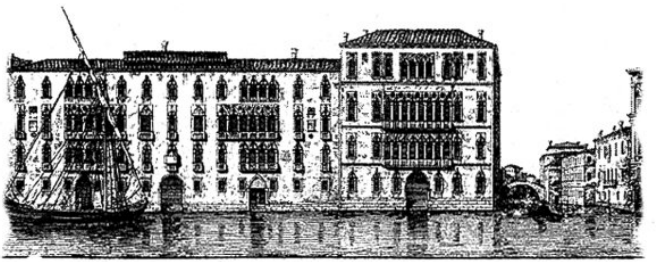
Создание сухопутной империи в начале XV века послужило непосредственной причиной создания постоянной армии. Но такая армия создавала проблемы для вождей города. Армия могла оказаться на улицах, могла создать угрозу континентальным владениям. Вот почему генералом или полководцем ни разу не назначили венецианца. Администрация города боялась военного переворота. Венецианским патрициям не разрешалось командовать больше чем двадцатью пятью людьми сразу. Это защищало

от внутренних распрей. Неизменно выбирался командир-иностранец, но и он выполнял свои обязанности под неусыпным присмотром двух старших патрициев, участвовавших с ним во всех походах. Это была не идеальная организация, особенно в огне сражения, но она хорошо служила венецианским интересам.

Иностранные генералы назывались *condottieri*, от итальянского слова, означающего контракт. Они служили по контракту. Но при этом они были искателями приключений, а иногда и разбойниками, которые очень подходят для театра Венеции. Они стремились соответствовать образу классического римского военачальника, жестокого на войне и любезного в мирной жизни; они полагали себя столь же мудрыми, сколь храбрыми, и столь же благородными, сколь рассудительными. Им хорошо платили. Венеция была известна как щедрый и аккуратный наниматель. Кондотьеры получали богато украшенные дома вдоль Большого канала и обширные владения на материке. Они казались незаменимыми для государства, но кое-кто подвергал сомнению мудрость их найма. Ведь их можно перекупить, предложив больший куш, а кроме того, иногда они становились безответственными или чрез-

мерно независимыми. Некогда Макиавелли винил в закате Венеции использование наемников и кондотьеров. Если венецианцы не отличаются в военном деле, скоро их не хватит и на мирные дела. Сэр Генри Уоттон в начале XVII столетия комментировал: «Из-за развращенности их юношей и осторожности их стариков, из-за долгой привычки к праздности и неприязни к оружию и, как следствие, неумения с ним обращаться, Венецианское государство пребывает в печальном упадке». Впрочем, упадок Венеции пророчили всегда, даже в высшей точке ее могущества.

VI
Город вне времени



Глава 19
Колокола и гондолы

Венецианцам требовалось контролировать время так же, как они контролировали все остальные аспекты жизни своего замкнутого мирка. Чтобы скоординировать деятельность населения, в определенные моменты в течение дня звонили колокола. На колокольне на площади Святого Марка была система из пяти колоколов: колокол по имени *Marangona* отмечал начало и конец рабочего дня, *Nona* и *Mezza terza* отбивали часы, *Trottiera* призывал патрициев голосовать на различных собраниях, а *Maleficio* в более поздние времена собирал зрителей на публичные казни. Колокола были формой социального контроля, они создавали области запретного времени. В 1310 году вышел эдикт, провозгласивший: «Никому ни по какой надобности без специального разрешения не выходить на улицу после третьего ночного колокола».

Как в частной, так и в общественной жизни города сигнал к каждой новой фазе подавался звоном колоколов; народ призывали просыпаться,

умываться, молиться, есть и спать. Это еще один показатель патернализма или авторитарности венецианского общества. А поскольку колокола подсознательно ассоциируются с религией, это приводит к тому, что сама жизнь становится сакральной. Колокола были символом и количественным, и качественным.

Время в городе словно смещается. Приметы разных времен встречаются вместе, и разные времена изменяют друг друга. В Венеции нет настоящего, хронологического времени; его отменили другие силы. В самом деле, случается, что время будто останавливается; входишь в какой-нибудь двор, залитый солнечным светом, и со всех сторон встает прошлое. Это не обязательно личное впечатление. Народ Венеции верил, что ее организации вечны. Работая над общественными памятниками города, венецианцы постоянно имели дело со множеством слоев и уровней времени, с заимствованиями и адаптацией более ранних культур. Для них не было архитектуры настоящего — только прошлого и настоящего, сплавленных воедино. Город давал возможность приезжим увидеть, как история буквально пропитывает все.

В этом городе совсем иное ощущение времени,

и любой, побывавший в Венеции, может это засвидетельствовать. В Венеции невозможно спешить; невозможно наверстывать упущенное время. Нет другого транспорта, кроме водного, и даже для быстрой ходьбы пешком имеется немало препятствий. Этот город замедляет человека — еще одна причина чувства зачарованности, сна, которое он навевает. Хочется бродить по городу и заблудиться. Официальный отсчет времени здесь также отличается от общепринятого. Началом следующего дня считается час, когда пробьет вечерний Ангелюс, колокол, призывающий к молитве «Ангел Господень», то есть шесть часов вечера. Таким образом, половина седьмого вечера в Сочельник, с точки зрения венецианцев, — уже Рождество. Эта система действовала вплоть до наполеоновского завоевания.

Преемственность городской администрации внушила его обитателям другое чувство времени, склонность мерить его веками, а не десятилетиями. Венеция измеряла себя историческим, а не хронологическим временем. Столетия заперты на острове, как и раньше; они заточены в лабиринте улочек.

На материке у времени достаточно пространства, чтобы распространяться, уплощаясь и утон-

чаясь. В Венеции оно отражается и повторяется. Шон О'Фаолейн описывает его как «проекцию шопенгауэровской воли, вневременную сущность».

Возможно, правильнее будет сказать, что имеет место неразрывность времени. Венецианец XVI века (а может быть, и более раннего) без затруднений нашел бы дорогу на улицах современного города. Немногие города мира могут похвастаться подобным. Церкви и рынки все на тех же местах. Паромы пересекают Большой канал, связывая те же причалы, что и пятьсот лет назад. Отмечаются те же религиозные праздники. Венеция демонстрирует непрерывность времени полнее других городов мира. Это стало целью ее существования. Это успокаивает, поскольку олицетворяет постоянство и стабильность в переменчивом мире. Именно поэтому ее выживание столь важно для различных заинтересованных групп в Англии и Америке. Некоторые городские виды XVI столетия работы Карпаччо и других художников можно узнать в современном городе. Знаменитый пейзаж кисти Каналетто изображает двор каменотеса на берегу Большого канала, там, где сейчас возведен мост Академии. На картине, ориентируясь на *campo* Сан-Видал и церковь Санта-Мария делла Карита, можно узнать существующие дома,

мостик и маленький канал. Картина датирована 1727 годом — это место остается неизменным почти три столетия.

Самый явный знак неизменности — и самый знаменитый. Гондолы курсируют по каналам города тысячу лет с минимальными изменениями конструкции и вида. В XVII столетии Джон Ивлин описывал их так: «Очень длинные и узкие, нос и корма из стали… Некоторые украшены резьбой, другие крыты бархатом, обычно черным… Гребец стоит во весь рост на самом краю лодки, нагибаясь вперед, как если бы бросался в море, и одним веслом с невероятной ловкостью гребет и поворачивает».

Гондолы впервые упоминаются в документе конца XI столетия, но, должно быть, к тому моменту они существовали несколько десятков лет. Слово допускает много вариантов происхождения, к примеру, от латинского *cymbula* или от греческого *kuntelas* (оба слова означают — лодочка, челнок). Прототип самой лодки находили на Мальте, в Турции и, что совершенно невероятно, в Авиньоне. Характерную форму, и по сей день не устаревшую, она приобретала постепенно. Первоначально она была короче и шире, чем сейчас, с кабинкой посредине, зачастую закрытой што-

рами или занавесками. Это был вид транспорта, используемый патрициями города, которые могли держать на жалованье в своем хозяйстве много гондольеров.

К XVII веку *felzi* (кабины гондол) сделались местом интриг и тайных свиданий, добавив в легенду о Венеции то, что это город запретных удовольствий. В 1930-е годы кабины убрали. Было еще одно видоизменение. В середине XVIII столетия левый борт гондолы сделали на двадцать четыре сантиметра выше правого; это усовершенствование повысило скорость и маневренность лодок. Гондола плыла сквозь столетия, удлиняясь и истончаясь, чтобы вмещать все больше туристов. Она по-прежнему остается лодкой для удовольствий, но больше не для удовольствий немногих избранных.

В XVI веке в Венеции было десять тысяч гондол, многие украшали резьба и орнамент. Богатые венецианцы соперничали друг с другом в пышности — не так уж часто им предоставлялась возможность для публичной демонстрации своих трат. Разумеется, это вызывало сопротивление венецианского государства, стремившегося ограничить любой индивидуализм в пользу коллективизма. Поэтому декретом 1562 года

украшательство было запрещено. Так гондолы стали черными. Даже при том, что венецианцы не испытывают неприязни к черному цвету, гондолы с тех пор постоянно называют плавучими гробами. Перси Биши Шелли сравнивал их с бабочками, вырвавшимися из куколки гроба. Джеймс Фенимор Купер уподоблял гондолы катафалку. Рихарду Вагнеру, напуганному эпидемией холеры, приходилось делать над собой усилие, чтобы ступить в гондолу. Гете назвал гондолы вместительными похоронными дрогами. А Байрон писал:

> *И мнится, лодка с гробом проплывает.*
>
> *Кто в нем, что в нем – кто ведает, кто знает?*[11]

Байрон описывает любовь, которая могла бы (или не могла бы) совершиться в уединенной кабинке гондолы. Гондольер, проникающий во внутренние каналы города, наделялся и фаллическим смыслом, таким образом, смерть и секс в Венеции соединились еще раз. Генри Джеймс писал о своих впечатлениях от поездки на гондоле: «Каждое смутное узнавание и каждая непонятная

---

[11] Примечания: 11
«Беппо» (перевод В. Левика).

задержка вызывает новое биение чувства, будто ты плывешь навстречу своей судьбе…» Поездка на гондоле может пробуждать очень сильные инстинкты.

Ferro (металлический клюв на носу) имеет запутанную историю. Некоторые полагают, что его шесть зубцов обозначают шесть *sestieri* города. Также считается, что эта деталь — копия клюва римской галеры; учитывая пристрастие венецианцев к копиям антиков, этому можно верить.

Гондольеры — самые знаменитые из сыновей города. Их униформа — соломенная шляпа с лентой, полосатая футболка, красный или синий шейный платок, темные брюки — на самом деле установилась только в 1920-е годы. Но их *braggadocio* (хвастовство, бахвальство) имеет очень давнюю традицию. Кажется, они наслаждаются звуком собственного голоса — на суше и на воде. Они кричат; они орут; они поют. Но когда они замолкают и остается только звук скользящей по воде гондолы, воцаряется глубокий покой Венеции.

Гондольеров прославляли в песнях и балладах с XVI века. Их превозносили за благоразумие. Когда гондолы использовались как место любовных свиданий, гондольеры не выдавали

клиентов; если гондольер доносил на даму ее мужу, его могли утопить его же коллеги. Гондольерам доверяли доставлять любовные письма. Иностранные гости часто осуждали их за сквернословие, жульничество и сводничество, но это с лихвой компенсировали восхваления соотечественников. К примеру, в комедиях Гольдони они выступают положительными героями. Вот типичный эпизод из пьесы «Честная девушка»: «Два гондольера прибыли одновременно с противоположных сторон… Каждый настаивает, что другой должен уступить ему путь, сдав назад». И далее следует обмен угрозами и оскорблениями, в прежние времена известный каждому путешественнику по Венеции. Но их вспыльчивость была частью атмосферы города. Они воплощали волю к жизни и выживанию в водной стихии.

Крики и песни гондольеров без конца записывались. Рёскин в «Камнях Венеции» первое приложение назвал «Крик гондольера». Так можно бы назвать оперу. *Premi!* (Проходи справа!) *Stali!* (Проходи слева!) *Sciar!* (Остановка!) Гондольеры любили перекликаться над водой, хотя сейчас их морское остроумие выглядит так же театрально, как пение *Osolemio* или *Torna a Sorrento.* В городе они по-прежнему могучая и подчас разруши-

тельная сила, но теперь они по большей части превратились в отраду туристов. В более широком смысле — они стали частью сознательного маньеризма современной венецианской жизни, в своих костюмах, почти карнавальных. Говорят, ни один венецианец в жизни не сядет в гондолу, разве что за исключением тех, что используются как паромы, соединяющие два берега.

Сейчас в городе работает только четыре сотни гондол. В год строится лишь четыре. Лодка не может служить вечно. После двадцати лет службы деревянная конструкция коробится и расшатывается. Тогда ее доставляют на остров Мурано, где дерево идет в огонь стекольного производства. Она становится частью другой городской промышленности, ее энергия преобразуется в венецианское стекло.

Глава 20
Правосудие

У одного из трех открытых внешних углов Дворца дожей находится скульптура, представляющая суд Соломона. У западного фасада дворца стоит фигура Правосудия с поднятым мечом в руке; здесь же написано слово *Venecia*. Венеция и Правосудие объединены в вечный образ с надписью: «Сильна и справедлива я на троне, ногами попираю неистовство морей». Над Порта делла Карта, в том же комплексе общественных зданий, находится изображение Венеции в образе девы на троне и Правосудия с мечом и весами в руках. Венчающие дворец фигуры также представляют Правосудие. Венецианское правосудие — один из основных мифов Венеции. Оно считается древним. Оно считается вдохновленным богами. Оно считается, в своей идеальной форме, юридическим спасением человечества.

Фактическая сущность венецианских законов менее чудесна, но, пожалуй, более интересна. Как и остальные аспекты Венецианского государства, они имеют смешанное происхождение. В

их основе лежат элементы римского права и византийского законодательства. Другие элементы были взяты из ломбардских и франкских сводов законов. Не имея твердого территориального фундамента, Венеция была вынуждена заимствовать и адаптировать традиции других народов. Можно сказать, что венецианцы создали пеструю систему, смешивающую разные правовые принципы, гибкую и приспосабливающуюся к любым обстоятельствам. Венецианские законы были прежде всего эффективны. Нация, чья жизнь целиком проходит на море, в первую очередь должна позаботиться о своем спасении.

Первый свод законов был опубликован в конце XII века, а в следующем столетии законы были собраны на страницах пяти огромных книг. Большинство законодательных актов, как и следовало ожидать в городе купцов, касались вопросов собственности и имущества. Коммерческое законодательство было самым объемным. Эти пять книг воплотили меркантильное отношение к законам. Несмотря на уважение к обычному понятию правосудия, венецианская практика была в основном эмпирической и прагматичной. Законы зачастую представляли собой лишь подтверждение того, что уже случилось на практике.

Обычное право, неписаное и подчас анекдотическое, имело исключительное значение. Провозглашалось даже, что обычай может перевешивать писаный закон. В какой-то мере это свидетельство купеческого духа, не доверяющего юридическим придиркам и уверткам. Правонарушитель должен заплатить за оскорбление Бога и неуважение к городу. Вот что важно.

Принято считать, что венецианцы больше любят говорить, чем делать. Во всяком случае, ни один другой город-государство не выпустил столько законодательных актов. Содержание этих законов зачастую было путаным, непоследовательным и противоречивым. Они принимались и не вводились в действие. Они выпускались и перевыпускались, в то время как точно такие же законы имелись в действующем кодексе. Вожди Венеции издавали очень много законов. В подборе юридических формулировок был элемент фантазии или недостаточной соотнесенности с реальностью. Иногда на Большом совете вспоминали (или думали, что вспоминают) какой-то конкретный закон. Когда выяснялось, что на самом деле его не существует, его разрабатывали и вводили. Говорили: «Семи дней достаточно, чтобы венецианский закон стал непонятным».

Una leze veneziana
Dura una settimana[12].

Законы, ограничивающие потребление предметов роскоши, особенно сильно вторгались в ту область общественной жизни, где контроль невозможен. Поэтому их игнорировали. Тем не менее они являются самым экстравагантным показателем того, сколь далеко заходило Венецианское государство в попытках влиять на общественную жизнь. Если город, как утверждалось, был большой семьей, то она имела жестко патерналистский характер. В 1562 году вышел указ, согласно которому «в каждой мясной трапезе можно готовить не более одного жаркого и одного вида вареного мяса. Нельзя подавать на стол более трех сортов мяса или птицы…» Частично этот акт предназначался для обуздания моды на большие семейные вечеринки, где собиралась вся родня; такие вечеринки рассматривались как угроза государству. По этой причине особое внимание законодательства было направлено на праздники и банкеты, собиравшие большое количество народа. На обедах, где присутствовало больше двадцати гостей, были запрещены

[12] Примечания: 12
Венецианский закон длится неделю (*ит.*).

устрицы. Имелись правила относительно количества кондитерских изделий и фруктов, которые можно подавать; запрещались блюда из павлинов и фазанов. Рабов, прислуживавших на таких пиршествах, склоняли шпионить за хозяевами. Поваров обязывали заранее сообщать властям, какую еду им приказывали готовить.

Законодательно пытались остановить тенденцию к чрезмерной пышности; столкновения с экстравагантностью богатых могли растревожить простой народ. В Венеции любой ценой старались избежать внутренних раздоров. Возможно, в этом причина общего пренебрежения законодательными ограничениями роскоши; на них смотрели как на жест для успокоения населения, а не серьезную попытку насадить закон.

Однако для введения этих законов были и другие основания — духовные. Проявления жадности и суетности могли вызвать гнев Всевышнего. Потерпев поражение на суше или на море, венецианцы часто винили в этом моральную развращенность некоторых сограждан. Разумеется, это было обычно для Средневековья и начала Нового времени, но особенно остро и сильно воспринималось в городе, полагавшем себя избранным Богом.

Строжайшие ограничения налагались на одежду. Никто, ни мужчина, ни женщина, не мог обладать более чем двумя меховыми плащами. В 1696 году всем запретили носить кружевные воротники и манжеты; запрещалась одежда из парчи и шелка; разрешалось носить не больше двух колец. Трое патрициев были назначены чиновниками полиции роскоши, чтобы проводить в жизнь установления. Насколько успешны были их попытки обуздать излишества и расточительность, неизвестно.

Применение венецианских законов в теории было беспристрастным. Со всеми, кто владел собственностью, будь то патриций, гражданин или ремесленник, обходились одинаково. Патриций не мог просить или ожидать привилегий. Кроме того, существовала система подачи апелляций, основанная на принципах справедливости. Ходатайства можно было направлять дожу. Венецианская поговорка гласила: *pane in piazza e giustizia in Palazzo* (хлеб на площади и правосудие во дворце). Венецианское правосудие имело репутацию строгого, иногда варварски строгого, но и беспристрастного. Государство предоставляло адвоката тому, кто был слишком беден, чтобы нанять его. Даже рабы в Венеции имели возмож-

ность обратиться в суд и получить возмещение за свои обиды. В мае 1372 года венецианский ремесленник Антонио Авонал и дубильщик Джакобелло коротали время, покалывая длинной спицей рабов, проходящих мимо к вечерней службе в соборе Святого Марка; их схватили и предали суду. Авонал был приговорен к трем, а Джакобелло — к двум месяцам тюрьмы.

Уникально для Италии было и то, что суды велись на местном языке. Судебные записи наполнены голосами простых венецианцев, которые спорят, защищаются, жалуются на соседей, нанимателя или слуг. Арбитражные суды походили на семейные. Венецианская жизнь была почти непрерывной тяжбой. В сущности, сильная традиция шумных и скандальных судов способствовала стабильности в Венеции на всем протяжении ее истории. Поэтому народ Венеции славился законопослушностью. Те, кто правил, и те, кем правили, знали, что отстаивают общие интересы. Считается, что Святой Бернард Клервоский сказал дожу Кристофоро Моро, что «республика продлится столько же, сколько будет жить обычай вершить правосудие».

Итак, интригующее зрелище практического успеха для каждого конкретного случая или

путаное юридическое теоретизирование? Законы создавались, отменялись, игнорировались, им препятствовали, им не подчинялись. Законов было так много, что всех никто не помнил. Судьи-патриции не получали юридического образования, не считая того, чему могли научиться посредством наблюдений. Они были политиками, а судебной деятельностью занимались относительно недолгий срок. Поэтому они полагались на подсказки совести и здравый смысл. В какой-то мере они были дилетантами. Разумеется, случались неизбежные злоупотребления властью и законом; разумеется, имели место подкуп и шантаж. Такова жизнь. Однако прагматичная работа юридической системы, основанной на традиции, преобладала. Узы равенства перед законом объединяли город. Так проявлялся венецианский характер.

Глава 21
Против турок

Когда летом 1380 года солнце Генуи закатилось, из-за восточного горизонта поднялся новый враг — турки-османы. Венецианцы недооценивали опасность со стороны империи Османов; они считали, что та привязана к суше и не может создать угрозу на море. Но потом воды Леванта заполнили турецкие пираты и справиться с ними не удалось. Постепенное расширение Османской империи означало, что венецианские торговые пути тоже со временем окажутся в окружении. Османское наступление угрожало венецианским колониям на Кипре, Крите и Корфу; эти острова требовали постоянной защиты как крепостями, так и флотом. Две империи впервые столкнулись в 1416 году в водах близ Галлиполи, где после долгого сражения венецианский флот разбил турок. Венецианский адмирал писал о своих противниках, что они сражались как драконы; их морские навыки больше нельзя было недооценивать. Доказательством тому стало взятие турецкими войсками Константинополя в 1453 году. После

венецианского разграбления в 1204 году Константинополь захирел, его защитники не могли ничего противопоставить подавляющим силам турок. Теперь династия Османов стучалась в двери Европы. Константинополь, навсегда ставший Стамбулом, сделался главной силой в регионе.

Перед венецианцами стояла новая задача. Для них было бы предпочтительно превратить потенциального врага в покупателя. Папа мог разражаться громами и молниями в адрес неверных, но венецианцы смотрели на них как на клиентов. На следующий год после падения Константинополя ко двору султана Мехмеда II Завоевателя был прислан венецианский посол с заверениями, что венецианский народ желает жить в мире и дружбе с императором турок. Иными словами, желает заработать на нем деньги. Венецианцы получили свободу торговли во всех частях Османской империи, а в Стамбуле была основана новая колония венецианских купцов.

Такие отношения существовали недолго. Мехмед повысил пошлины для венецианских судов и вступил в переговоры с купцами из Флоренции. В 1462 году турки захватили венецианскую колонию Аргос. Между империями началась война. Численное превосходство давало туркам преиму-

щество на суше, в то время как Венеция сохраняла традиционное господство на море. Венецианцы могли надеяться на такие условия перемирия, по которым сохранили бы свои концессии. Но флот Мехмеда оказался грознее, чем они рассчитывали. После тяжелых боев венецианский флот был выбит из Эгейского моря. Оно перестало быть Латинским морем. Турки оккупировали остров Негропонте, которым Венеция владела двести пятьдесят лет. Еще турки завоевали соответствующий регион Черного моря, превратив его тем самым в Стамбульское море. Венецианцы были вынуждены обороняться, арьергардные бои шли гораздо ближе к их дому, в Албании и Далмации.

Флорентийцы подсказали Папе, что всем будет лучше, если турки и венецианцы будут драться между собой до полного изнеможения. Венеция изнемогла первой. В 1479 году, через семнадцать лет после начала боевых действий, Венеция была вынуждена просить мира. Она сохранила Крит и Корфу. Столицу Корфу сир Шарль Напьер в начале XIX столетия описывал как «город, отягощенный всеми пороками и мерзостями Венеции», но настоящее могущество Венеции в Леванте было подорвано навсегда. Теперь Эгейское и Средиземное моря контролировали турки. Великий

визирь турецкого двора сказал венецианским представителям, приехавшим просить мира: «Можете сказать своему дожу, что он больше не венчается с морем. Теперь наша очередь». Джироламо Приули, который вел дневник в то время, писал о соотечественниках, что «столкнувшись с турецкой угрозой, они оказались в худшем положении, чем рабы». Это, конечно, гипербола, но она отражает безутешное настроение народа. В сущности, в этот момент венецианские амбиции на Востоке закончились. Теперь взгляд города был обращен к материковой Италии.

Равновесие в Северной Италии не могло продолжаться долго. Здесь множились союзы и лиги, составляемые местными мелкими властителями, слишком слабыми, чтобы иметь дело с соседями в одиночку. Мир, к которому стремилась Венеция, можно было защитить только мечом. Пока она оставалась империей, о передышке не могло быть и речи. Другие города опасались, что аппетиты Венеции беспредельны и что она намеревается покорить всю Италию к северу от Апеннин. Республиканский альянс Венеции и Флоренции раскололся. Раздавались бесконечные тирады, клеймящие алчность и двуличие города. Миланский герцог Галеаццо Сфорца за-

явил венецианскому представителю на конгрессе в 1466 году: «Вы нарушаете мир и домогаетесь такого же положения, как у других. Если бы вы знали, как вас ненавидит весь мир, у вас волосы встали бы дыбом». Макиавелли констатировал, что вожди Венеции «не имели уважения к Церкви; Италия была для них недостаточно велика, и они верили, что могут создать монархическое государство, подобное Риму».

Мир вокруг Венеции менялся. Подъем крупных национальных государств, особенно Испании, Франции и Португалии, изменил условия мировой торговли. Мощь Турецкой империи и интервенция Франции и Испании в материковую Италию создали дополнительные трудности для Светлейшего города. Когда французский король Карл VIII в 1494 году вторгся в Италию, это ознаменовало для нее начало беспокойного столетия. Его неудачная попытка овладеть Неаполитанским королевством не отпугнула другие крупные державы Европы. Максимилиан Габсбург и Фердинанд Испанский горели желанием воспользоваться богатством городов Северной Италии. Их государства обладали большими армиями, широко использующими новейшие технологии: порох и осадные орудия.

Города-государства Италии не были готовы к новому характеру военных действий. Милан и Неаполь попали под иностранный контроль. А в конце 1508 года крупнейшие мировые лидеры обратили взоры на Венецию. Франция, Испания и Габсбурги объединили силы с Папой Римским и создали Камбрейскую лигу с единственной целью — захватить континентальные владения города. Французский представитель осудил венецианцев как «торговцев человеческой кровью» и «предателей христианской веры». Германский император обещал заставить замолчать каждого венецианца, «жаждущего владений».

Союзники добились исключительного успеха. Наемные венецианские войска были полностью разгромлены французской армией в битве у деревни Аньяделло близ реки По и в беспорядке отступили к лагуне. Города, прежде оккупированные Венецией, сдавались новым завоевателям без боя. В течение пятнадцати дней весной 1509 года Венеция потеряла все континентальные владения. Реакция венецианцев, по всем описаниям, была панической. Граждане бродили по улицам города, плача и стеная. Кричали, что все потеряно. Ползли слухи, что враги изгонят народ Венеции из города и заставят скитаться по

земле, как евреев. «Если бы город не был окружен водой, — писал Макиавелли, — мы увидели бы его конец». Дож, согласно некоему современнику, ничего не говорил и «был похож на покойника». Дож, о котором идет речь, Леонардо Лоредано, запечатлен на портрете Беллини, который сейчас можно увидеть в лондонской Национальной галерее; там он исполнен славы и спокойствия.

Тогда многие верили, что Бог наказывает Венецию за многочисленные беззакония, включая содомию и вычурную одежду. Женские монастыри превратились в бордели. Богачи жили в гордыне и роскоши. Все это не могло понравиться небесам. Поэтому, как прямое следствие войны, дож и Сенат ввели законы, ограничивающие роскошь, чтобы обуздать излишества богатых и в надежде помирить свой город с Богом. Мужчинам было запрещено выставлять напоказ физическую привлекательность. Монашек заперли в монастырях. Ношение драгоценностей было строго ограничено. Все это было необходимо, согласно дневнику современника, «чтобы со всем возможным рвением и тщательностью подражать нашим предкам». Такое почитание предков имело особое измерение. Кое-кто в городе верил, что венецианцам надо оставаться морским

народом, которым они были с самого начала, а рискованные предприятия на континентальных территориях представляют собой величайшую и, возможно, фатальную ошибку.

После битвы при Аньяделло возникла угроза неминуемой осады города имперскими войсками; запасали зерно и продукты, строили импровизированные склады. Дож послал эмиссаров ко двору Максимилиана с предложением передать под имперский контроль континентальные владения города. Он даже отправил послов к туркам, прося помощи против войск империи. Призыв на помощь неверных против своих собратьев по вере показывает, в каком отчаянии были венецианские вожди. Впрочем, настоящая религия венецианцев состояла в поклонении самой Венеции.

Однако когда первоначальный страх прошел, город вновь собрался. Возродился его племенной инстинкт. Он продемонстрировал единство, которым славился в XVI веке. Правящий класс сплотился в монолитную общность. Богатые граждане вкладывали состояния в оборону города. Беднота осталась верной ему. Государство в который раз показало себя. В рядах врагов можно было посеять разногласия. Некоторые из

городов на материке, попав под власть Франции или империи, поняли, что им больше нравится мягкое венецианское правление. При активной поддержке жителей города Венеция вернула себе Падую. Венецианцы одерживали победы и на поле боя, и к началу 1517 года они возвратили почти всю свою континентальную территорию. Они не теряли ее вплоть до прихода Наполеона. Кроме того, было достигнуто соглашение с Папой по вопросам церковной власти; как гласит наставление венецианского кардинала, пока следует «делать то, чего он пожелает, а потом, со временем, делайте, что хотите». С присущим ему двуличием и двусмысленностью Совет десяти тайно объявил условия соглашения недействительными на том основании, что они были получены под давлением силы. Венеция опять утвердила себя в мире.

Она утратила много важных территорий в Леванте и не только, но отнюдь не все было потеряно. Она приобрела Кипр и принялась за систематическое разграбление его сельскохозяйственных богатств; кроме того, она сохранила контроль над городами в районе реки По. Зерно из Римини и Равенны также было ей необходимо для выживания. Теперь «выживание» стало

ключевым понятием. После Камбрейской лиги Венеция не могла сохранить доминирующие позиции на полуострове. Ее окружало слишком много врагов, и они были слишком опасны. Об агрессивной экспансии больше не могло быть и речи. Вместо этого венецианские патриции, если предоставлялась возможность, продолжали прикупать участки новой территории.

Скоро оформилась четкая тенденция менять превратности торговли на безопасность землевладения. Земля была хорошим вложением капитала в мире с постоянно увеличивающимся населением и растущими ценами на еду. Предпринимались согласованные усилия, чтобы увеличить ее продуктивность. Тем не менее это представляло собой своеобразную форму ухода от мира. В процессе чего венецианцы сформировали новое племя — поместное дворянство.

Для государства же в целом лучше всего было тщательнейшим образом соблюдать нейтралитет, и, натравливая одну военную силу на другую, никого не сделать своим врагом. Нужен был мир. Теперь пресловутая хитрость венецианцев и их умение влиять на умы были нацелены на то, чтобы балансировать между Турцией, Францией и империей Габсбургов. И эта стратегия приносила

успех вплоть до появления Наполеона Бонапарта. Остатки Венецианской империи на Крите, в Южной Греции и материковой Италии были сохранены.

Возрождению Венеции поспособствовало жестокое разграбление Рима в 1527 году не получившими платы имперскими войсками. Они убивали и насиловали жителей имперского города, расхищали его сокровища и жгли то, чего не могли украсть. Волны эпидемий чумы и сифилиса по всему региону усиливали разорение; опустошенные поля не давали пшеницы. Венеция снова получила преимущество. Рим был одним из самых старых и грозных ее противников. Правивший там Папа не единожды подвергал ее отлучению от Церкви. Могущество Венеции бросало вызов Папскому государству. Таким образом, разграбление Рима было для венецианских правителей желанной вестью. Многие художники и архитекторы Папского двора покинули Рим и перебрались в Светлейший город, где такие бесчинства казались невозможными. Правящий дож Андреа Гритти был полон решимости сделать из Венеции новый Рим. Он приглашал композиторов, писателей и архитекторов. Одного из римских беженцев, Якопо

Сансовино, Гритти нанял, чтобы перестроить площадь Святого Марка и превратить ее в центр имперской столицы. Еще один беженец, Пьетро Аретино, назвал Венецию всеобщей отчизной.

Сансовино реконструировал площади Венеции в римской манере. Он построил новый Монетный двор с арками из грубо отесанного камня и дорическими колоннами. На piazzetta напротив Дворца дожей он построил большую библиотеку в форме классической базилики. В том же традиционном классическом стиле у основания колокольни он построил Лоджетту. Лачуги и ларьки торговцев с площади убрали, их место заняло пространство для священных церемоний.

Были назначены чиновники для надзора за обновлением других частей города, а также очисткой вод вокруг Венеции. Везде велось строительство. Причалы были переделаны. Нетрудно понять, что это символизирует. Венеция провозгласила себя новым Римом, подлинным наследником Римской республики и Римской империи. Она не видела причин склоняться перед германским императором Карлом V или императором турок Сулейманом Великолепным. Город воспринимался как монумент в честь своего нового статуса. Согласно декларации Сената

1535 года, «выросшая из дикого и невозделанного убежища, она была отстроена и украшена, так что стала самым прекрасным и блистательным городом из ныне существующих в мире». Это был город карнавала и праздника. Парадов и церемоний, турниров и фестивалей стало еще больше.

Были и есть историки, утверждающие, что в ходе этих преобразований венецианцы потеряли энергию и твердость воли, стали мягче, ослабели. Приняв принципы нейтралитета, они утратили боевой дух. Привыкли к удовольствиям комфортабельной жизни. Пожалуй, неразумно использовать язык человеческой психологии в таких вопросах. Жизнь поколений грубее и безличнее, чем жизнь индивидуума. Она подчиняется другим законам. Единственное, что можно сказать с какой-то степенью уверенности, — Венеция в XVI столетии ожила. И это было действительно чудесное обновление, порожденное поражением и унижением. Это красноречиво говорит и об изобретательности, и о прагматизме венецианского характера.

Последовало и еще одно испытание. В первые месяцы 1570 года турецкие войска Сулеймана Великолепного вторглись на территорию венецианской колонии Кипр. Венеция безуспешно

призывала европейских лидеров помочь. Филипп II Испанский, опасаясь турецкого наступления в Северной Африке, выслал флот, но тот прибыл слишком поздно и проявил мало желания следовать венецианской стратегии. Деморализованный венецианский флот под командованием Джироламо Дзане повернул назад, даже не увидев Кипра. Остров был потерян. Одного из венецианских сановников турки обезглавили, с другого заживо содрали кожу. Эта кожа до сих пор хранится в урне в соборе Санти-Джованни э Паоло. Тем временем Дзане получил приказ возвращаться в Венецию, где оказался в подземельях дожа; там он и умер два года спустя.

Через год после захвата Кипра Папа Пий V задумал союз трех европейских держав с целью противостояния туркам. Венеция, Испания и Папское государство образовали новую Христианскую лигу, или Священную лигу, открыто ставившую целью возвращение контроля над Средиземноморьем и изгнание турецкого флота из Адриатики. По существу, это был Крестовый поход под другим названием.

Морское сражение разыгралось у входа в залив Патрас. Оно получило название Битвы при Лепанто и стало великой победой христианского

оружия. Двести тридцать турецких кораблей было потоплено или захвачено, и только тринадцать потеряно европейцами. Пятнадцать тысяч галерных рабов — христиан, вынужденных работать на турецких хозяев, получили свободу. Был еще один неожиданный результат. Битва при Лепанто стала последней, в которой ключевую роль сыграло весло. В позднейших морских сражениях она перешла к парусу. Еще это была последняя битва с абордажем и рукопашным боем; им на смену пришла артиллерия.

После Лепанто, когда венецианские галеры вернулись в родной порт, везя поверженные турецкие знамена, город забыл себя от радости. На заупокойной службе в честь погибших в соборе Святого Марка провозгласили: «Они показали нам, что турки не являются непобедимыми, как мы считали прежде». Господствующим чувством было облегчение. Венецианцы хотели закрепить победу дальнейшими атаками на турецкие войска, но Папа и испанский король не согласились. На следующий год была предпринята весенняя кампания, оказавшаяся неубедительной. Боевой дух оставил Христианскую лигу.

Венеция вернулась к дипломатии и заключила мирный договор с Сулейманом. Кипр был

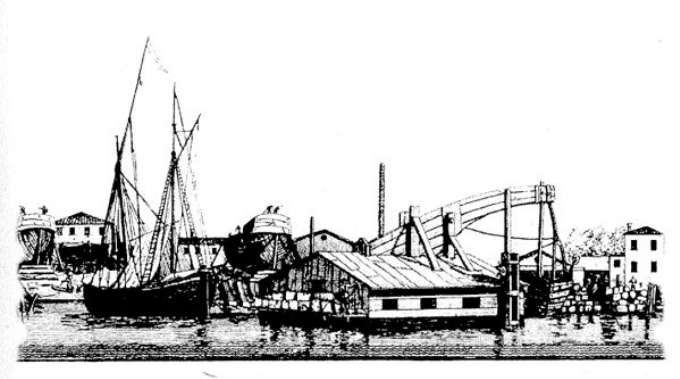
потерян навсегда. Изо всех греческих островов, колонизированных Венецией, только Корфу остался свободен от турецкой оккупации. Но победа при Лепанто придала смелости вождям Венеции. Говорили о возвращении торгового господства на Средиземном море. К руководству общественными делами пришло новое поколение молодых патрициев.

К концу XVI века Венеция могла гордиться собой, пережив и посягательства европейцев, и войну с турками. Она показала себя грозным противником и на войне, и в мирное время. Стабильность ее правительства и лояльность народа остались непоколебимы. Это единственный город в Северной Италии, где не было восстаний и вторжений. Папа сравнил ее с «великим кораблем, который не боится ни судьбы, ни волнения ветров». Тогда и появилось то, что со временем стало называться венецианским мифом. Древность и древняя свобода Венеции прославлены венецианскими историографами; новые общественные здания одели ее в славу. Венецианскую республику, свободную от внутренних распрей и ведомую мудрыми советниками, считали бессмертной. Она превратила себя в город мира, в город искусства. Даже когда ее морское могуще-

ство стало постепенно приходить в упадок, Дух города проявил себя иначе — в произведениях Беллини, Тициана и Тинторетто, появившихся, когда влияние Венеции начало слабеть.

Но можно ли говорить об упадке, когда город производит подобные богатства? Венеция просто изменила природу своей силы. Теперь она претендует на то, чтобы поражать — и ослеплять. Когда ее имперское могущество подошло к концу, ей стало жизненно важно впечатление, которое она производит на мир.

VII
Живой город



Глава 22
Тело и рост

Гуго фон Гофмансталь охарактеризовал архетипический город как «ландшафт, сотканный из самой жизни». Можно ли в свою очередь считать эту «жизнь» подлинно живительной силой? Правильно ли будет допустить, что Венеция росла и приобретала характерные черты в результате воздействия некоего бессознательного начала, которое представляет собой нечто большее, чем механическую сумму обитателей города? Большее, чем просто сообщество людей?

К XVI столетию Венецию часто сравнивали с телом человека, чья «голова расположена на берегу, а часть, что протягивается к морю, представляет собой руки». Кровеносными сосудами этого тела были каналы. Сердце располагалось в городском центре. Так писал в 1549 году Кристофоро Саббадино. Предполагалось, что Венеция как бы смотрит в сторону моря. Джеймс Хауэлл утверждал, что ни один чужеземный князь никогда не приближался к ее сокровенным частям. Где же находились эти «сокровенные части»

города? По-видимому, подразумевались Дворец дожей и базилика.

Как бы там ни было, приведенные цитаты лишь подтверждают мнение или интуитивную догадку, что Венеция представляет собой живой организм, который растет и изменяется по собственным законам. Действительно ли она живет и выживает при содействии некоей внутренней, глубинной силы, которую пока невозможно ни объяснить, ни даже описать? Город поглощал острова, которые служили основой его существования, питался благодаря собственной пищеварительной системе, которую составляли каналы и другие водоводы. Все живое стремится к выражению собственной природы, собственного естества; так листья на дереве обретают индивидуальную форму. Точно так же, благодаря смутным инстинктам и постепенному накоплению общественных желаний, росла и Венеция. Именно поэтому каждая часть города — ее топография, состав, местные институты — является отражением целого. Нервные функции города тоже взаимозависимы. Те, кто приезжает в Венецию впервые, не могут не заметить, что у города есть вполне определенный характер. Генри Джеймс, отличавшийся особой чувстви-

тельностью в отношении мельчайших деталей, говорил, что Венеция «как будто персонифицирует самое себя, становится почти по-человечески разумной и сознательной, остро чувствует вашу любовь». Джеймсу это казалось безобидным, интересным и немного печальным.

Подчиняет ли город жизни и привязанности людей, его населяющих? Венеция очень стара и настолько опутана обычаями и устоявшимися традициями, что о ее жителях можно сказать: они будто вписаны в сложившиеся ритмы городской жизни. Венецианцев часто сравнивают с актерами, каждый из которых исполняет свою роль. На картинах, изображающих жизнь Венеции, город становится как бы главенствующим персонажем, по сравнению с которым люди кажутся карликами. Нередко приходится слышать мнение, что Венецию нельзя осовременить. Правильнее было бы сказать — она не желает становиться современной. Всем подобным попыткам она станет противиться любыми доступными способами.

На нижней части фасада палаццо Дарио на Большом канале владелец распорядился сделать надпись на латыни: «Джованни Дарио — Духу города». Что же составляет *Genius loci* Венеции, если таковой действительно существует? Есть

ли у нее собственное божество? В других городах поклонение общественным ценностям часто шло рука об руку с обожествлением места и почитанием мертвых. На заре существования Венеции мертвецов обычно хоронили на приходских *campo*; таким образом новые и новые поколения венецианцев ходили буквально по костям собственных предков. Пожалуй, ничто не способно внушить горожанину большего благоговения, чем возможность оказаться на том месте, где когда-то был основан его приход. Кроме того, присутствие останков придавало более глубокий смысл владению землей в чисто территориальном смысле. Ни один чужак не должен был завладеть землей, в которой погребены родные кости. Не исключено, кстати, что в этом кроется ключ к разгадке происхождения городов вообще. Все они начинались как кладбища.

Первоначально Венеция была деревянной. В ней было столько *marangoni* (плотников), что большой колокол колокольни на площади Святого Марка назвали в их честь. Город состоял из деревянных многоквартирных домов, немногочисленных площадей, деревянных церквей, каналов, причальных лестниц и наплавных мостов, соединявших между собой острова. Тем

не менее уже тогда начался процесс, в конечном итоге сформировавший современную Венецию: создавалась обширная сеть приходов со своей церковью в каждом, причем приходы активно взаимодействовали между собой. Между смежными островами наводились деревянные мосты, по заболоченным участкам прокладывались деревянные тротуары.

В XI столетии эта работа стала еще интенсивнее и масштабнее. Благодаря главным образом частной инициативе (и в меньшей степени — реализации коммунальных проектов) засыпались или мостились пруды и болота, что позволяло осваивать все доступные земельные участки. Правительство систематизировало сложившиеся приходы, определяя, таким образом, ядро, на базе которого происходил дальнейший рост города. В начале XII столетия появились предложения устроить большой рынок в Риальто, разбить обширный муниципальный сквер перед Дворцом дожей, построить Арсенал для обслуживания венецианского флота. Общественные работы изменили облик города и определили вид, который он в конце концов должен был принять. Изредка случались наводнения, пожары, землетрясения; так в 1106 году сильнейший пожар уничтожил

почти всю деревянную Венецию, но процесс ее преобразования уже нельзя было ни остановить, ни повернуть вспять. В истории города было немало пожаров, но каждый раз он вставал из руин обновленным. Венеция продолжала расти и развиваться так, словно и впрямь была живым организмом.

К XIII веку венецианское государство начало работы по мелиорации земель. Город был признан территорией общего пользования, а не конгломератом отдельных общин, и правительство сделалось владельцем-распорядителем водных и земельных ресурсов. Были назначены смотрители набережных, улиц, каналов. Впоследствии они составили городскую комиссию, представители которой имелись в каждом церковном приходе. Правительство определяло, какие каналы дозволяется использовать для транспортировки леса. Красильщикам разрешалось использовать только воду лагуны, но не городских каналов. Так началось создание венецианского городского законодательства, определявшего и регламентировавшего все аспекты жизни города. Появилась служба удаления отходов. Многие улицы были впервые вымощены плиткой или брусчаткой. В 1264 году в Риальто

был построен первый постоянный мост через Большой канал. Непрекращающийся рост и совершенствование муниципальных механизмов и городской инфраструктуры продолжались до середины XIV столетия. К этому времени численность населения Венеции достигла ста тысяч человек, благодаря чему она стала одним из самых густонаселенных европейских городов. Были спланированы основные улицы, построены новые набережные и мосты, в 1340 году было одобрено возведение нового здания для заседаний Большого городского совета. К этому времени началось строительство нескольких соборов и церквей, в их числе были Санта-Мария Глориоза деи Фрари, базилика Санти-Джованни э Паоло, Санта-Мария делла Карита, Сан-Альвизе и Мадонна дель Орто. Прокладывались новые улицы. Было основано общественное зернохранилище.

В середине XIV столетия градостроительная работа несколько замедлилась, что было вызвано эпидемией чумы, или Черной смерти, унесшей немало жизней, однако уже к началу XV века снова начинаются масштабные работы по благоустройству города. Венеция так и развивалась — волнами, когда температура города неожиданно повышалась в результате очередного

приступа лихорадочной активности. (Следует заметить, что когда речь идет о Венеции, соблазн использования медицинских терминов велик.) В этот период было возведено около двух сотен новых дворцов, многие из которых до сих пор стоят на берегах Большого канала. Средневековый деревянный город наконец-то уступил место городу эпохи Возрождения. Процесс этот был завершен в XVI столетии, обретя, так сказать, воплощение в камне. Первым шагом на пути осуществления тщательно продуманной программы общественных работ по превращению Венеции во второй Рим и с точки зрения влияния, и с точки зрения красоты и величия стало назначение в 1527 году Якопо Сансовино главным городским архитектором. Первый генеральный план развития города датируется 1557 годом; среди прочих вещей он предусматривал строительство вокруг города дамбы из истрийского камня. Венеция сделалась тем, что Льюис Мамфорд в книге «Город в истории» назвал абсолютным городом. Она стала своего рода плацдармом для неуклонного распространения мифа о Венеции как о неколебимой и несокрушимой форме государственного устройства. Труды Палладио в середине XVI века еще больше украсили город, который больше не был

намерен меняться по собственной воле. Зодчий заново изобрел форму венецианской сакральной архитектуры, реализованную им в соборе Сан-Джорджо Маджоре и церкви Иль Реденторе. После этого городу необходимо было только одно — закладка первого камня в основание моста через Большой канал в Риальто, состоявшаяся в 1585 году. Этим фактически и завершилось создание Венеции.

Все же, несмотря на бьющее в глаза великолепие, Венеция во многих отношениях оставалась провинциальным городом. Она подразделялась на районы, которые, в свою очередь, дробились на более мелкие городские образования. Самыми большими районами были Сан-Марко и Риальто, граница между ними проходила по Большому каналу. Затем шли шесть городских *sestieri*, границы которых были установлены в XII столетии; в обиходной речи их еще в конце XIX века называли землячествами — существовали, к примеру, землячество Кастелло и землячество Каннареджо. Хорейшо Браун в своей «Жизни в лагуне» (1909) отмечал, что жители различных кварталов города «отличаются друг от друга телосложением и чертами лица»; разнилась также их манера разговаривать. Обитатели разных районов города

могли говорить даже на разных диалектах.

Каждый район состоял из приходов. Приход являлся важнейшим, основополагающим звеном венецианского общества; в официальных документах представители *popolani* именовали себя как было заведено в их приходах. В каждом приходе были свои фестивали, свои праздники, а приходской священник выбирался проживающими в районе свободными собственниками. В каждом приходе имелись небольшие рынки, а церковь служила местным жителям убежищем во время бедствий. Многие приходы специализировались на определенном ремесле. Приход, таким образом, являлся не только духовной, но и административной единицей. Обычным явлением было соперничество между приходами. Индивидуальные отличия каждого прихода были полностью сформированы и закреплены в общественном сознании. И если не по административному делению, то по духу город, основанный на множестве островов, сохранял территориальные различия.

Центром прихода служила *campo*. Она находилась перед церковью и когда-то представляла собой приходское кладбище или погост. На *campo* или на ближайшей улочке располагались лавки

зеленщика, продавца фруктов, бакалейно-гастрономический магазин, лавка макаронных изделий, кофейня, парикмахерская и другие необходимые торговые точки, начиная с торговли тканями и заканчивая плотницкой мастерской. Приход был самодостаточной административной единицей — с собственным колодцем с красивым резным навесом, куда местные женщины ходили посплетничать. Можно даже сказать, что каждый приход представлял собой Венецию в миниатюре. И если такая вещь, как Дух места, действительно существует, ее все еще можно отыскать в венецианских приходах.

Дома в Венеции стояли тесно. Жители приходов прекрасно знали, кто из соседей чем занимается. Чужаков замечали быстро. Иными словами, город был вдоль и поперек пересечен вполне конкретными границами. Перейти из одного района — или из одного прихода — в соседний было все равно что попасть в другой город. Жители одного района могли не знать расположения улиц у соседей. Существовали такие части города, в которых многие венецианцы — если не большинство — никогда не бывали. Часто случалось, что горожанин за всю жизнь ни разу не выходил за пределы своего *sestiere*. Некоторые венецианцы

никогда не бывали на площади Святого Марка. Автору рассказывали о недавно скончавшейся (в возрасте ста лет) венецианке, которая за долгую жизнь посетила эту площадь всего дважды.

Границами — и пограничными линиями между районами города — служат каналы. В основном они представляют собой древние ручьи и реки, которые когда-то протекали по этой местности; к примеру, водное пространство, отделяющее Джудекку от остального города, когда-то было устьем реки Бренты. В Венеции насчитывается сто семьдесят каналов, которые, то наполняясь водой, то мелея в зависимости от прилива или отлива, тянутся почти на сто километров. Протяженность Большого канала составляет почти четыре километра. По одним каналам разрешается движение только в одну сторону, другие же позволяют организовать двустороннее движение; часть каналов представляют собой не имеющие сквозного прохода тупики.

Похоже, обилие воды повлияло на характер венецианцев так же сильно, как и сам город. Считается, что присутствие текущей воды вселяет в душу человека мир и покой и делает его уравновешенным. Кроме того, водные преграды не позволяют людям быстро собираться в

одном месте в случае возникновения волнений и беспорядков. Так что именно обилие каналов обеспечило Венеции покой.

Если каналы являются символом разделения города, то объединяют его, безусловно, мосты. В Венеции более четырехсот пятидесяти мостов, служащих связующим звеном между приходами. Многие из них имеют собственные почетные наименования или прозвища — к примеру, Мост кулаков, Мост наемных убийц или Мост честной женщины. Венецианские мосты часто служили местом битв — или местами любовных свиданий. Самые ранние из них представляли собой деревянные мостки, положенные на опоры или на корпуса лодок; первый каменный мост появился в Венеции не ранее второй половины XII столетия.

Широкое строительство каменных мостов началось только в XVI веке, когда деревянные конструкции в массовом порядке заменялись более прочными и долговечными каменными. Новые мосты круто поднимались к центральной высшей точке и к тому же не имели ни парапетов, ни ограждений, так что пешеход или всадник, желавший пересечь такой мост, должен был обладать бесстрашием и ловкостью. Следует ска-

зать, что строительство мостов в Венеции еще не закончено. Сравнительно недавно через Большой канал был возведен еще один мост, связавший транспортные узлы, расположенные в западной части города.

Из множества разнообразных и разноразмерных приходов, районов и землячеств чудесным образом складывается облик великолепного, легко узнаваемого города. Из различий вырастает тождество, из частей — связанных и несвязанных — складывается целое. Таков, пожалуй, главный секрет жизни города. Путешественнику, подъезжающему к Венецианскому *bacino* (водоему), открывается вид на две колонны из восточного гранита, возвышающиеся над площадью подобно часовым. На вершине ближайшей к Дворцу дожей колонны установлена статуя льва, символизирующая Святого Марка. Издали этот ансамбль выглядит превосходно. На самом деле он составлен из нескольких частей, выполненных в разное время и скрепленных металлическими скобами. Истинный возраст отдельных фрагментов точно неизвестен, однако большинство из них может быть датировано концом XII столетия. Крылья льва отреставрированы; в оригинале они состояли из отдельных перьев. Так — то ли по наитию,

то ли под воздействием осознанной необходимости — создатели колонны, соединившие в одно целое различные фрагменты львиной статуи, воспроизвели в символической форме процесс развития города.

Вторую колонну венчает фигура Святого Теодора — первого святого покровителя Венеции. Если подойти ближе, можно заметить, что над его скульптурным изображением явно трудилась не одна рука. Голова святого высечена из паросского мрамора и, как считается, символизирует Митридата Понтийского; торс статуи явно имеет римское происхождение и относится к эпохе Адриана Великого, дракон — или крокодил — выполнен в ломбардском стиле XV столетия. В целом же изваяние представляет собой весьма удачный, хотя и редко встречающийся случай соединения в единое целое фрагментов, относящихся к различным историческим эпохам, и вполне заслуживает того, чтобы стоять на вершине колонны — в том числе как еще один символ Венеции.

Архитектура города имеет весьма разнородный и пестрый характер, ибо в нем соединились готический, греческий, тосканский и римский стили, а также стиль итальянского Возрождения. Их

комбинацию, в свою очередь, можно определить как собственно венецианский стиль, в котором сосуществуют, взаимно дополняя друг друга, различные архитектурные направления. Похоже, ключом к пониманию венецианского искусства является именно слияние. Оно, в частности, напоминает, насколько причудливо-разнообразным испокон веков был облик города, основанный на бессистемном накоплении объектов и материалов, а также отражает весьма эклектические вкусы его обитателей. Венеция не знает согласованности и единообразия. Именно поэтому для путешественника или туриста этот город может быть очень утомительным. Он просто не поддается истолкованию и интерпретации. С одного взгляда его не понять. Минареты здесь увенчаны крестами. Византийские колонны завершаются коринфскими капителями. Части одной статуи могут быть прикреплены к другой. Теофиль Готье, описывая собор Святого Марка, замечал, что «эта базилика, противоречащая самой идее пропорциональности, это невообразимое нагромождение колонн, капителей, барельефов, эмалей и мозаик, это невероятное смешение греческого, римского, византийского, арабского и готического стилей — производит тем не менее

впечатление бесконечно гармоничного целого». То есть большое количество фрагментов, как ни парадоксально, обретает смысл, только когда воспринимаешь их как единое целое.

«В Венеции, этом прекраснейшем из всех городов, — писал в 1537 году архитектор Себастьяно Серлио, — традиционно строят так, как не строят ни в одном другом итальянском городе». Это — островная архитектура. Это город, построенный на воде. Естественно, он должен быть другим. Здания Венеции отражают природу и характер города. Они являются порождениями или, лучше сказать, эманацией местности. Рёскин назвал свою великолепную работу «Камни Венеции». И действительно, камни — душа города.

Архитектуру Венеции отличают воздушное изящество, соразмерность и гармония. Она как бы отражает самые сильные стремления и чаяния горожан. Вот почему венецианская манера с ее заглубленными центральными окнами, чередованием ниш и теней, украшенными орнаментом поверхностями, сочетанием разнообразных стилей, склонностью к плавным линиям и обтекаемым формам, кружевом сводчатых галерей и особым стремлением подчеркнуть свет и пространство, уникальна и легко узнава-

ема. Особый упор делается не на вертикальные, а на горизонтальные формы и очертания, как бы сливающиеся с плоскостью залива. Фасады венецианских домов не являются несущими и производят впечатление великолепия, но не монументальности. Объем и размер дробятся посредством световых эффектов. Фасады буквально плывут в воздухе, словно они сами — великолепная иллюзия, волшебный мираж.

Каждое здание выглядит нагромождением мелких деталей, ни в коей мере не подчиненных некоей доминирующей архитектурной концепции. И в этом отношении венецианский стиль довольно практичен. Строителей города не смущала асимметричность; кроме того, они без колебаний соединяли стили, которые с исторической точки зрения отстояли друг от друга на сотню и более лет, а также укорачивали и удлиняли здания в зависимости от размеров и формы предназначенного для застройки участка. Особое внимание уделялось не столько согласованности элементов, сколько их разнообразию и контрасту. При строительстве одного здания могли быть использованы различные декоративные стили; произвольно менялись пропорции различных архитектурных ордеров. Подобный архитектурный

стиль характеризуется естественным изобилием. В нем нет ничего торжественного, помпезного, подавляющего.

Одной из основных архитектурных форм, широко распространенных в Венеции, был трехэтажный фасад с пилястрами; особенно много таких домов вдоль Большого канала. В доме подобного типа основное внимание уделяется внешнему виду, а вовсе не внутреннему устройству. Кажется, никому нет дела до того, что представляет собой сам дом, если фасад выглядит достаточно пышно. Венецию часто называют городом масок — отсюда и преувеличенная забота о том, как выглядит дом снаружи. Венецианская архитектура приобретает орнаментальный, преувеличенно декоративный характер с уклоном в некоторую почти живописную образность. Поверхности фасадов покрывались резьбой или облицовывались цветным мрамором, не пренебрегали строители и декоративными узорами, так что со стороны домовые фасады выглядели как обращенное в камень кружево.

Самый ранний архитектурный стиль города можно с некоторой натяжкой назвать византийским. Это стиль галерей и куполов, опирающихся на колонны полукруглых и обратных арок, а

также мозаик, служащих для украшения стен. Крытые куполами базилики Венеции строились на основе восточных образцов, купол которых как бы парит над кубическим пространством, служа его естественным продолжением и символизируя бесконечность. Византийский стиль доминировал в Венеции примерно с VII по XII век; в течение пяти сотен лет город копировал константинопольский образец. В конце XV — начале XVI века обновленный византийский стиль вернулся в Венецию.

В XIII–XIV веках венецианские градостроители обращали взор в основном на Запад, а не на Восток, что привело к появлению венецианского готического стиля. Знаменательно, что к концу этого периода Венеция готова была к завоеванию «сухопутной» империи на севере континентальной Италии. Теперь церкви строились со сводчатым нефом, хотя и оставались не слишком высокими, так как пропитанный водой грунт не мог выдержать слишком большой тяжести. Снова появился интерес к декоративной игре теней и сочетанию разнородных материалов, к использованию колонн и пилястров, широких порталов, трехлопастных арок, орнаментов в форме ажурных четырехлистников и двойных стрельчатых

окон. Это был стиль узоров и вычурных украшений, глубоко родственных венецианскому духу. Ассимилировав имперский стиль, он в то же время служил и средством самовыражения, и новым способом придать городу великолепный, величественный облик.

Готический стиль преобладал в XIV и XV веках и сохранялся отчасти даже в начале XVI столетия, придав городу черты, которые можно проследить и сейчас. Немало церквей в готическом стиле было выстроено на тех же местах, где некогда стояли их византийские предшественницы. Новые церкви возводили в знак поклонения другому Богу или, точнее, другой концепции Бога. Вместе с тем эта архитектура была не только духовной, но и светской. Большинство знаменитых дворцов и больших домов в Венеции построены в готическом стиле. Базилика Святого Марка представляет собой образец византийского стиля, а Дворец дожей — воплощение стиля готического.

К архитектуре венецианского Возрождения, которая сменила готический стиль, Рёскин относился с некоторым презрением. Он считал подобную архитектуру признаком заката и даже упадка. Классические колонны и фронтоны, а также абсолютная симметрия были чужды обра-

зу жизни и духу Венеции. Что общего было у этого города с античной классикой? Что общего было у Венеции с чистотой, строгостью и неизменным единообразием, служившими основой стиля Возрождения? Великие представители этого направления — Кодуччи, Сансовино и Палладио — даже не были венецианцами. На город они смотрели взглядом постороннего. Палладио и вовсе не нравилась традиционная венецианская архитектура, которую он считал лишенной *grazia* и *belezza* (грации и красоты). С другой стороны, существовало мнение, будто величественные здания и дворцы Палладио не подходят Венеции. Они, мол, в нее не вписываются. На самом деле Венеции к лицу все.

Некоторые характерные особенности венецианской архитектуры имеют собственную продолжительную историю. Семейные обиталища венецианцев всегда тяготели к простым образцам, и это была не самая привлекательная черта городской жизни. Типичный венецианский дом — место таинственное. Он нисколько не похож на просторные общественные здания, служащие средоточием городской жизни. Частный дом обычно невелик, тесен и темноват. В нем неохотно принимают гостей, туда редко пус-

кают посторонних. Самые первые деревянные дома имели, как правило, один этаж, причем жилые помещения окружали небольшой внутренний двор. Подобная тяга к закрытости была весьма характерной для Венеции, а присущий городу консерватизм обладал такой силой и живучестью, что к XIII веку полностью сложился главенствующий стереотип домашней планировки, определивший устройство многих домов, построенных и после этого времени.

Существовали и простые дома, имевшие два или три этажа с одной-двумя комнатами на каждом. Вдоль фасада тянулся деревянный балкон, а на плоской крыше размещалась *altana* (огороженная площадка). На этой открытой террасе венецианцы могли прогуливаться на свежем воздухе или наблюдать за согражданами, проходящими по улицам внизу. Окон, как правило, было немного, они загораживались тяжелыми ставнями или железными решетками. Окна большего размера были обращены во внутренний двор. Мебели в домах было мало, а та, что имелась, была богато украшена резьбой или декоративным орнаментом. Крыши предпочитались плоские. Пользовались популярностью дымовые трубы. Ставни красили в темно-зеленый цвет.

Никаких «венецианских жалюзи» в Венеции не было, как не было, разумеется, и подвалов.

В городе также хватало небольших домов с лавочками и магазинчиками, выходившими прямо на улицу. Тянулись ряды небольших стандартных домиков, в каждой комнате или на каждом этаже которых обитала одна семья. В некоторых районах такие дома стояли рядами друг напротив друга по обеим сторонам узкой улочки, напоминая, как ни удивительно, кварталы индустриальной застройки на северо-востоке Англии; единственным отличием был, пожалуй, колодец на середине улицы. В районах, где проживали рабочие, встречались *sottoportici* (похожие на тоннели проходы с арками).

Если архитектурные стили во всем их разнообразии и служили выражением Духа города — своеобразного и узнаваемого *Genius loci*, то это происходило скорее всего потому, что все они выросли на одном основании. Строительство в Венеции всегда было актом общинного противостояния природе. Под городскими водами залегает слой глины, грязи и песка. В него при помощи тяжелых падающих молотов забивались крепкие дубовые сваи, которые и служили опорами для будущих зданий. Глубина забивки

свай составляла три-пять метров от поверхности воды. На сваи укладывались поперечные балки; промежутки между ними заполнялись специальным раствором вроде цемента и битым камнем. Поверх деревянного каркаса устраивался настил из толстых досок, которые дополнительно утапливались в растворе; они-то и становились подлинным основанием, на котором возводился город. Поверх этого сооружения, которое фактически представляло собой большой деревянный плот, устраивался второй фундамент, находившийся на отметке от чуть больше полуметра до чуть больше метра ниже уровня воды во время прилива.

На этих фундаментах из окаменевшего дерева и выросла Венеция. Каким-то образом ей удается и сопротивляться природе, и использовать ее. Опорные сваи из могучих стволов дуба, вяза и лиственницы должны постоянно находиться под водой; при попадании на воздух они начали бы гнить. Вода, напротив, делает их невероятно крепкими и практически вечными. Такие сваи способны выдерживать огромный вес. К примеру, колокольня на площади Святого Марка весит около четырнадцати тысяч четырехсот тонн, однако ее поддерживают все те же деревянные

сваи. Мост Риальто опирается на двенадцать тысяч свай из мореного вяза. Фундаментом собора Санта-Мария делла Салюте служат миллион сто пятьдесят шесть тысяч шестьсот пятьдесят семь свай из дуба и лиственницы, причем вес самого здания придает им дополнительную устойчивость. Впрочем, о полной жесткости подобных опор не может быть и речи — в водах лагуны это просто невозможно. Сваи обладают незначительной подвижностью, но устойчивости не теряют и не обрушиваются. Многие из них простояли более тысячи лет.

До нас дошла песня, которую еще в 1069 году пели рабочие, забивавшие сваи. Ее вариант был записан неким англичанином в XIX веке:

Махни-ка сильнее!
Ну-ка вверх!
Махни посильнее!
Выше давай!

Основные строительные материалы в Венеции — дерево и кирпич; камень используется в основном для отделки. На уровне воды выкладывается фундамент из истрийского камня, который непроницаем для влаги. Рёскин описывал этот камень, который добывается на материке (в

самой Венеции, разумеется, нет своих карьеров), как «гладкие, блестящие, точно морская вода, каменные пластины, которые звенят под ударами молота, будто бронзовые колокола». На каменном фундаменте возводятся стены из кирпича, покрытого штукатуркой, так что церковь или дом тоже начинают блестеть. Отсутствие массивных каменных стен также придает строениям ни с чем не сравнимую легкость, воздушность. Благодаря этому Венеция производит впечатление плавучего города.

В Галерее Академии картина Тициана «Введение во храм Девы Марии» (1534–1538) висит на стене, которая когда-то была частью холла *albergo* (благородного братства); на переднем плане картины изображена величественная лестница, по которой поднимается юная Дева. Стороннему наблюдателю может показаться, будто лестница покидает рамки холста и продолжается в реальном мире, так как слева от полотна расположена башенная лестница самого *albergo*, которая, в свою очередь, словно вторгается в художественное пространство картины. Кроме того, среди людей, окружающих Богородицу, видны узнаваемые персонажи — это члены того самого братства. Для венецианской живописи вообще

характерно включать в сюжет местные приметы и подробности. Так, задняя стена во «Введении…» сложена из белых и розовых кирпичей, расположенных ромбом, что является прозрачной отсылкой к фасаду Дворца дожей.

Когда в конце XV века Карпаччо в цикле картин о Святой Урсуле понадобилось написать Кёльн, он просто изобразил Арсенал, расположенный в районе Кастелло. Тинторетто регулярно использовал площадь Святого Марка в качестве декорации для библейских чудес. Дома бедняков и магазины на его полотнах срисованы с венецианских интерьеров. Тинторетто поместил своего современника Аретино в толпу людей, наблюдающих за распятием (1565). Изображенный на картине Веронезе «Чудо Святого Пантелеймона» (1587) старик, держащий на руках чудесным образом исцеленного младенца, на самом деле — приходской священник церкви Сан-Панталон, который когда-то заказал живописцу эту работу. И снова следует заметить, что это вовсе не попытка прославить конкретного человека; напротив, оказываясь среди удостоившихся божественной благодати людей, он тем самым свидетельствует о благословении, лежащем и на самом городе.

Когда Тициан изображал упомянутый в Еванге-

лии от Луки чудесный лов рыбы, он позаботился о том, чтобы рыбаки стояли в позах, характерных для венецианских гондольеров. Считается, что на всех картинах, написанных на новозаветные сюжеты, Тинторетто заставлял апостолов жестикулировать так, как венецианские лодочники. На картине «Патриарх Градо исцеляет одержимого у моста Риальто» (1494) Карпаччо во всех подробностях изобразил и деревянный мост, и вывеску таверны «Осетр», и дома по обеим сторонам Большого канала, и членов братства, официальным художником которого он был, благодаря чему полотно со всеми его кирпичными стенами, балконами и дымоходами становится настоящим гимном поэтике городского пейзажа. Венецианские живописцы чаще, чем какие-либо другие художники мира, изображали на своих картинах родной город. И никогда прежде ни один город и люди, его населяющие, не оказывали столь сильного влияния на художественную традицию.

Глава 23
Просвещение и язык

Ренессанс пришел в Венецию сравнительно поздно. Возрождение гуманистической литературы и классического образования проникало в город медленно, спастически, и это было вполне объяснимо: венецианская почва вряд ли была благоприятной для этого процесса. Граждане Венеции никогда не отличались стремлением к знаниям или к образованию ради образования. Отвлеченные исследования были чужды им в той же степени, что и абстрактное теоретизирование. Еще в 1404 году итальянский гуманист Джованни Конверсино, проживавший на материке, писал, обращаясь к венецианцам: «Даже если бы вы вдруг захотели стать учеными, у вас ничего бы не вышло; все, чем вы владеете, вы добыли с помощью тяжелой работы, таланта и умения рисковать». Действительно, сама необходимость постоянной борьбы за существование неизбежно отодвигает абстрактные принципы на второй план. Кроме того, не исключено, что Венеция не участвовала в итальянском Возрождении по

той простой причине, что никогда не принадлежала к континентальной Италии, на земле которой расцветали классическое искусство и литература. Можно даже сказать, что литература никогда не была частью фундамента, на который опирался город.

Молодые аристократы вполне ожидаемо получали подготовку в области практики государственного управления. И если они обучались греческому — языку, ставшему одной из основ нового гуманизма, — то только для того, чтобы управлять греческими колониями Венеции. Чем же занимались просвещенные вожди города? Кодификацией законов и составлением государственных документов. Гуманизм в целом был поставлен на службу администрированию; признанные авторитеты в области образования были также лидерами Сената или Большого совета, чьей главной заботой было создание политических механизмов, способных поддерживать сложившуюся в городе политическую систему. В эту городскую элиту входили в основном судьи-магистраты, дипломатические посланники и даже дожи. В конце XV — начале XVI столетия шли горячие споры относительно взаимоисключающих требований активного и

созерцательного подхода к жизни в христианской истории. Венецианцы были сторонниками активной жизненной позиции. Для них Божественное провидение было вопросом чисто политическим.

Если венецианцы и создавали какие-то тексты, то они были посвящены конкретным проблемам и обстоятельствам; теоретический контекст, если его можно так назвать, был посвящен исключительно прославлению венецианского государства. Единственная история, которая их по-настоящему занимала, была историей их города. Не появлялось книг, которые подвергали бы сомнению установившуюся политическую или экономическую традицию, ни в одном сочинении не воспевались индивидуальные поиски красоты и гармонии и ни одна строка не пылала чистым пламенем философии чувственного познания. В этой области преобладали строгость, суровость, сдержанность. И если во Флоренции движение неоплатонизма имело немало приверженцев, чье страстное увлечение этим учением граничило с религиозным фанатизмом, то в Венеции интерес к Платону объяснялся лишь формальным уважением к авторитету классика. В городе были, разумеется, коллекционеры, соби-

равшие монеты, рукописи и иные древности, но ими владела скорее страсть собирательства, а не желание узнавать. По сути, это были торговцы, а не исследователи.

Когда знаменитый ученый, кардинал Виссарион, приехал в Венецию, красота города произвела на него столь сильное впечатление, что он оставил в дар венецианскому государству собрание редких книг и рукописей. Ящики с бесценными фолиантами сложили во Дворце дожей, откуда часть из них была украдена или продана. Остатки коллекции собирали пыль еще в течение восьми десятков лет. Кардинал Виссарион завещал свои книги городу за четыре года до смерти (умер в 1472 году), но библиотеку для их хранения построили только в 1550-х. Петрарка, которого часто называют отцом гуманизма, в 1374 году оставил государству часть своего собрания книг. В 1635 году его рукописи были найдены сваленными в кучу в комнатке над главным входом в базилику Святого Марка. Часть рукописей пострадала от времени и сырости.

В Венеции не было и университета. Когда речь идет о городах-государствах, отсутствие такового может показаться случайным, однако весьма важен тот факт, что университета не было ни

в Лондоне, ни в большинстве других крупных деловых и торговых центров. Несмотря на это, было бы неверно констатировать полную гибель системы образования. Для людей, наделенных пытливым умом, существовали школы и даже академии. Основными преподававшимися там предметами были математика, география, физика, астрономия, тригонометрия и астрология. Важным предметом была и ботаника — с упором на садоводство. Нужды образования обслуживали также общественные лекторы, внештатные школьные преподаватели и частные наставники. В 1460 году была основана Школа риторики, которая могла бы улучшить культуру устной речи горожан. В каждом из шести *sestieri* имелся специалист по грамматике. В домах некоторых аристократов создавались небольшие школы; неизвестно, однако, какой именно уровень образования они обеспечивали. Бесспорно, впрочем, что к концу XVI столетия значительная часть населения — до одной четвертой жителей города — умела писать и считать. С другой стороны, ни достаточно высокого уровня, ни особого качества от венецианского образования ожидать не приходилось. Собственно говоря, единственным его предназначением было повышение эффектив-

ности государственного управления. Развивать образование, говорил в XV веке своему сыну некий аристократ, следует «ради вящей славы своей страны и ради славы и преумножения нашего рода».

Венеция всегда была городом клубов, обществ и братств, каждое из которых представляло собой государство в миниатюре — каждое со своими руководителями, праздниками, фестивалями. Кроме того, в городе существовало тридцать или больше академий, где наиболее образованные венецианцы могли собираться и беседовать. Среди них были Академия философов и Академия дворян, находившиеся на острове Джудекка; подобный подход был вполне оправдан, аристократы получали таким образом возможность на время оставить политические учреждения и коммерческие центры, и обсудить материи более возвышенные. География лагуны, с точки зрения венецианцев, также имела весьма важное значение.

Существовали и так называемые салоны — и официальные, и неформальные, в которых ученые и интеллектуалы могли свободно общаться с представителями наиболее значимых аристократических семейств. Зачастую эти салоны

становились центрами меценатства; в городе, склонном к следованию моде во всех сферах жизни, они служили и своего рода рынками, где предлагались и распространялись самые новые идеи и фантазии. Особой популярностью пользовались пение, декламация стихов, игра на музыкальных инструментах, порой даже танцы. Однако сейчас невозможно сказать наверняка, насколько информация, которой обменивались посетители салонов, была выше банальных сплетен и слухов разной степени достоверности.

Одним из самых известных итальянских ученых, кого очаровала Венеция, был Галилео Галилей. В двадцать восемь лет власти города назначили его ведущим лектором по математическим наукам в университете Падуи, бывшей в те времена венецианской колонией. На этом посту он провел восемнадцать лет. Занимаясь теоретическими и прикладными науками, Галилей изобрел термометр и телескоп, причем его обращения к властям Венеции с просьбой о покровительстве были подкреплены вескими аргументами практического плана: ученый очень хорошо изучил характер города. Когда в 1609 году Галилей сконструировал первый телескоп, он писал правящему дожу, что это устройство

способно «принести неоценимую пользу в любом деле как на суше, так и на море, ибо с его помощью можно обнаруживать вражеские суда и их паруса на расстоянии значительно большем, чем обычно». Возможности своего изобретения Галилей продемонстрировал с крыши колокольни на площади Святого Марка, что произвело весьма сильное впечатление на представителей городского управления. Через несколько недель Галилей получил пожизненный титул профессора астрономии с содержанием, втрое превышавшим размер платы, когда-либо назначавшейся университетскому преподавателю.

Мы, таким образом, можем отметить практическую сметку венецианцев. В этом городе не было пассивных созерцателей. Венеция не дала миру ни Платона, ни Макиавелли. Здесь не любили мечтать об утопиях и не задумывались о теориях и догмах. Жители города мало интересовались чистой и систематической наукой как таковыми; для венецианцев ключом к истине было эмпирическое знание. Именно опыт, а не исследование закономерностей, был для них горнилом, в котором выплавлялись те или иные решения. В этом отношении, кстати, венецианцы стоят довольно близко к английскому практическому гению. Их

здравый смысл и способность адаптироваться к любой ситуации были общеизвестными; в дипломатических переговорах они умели находить компромисс и примирять между собой различные точки зрения. В любых мирских делах венецианцы демонстрировали эффективность и отсутствие сентиментальности.

Да, в городе не было создано сколько-нибудь значительных поэтических произведений, зато он прославился исследованиями по гидростатике, географии, гидравлике и астрономии. В таких сугубо практических отраслях, как изготовление стекла и инструментов, венецианцы также проявили завидную практическую сметку. Именно они изобрели мольберт и статистику, но, пожалуй, самым значительным интеллектуальным достижением венецианцев стало практическое книгопечатание. Иоганн Гутенберг создал европейский способ книгопечатания подвижными литерами в середине 1440-х годов. А в Венеции первая лицензия на производство печатной продукции была выдана в 1469 году; венецианский Сенат решил, что «это замечательное изобретение нашего времени, совершенно неизвестное в прошлом, подлежит самому широкому внедрению и усовершенствованию». И в этом

венецианские сенаторы опередили английского первопечатника Уильяма Кэкстона.

Городские власти очень своевременно поняли коммерческую перспективу новой технологии, и город быстро превратился в крупный центр европейского книгопечатания. В 1486 году для отдельных печатных изданий власти ввели привилегию копирайта, что гарантировало владельцам типографий получение прибыли. Это был первый в мире случай законодательного закрепления авторского права. Венецианские банкиры с удовольствием финансировали создание новых печатных предприятий. Бумага тоже была своей — она поступала из района озера Гарда, находившегося на венецианской территории. Налицо, таким образом, были все условия для массового производства и, как сказали бы в наши дни, для массового маркетинга. Действительно, книгопечатание было первой технологией серийного производства, позволявшей создавать одинаковые объекты, обладавшие одинаковой стоимостью. Было только справедливо и естественно, что именно Венеция стала пионером нового вида бизнеса. Уже в 1474 году город был полон книг. Кажется, даже во времена Контрреформации осуществляемая венецианскими

властями цензура была не такой жесткой, как в других итальянских городах-государствах. В начале XVII столетия в Венеции насчитывалось почти две сотни типографий, производивших около одной шестой всех выпускавшихся в Европе книг.

Венеция производила великолепные книги, но не литературу. Самый известный венецианский печатник Альд Мануций когда-то был странствующим ученым в Бассанио в окрестностях Рима. В Венецию он прибыл как лектор, но, несмотря на все свое образование, довольно скоро проникся царившим в городе коммерческим духом. Мануций сообразил, что его познания в области классической литературы можно упаковать в красивые обложки и продать, как продается упакованный в коробки изюм. В 1494 году он основал типографию для издания текстов на греческом. В этой работе ему помогали греческие ученые, бежавшие из гибнущей Византии с грузом классической филологии в головах; впрочем, с собой они прихватили наиболее ценные рукописи и комментарии. Так, фактически случайно, Венеция стала форпостом возрождающегося просвещения. Коммерческая жилка венецианцев неожиданно принесла богатые плоды в интел-

лектуальной сфере.

Летом 1502 года появилось издание пьес Софокла с выходными данными *Venetiis in Aldi Romani*, открывшее серию тщательно отредактированных изданий наиболее авторитетных греческих авторов. Очень красивыми были шрифты — греческий, латинский, еврейский; многие из них используются и по сию пору. Рукописи набирались очень аккуратно, причем шрифты изяществом зачастую соперничали с каллиграфическим почерком, каким был написан оригинал. Типографии превращались в академии, нанимавшие приезжавших в город ученых для редактирования текстов и вычитки готовых отпечатков. Греческих ученых охотно брали на работу и в качестве наборщиков.

Так постепенно рос и расширялся Альдийский кружок, ставивший задачей распространение знаний; основным языком общения внутри кружка был греческий, что позволяло Мануцию говорить о Венеции как о новых Афинах. Членами кружка были Эразм Роттердамский и другие странствующие ученые и гуманисты; впоследствии Эразм вспоминал, что работники, числом около тридцати трех, спали прямо в типографии; пища, которую они получали, показалась ему

скудной, а вино — кислым.

Альд Мануций часто общался с венецианскими аристократами, считавшими себя покровителями наук, которые были убеждены в том, что деятельность издателя способствует еще большему прославлению Венеции. Впрочем, со временем гостей, желавших переговорить с Мануцием, стало так много, что он поместил у своего дома на углу *campo* Сан-Агостино такое объявление: «Кем бы вы ни были, Альд настоятельно просит излагать ваше дело как можно короче и не задерживаться, если только вы не намерены оказать нам содействие, подобно Геркулесу, предложившему помощь усталому Атласу. И для вас, и для любого, кто последует вашему примеру, работа всегда найдется».

Между тем превращение науки и знаний в товар имело и другие последствия. Утверждалось, к примеру, что изобилие книг сделало людей менее трудолюбивыми. Приходилось слышать и жалобы на вульгарность новой технологии. Впрочем, в эпоху культурных перемен те, кто опирается на старые порядки, всегда испытывают обеспокоенность. Издательство Альда сделало важное дело, представив античных классиков широкой аудитории — его книги были меньше и

дешевле, чем любые другие издания. Некоторые ученые, однако, восприняли результаты его деятельности как угрозу собственному культурному превосходству.

Венецианские типографии с большим успехом выпускали также ноты, карты, медицинские атласы, распространяя новейшие знания по всей Европе. Публиковались книги по анатомии человека и искусству военной фортификации. В доступных дешевых брошюрах издавалась в Венеции и популярная литература назидательно-благочестивого и развлекательного (народные сказки, баллады) толка.

Похоже, именно печатное слово соединило самые разные общественные слои европейского общества, в противном случае отклик на учение Лютера не был бы столь широким и массовым. Новейшие географические карты способствовали складыванию более эффективной системы международной торговли. Коммерциализация знаний, будучи следствием гуманизма эпохи Возрождения, косвенным образом содействовала религиозной Реформации и Промышленной революции.

На самом деле у венецианцев был университет, только он находился в Падуе, захваченной

в 1404 году и расположенной в тридцати двух километрах западнее Венеции. Венецианским властям не хотелось, чтобы на территории города постоянно находились многочисленные студенты, для которых был характерен дух бунтарства и свободомыслия. Кроме того, власти были озабочены лояльностью городской молодежи, поэтому венецианцам запрещалось учиться где-либо еще, кроме Падуи. Отпрыски аристократических венецианских семейств вынуждены были отправляться в поисках образования на материк, где сталкивались с молодыми людьми из Великобритании, Германии, Польши и Венгрии. К XVI веку многие из этих иностранцев были уже последователями реформированной Церкви Лютера и Цвингли, однако их отступление от традиционной религии нисколько не беспокоило венецианские власти, которые привыкли иметь дело с разными верованиями.

Падуя славилась также юридическими и медицинскими школами, став, по словам Томаса Кориата, «весьма привлекательным местом, своего рода ярмарочным городом, где торгуют знаниями». Здесь имелись кафедра сельского хозяйства и ветеринарная школа, а также широко известное анатомическое отделение, которому

венецианские власти обеспечивали достаточное количество трупов. К середине XVI века Падуя была крупнейшим научным и образовательным центром Европы. В мире, где господствовали государственная религия и индивидуальное благочестие, она одна предлагала светское образование. Именно это и послужило фундаментом ее широкой популярности. Как писал в XVI веке некий венецианец, «мы ни во что не ставим знание вещей, в которых не испытываем необходимости».

Это было одной из причин, почему в отличие от таких видов художественного творчества, как музыка и живопись, в Венеции почти не развивалась литература. Для этого имелись и социально-политические, и чисто практические предпосылки. Литература задает вопросы и ставит проблемы, тогда как живопись и музыка утверждают и прославляют. Художественные тексты способны подорвать существующий порядок и даже спровоцировать революцию, тогда как изобразительное искусство и музыка вселяют в души людей стремление к гармонии и стабильности. Франческо Сагредо, венецианский аристократ и гуманист, который в начале XVII века был товарищем и помощником Галилея,

слыл человеком большой учености и ума, его свидетельство может дать нам ключ к пониманию венецианского гуманизма: «Я — венецианский дворянин, и никогда не стремился к славе ученого. У меня сложились добрые отношения со многими высокообразованными людьми, поэтому я всегда старался им помогать. Я, однако, никогда не считал, что знание философии и математики принесет мне богатство, известность и уважение скорее, чем моя честность и надлежащее управление делами республики».

Венеция на протяжении столетий притягивала многих знаменитых писателей, однако собственных литераторов город выпестовал не так уж много. Пожалуй, двумя самыми известными в этой области сыновьями Венеции были Марко Поло и Казанова, причем их произведения были, по сути, мемуарами.

Мемуары Казановы предлагают вниманию читателей жизнеописание человека, воплотившего Дух города. «Моим основным занятием в течение жизни всегда было услаждение собственных чувств, — писал Казанова. — Ничего более важного я никогда себе не представлял». Пожалуй, эти слова можно считать основным догматом, своего рода символом веры венецианцев. Зна-

ния, которыми владел Казанова, ни в малейшей степени не способствовали самоанализу, находя выражение лишь в бесконечной двойственности и театральности его характера. Несмотря на многочисленные случаи совращения и даже попытки насилия, Казанова не проявляет ни тени раскаяния; он даже не считает себя сколько-нибудь виноватым. Любая рефлексия или сожаления абсолютно ему чужды. Может показаться, что он, словно персонаж *comedia dell'arte,* обречен играть одну и ту же роль в каждом эпизоде, в каждой пьесе. Пожалуй, вовсе не удивительно, что история его заключения и побега из темницы Дворца дожей является важнейшим текстом в социальной истории Венеции; на самом деле Казанова находился в плену собственной не склонной к размышлениям и анализу натуры.

В венецианской литературе вообще трудно найти примеры самоанализа и самокритики. Подобная тематика просто не вызывала у читателей интереса, что является типичным для культуры, отвергающей любые проявления индивидуализма.

Оригинальная венецианская литература не была ни трагической, ни исповедальной. Известны несколько образчиков эпической поэзии,

причем довольно скучных. Поэзия не пользовалась в городе популярностью, что только еще раз подтверждает тот факт, сколь малое значение придавалось в обществе попыткам индивидуального самовыражения.

Сравнительно большим спросом пользовалась массовая литература, в том числе народные сказки и легенды, а также публицистика и исторические сочинения. Венецианская историческая традиция отличалась мрачностью, склонностью к детализации и чрезмерной заземленностью. Народная традиция активно использовала фантазию и предрассудки — чудеса, призраки и иные причудливые и эксцентрические элементы.

Как иначе объяснить невероятную популярность пьес Карло Гоцци, самой известной из которых считается «Любовь к трем апельсинам» (1761) — та, где из трех заколдованных плодов появляются прекрасные принцессы? Ее сюжет взят автором из сказки, которую какая-то старушка рассказывала детишкам на ночь. Гоцци утверждал, будто написал пьесу просто чтобы «доставить удовольствие неразумным венецианцам». По свидетельству итальянского критика Джузеппе Баретти, венецианская публика аплодировала на премьере «неистово и яростно», что

впоследствии дало ему основания утверждать в книге «Обычаи и традиции Италии», что «венецианцы… не отличаются особым усердием, когда речь идет о поисках истины; воображение нередко уносит их слишком далеко, тогда как здравый смысл продолжает крепко спать».

Драмы Гоцци были типичными фантазиями XVIII века — с волшебниками и чудовищами, конными рыцарями и дьяволом в красной одежде, и представляли собой странную смесь высокопарности и пародии, стенаний и фарса, продолжая венецианскую традицию *comedia dell'arte* в значительно более сентиментальном ключе. Эта драматическая форма и стала квинтэссенцией венецианской литературной культуры.

Большой интерес вызывали также эпистолярный и дневниковый жанры — можно было даже подумать, будто повседневная жизнь города имеет действительно важное, приоритетное значение. Делать записи — это в венецианском стиле. Множество городских аристократов вели дневники, в подробностях фиксируя каждодневные события, исписывая на протяжении жизни целые тома. При этом мало кто из них концентрировался на собственных мыслях и переживаниях, как свойственно большинству людей, ведущих

дневники. Нет, они записывали только происходившие в городе события, и не было мелочи, какую они сочли бы недостойной упоминания.

Один из таких хронистов, Марино Санудо, исписал мелким, убористым почерком более сорока тысяч страниц. Это еще один способ прославить и запечатлеть в веках возлюбленный город. Впрочем, на страницы подобных дневников просачивались и причудливые эпизоды из истории Венеции. 31 августа 1505 года Санудо записал: «Сегодня состоялась казнь албанца, который зверски убил Дзуана Марко. Сначала на Молочном мосту ему отрубили руку. Результатом этого стало довольно любопытное происшествие. Когда жена прощалась с преступником, он наклонился вперед, словно желая ее поцеловать — и вдруг откусил ей нос. Вероятно, именно жена донесла властям о его преступлении».

Если поэзии в Венеции было не слишком много, то совсем иначе обстояло дело с песнями. Впрочем, венецианские народные песни мало напоминают фольклорную традицию других народов, в которой речь часто идет о возвышенных, бессмертных чувствах; в них нет ни жалости, ни трагического начала, зато хватает пафоса и сентиментальности. «Заплакал бы ты, если бы я

умерла?» — спрашивает мать маленького ребенка. «Как могу я не плакать о своей мамочке, если в душе она так сильно меня любит?» — отвечает ребенок. Сентиментальность, враг истинного чувства, прекрасно подходит городу, предпочитающему носить маску. Народные песни, однако, часто бывают исполнены веселья и оптимизма, радости от удачно прожитого дня, что можно связать с традиционным меркантилизмом венецианцев. Встречается в них и практичность в сочетании с фантастическим. Некогда считалось, что народные песни не могут создаваться и сохраняться в городах, что они могут появляться только в сельской местности. Венеция опровергла этот пасторальный миф. В ее песнях много местного патриотизма, но нет политики; имеются также сатира и элементы непристойности. Подобно тому как в еде венецианцы склонны к «сладости и горечи», в их песнях мед смешан с уксусом.

Ни один город в мире не дал столько пословиц, сколько появилось в Венеции, жители которой умеют быстро найтись в любой ситуации и дать остроумный ответ. Немало устойчивых выражений отражает повседневную жизнь и культуру торгового порта. «Деньги — наша вторая кровь»

— с гордостью утверждается в одной из поговорок. Консерватизм венецианцев отражается, к примеру, в таких высказываниях: «Перемены нужны лишь тем, кому нечего терять»; «Первый грех — родиться с отчаянием в душе». Немало поговорок относится к уникальному местоположению и особенностям города, а также к особенностям характера его жителей: «В первую очередь венецианцы, и только потом — христиане»; «Владычица морей владеет и сушей»; «Как только появляется закон, находится способ его обойти»; «Венецианцы рождаются усталыми и живут, чтобы спать»; «Венеция — рай для священников и проституток»; произвести впечатление — наделать шуму — звучало как «утопиться в море»; «Тот, кто ищет помощи за игорным столом, обрастет волосами, как медведь»; «Богу мы нужны пусть искалеченными, но живыми»; «Вино — молоко стариков». Перечень можно продолжать бесконечно, но стоит вспомнить еще одну крылатую фразу: «Вспоминать пословицы — первый признак сумасшествия».

Любопытной особенностью венецианской культуры является и то, что она породила так называемую сказку о возвышении — разновидность народной литературы, в которой молодой

человек или девушка мечтают вырваться из нищеты и благодаря удачному браку (обычно с кем-то из членов королевской семьи) становятся безмерно богатыми. Это — волшебная сказка насквозь меркантильного общества, словесное воплощение его мечты о невозможном. Одна из таких историй, в которой рассказывается о Константино и его коте, известна в мире под названием «Кот в сапогах».

Существуют, однако, некоторые сложности с венецианским диалектом, на котором обычно написаны эти народные сказки. Местный говор никогда не считался серьезным, настоящим языком, способным быть языком искусства. К концу XIII столетия большинство произведений венецианской литературы писали на модном в те времена провансальском языке, что отражало существовавшую в тогдашней Венеции моду на готическую архитектуру. Этот литературный французский впоследствии трансформировался в разновидность франко-итальянского диалекта, на котором Марко Поло, находясь в 1298 году в генуэзской тюрьме, диктовал воспоминания о своем удивительном путешествии. Может показаться странным, что венецианцы предпочитали писать на французском, а не на итальянском,

однако существуют и более поздние примеры, способные до некоторой степени объяснить этот культурный феномен. В XIX веке высшее общество Российской империи говорило и писало исключительно на французском, полагая родной язык чересчур грубым, не приспособленным для изысканной речи.

В XVI веке венецианскому диалекту снова предпочли другой язык, на этот раз литературный тосканский, сформировавшийся примерно за три века до этого. Язык Данте — и Флоренции — сделался языком классической литературы. На венецианском создавались только популистские пьесы и популярные песни. Героические и исторические эпопеи появлялись исключительно на тосканском. Эталонами классического повествования служили Петрарка и Боккаччо, что еще больше утверждало превосходство чужого, архаичного языка над живостью и гибкостью местного диалекта. Это не так уж неожиданно, как может показаться. Бывало, что и в других культурах в высшей степени стилизованный или богослужебный язык превалировал над обиходным; письменный англо-саксонский очень отличался от разговорного английского.

Венецианский диалект, однако, довольно ши-

роко использовался для общественных нужд. Это был официальный язык городских властей и суда. Сами законы также составлялись и публиковались на венецианском. И, разумеется, этот диалект употреблялся — и употребляется до сих пор — жителями города. Он немного разнится в разных районах, но вместе с тем венецианский диалект постепенно стандартизируется и выравнивается, подобно остальным европейским языкам.

Все же язык это или диалект? Специалисты расходятся во мнениях. Но бесспорно, что разговорный венецианский имеет весьма древние корни. По сути, он представляет собой местный вариант поздней латыни, широко распространенной в первые века римского владычества. Местное население каждого района лагуны использовало этот общий язык на свой манер, поэтому фонетический строй венецианского диалекта несомненно был позаимствован у древних венетов, язык которых, конечно, намного старше итальянского.

Фонетический рисунок венецианского диалекта своеобразен. Считается, что морские туманы и северные ветра повлияли на тембр голосов венецианцев, так что они звучат теперь жестче

и грубее, чем голоса жителей остальной Италии. К примеру, звук тосканского языка в XVI веке был описан одним из венецианцев как «более сладостный и приятный слуху, более живой и плавный». С другой стороны, венецианский язык, служивший для выражения меркантильных устремлений меркантильного общества, был более энергичным и выразительным. Он мог звучать довольно громко — считалось, что у венецианцев самые громкие голоса во всей Италии. Он мог быть хриплым — в XIV веке Данте свидетельствовал, что голос некоей венецианской женщины звучал совсем как мужской. Он обладает своеобразной напевностью или певучестью, известной как *cantilena*.

Собственно фонетика венецианского также отличается от «стандартного» итальянского языка. *Madre* превращается в *mare, signore* становится *sior, figlio — fio*. Фразы и отдельные слова часто сливаются, так что название церкви Сан-Джованни Кризостомо звучит как Дзангризостомо. Многие венецианцы привычно проглатывали последний слог имен собственных; аристократическая фамилия Фальеро (представляющая собой преобразованное Фалетрус или Фаледро) звучала как Фальер. *Santo* превращалось в *San. Bello* зву-

чит как *beo, casa* — как *ca'*. Это, в свою очередь, способствует мелодическому сочетанию слов, к примеру *sotto il portico* звучит как *sottoportego*. Язык становится более быстрым и, возможно, более живым, чем остальные итальянские диалекты; ко всему прочему, венецианский весьма богат словами и выражениями, характерными для разговорной речи.

Экономия звуков в устной речи имеет еще один эффект. Многие наблюдатели отмечали некую инфантильность, детскость венецианского языка. Байрон характеризовал его как наивный, а Жорж Санд утверждала, что венецианский диалект создан будто для младенцев. Вместо превосходной степени в нем используется повтор прилагательных — так часто поступают дети, выкрикивая: *Bella bella!* — когда речь идет о чем-то очень красивом. Существительные во множественном числе согласуются с глаголом в единственном, что можно перевести примерно как «мальчики делает это», «девочки часто плачет» и т. д. Так что грамматика в венецианском диалекте не слишком строгая. Звонкие согласные оглушаются, *fagioli* превращается в *fasioi*. Звук *g* обычно чередуется с *z, doge* звучит как *doze*, а *zorno* означает *giorno*. Во многих отношениях

это довольно простой язык, которому не хватает утонченности, но это не делает его менее красивым.

Глава 24
Свет и цвет

Ее называли *Venecia la bella* (Прекрасной Венецией), несравненным соединением искусства и жизни. Византийский историк XV века сравнивал ее со скульптурой самых изысканных пропорций. Этот стоящий на воде город с самого начала был словно создан для того, чтобы его изображали на картинах и гравюрах. Некоторые утверждали, будто на холсте и на бумаге Венеция выглядит даже лучше, чем в действительности. На рисунках и полотнах, изображающих жизнь в Венеции — начиная с работ Якопо Беллини, созданных в середине XV столетия, и вплоть до Франческо Гварди, творившего в конце века XVIII, — окружение и архитектура города явно превалируют над его жителями. Физическое пространство и каменные фасады играют в городских пейзажах центральные роли. Кто помнит человеческие фигуры на картинах Каналетто? Даже на картинах, изображающих разного рода события, их участники и зрители являются деталями архитектурного ландшафта, зато дома и

фасады будто выражают гармонию и настроение людей. Камень как строительный материал является памятником человеческой созидательной воле, однако в процессе работы он сам порой оказывается объектом поклонения.

Обилие камня — стен, лестниц, балконов и ниш — особенно бросается в глаза на венецианских картинах.

Сам город выглядит так, словно его создавал художник, тщательно работавший над симметрией и контрастом, соизмерявший вертикальные и горизонтальные размеры и соединявший формы и цвета в гармоничное целое. Латинские элементы уравновешиваются греческими, готика сочетается с византийским, символизируя влияние различных империй и эпох. Оптические линии выглядят безупречно прямыми, словно на театральной или оперной сцене, перспектива слегка уменьшена, детали и украшения тщательно подобраны. Общественные здания расставлены в соответствии с популярной в эпоху Возрождения теорией чисел, так что аллеи и улицы приобретают мистическое, почти магическое очарование. Архитектура Венеции была еще одним проявлением могущества.

Городские картины Гварди известны под на-

званием *vedute* (виды), подчеркивая важность того, что главенствующую роль в Венеции играет зрение. Здесь все выставлено напоказ. Первый альбом венецианских видов, представлявших собой серию сравнительно недорогих эстампов, был издан в 1703 году. Многие поколения путешественников отмечали, что благодаря отсутствию в городе пыли древние церкви и большие дома выглядят относительно свежими и чистыми. Одной из причин обилия в Венеции балконов и террас была необходимость в наблюдательных пунктах, откуда можно было любоваться городскими пейзажами. Порой нелегко бывает понять, картины ли изображали окружающую действительность или, напротив, архитектура вдохновлялась живописными полотнами. На картине Тинторетто «Рай» (1579–1592), выставленной в Дворце дожей, фигуры Святых Теодора и Марка, а также Моисея и Христа расположены относительно друг друга в том же порядке, что и соответствующие городские храмы. Так гражданская эстетика обретает бессмертие в живописи. Публичное пространство становится художественным.

Венеция была весьма живописной не только с архитектурной точки зрения. Фасады и наруж-

ные стены ее главных зданий украшали фрески Тинторетто, Джорджоне и других. В древних городах настенная живопись вообще пользовалась невероятной популярностью, достаточно вспомнить относящиеся к Бронзовому веку фрески Кносса или стенные росписи, найденные в развалинах древнейшего в мире месопотамского города Чатал-Гуюк. Складывается ощущение, что сами условия городской жизни порождали в людях стремление к краскам и ярким картинам. В Венеции, городе во многих отношениях уникальном, это стремление воплотилось с особенной полнотой. Придворный герцога Бургундского, Филипп де Коммин, побывавший здесь в 1495 году, отмечал раскрашенные фасады лучших домов, стоявших по обоим берегам Большого канала, что дало ему основание назвать Венецию расписным городом.

В начале XVI века Пьетро Аретино описывал Венецию так, словно она сошла с полотен Тициана. «С тех пор как этот город был создан Господом, — писал он в 1537 году, — его еще никогда так не красила великолепная игра света и тени… О, сколь прекрасны мазки, с помощью которых кисть природы раздвигает воздух, освобождая место дворцам — совсем как на тициановских

пейзажах». Чередование света и тени «создавало эффекты легкости и глубины». Город превращается в живую картину, в самостоятельное и самоценное произведение искусства. Но если некий город становится произведением искусства, разве не перестает он быть живым? Джеймс Эббот Макнил Уистлер писал, что люди и дома Венеции «существуют, похоже, исключительно для того, чтобы быть запечатленными на чьих-то полотнах, и иного предназначения у них просто нет». В последнее время Венеция действительно жила именно такой жизнью, что заставляет задаваться вопросом, в какой степени городу удается оставаться самим собой.

Если мы представим Венецию как артефакт, как нечто созданное человеческими руками, а не обретенное, мы сумеем узнать о характере города кое-что еще. Города, расположенные на континенте — такие, к примеру, как Рим или Лондон, — были именно обретены. Они были частью естественного мира еще до того как обрели стены и ворота — были частью рельефа земли, а их превращение в города стало результатом деятельности сотен поколений людей. Венеция не такова. Она была буквально создана. Этот город — великолепная выдумка, плод вдохновенной

человеческой импровизации. С самого начала существования Венеция была искусственным образованием, результатом битвы с природой. Ее дома не выросли из земли — они были построены, возведены камень за камнем, кирпич за кирпичом. Города на континенте всегда были хотя бы отчасти оборонительными сооружениями. Город в лагуне изначально занимал защищенное положение, поэтому оборонительный инстинкт был вытеснен стремлением явить себя миру. Именно поэтому Венеция развивалась не по законам естественной эволюции — она была искусственной конструкцией, сохранить которую можно было лишь постоянным поддерживающим вмешательством.

Новейшие реставрационные работы демонстрируют истинную природу города как произведения искусства. Во второй половине XIX века Джамбаттиста Медуна и его преемник Пьетро Саккардо «отреставрировали» несколько значительных фрагментов базилики Святого Марка, включая южный и западный фасады: кривые линии были выпрямлены, старый мрамор заменен новым, выложенный фигурной плиткой пол левого придела был практически сделан заново, а не обновлен, колонны и капители были дочиста

выскоблены. В результате получилась фактически имитация или подражание средневековому архитектурному сооружению; теперь можно с полным правом говорить, что часть великолепного собора была построена в 1870-х и 1880-х годах, а не в XI веке. Понятно, что архитекторы стремились вернуть базилику к некоему первоначальному состоянию, однако у здания, которое возводилось путем добавлений и дополнений, первоначального состояния не может быть в принципе. Знаменитый собор воплощает собой процесс, а не событие.

Колокольня собора Святого Марка, кстати, была построена в начале XX столетия, после того как рухнула оригинальная башня начала XVI века. Невнимательному наблюдателю новая колокольня может показаться подлинной, однако по сути это фальшивка, реплика, созданная с единственной целью вызвать у туриста ощущение, будто он находится в по-настоящему древнем городе. На практике, однако, подобный архитектурный квиетизм почти никогда не работает. Ни одно здание нельзя отстроить «как было» по той простой причине, что этому препятствует сам факт его реконструкции. Многие известные городские здания подверглись реставрации с тем, чтобы

сделать их внешний вид еще более венецианским, причем достигалось это, как было замечено выше, путем использования более ярких красок и геометрически правильных орнаментов. Но подобная реставрация сопряжена с утратой памятником характера и индивидуальности. После 1797 года, когда в результате наполеоновских походов республика прекратила существование, Венеция потеряла влияние в мире. Вслед за утратой могущества пришла в упадок и ее экономика. В последние два столетия Венеция прилагает огромные усилия, чтобы воссоздать хотя бы призрак своего славного прошлого. И это сделало ее, по крайней мере отчасти, выдуманным городом.

Данный процесс был не слишком удачно назван эстетификацией Венеции или превращением ее в товар. Французский архитектор XIX века Эжен Виолет-ле-Дюк полагал, что реставрация здания означает «воссоздание его в виде более полном, чем оно могло бы быть в любой конкретный момент». Таким образом, мы наблюдаем во всей полноте именно Венецию общедоступную, публичную (а не частную или сокровенную) — Венецию более завершенную, чем она была в любой из периодов существования: нетронутый, идеализированный, абстрактный город, стоящий

как бы вне времени. Еще никогда Венеция не выглядела городом более средневековым, чем сейчас. И вместе с тем в некоторых отношениях она напоминает лицо, распухшее и потерявшее первоначальные пропорции в результате многочисленных косметических подтяжек.

Свет играет в Венеции такую же важную роль, как форма и пространство. Падая на поверхность воды, он отражается вверх и в стороны. Солнечные блики играют на стенах и потолках, создавая постоянную рябь; свет будто колеблет самый воздух и заставляет предметы пританцовывать. Даже твердые поверхности кажутся размытыми, зыблющимися. Глядящиеся в каналы здания словно мерцают. Камень становится цветовым пятном на воде. Потемневший мрамор, выветрившийся кирпич, тина на поверхности каналов кажутся волшебными, небывалыми. Зимой свет солнца бывает достаточно резким, но характерным для Венеции остается мягкое, рассеянное освещение, похожее на насыщенную мельчайшими блестками медленно плывущую дымку, которая то клубится, как облако, то качается, подобно волне. Это растворенное в тумане жемчужное переливчатое свечение обязано происхождением не только солнцу, но и морю, и небу

над горизонтом. Благодаря подобному освещению и создается эффект гармонии, целостности.

Должно быть, именно поэтому венецианские художники любили изображать блики солнца на воде, отражения фигур и предметов. На венецианских картинах встречается немало зеркал, как правило — местного производства. Живопись Беллини высоко ценилась критиками за обилие света, за умение мастера насыщать им пространство. Мерцающий мир как бы заключен между бледным небом и ярким горизонтом. Поверхности на полотнах Беллини собирают и испускают свет, и даже тени — совсем как на улицах самого города — становятся источниками свечения. Общеизвестно, что на венецианских картинах главным является именно цвет, а не форма.

Не может ли это быть как-то связано с изображением отражений на воде?

Свет в любом контексте служил признаком великолепия и благородства. В хрониках XII века базилика Санта-Мария дель Ассунта упоминалась в связи с ее *pellucida claritas* (восхитительной яркостью света). Это выражение вызывает самые широкие ассоциации. Отполированный пол венецианских домов, известный под названием *terrazzo* и состоящий из бетонной смеси

с наполнителем из цветной каменной крошки, пользовался широкой популярностью благодаря способности отражать свет. Бетон полировали кожаным кругом и натирали льняным маслом до тех пор, пока он не начинал блестеть как зеркало — так, во всяком случае, утверждали многие. Венецианские дома проектировались таким образом, чтобы улавливать, собирать свет. Уже в XVI веке окна делались в основном из стекла, а не из бумаги или вощеной ткани; как отмечал Франческо Сансовино, такие окна были «прозрачны и полны света». Это, впрочем, не отменяло наличия скрытых в тени ниш, темных внутренних двориков и скрытых проходов, ибо венецианцам особенно нравился эффект *chiaroscuro* (контрастного сопоставления света и тени). Таково было свойство их характера и таковы были их картины.

Венецианцы питали страсть и к искусственному освещению. Огромные венецианские *lampadari* (люстры) будто парили в вышине под сводами венецианских жилищ, сверкая бесчисленными хрустальными подвесками, словно соперничавшими с бликами солнца на воде каналов. В 1732 году Венеция стала первым европейским городом, улицы которого освещались

фонарями. Лондон последовал ее примеру только в 1736 году. Примерно в это же время английский путешественник Эдвард Райт писал, что «венецианцы ничуть не скупятся на белые восковые свечи, когда совершают ночные шествия и бдения». Когда огни множества свечей отражались в гранях драгоценных камней, золоте, серебре и хрустале, «блеск получался такой, что на него положительно невозможно было смотреть». Этот блеск — наиболее типичный венецианский эффект. Он родственен переливчатому сверканию морской глади. Свет — животворящая сила, он ускоряет жизнь. Именно свет является символом жизнестойкости и энергии, которые обычно ассоциируются с подлинно венецианским характером.

Божественное — светло. Свет был первым, что создал Бог. Если рассматривать свет как духовную субстанцию, именно он способен изменить наш взгляд на мир; улицы и дома, освещенные горним светом, сами становятся священными. Кроме того, свет всегда считался знаком Божественной благодати. Существует свет святости и свет зримый. Венецианские церкви эпохи Возрождения, спроектированные Кодуччи и Палладио, отличаются отсутствием внутренних украшений в виде

росписи и мозаик; их стены остаются чисто белыми. Так архитекторам удалось сохранить чистоту света. И точно так же ослепительно сверкает на солнце истрийский мрамор Венеции.

Страсть к цвету, будучи частью культа света, существовала как знак энергии и вызова, как символ бытия. Гармония красок напоминала о тепле солнца. В Венеции, кстати, чаще использовался термин *colorito*, а не *colore*, что лишний раз подчеркивало активное начало и выразительные возможности цвета. Английский художник XIX века Уильям Этти описывал Венецию как «родину и колыбель цвета». В том же столетии Джон Рёскин заметил, что венецианцы похожи на арабов «глубокой любовью к краскам, что заставляет их роскошно украшать самые обычные жилые дома»; кроме того, они обладали «тем безупречным чувством цвета, которое позволяло им без особого труда выполнять любые работы в этой области, добиваясь в то же время великолепных результатов». Венецианцы покрывали свои дворцы порфиром и золотом там, где архитекторы-северяне предпочли бы дуб и песчаник. Внутренние стены их домов были обиты крашеной кожей или дамастом зеленого или малиново-красного цвета. Искрящееся многоцве-

тие архитектурных деталей — красочных мозаик и мраморной отделки — поражает богатством и разнообразием палитры. Базилика Святого Марка — настоящий гимн цвету. Можно даже предположить, что та эпоха была эпохой более глубокого и тонкого чувственного восприятия, чем наша, когда прекрасный звук и насыщенный цвет оказывали прямое воздействие на человеческое сознание. Вкус, обоняние, зрение и слух средневековых венецианцев воспринимали окружающее более непосредственно. Сама жизнь казалась более выпуклой и яркой, а мир еще не потерял волшебного аромата.

Возможно, вовсе не случайно Венеция стала крупнейшим европейским центром торговли красками и красящими пигментами. Художники из Голландии и континентальной Италии покупали краски именно здесь, ибо в городе хватало торговцев, специализировавшихся на этой разновидности бизнеса. В Венеции можно было найти лучший аурипигмент и реальгар, использовавшиеся для изготовления желтых и оранжевых красок, лучшую киноварь и свинцовые белила. Здесь продавался знаменитый венецианский кармин — густо-красная глина-пигмент, добывавшаяся в Венето и часто встречавшаяся на

венецианских живописных полотнах XV века. Говорили, что она красная, как кровь Христа. Красильная промышленность — весьма важная отрасль для производства лучших тканей — была обеспечена запасами пигмента под названием «озерный красный». Кстати, история моды на краски — к примеру, на свинцовый сурик, в конце XV столетия уступивший место оранжевому, — прекрасно иллюстрирует историю человеческой восприимчивости.

Венецианские художники часто использовали самые дорогие краски именно потому, что они дорого стоили или были весьма редкими. Например, глубокий лилово-синий колер Беллини или Тициана изготавливался на основе полудрагоценной толченой ляпис-лазури, добывавшейся на территории современного Афганистана; очень дорого ценились также красные пигменты на основе серы или серебра. Венецианская республика была и родиной шафранового пигмента, ввозившегося с Востока. Александр Дюма-отец в своем Большом кулинарном словаре отмечал, что «шедеврами Тициана мы обязаны специям».

Каковы же основные краски Светлейшего города? Во-первых, это, конечно, священные цвета, цвета Беллини — синий и золотой. Многие об-

щественные здания Венеции были украшены ночной синевой с сияющими на ней золотыми звездами. В базилике Святого Марка, в Золотом алтаре, находится алтарная перегородка из позолоченного серебра, в которую вставлено множество полупрозрачных эмалевых пластин синего цвета. Синий считался цветом Небес. Он также воплощал спокойствие и безмятежность, считавшиеся основными отличительными признаками венецианского характера. На картинах XIV и XV веков излюбленным является темно-синий цвет. Это может быть лиловато-синий оттенок неба или зеленовато-синий цвет туманной дали. Оранжево-розовый, пурпурный, оранжевый и белый цвета отражаются в зеленовато-синих водах. Паруса рыбацких лодок в лагуне во все века были оранжевыми или малиново-красными.

В городе из камня весьма популярным цветом был зеленый. Беллини очень любил темно-зеленый колер и часто его использовал. Венецианские строители отдавали предпочтение зеленому мрамору. Он служил имитацией природы, так что можно говорить о возникающих в городе лесах из мрамора. Зеленый напоминал о древесных соках, о листве, о чуде возрождения. Рёскин отмечал, что одним из самых распространенных в городе

цветовых сочетаний была «торжественная и приятная глазу гармония пурпурного и различных оттенков зелени». Использовался также розовый цвет — цвет заката и восхода. Генри Джеймс описывал его так: «Бледный, мерцающий, трепещущий, воздушный розовый свет; кажется, что он исходит из равномерно вспыхивающего маяка и растворяется в светлой, белесовато-зеленой воде лагуны и каналов».

Насколько правильно это описание воды — «светлая, белесовато-зеленая»? Каков на самом деле ее цвет? Цвет моря, окружающего Венецию, некогда различался по названию *porti*, через которые поступала вода. Со стороны Лидо вода была красной, со стороны Маламокко — зеленой, со стороны Кьоджи — пурпурной. Каков цвет воды в каналах и в лагуне? Его описывали как нефритово-зеленый, лиловый, светло-синий, коричневый, дымчато-розовый, бледно-лиловый, фиолетовый, красновато-серый, сизый. После шторма вода насыщается воздухом и ее цвет меняется. В жаркий полдень она кажется почти оранжевой. Небо и городские краски, отражаясь в воде, покрывают ее поверхность овальными бликами охряного и голубого. Словом, венецианская вода может быть любого цвета — и никакого. Она

не имеет собственного цвета. Вода становится тем, что она отражает.

Глава 25
Туристы и паломники

Городу необходимы люди. Он нуждается в том, чтобы им любовались. Первыми прибывшими в Венецию туристами были средневековые паломники. Обученные гиды водили их на экскурсии, а специально назначенные городские чиновники проверяли товары, продаваемые приезжим, инспектировали таверны. Эти же чиновники должны были направлять туристов в самые дорогие магазины, где они могли купить стеклянные бусы или серебряные кресты. Существовали и другие *tolomazi* (гиды, агенты), предлагавшие самые разные услуги — перевод с языка на язык, обмен денег и так далее. Владельцы больших лодок устанавливали на площади Святого Марка павильоны и киоски, над каждым из которых гордо реял флаг с эмблемой судна; капитаны предлагали проходящим мимо клиентам легкие закуски и вина, «не уставая при этом всячески задирать конкурентов и чернить их перед паломниками».

Паломники останавливались в предназначен-

ных для них тавернах и гостиницах — таких, как «Лошадка» и «Омар». Утверждалось, что некоторые крестоносцы, собиравшиеся в Святую Землю, так и не двинулись дальше гостиницы «Луна», которая располагалась на набережной неподалеку от Пьяцетты. К 1319 году она уже вовсю принимала постояльцев. «Белый лев» открылся пять лет спустя.

Венеция оставалась в центре всеобщего внимания на протяжении почти тысячелетия. Судя по некоторым данным, сейчас, в начале XXI века, город ежегодно привлекает три миллиона туристов с проживанием вне отелей и семь миллионов «путешественников на один день». По другим оценкам, количество людей, каждый год посещающих Венецию, составляет от четырнадцати до шестнадцати миллионов человек. В любом случае, мы не ошибемся, если скажем, что каждый год в город, собственное население которого составляет не более шестидесяти тысяч человек, приезжают миллионы и миллионы туристов. В любое время года приезжих в Венеции во много раз больше, чем аборигенов. В этом нет ничего необычного, поскольку количество туристов начало превышать число местных жителей примерно с 1840-х годов, однако никогда

еще разница между количеством тех и других не была столь велика. Существует мнение, что, при сохранении нынешних темпов рассеивания, лет через двадцать пять в городе не останется коренных венецианцев. Венеция превратится в город туристов и тех, кто их обслуживает. Не удивительно, что местные жители чувствуют себя в опасности. Тем не менее на протяжении веков Венеция пассивно склонялась перед судьбой.

По некоторым данным, в XIV веке на свободную ярмарку, которая прошла в один из праздников Вознесения, в Венецию прибыло около двухсот чужеземцев. Впоследствии власти города установили сезон празднеств и ярмарок, длившийся с апреля до начала июня, надеясь привлечь еще больше гостей. К XV веку в городе было уже более двадцати гостиниц, большинство из которых находилось вблизи площади Святого Марка и Риальто. Они предлагали неплохую еду, чистое белье и широкий ассортимент проституток. Гравюры с изображением праздников и шествий продавались туристам в качестве сувениров. Город, где все продается, был, естественно, готов продать и самого себя, так что окончательная судьба Венеции определилась сравнительно рано. К концу XV века миланский священник

Пьетро Касола жаловался, что об этом городе «так много говорят и пишут… что мне, похоже, совершенно нечего добавить».

Файнс Моррисон, путешественник, побывавший здесь в конце XVI века, говорил, что само слово «Венеция» кажется ему синонимом выражения *veni etiam* (приезжай еще). Местные жители были неизменно дружелюбны; в начале XVI столетия сэр Ричард Торкингтон сказал о своей венецианской гостинице: «Добрый хозяин сего заведения заявил, что по лицу узнал во мне англичанина. И говорил со мной на сносном английском». Венецианские власти поощряли любые развлечения, включая оперы, драматические представления и празднества, способные привлечь в город как можно больше путешественников. Они спокойно относились к самому широкому распространению мнения (а возможно, даже способствовали этому), будто город является крупным центром незаконного секса. Венецианские куртизанки действительно были знамениты на всю Европу, однако в городе можно было купить кого угодно — от мальчиков до трансвеститов. Разумеется, обходилось венецианское гостеприимство весьма недешево. Путешественник-гугенот XVIII века Франсуа

Мишон, комментируя присутствие в Венеции большого количества иностранцев, восклицал: «Сколько же денег принесет городу вся эта толпа?!» Считалось, что в те времена в каждом пятом доме сдавалось внаем спальное место, а прогулочных лодок было столько, что «стоило только крикнуть „Гондола!“, как несколько из них тотчас мчались к тебе». Первый путеводитель по городу *Venetia, citta noblissima* (Венеция, благороднейший город) появился в 1581 году. В XVII столетии Венеция стала центральным элементом Большого путешествия по европейским странам, которое многие молодые английские аристократы предпринимали для завершения образования.

В начале XVIII века британский посол лорд Манчестер сообщал о венецианцах, что они «намерены главным образом развлекать остальную Европу и больше ничего не делать». Именно в этом столетии венецианские художники начали создавать картины с изображением родного города, рассчитанные на то, чтобы привлекать путешественников. Франческо Гварди, к примеру, изображал Венецию такой, какой она должна была видеться приезжему — местом, исполненным романтики и одновременно напоминающим квазитеатральную декорацию.

Каналетто специализировался на идеализированных топографических пейзажах — жанре, который впоследствии стал весьма популярен в Европе в целом и в Англии в частности. В те времена только на венецианский карнавал собиралось больше тридцати тысяч гостей. Однако пика венецианский туризм достиг в XIX столетии. Вместо отпрысков аристократических семей в город, поездка в который стала желанной для многих, хлынули представители верхушки среднего класса. К 1840-м годам были написаны новые путеводители по Венеции, а в 1864 году туристическое агентство Томаса Кука организовало туда первый маршрут. «Современная Венеция, — писал Генри Джеймс, — представляет собой обширный музей, входной турникет которого беспрестанно поворачивается и скрипит…».

Для представителей викторианской эпохи этот город стал драгоценной реликвией минувшего, местом, наделенным культурной респектабельностью; это было убежище, где можно было найти отдохновение от ужасов индустриального общества, уже тогда начинавшего складываться в Великобритании, осколок прошлого, вызывающего восхищение и постоянно оплакиваемого. Готическая архитектура Англии XIX века нахо-

дила смысл и контекст в церквах и наиболее пышных дворцах Венеции. Это место вызывало историческую ностальгию. В каком-то смысле викторианцы были новыми пилигримами, потомками тех, кто отправлялся в духовное паломничество в Иерусалим. Только теперь их путешествие заканчивалось в Венеции, а их религией стали искусство и история.

В том же столетии традиционный образ Венеции был навсегда зафиксирован в общественном сознании — гондолы, голуби, кафе под открытым небом на площади Святого Марка. Город быстро превращался в кинетоскоп, диорамный павильон, ярмарочное зрелище. Были, однако, люди, предвидевшие, что при этом не может не измениться сама Венеция. В 1887 году британское периодическое издание *The Builder* предупреждало читателей, что туристы, посещающие Венецию, «не имеют права требовать от обитателей какого бы то ни было древнего города, чтобы те низводили себя до роли простых музейных хранителей».

В XX и XXI веках проект под названием «Венеция» был, пожалуй, завершен. Этот процесс называют также диснеификацией. Город остался верен своей судьбе, и теперь все кончено. Ве-

неция еще функционирует, но ее характер стал иным. Кое-кто по-прежнему твердит об упадке и разложении, но действительных подтверждений этому нет. Напротив, во многих отношениях Венеция — самый благополучный и успешный город мира. Города по самой своей природе являются искусственными образованиями, Венеция же выводит урбанистическую концепцию на новый уровень. Френсис Кроуфорд в XIX веке выразил это, наверное, лучше других, сказав: «Тех, кто хорошо ее (Венецию) знает, нисколько не удивило бы, если бы в один прекрасный день, приехав туда, они обнаружили, что все ее обитатели вымерли, тогда как собственная жизнь города продолжается как ни в чем не бывало». Не стоит делать вид, будто туристы не видят реальную Венецию, как и реального Лондона или реального Парижа; дело в том, что туристская Венеция и есть самая что ни на есть настоящая и реальная.

Некоторые путешественники знамениты больше, чем другие. В наши дни тех, кто хоть что-то собой представлял, сменили те, кто ничем не отличается от остальных, но в прошлом незаурядные и известные люди стремились в Венецию, словно на сцену, где они могли предстать пе-

ред зрительской аудиторией. Шелли ездил туда предаваться скорби. Байрон — заводить романы с замужними и незамужними женщинами. Аретино здесь праздновал, Рёскин — предрекал. Ницше, Пруст, Данте — все они в свое время тоже побывали в Венеции. Петрарка бывал здесь много раз — и назвал Венецию «самым прекрасным городом, какой когда-либо видел». Тернер и Уистлер рисовали Венецию, как и сотни других иностранных художников. В «Лекции в десять часов» (1885), описывая Лондон, Уистлер создал образ совсем другого города: «И когда вечерняя мгла одевает берег реки поэзией, как покровом, и убогие здания теряются в тусклом небе, и высокие дымоходы становятся колокольнями, а склады — дворцами в ночи, — весь город висит в небе, и перед нами — сказочная страна…»[13]

К концу XIX столетия не осталось ни кусочка Венеции, который не был бы изображен на холсте.

Кроме того, Венеция, не будучи городом литературы, все же может считаться литературным городом. Шекспир в своих произведениях сорок раз упоминает Венецию или ее владения, и не всегда — с одобрением. Действие двух его пьес

---

[13] Примечания: 13
Перевод М. Виноградовой.

— «Венецианский купец» (1598) и «Отелло» (1604) — целиком или частично происходит в Венеции. В первом акте «Отелло», где описаны темные улицы и дома, окна которых закрыты крепкими ставнями, весьма достоверно передана атмосфера города. Некоторые ученые даже полагают, что Шекспир бывал в Венеции, хотя это крайне маловероятно. Кроме того, в этом не было особой необходимости, поскольку Венеция во многих отношениях город, созданный воображением. Сэр Политик в комедии «Вольпоне» (1606) Бена Джонсона похваляется, что уже через неделю после приезда:

Меня венецианцем все сочли,
Так быстро формы жизни я усвоил[14].

Он также хорошо осведомлен о повадках венецианцев:

Венецианец, видя человека,
Неопытного даже в мелочах,
Его тотчас поймает и обжулит[15].

Английские поэты начала XIX века весьма

[14] Примечания: 14
Б. Джонсон, «Вольпоне». Акт IV. Сцена I. Пер. П. Мелковой.

[15] Примечания: 15
Там же.

содействовали созданию того, что можно назвать мифографией Венеции. Байрон написал две исторические драмы, действие которых происходит в городе. Но самый значительный его вклад в создание образа города — поэмы «Беппо», «Дон-Жуан» и четвертая песнь «Паломничества Чайльд-Гарольда», в которой он ассоциирует город со скорбным изгнанником, который в то же время является типичным романтическим героем:

В Венеции замолкла песнь Торквато,
Безмолвно правит гондольер веслом,
Здесь в разрушеньи – не одна палата,
Нет песен неумолчных, как в былом,
Искусство, троны – гибнут без возврата…[16]

Но романтическое описание может превратиться в романтизацию. В XIX и XX веках появилось некоторое количество причудливых и прихотливых травелогов и произведений в так называемом дневниковом жанре, в которых город описывался в весьма колоритных подроб-

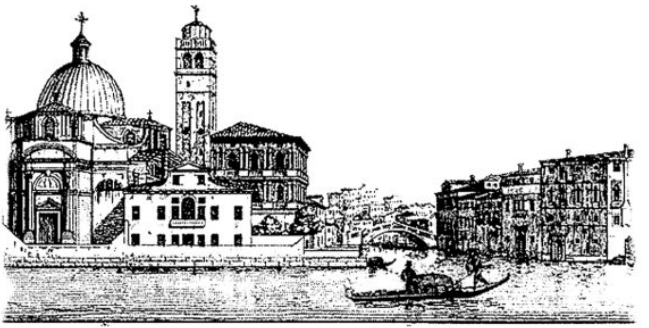
[16] Примечания: 16
Байрон. «Паломничество Чайльд-Гарольда». Песнь IV. Перевод О. Чюминой.

ностях. При этом многие писатели пользовались одними и теми же венецианскими штампами, живописуя размеренные и плавные движения гондольеров, нагруженные овощами и фруктами лодки торговцев, прибывающих в город на рассвете, мраморные столики «Флориана», жимолость, ползущую по осыпающейся стене, густой и торжественный бой часов на площади, перезвон на колокольне Святого Марка…

В более серьезных литературных произведениях Венеция предстает в совершенно ином обличии. Она становится фоном, на котором протекает разного рода тайная жизнь. В обстановке города может происходить процесс самопознания, когда размываются привычные границы между внешним и внутренним, частным и публичным. Здесь вырываются на поверхность подсознательные и подавленные желания, происходят неожиданные и странные встречи и знакомства. Сюжет одного из первых английских романов, действие которых происходит в Венеции («Злополучный скиталец» Томаса Нэша (1594), носит откровенно авантюрный характер и основан на переодевании: в книге граф Суррей отправляется знакомиться с городскими соблазнами, предварительно обменявшись одеждой со

слугой, чтобы не быть узнанным. То есть Венеция уже тогда считалась городом порока, разврата и лицемерия. Основное действие романа Анны Рэдклифф «Удольфские тайны» (1794) также разворачивается в Венеции. Несмотря на то что писательница никогда не была в городе, она вообразила его в таких убедительных подробностях, что ее описания воспринимаются как весьма достоверные. В романе Рэдклифф Венеция предстает городом крайностей, интриг, опасностей и ужасов.

VIII
Искусство жизни



Глава 26
Да здравствует карнавал!

Во время карнавала Байрон окунулся в то, что он счел подлинной и никогда не иссякавшей жизнью Венеции, несмотря на горькие жалобы на ее упадок. «На этой неделе я почти не сомкнул глаз, — пишет он Томасу Муру в 1818 году. — Мы предаемся восторгу последних дней карнавала, и, вероятно, я всю ночь, а также следующий день проведу на ногах. На этом карнавале я испытал любопытные приключения с масками, но так как они еще не завершились, не стану продолжать. Я разработаю сокровищницу своей юности до последней крупицы руды, а затем — спокойной ночи. Я жил и я удовлетворен».

Карнавал был учрежден в конце XI века и праздновался непрерывно почти семьсот лет. Затем карнавальная традиция угасла, но в 1970-х он возродился с новой силой.

«Весь мир отправляется в Венецию, — писал в XVII веке Джон Ивлин, — чтобы увидеть безумства и причуды карнавала». Первоначально предполагалось, что праздник будет продол-

жаться сорок дней, но в XVIII веке он иногда растягивался на полгода и более.

Карнавал начинался в первое воскресенье октября и продолжался до конца марта, то есть до начала Великого поста.

В это же время проходил театральный сезон. Город, гордившийся своей непокорной природой, бросал открытый вызов зиме. Но если празднества длились полгода, не становилась ли карнавальной реальная жизнь? В сущности, уже говорилось, что Венеция была охвачена карнавальным духом круглый год. Она более не была серьезным городом вроде Лондона или городом мудрецов вроде Праги.

На площади Святого Марка играли оркестры, выступали бродячие артисты, давались кукольные представления и балы-маскарады. На костюмированных вечерах в оперных театрах присуждались призы за лучший наряд. Устраивались тщательно продуманные праздники, с позолоченными барками, малиновыми с золотом ливреями, гондолами, усыпанными цветами.

По словам Уильяма Бекфорда, венецианцы в 1780-х годах «так страстно стремились к развлечениям, что едва позволяли себе немного поспать». Во время карнавала каждый чувствовал себя

свободным.

Ивлин описывает карнавал как место «всеобщего помешательства», где «женщины, мужчины и люди всякого звания рядятся в старинные наряды и скачут под странную музыку». Но сэр Генри Уоттон верил, что в этом безумии есть логика: карнавал использовался для того, чтобы «отвлечь людей от более серьезных вопросов». Другой английский наблюдатель полагал, что поощрение развлечений и даже порока было одной из основ политики венецианских властей. Возможно, здесь стоит вспомнить трюизм о хлебе и зрелищах.

Однако веселье охватывало не только местных жителей, но и иностранцев, что, разумеется, способствовало торговле. К тому же благодаря карнавалу могли существовать семь театров, две сотни ресторанов и бесчисленные игорные дома. Демонстрация веселья была также демонстрацией силы, иллюзией, призванной подчеркнуть процветание, независимость и неуязвимость города.

На улицах устраивались бои быков. Запускались фейерверки. Венецианцы пользовались славой искусных пиротехников, на водной глади сверкали разноцветные огни и россыпи искр. Там

подвизались предсказатели будущего, выступали канатоходцы, акробаты и *improvisatori* (импровизаторы), поющие под гитару или мандолину. Предлагали свои снадобья шарлатаны. Показывали диких зверей; в 1751 году в Венецию был привезен носорог. Не обходилось без элементов макабра, пародий на похоронную процессию, в последний день карнавала на тачке возили фигуру, обезображенную сифилитическими язвами. Здесь в очередной раз всплывала древняя связь между праздником и смертью.

Венецианцы наряжались любимыми героями из *commedia dell'arte*. Там был Маттачино, швырявший в толпу яйцами с ароматической водой — в шляпе с перьями, в белом с головы до ног, не считая красных ботинок и красных кружев. Там был Панталоне, символ Венеции, в красном камзоле и черном плаще. Арлекин в пестром костюме. Устраивались костюмированные балы и вечеринки. По улицам города шествовали процессии в масках. Воистину карнавал ассоциировался с *volto* (лик, маска).

Впервые маска упоминается в государственных документах 1268 года — людям в маске запрещалось играть в азартные игры. Маска пришла с Востока. Самой распространенной формой кар-

навального костюма была *bauta*, покрывавшая голову и плечи накидка с капюшоном из шелка или бархата, которую увенчивала треуголка. Лицо скрывала бархатная или шелковая полумаска, черная или белая, или белая клювоподобная маска, известная как *larva*. Некоторые маски приходилось держать зубами за колышек, из-за чего ее владелец не мог говорить. Тайна шла рука об руку с молчанием. Маска, мужчина или женщина, также носила черный плащ, известный как *domino.* Женщины имели склонность к черным маскам, мужчины — к белым. Даже если переодевание не слишком удавалось и маску можно было узнать, к ней полагалось обращаться не иначе как *Signor Maschera* (господин Маска). Все в карнавале стало ритуалом, как и подобает церемонии, уходящей корнями в далекое прошлое.

Не позже чем к XVIII веку ношение масок стало обязательным. В течение карнавальных шести месяцев их носили все — богатые и бедные, лавочники и священники, судьи и проститутки. Священника, не надевшего маску, осуждали его же прихожане. Городские сановники в масках участвовали в публичных церемониях и процессиях. Их запрещалось носить лишь менялам. Некто стал свидетелем того, что мать, лицо ко-

торой было скрыто под маской, кормила грудью ребенка в маске. Маски носили даже нищие.

Карнавал являл собой удивительное зрелище. Назначались тайные свидания. Совершались измены. Спонтанный секс за дверями и в темных уголках аллей. К удовольствию привыкаешь. Оно сродни горячке. Удовольствие сродни мечте. Некий венецианец описывал, как «женщины, независимо от своего положения, замужние, девицы или вдовы, свободно якшались с профессиональными проститутками, ибо маска стирает все различия; и нет такого непотребства, которым бы они не занимались у всех на глазах со своими любовниками, старыми и молодыми». Существовали и не столь порочные развлечения. Несколько женщин в масках навещали своих знакомых и медовыми чужими голосами перечисляли их недостатки. Дети любят переодеваться и выдавать себя за кого-то другого. Само слово *bauta* якобы произошло от детского лепета «бау… бау». И, разумеется, нередко говорили, что венецианцы — в сущности, дети. Аддисон верил, что интрига и «тайная история» карнавала «могла бы составить собрание весьма увлекательных рассказов». Венеция, казалось, всегда располагала к сочинению историй. Карнавал открывал

возможность другого мира и другой реальности. Он олицетворял вторую жизнь для тех, кто был обманут или считал себя обманутым первой.

I festini (балы-маскарады) были открыты любому человеку в маске; о месте их проведения сообщал фонарь с гирляндой цветов. Внутри под звуки виолончели или спинета гости танцевали менуэт или гавот. Любезные хозяева дома, прогуливаясь среди гостей, требовали плату за вход. В Венеции не было ничего бесплатного.

Относительно ношения масок веками оглашались правила, которые обычно никто не соблюдал. В XIX веке был издан указ: ни один гуляка не смеет заговаривать или прогуливаться с человеком в маске, не получив на это ясно выраженного разрешения. Как можно было обеспечить его исполнение?

Здесь будет к месту порассуждать о природе маски, настолько тесно связанной с Венецией, что она обернулась ее неофициальным символом. На мостах и арках города до сих пор можно увидеть маски, вырезанные из камня. Изготовление масок даже сейчас, в XXI веке, одно из самых выгодных венецианских ремесел. Гете писал из Венеции, что «маски, которые в нашей стране почти безжизненны и лишены значения, словно

мумии, здесь имеют характерные выражения, соответствующие настроению того, кто их носит».

Маска так или иначе соответствовала выражению лица венецианцев. Она стала экспрессивной. Маска — символ тайны в городе тайн. Она наводит на мысль о том, что сам город, как и человек, носящий маску, ведет двойную жизнь. Венеция была известна алчностью и двуличием, прячущимися под праздничной или эстетически привлекательной наружностью. Это в полном смысле слова город двойственности, город отражений в отражениях. Было сказано, что в Венеции нет ничего однозначного; все, от искусства до управления, открыто бесконечным толкованиям. Сама этимология слова *carniva* двусмысленна. Что означает *carnevale*? «Прощай, плоть» или «плоть имеет силу»? Слово *vale* может иметь любое из этих значений. Некоторые производят это слово от *carnem levare* (отказ от мяса). Также знаменательно, что маска называлась *larva* (гусеница), — это намек на тайну развития жизни, превращение гусеницы в бабочку. Поэтому карнавал также прославляет Венецию как место Протеева многообразия и восторга. Рёскин увидел там «самого Протея, скрытого под ее (Венеции) пахнущей солью кожей».

Сама маска имеет неожиданные коннотации. С черной *bauta* и черной треуголкой она ассоциируется со смертью. Под ней может скрываться ее скалящийся череп. Под ней может вообще ничего не скрываться. Современную Венецию описывают как пустую маску. Жан-Поль Сартр писал: «Когда я смотрю на палаццо Дарио… у меня всегда возникает чувство, что да, это наверняка там, но в то же время там ничего нет». Там уже нечего искать. Нечего описывать.

Карнавал служил и общественным целям. В городе, где роли патрициев и граждан были четко определены, потеря идентичности нередко приветствовалась. Во время исполнения своих обязанностей патриции напускали на себя суровый и мрачный вид, призванный свидетельствовать об их общественном положении. Карнавал позволял ослабить личное и общественное напряжение, не давая ему распространиться. Так карнавал сообщал устойчивость людям и институтам Венеции. Способствовал развитию у всех венецианцев чувства общности. Давал некоторое представление о вечных принципах равенства и братства. Служил напоминанием о якобы изначальном равенстве венецианцев, когда они начали искать убежища в лагунах.

Карнавал стал формой общественного обновления. В других городах и других государствах празднование свободы карнавальной жизни становилось поводом для заговоров и даже мятежей. В Венеции этого никогда не случалось.

В конце 1970-х годов, пережив период упадка, карнавал возродился для жителей острова Бурано, а затем распространился на всю Венецию, где власти быстро оценили его значение в качестве приманки для гостей. В этом предприятии они добились полного успеха. Сейчас это карнавал туристов и для туристов. Разумеется, он в высшей степени коммерциализирован, его различные мероприятия финансируются акционерными обществами. В 2008 году он полностью перешел в частные руки, под контроль компании, условно названной *Venice Events Limited*. Управляющий венецианским казино провозгласил, что «спонсоры получат в свое распоряжение номера в лучших гостиницах, билеты, эксклюзивные столы и особые условия в казино». Однако карнавал всегда был коммерческой операцией, отчасти направленной на иностранцев. Он просто выполнил свое истинное предназначение, постепенно становясь все более нереальным и пустым.

Существовали и другие торжества и развле-

чения. Торговые ярмарки — к примеру, Феста делла Сенса в середине мая, — по сути, бывшие праздниками торговли и коммерции. Там венецианские купцы выставляли свои лучшие шелка, а золотых дел мастера — свои лучшие украшения. Там устраивались красочные шествия различных гильдий, во время которых стиралось различие между коммерцией и религиозной церемонией. Дети трубили в стеклянные рога. Лавки сверкали зеркалами и огнями. Братство гильдии Святого Роха вздымало знамя с надписью: «Обильные богатства, радостный труд, всеобщее веселье». На картине Габриэле Беллы изображена ярмарка конца 1770-х годов, с площадью Святого Марка, заполненной бесчисленными лавками, киосками, ларьками и навесами, из-за чего она напоминает арабский базар.

Неудивительно, что Венеция прославилась как город представлений с участием многочисленных шутов, жонглеров и акробатов. На площади Святого Марка подвизались шарлатаны и бродячие актеры всех мастей. Они валом валили в Венецию, где их не притеснял закон. Танцевали и пели в диковинных костюмах на специально построенных подмостках. Толкавшиеся среди них знахари красноречиво расхваливали до-

стоинства своих эликсиров и «лечебной воды». Иллюзионисты у всех на виду отрезали себе руки, истекая кровью, но лишь для того, чтобы потом продемонстрировать свою неповрежденную плоть. Там были заклинатели змей, зубодеры и фокусники, которые, по словам Томаса Кориата, «показывали удивительные фокусы, которые почти невозможно описать». Отелло подозревают в том, что он опоил Дездемону приворотным зельем. Венецианские зелья славились по всей Европе.

Карнавал был местом нескончаемых азартных игр. В конце XII века Никколо Бараттьери, установившему на piazzetta две колонны, в награду разрешили поставить между ними публичные игорные столы, первые в Европе. Вскоре на этом месте стали проводить публичные казни, оно и поныне пользуется дурной славой. Игорная лихорадка быстро распространилась по городу. В XIII и XIV веках предпринимались попытки взять азартные игры под контроль. К примеру, власти сочли необходимым принять законодательный акт, запрещавший играть в карты во внутреннем дворе Дворца дожей и в базилике Святого Марка. Однако одержимость игрой ничто не могло остановить. Игральные карты были изобретены не в

Венеции, как иногда утверждают, однако венецианцы вскоре получили нечто вроде монополии на их изготовление.

Во многих больших домах, и в частности в домах куртизанок, существовали *ridotti* (игорные залы). Эдикт 1598 года упоминает места, где процветают «игры, пьянство и прочие нечестия», как явный позор для государства. Слуг призывали доносить на хозяев, ставящих у себя игорные столы. Пристрастие к игре питали не только аристократы. И простые венецианцы были заядлыми игроками. В карты и кости играли в тавернах и на площадях, в винных лавках и цирюльнях, на мостах и даже в гондолах. Венецианцы готовы были делать ставки в любой игре — от шахмат и шашек до кеглей и джидоко (игра, похожая на теннис). Нередко они бились об заклад на результаты выборов; на одного из кандидатов ставили чаще, чем на другого, и на Риальто появились киоски букмекеров. Чтобы узнать, кто победил на выборах в Сенат или в Совет десяти, на площади собирались толпы людей, воодушевленные отнюдь не общественным пылом. Их интересовал только исход гонки. Поэтому власти города решили взять под контроль то, чему не могли помешать, и извлечь из этого прибыль. К XVI

веку *ridotti* получили лицензию на разные виды игры и на то, что было названо честной беседой. В 1638 году Венецианское государство само начало финансировать общественный игорный дом «Ридотто», ставший парадигмой или прототипом европейских казино.

В начале XVIII века азартные игры превратились в главный элемент карнавала. Они также стали спортом патрициев, которым те занимались в дорогих клубах и в чисто коммерческих целях. Тогда говорили: «Ничем не рисковать — занятие для человека, который ничего не стоит». Так игра стала олицетворять великодушие и благородство. Некий англичанин, посетив игорный дом, заметил, что он «набит битком, так что зачастую бывает затруднительно пройти из одного зала в другой; однако там царит тишина более глубокая, чем в церкви… воистину удивительно наблюдать за тем, с каким спокойствием и степенностью проигрываются весьма значительные суммы…» Венецианцу полагалось с полным безразличием относиться к проигрышу или выигрышу.

Существовали и другие азартные игры. В самом начале XVI века была учреждена городская лотерея. Это был способ переключить внима-

ние простого народа с частных развлечений за игорным столом на более безопасную область государственного предприятия. И, разумеется, средством получения денег. Лотерея проводилась на Риальто, разыгрывались одежда, мебель, картины, украшения. В 1590 году деньги, вырученные от лотереи, пошли на строительство нового моста Риальто. Билет стоил две кроны, а выигрыш составлял сто тысяч крон. Когда объявили победителей лотереи, все стоявшие на площади замерли.

Священники, проститутки и даже трусы — все заболели лотерейной лихорадкой. Пьетро Аретино заметил, что люди, оказавшиеся в ее власти, стали использовать для выражения своих чувств самые грязные ругательства и проклятия. Проигравшие говорили, что их выпотрошили и распяли. Но все же возвращались, чтобы начать с начала.

Азартные игры — неизбежное занятие в городе купцов, судьба которых зависела от моря. Купец всегда мог рассчитывать приобрести несметные богатства. Однако он находился во власти изменчивого моря. Сегодня человек был непомерно богат, а завтра мог остаться без гроша. Распространение азартных игр нередко считают признаком

венецианского упадка, но, несомненно, страсть к игре неизбежно вытекает из атмосферы и самого духа города. Уже говорилось о том, что Венеция была колыбелью капитализма в Европе; сущность же капитализма состоит в принятии на себя риска, иначе известного как финансовая спекуляция. Азартная игра воспроизводит главные таинства экономических флюктуаций в более компактном и более напряженном пространстве.

Отсюда важная роль понятия «удача» в венецианских общественных делах. Венецианское государство всегда старалось избегать *fortuna belli* (военной удачи) в конфликтах, где не могло быть явного победителя. Основываясь на некоторых свидетельствах, можно предположить, что в XIV веке люди стали менее оптимистично относиться к удаче и риску. Удача сделалась богиней венецианского карточного стола. «Нынче все зависит от удачи, — писал венецианский историк Бернардо Гистиниани в конце XV века, — империи ежедневно меняются и преображаются. Эту игру вершит судьба, судьба, перед которой следует склониться».

Когда в 1774 году по приказу властей был закрыт крупнейший игорный дом, современник

отметил, что «все жители впали в меланхолию… купцы не ведут торговлю, изготовители масок погибают от голода, а руки некоторых обедневших аристократов, привыкшие по десять часов в день тасовать карты, сморщились. Воистину, для деятельности каждого государства пороки абсолютно необходимы». Игра стала источником жизненной силы Венеции, как некогда была торговля. Когда все опасности, грозившие Венецианской империи, пропали, когда все риски великой коммерческой жизни исчезли навсегда, что еще оставалось венецианцам, кроме карт и костей?

Спортивные игры и развлечения имели особое значение для знатоков государственной власти. Знаменитой венецианской забавой, к примеру, была человеческая пирамида, которую венецианцы называли *forze d'Ercole* (подвиги Геракла). Мужчины вставали друг другу на плечи, и в каждом последующем ряду их число постепенно уменьшалось, пока на вершине не оставался один. Эти сооружения обычно устраивали на наплавных мостах из лодок, тем самым подчеркивая пугающее сходство с государственным устройством, где с помощью сложного общественного механизма дож оказывался на самой

вершине пирамиды. Человеческая пирамида олицетворяла Венецию, существовавшую благодаря искусству сохранять равновесие.

В Венеции понятия «легкость» и «равновесие» имели огромные последствия. Можно счесть знаменательным, что одним из наиболее известных карнавальных развлечений был *volo della colombina* (полет голубки). От судна, стоявшего на якоре, протягивался канат до шпиля колокольни на площади Святого Марка, а от нее — еще один канат до Дворца дожей. Акробат, одетый ангелом, взбирался на вершину колокольни и устремлялся вниз к дворцу, разбрасывая цветы. В 1680 году был совершен еще более дерзкий трюк. Лодочник по имени Скартенадор поднялся на колокольню с помощью веревки верхом на лошади.

В Венеции существовало множество игр и состязаний, включая джидоко, фехтование, гонки на тележках, конные бега и состязание гондол. В XVI веке существовала игра под названием «шар», напоминавшая футбол. Эти и подобные им игры пользовались репутацией довольно грубых. Молодые венецианские аристократы предпочитали состязаться в стрельбе. Все эти развлечения имели форму соревнований, в конце которых победителю вручали приз. Венецианцы

были чрезвычайно общительны и, следовательно, обожали состязания. Этого, к примеру, нельзя сказать о лондонцах того же времени, предпочитавших посещать травлю быков и медведей, где не было настоящих победителей и призов.

Однако была игра, которая лучше других символизировала стабильность и силу Венецианского государства. Она называлась *la Guerra dei pugni* (кулачный бой) и велась между жителями различных районов города — Риальто и Каннаруоли, Бариотти и Ньятти. Но самые крупные состязания проходили между *Castellani*, жителями западных приходов Каннареджо, Кастелло, Сан-Марко и Дорсодуро, и *Nicolotti*, из восточных приходов Сан-Поло и Санта-Кроче. Костяк этих групп у *Nicolotti* составляли рыбаки, а у *Castellani* судостроители. Их междоусобные войны уже описывались. Команды от каждой из этих территорий встречались для битвы на назначенном мосту, в то время как на улицах, идущих вдоль канала, выстраивались тысячи зрителей. Уличные торговцы предлагали им шарики с заварным кремом и каштаны. Цель прославленного состязания состояла в том, чтобы сбросить в воду противников и занять мост.

Согласно хронисту XVI века, это развлечение

«снискало высокую оценку и любовь как всех венецианцев, так и иностранцев». Полюбоваться на то, как *Nicolotti* и *Castellani* сражаются за победу, приглашали заезжих монархов. Когда летом 1574 года Генрих Валуа посетил Венецию, две армии по триста человек устроили битву на мосту в его честь. В то время говорили, что так французу дали понять, что венецианцы «весьма свирепы, неукротимы, безудержны и необузданны». Сражавшиеся были в шлемах и со щитами. Многие вооружались палками. Бои продолжались часами. Подобные жестокие увеселения нередко имели жестокий конец. Участники сражения получали увечья или раны, а иногда погибали.

Разумеется, это один из случаев ритуального насилия, в котором находит выход грубая сила. Народная энергия направлялась в русло зрелищ, чтобы не использоваться в более опасных целях. Во время праздников, когда и проводились эти состязания, в народе говорили лишь о них. Обладание двумя камнями мостовой на гребне моста превратилось в навязчивую идею. Победители становились героями, а проигравшие покрывали себя позором. В победивших приходах разжигали огромные костры на площадях и устраивали импровизированные пляски. Лучшие бойцы были

известны всему городу, их портреты висели в домах их приходов. Им давали почетные прозвища: Прыгун через канал, Пожиратель мертвецов, Истребляющий храбрых. Они считали себя солдатами, хотя венецианцы никогда не были солдатами в военном смысле слова. Возможно, этим объяснялась их драчливость дома.

Первое упоминание о подобном сражении относится к 1369 году, но первая битва на мосту была устроена, вероятно, в 1421 году. Корни этих столкновений гораздо глубже, чем может показаться, они уходят в первый период изгнания, когда отдельные группы людей обосновались на разных островах лагуны. Тогда велись войны за господство, символом которых стали кулачные бои. На островах, в конце концов образовавших саму Венецию, говорили, что береговые люди стремятся к материку, а морские — к другим островам. Каналы когда-то были настоящими границами, водой между клочками земли или приходами, которым угрожало не только ритуальное вторжение.

Многие разногласия еще давали о себе знать в XV–XVI веках. Жители одного прихода могли собраться на мосту и выкрикивать оскорбления в адрес жителей другого прихода. Подростки из

соседнего прихода даже совершали набеги на территорию неприятеля, забрасывая камнями и палками местных жителей. Опыт жизни в обстановке скученности выковал дух верности собственной территории; к примеру, было отмечено, что самыми фанатичными сторонниками *gerra dei pugni* были люди, живущие на границах своего прихода или в непосредственной близости от них. Эти битвы также были средством прославления самих мостов и их роли в общественной жизни Венеции. Они были осью, вокруг которой вращался город. Он всегда был символом напряженной борьбы, битвы за жизнь. В книге Льюиса Мамфорда «Город в истории» автор не зря упоминает о «кровавых ритуальных боях с использованием дубинок между силами Добра и Зла, проводившихся на территориях египетских храмов». В цивилизации всегда сохраняются элементы варварства. Так оно продолжает жить. Соревнование и агрессия присущи городу.

Глава 27
Божественное искусство

Существует анекдот о Тинторетто. Весной 1564 года одна из венецианских гильдий, Скуола ди Сан-Рокко, объявила конкурс на роспись главного зала. Среди прочих в нем приняли участие и Тинторетто с Веронезе. Каждый из художников должен был представить рисунок центральной потолочной панели. Художники отправились в мастерские и взялись за работу. Однако Тинторетто не собирался делать эскиз. Узнав размеры панели, он стал работать прямо на большом холсте. И вот художники явились, чтобы представить комиссии свои эскизы, но Тинторетто их опередил. Двумя-тремя днями ранее он принес готовую картину и тайно прикрепил ее к потолку. Когда его попросили предъявить рисунок, он молча указал на потолок. На увещевания членов гильдии он ответил, что именно так он рисует, а по-другому не умеет. Согласно Вазари, он прибавил, что «образцы и рисунки должны быть именно такими, дабы никто не был введен в заблуждение, и что если они не желают платить

за работу, вознаградив его труды, он ее им дарит». В конце Вазари замечает, что хотя Тинторетто «подвергся еще многим неприятностям, он добился того, что работа находится и ныне на том же месте». Картина «Святой Рох во славе» по-прежнему красуется на потолке. Вазари не приводит комментариев проигравших соперников. Впрочем, они вряд ли были лестными. В сущности, Тинторетто сыграл с ними злую шутку.

Истории, рассказанные Вазари, не обязательно принимать на веру, но в пользу упомянутого анекдота можно привести документальное свидетельство. В архивах гильдии есть записи о том, что 31 мая 1564 года был объявлен конкурс, в котором приняли участие «три или четыре самых лучших художника Венеции», но через месяц он был отменен, так как гильдия приняла готовую картину Тинторетто. Завершение могучего холста было делом нескольких дней. Вазари, несомненно, с удовольствием описал бы окольные пути, с помощью которых Тинторетто получил заказ, хотя следует заметить, что поведение художника встретило бы понимание у любого из венецианских купцов или лавочников. Нельзя исключить того, что он воспользовался интригами внутри гильдии. Интрига всегда витает в

венецианском воздухе. Тинторетто отличался умением заключать выгодные сделки, сбрасывая цены и изменяя условия договора, когда требовалось. Вазари отмечает и отсутствие тщательных приготовлений со стороны художника. Но как он мог взять в руки кисть, не сделав эскиза? Как бы там ни было, анекдот демонстрирует исключительную силу личности Тинторетто, его беспокойную и упорную тягу к живописи как к средству самовыражения. Изображенные им персонажи резвятся на холстах, подобно дельфинам, являясь отражением избытка сил и мастерства художника.

Другая история рассказывает о ссоре Тинторетто с Тицианом. Некоторое время Тинторетто был в числе учеников старого мастера. Семейная легенда гласит, что Тициан увидел несколько фигур, нарисованных новичком. Мгновенно оценив легкость, с которой они были написаны, Тициан, опасаясь за собственную репутацию, приказал юноше покинуть его мастерскую. Этот не слишком правдоподобный рассказ о ревности один из сыновей Тинторетто распространил после смерти отца. Возможно, он отражает конфликт между неимоверно дорогим искусством Тициана, который создавал произведения преимущественно

для иностранных патронов, и гением Тинторетто, более близким к ремеслу и к Венеции.

Тинторетто (наст. имя Якопо Робусти) родился осенью 1518 года в Венеции и прожил в этом городе до смерти. Венеция владела его судьбой. Тинторетто служит ярким примером территориального императива, и сама почва помогает его формированию. Он больше венецианец, чем остальные художники. Якопо был сыном красильщика шелков, отсюда имя, которое он получил как художник. Он был счастлив прозываться Маленьким красильщиком — Тинторетто — в знак своего относительно скромного для Венеции происхождения. Он покидал Венецию всего раз, отправившись в Мантую, но при этом настоял, чтобы его сопровождала жена. Подобно другим венецианским художникам, он был страстным музыкантом-любителем. Он рисовал декорации и придумывал костюмы для городских театров. Его искусство нельзя понять без Венеции. Его великие работы до сих пор находятся там. Его картины когда-то можно было видеть более чем в сорока церквах города. Его вспыльчивость и экстравагантность могли проявиться в полную силу лишь в Венеции. Его искусство — это Венеция в своей самой чистой и самой духовной ипостаси.

Современник Тинторетто заметил, что «он быстр в своих жестах, выражении лица, движении глаз, словах и находчив в споре». Его характер воплощен в его искусстве. Тинторетто в высшей степени обладал тем, что Стендаль назвал венецианской живостью. Вазари называл его горячей головой. Скорость, с которой Тинторетто создавал свои творения, была известна всем. На то, чтобы написать картину, Тинторетто требовалось столько же времени, сколько другому художнику, чтобы сделать набросок. Его искусство было жизнерадостным, бьющим через край, импульсивным. Он был полон Божественной ярости, пыла и энергии творчества. Он был подобен вспышке молнии. Однажды в мастерскую Тинторетто пришли молодые фламандские художники и стали показывать рисунки, над которыми трудились несколько недель. Тинторетто взял кисть, тремя мазками черной краски изобразил фигуру, добавил несколько бликов и повернулся к гостям: «Вот так мы, бедные венецианцы, рисуем наши картины». Этот венецианский способ письма был известен в Европе как *prestezza* (скорость).

Другие венецианские художники также славились искусством импровизации. И скоростью. Тьеполо говорил, что может написать картину

за время, пока другие мешают краски. Двумя веками ранее Вазари заметил, что Тинторетто заканчивает работу прежде, чем другие успевают понять, что она началась.

Однако искусство Тинторетто не сводилось к импровизации. Он лепил фигурки из воска, помещал их в домики из дерева и картона, а затем вешал лампы сверху и вокруг. Из этого игрушечного театра вышли великие творения, наполненные сиянием и величием. Святые на огромной скорости летят по воздуху. Затем замирают и висят в полуметре над землей. Вереницы фигур протягиваются в вечность. Потоки света затопляют жилища смертных. Его фигуры всегда находятся в движении, стремительном и неистовом; они вращаются вокруг центральной колонны света, их конечности и мышцы преображаются в центробежном полете. В его более поздних работах свет не следует структуре картины; он вытесняет структуру; он сам становится структурой. Мир растворяется в сиянии.

Главным элементом венецианского искусства была драма. Каналетто учился рисовать театральные декорации. Тьеполо работал художником по костюмам. Веронезе положил в основу своих полотен модель театральной сцены XVI века.

Тинторетто творил спонтанно и естественно, в приливе вдохновения, которое, по-видимому, никогда его не покидало. В его картинах некоторые чувствуют беспокойство — тревогу, неуверенность среди мятущихся форм. Это не противоречит бесконечной активности и творческой плодовитости художника. Он никогда не отдыхал. Его настрой совпадает с беспокойством Венеции на море и с бесконечными поисками смысла в диком мире. Однажды Тинторетто сказал: «Чем дальше ты идешь, тем глубже море». Поздней весной 1594 года в возрасте семидесяти пяти лет он умер от лихорадки.

В 1581 году некий венецианский коллекционер заметил, что картин в Венеции больше, чем во всей остальной Италии. Живопись, сказал Рёскин, это способ письма венецианцев. Таким образом, может ли графолог искусства определить некоторые скрытые характеристики в богатстве венецианской живописи? Существует ли соответствие между одним и другим художником, которое можно было бы с некоторой долей убедительности приписать природе и расположению города? То, как одно полотно сменяло другое во Дворце дожей и в городских церквах, позволяет предположить, что, по мнению властей,

венецианское искусство обладало узнаваемой историей и независимым единством. Оно было способно к бесконечному обновлению, не ставя под угрозу своей глубинной идентичности.

Такая вещь, как венецианское искусство, существовала и для самих венецианцев. Оно — не выдумка искусствоведов. К примеру, в мозаиках и духовной живописи XV века можно видеть сплав византийского, готического и тосканского искусства, характерный только для Венеции. Город впитал в себя традиции Востока и Запада. На протяжении венецианской истории происходило смешение разных стилей и стилистических особенностей.

В эти ворота стучались многие.

В XIII веке венецианское искусство по духу было византийским. Образы Христа Вседержителя, Богоматери и всех святых писали на позолоченных деревянных досках. На копировании или подделке ранних византийских оригиналов специализировалась по меньшей мере одна мастерская в городе.

Так путем имитации венецианское искусство обрело идентичность. У него не было другого прошлого. Разграбление Константинополя в 1204 году создало условия для византийского возрождения

в главном городе грабителей. В предшествующие века искусство Венеции было провинциальным и по-средневековому застывшим. До середины XV века не было создано ни одного по-настоящему значительного венецианского произведения. Однако в то время появлялись многочисленные образцы возрождения византийского искусства, особенно во второй половине XV века, когда враждебность материковых городов Италии привела к отвержению классического искусства и готики. Венеция стремилась создать историческую и культурную идентичность в регионе Верхней Адриатики, где некогда господствовала Византия.

Византийское влияние проявилось еще раньше, в первых мозаиках базилики Святого Марка. Самые ранние из них, относящиеся к концу XI века, были созданы привезенными из Византии греческими художниками. Однако к началу XIII века возникла особая венецианская школа мозаики. Мозаика сделалась основным элементом венецианской культурной идентичности. Ее называли живописью для вечности, так как она не разрушается и не выцветает на протяжении значительного времени. Мозаика отражает венецианскую страсть к поверхностному декоративному узору, столь же изощренному, как кружево

Бурано. В мозаике воплощена любовь венецианцев к богатым и прочным материалам. *Tesserae* — кусочки золота или смальты для мозаики. Они обладают чувственной притягательностью драгоценностей и других сверкающих товаров, столь дорогих воображению торгового города. В мозаике воплощена венецианская любовь к цвету и деталям. Даже более поздние работы в соборе Святого Марка свидетельствуют об отсутствии интереса к линейной перспективе, появившейся в итальянском искусстве XIV века. Перспектива напоминает о бренности мира. Узор и цвет не подвластны времени. Венецианские живописцы не забыли этого урока; создавая сверкающий многоцветный мир, они соперничали с создателями мозаики. Искусство мозаики преподавалось в Венеции еще долго после того, как пришло в упадок в других итальянских городах: школа профессиональной мозаики была организована в 1520 году.

Сверкающая смальта и золото мозаики сияют вкупе с культовыми предметами и яркими красками икон, создавая игру света и тени, характерную для венецианского искусства. Стекло для мозаик изготовлялось в Мурано, где мастерские славились *lucidezza* (прозрачностью продукта).

Когда Филипп де Коммин в 1494 году попал в Венецию, он заметил на стенах собора Святого Марка «любопытную работу, называемую мозаикой, или маркетри; они хвастают, что придумали и это искусство…» Это типично венецианское хвастовство не имело оснований, но комментарий показывает, сколь странной и экзотичной казалась мозаика глазу иностранца. Томас Кориат, посетивший Венецию в начале XVII века, заметил: «Я никогда не видел таких изображений прежде, чем очутился в Венеции». Венеция стала ассоциироваться с искусством мозаики.

Город был средоточием жизни. Город был ареной соревнований и демонстрационной площадкой. Искусство Тинторетто не так уж сильно отличается от искусства Тьеполо, хотя их разделяет почти два века. И в том, и в другом сразу можно признать венецианца. Город вобрал их в себя. Дал им силы. В то время как великие художники Флоренции — Донателло, Леонардо, Микеланджело — казалось, упорно не хотели иметь ничего общего со своим городом, художники Венеции на родине чувствовали себя легко. Джорджоне, Тинторетто и Веронезе не пользовались покровительством других городов или других дворов; они редко покидали город в лагуне или не покидали

его вообще. Джованни Беллини провел жизнь в районе Кастелло. Тициан не любил покидать Венецию. Венецианские художники были семейными людьми, в то время как флорентийские тяготели к одиночеству и гомосексуализму.

В Венеции существовала большая преемственность. Джованни Беллини следует рассматривать в контексте работ его отца, Якопо Беллини. Джорджоне, в свою очередь, учился у Беллини, а Тициан у Джорджоне. Тьеполо называли *Veronese redivivio* (воскресший Веронезе). Это, вероятно, знакомая модель влияния и наследования, наиболее полно и ярко проявляющаяся в небольшом и относительно изолированном городе. Склонность граждан Венеции к консерватизму во всех социальных и политических вопросах неминуемо отразилась на местных художниках. Во всех случаях общественного дискурса утверждалась важная роль традиции и авторитета. Если бы мозаики Святого Марка выцвели, их заменили бы точно такими же. Если бы картины и росписи Дворца дожей были повреждены, их заменили бы теми же историческими или мифологическими сценами. Все чувства венецианских художников были направлены на то, чтобы сохранить прошлое или научиться у него.

Методы работы венецианцев отличались от методов современников из других городов. В Венеции на художников обычно смотрели как на своего рода ремесленников. В городе, который отличался прагматизмом, художники получали чисто практическую подготовку, приобретали чисто профессиональные навыки. В них не было ничего возвышенного — возможно, за исключением Тициана. Они не испытывали божественного вдохновения. Прежде всего они были слугами государства. Художники принадлежали к гильдии, за которой надзирали три магистрата. Наряду с Тинторетто и Тицианом туда входили художники, рисовавшие вывески и игральные карты. Предполагалось, что художники должны применять свое искусство и в других областях, имеющих отношение к государству. Их нанимали в качестве картографов или для росписи праздничных знамен и щитов. Подобно другим ремесленникам, они сами изготовляли свои орудия труда. В работе они руководствовались скорее материальными, чем эстетическими соображениями. Они смотрели на холст, как плотник — на деревянный сундук или сапожник на пару башмаков.

В Венеции существовала большая специализа-

ция ремесел, чем в других городах. Это тоже часть наследия венецианской коммерческой традиции. У резчиков рам была собственная гильдия, а позолотчики входили в гильдию живописцев, образуя собственную «колонну». Нередко ювелиры создавали свои произведения в союзе с коллегами. Существовали художники, расписывающие мебельные панели, и художники, расписывающие сундуки. Были резчики по слоновой кости, искусство которых пришло из Византии. Всегда существовал вопрос ассигнований и заказа. К примеру, чисто венецианским ремеслом было изготовление ставень для органа.

Так или иначе, в городе, чутко отвечавшем на запрос на предметы роскоши, живопись неизбежно должна была отличаться от живописи других городов. Роскошь олицетворяет любовь к материальному миру. И разве это качество не присутствует в картинах Беллини или Тициана?

Влияние торговли можно усмотреть в замене деревянной основы для масляной живописи на холст. Поставки нового материала гарантировались процветанием производств по изготовлению парусины. К тому же морской воздух разрушает дерево. Холст также было легче перевозить по городу и лагуне, где управ-

лять большим судном нелегко. Граница между экономическими и художественными предпочтениями весьма расплывчата. А в таком городе, как Венеция, особенно трудно понять, которые из них доминируют. Впрочем, следует отметить, что венецианские художники обратились к пейзажу именно тогда, когда город начал колонизацию материка.

Bottega (мастерские венецианских художников) были созданы в ответ на торговую практику города. Одной из самых эффективных мастерских была, к примеру, мастерская Тинторетто, построенная на свойственном венецианцам уважении к семейным ценностям. Ему помогали два сына, которые еще долго после его смерти продолжали делать копии отцовских произведений. Тинторетто в завещании оставил сыновьям все свое «имущество, а также профессиональные принадлежности». Его жена отвечала за финансы. Дочь тоже поспособствовала удачному ведению семейного дела посредством замужества. Как говорилось в некоем документе, «если Себастьян окажется искусным художником, я (дочь художника) возьму его в мужья; таким образом, его талант будет способствовать сохранению имени Тинторетто». И правда, мастерская Тинторетто

просуществовала более века, на протяжении трех поколений. В городе, опиравшемся в том числе на главенство семьи, прецеденту следовали и художники. Сыновья Беллини были живописцами. Мастерские Тьеполо и Бассано, Веронезе и Дзуккаро были семейными предприятиями. Они, несомненно, создавались по образцу купеческих семей, где торговля переходила от отца к сыну. Человек становился художником уже потому, что входил в семью художника.

Занятие искусством мыслилось скорее как общественное, а не индивидуальное предприятие. Картины создавались множеством рук. К примеру, Беллини предлагал ученикам свои зарисовки голов в качестве образцов для копирования; в других мастерских то же делали с фигурами и т. п. В городе, где на верфях Арсенала была создана первая производственная линия, этому едва ли можно удивляться. Так в художественных мастерских создавались самобытность и единство венецианской живописи. Начиная с XIV и кончая XIX веком, эта живопись была особым и особенным венецианским феноменом. В других итальянских городах не было ничего подобного. В Венеции искусство было преимущественно коммерческим предприятием и довольно выгодным;

этим, возможно, объясняется, почему перемены в искусстве всегда происходили там медленно.

На основе косвенных данных мы можем в общих чертах нарисовать портрет венецианского художника. Он или она (в Венеции существовали и художницы) были энергичны, упорно трудились, им нравилось быть членом большой общины и служить этой общине, их волновала не столько эстетическая теория, сколько коммерческая практика, они уделяли большое внимание заключению контрактов и получению дохода. Знаменательно, что ни один венецианский художник не написал ни одного трактата по живописи. Во Флоренции таких работ было множество.

Совсем неудивительно, что обычный венецианец ничего не смыслил в искусстве. Разумеется, имелся огромный спрос на религиозные картины, но качество этих произведений почти не обсуждалось. Веками в городе царило общее безразличие к высочайшим образцам местной живописи. Как пишет Уильям Дин Хауэллс в книге «Жизнь в Венеции», опубликованной в середине XIX века, «что касается искусства, то венецианцы абсолютно к нему безразличны и ничего о нем не знают… Мне бы скорее пришла

в голову мысль спросить мнение рыбы о воде, чем венецианца о живописи или архитектуре». В нынешнее время Биеннале эти слова можно повторить.

Со второй половины XIV по конец XVIII века в городе существовали две господствующие школы живописи. Одна уделяла главное внимание эмоциональным и декоративным эффектам, а другая полагалась на сюжетно-тематическую сторону. Первая снискала любовь венецианцев благодаря пышности и великолепному воспроизведению текстуры. Вторая удовлетворяла их страсть к театральным постановкам. Однако и ту, и другую отличает чувство ритмического изящества и плавность линий. Венецианский патриций Пьетро Бембо описал венецианский диалект как «более мягкий и более образный, более быстрый и более живой», чем другие варианты итальянского, эти слова он с равным успехом мог бы отнести к произведениям венецианских живописцев. В них присутствуют движение и ритм. Венецианское искусство всегда отличалось большей чувственностью и сладострастием; яснее всего это можно видеть в тициановских ню. Планы и прямые линии уступили место кривым.

Приехав в Венецию, Эдуар Мане решил напи-

сать сцену ежегодной регаты на Большом канале. Однажды, сидя в местном кафе, он сказал другу и соотечественнику Шарлю Тошу: «В изображении движения не должно быть четкости, не должно быть никакой линейной структуры; только соотношение тонов, которое, если правильно на него смотреть, передаст его истинный объем, его глубинную композицию». Это любопытное наблюдение относится и к самой природе венецианской живописи.

Пристрастие к повествованию является отчасти пристрастием к драме. Венецианская сцена славилась машинами и представлениями. Общественное пространство Венеции использовалось для проведения тщательно режиссированных шествий. Самые ранние мозаики в базилике Святого Марка имеют сюжет, а первая сюжетно-тематическая картина была создана школой Паоло Венециано весной 1345 года. В этих ранних работах человеческое существование рассматривается в контексте общественных событий. В таком смысле это народное искусство. В сюжетных картинах всегда присутствуют группы и толпы людей. Возможно, в них передается опыт самой Венеции. Подобное искусство придает общественной памяти связность и выразитель-

ность. Придает повседневной жизни города значительность. Когда, к примеру, Карпаччо изображал чудеса, случившиеся на улицах и каналах города, его работы воспринимались как несомненное доказательство того, что подобные события происходили в действительности.

Художники города трудились во славу Венеции. Их устремления были созвучны не столько индивидуальной, сколько социальной реальности. Поучительно, что сами они не предлагали содержание повествовательных циклов, но довольствовались запросами государства. Если заказчиком не было само государство, в роли меценатов выступали различные религиозные и общественные организации города. Патриции также желали увековечить роль своих семейств в приумножении государственной славы. Венецианское искусство почти не знало самоанализа. Возможно, этим объясняется его крайний консерватизм или скорее опора на традицию.

Искусство было и формой политической жизни. В Венеции все было связано с политикой и опутано сложной сетью властных отношений, связывающих государство с гильдиями и Церковью. Примером общественного контроля может служить официальное искусство. Это справедли-

во и по отношению к Венеции XVI века, и к Советскому Союзу XX. В Венеции главенствующим было понятие единства города, с его обычаями и традициями. Если дож умирал, художники продолжали выполнять полученные ими заказы. Смерть миланского герцога или Папы Римского означала полный разрыв договоренностей.

Изображения дожей, торжественными рядами выстроившиеся на стенах зала Большого совета, сами по себе предназначаются для того, чтобы воплощать мирную преемственность (один следует за другим) и лояльную безликость. Дожи олицетворяют стабильность. У них великолепная осанка и одежда. Их ясный взгляд не омрачен сомнением или размышлением. Венеция первой из городов начала хранить портреты своих правителей — не как конкретных людей, а как защитников и представителей города. Автор этих официальных портретов был известен как *pittore di stato* (официальный художник). Он также реставрировал картины из государственной коллекции, конструировал механизмы для карнавальных шествий, придумывал узоры для флагов и мозаики в базилике. Коллекционеры часто завещали свои приобретения государству — на благо *la patria* (родины).

После двух опустошительных пожаров 1570-х годов, частично уничтоживших Дворец дожей, была принята новая программа официального искусства. Символизм изображений был настолько сложен, а правильность его интерпретации настолько важна, что в 1587 году была издана книга под названием «Объяснение всех историй, изображенных на картинах, недавно помещенных в зале делло Скрутинио и зале Большого совета во Дворце дожей»; этот обширный труд завершается перечнем «Наиболее известных побед, одержанных венецианцами над народами мира». Если историю рассматривать как нечто священное, тогда исторические полотна становятся объектом поклонения вроде иконы. Они не оставляют места для критического исследования. На надгробных памятниках и религиозных картинах дожа всегда изображают в компании святых — даже в присутствии Девы Марии и распятого Христа. Так город обретает Божественное благоволение и защиту.

В том, что касается живописи, миф Венеции подвергался бесконечным изменениям и поправкам. На картине Джованни Беллини образ Мадонны с младенцем на фоне пейзажа отчасти являлся сакральным изображением господства

Венеции на материке. Позже у Веронезе Королева Адриатики (Венеция) становится Царицей Небесной. Почти два века спустя Джамбаттиста Тьеполо изобразил поклонение Нептуна Венеции. Эти образы являются частями одного социального и политического проекта, который неизменно присутствует в работах венецианских художников.

Мы можем воспринимать насыщенность и яркость цвета на картинах венецианских мастеров как символ культурного великолепия. На эту тему написано множество книг. Венецианские художники накладывали один цвет поверх другого. Они экспериментировали с гармонией цветов, сообщая миру живописи вибрацию и движение. Они чутко улавливали суть жизни. Живопись была и формой мышления. Когда алый соседствует с зеленым, в мире рождается власть. Для ее описания употребляют слова «великолепная», «роскошная», «сверкающая», «сияющая». Вот почему с середины 1470-х годов венецианцы становятся первопроходцами и новаторами в использовании масляной краски. Идея, возможно, пришла из Фландрии, однако в Венеции она достигла апофеоза. Венецианские живописцы работали со всеми цветами, от светлых до темных,

накладывая красочные слои, в которых формы мерцали и растворялись. С масляной краской в живопись пришел свет. Цвета, как тогда говорилось, «принимали участие» друг в друге, создавая эффект гармонии. То же можно сказать об управлении Венецией.

Вазари не одобрял венецианской колористики. Он отмечал, что художники накладывают краску непосредственно на холст, не делая предварительно рисунка. Он объяснил, что главное венецианское правило сводится к тому, что «писать только красками, не делая рисунка на бумаге, — это наилучший и самый правильный метод». Джорджоне никогда не делал рисунка. Говоря теоретически, в этом состоит различие между *disegno* (рисунком) и *colorito* (колоритом). Вазари считает *disegno* отцом искусства, архитектуры и скульптуры; венецианцы верили, что *colorito* — мать живописи. Они наслаждались блаженством ее теплых широко открытых объятий. Цвет был мягким, родным и гармоничным. Вот почему венецианская живопись часто ассоциируется с изображением обнаженного женского тела. Можно сказать, что ню было изобретением венецианских художников XVI века. Виллем де Кунинг как-то заметил, что «причиной изобрете-

ния масляной живописи была плоть». Мысль не слишком верная, но наводящая на размышления. Рисунок был продуктом ума и дисциплины, а цвет — символом эмоционального и чувственного удовольствия. Именно в этом контексте английские живописцы Уильям Блейк и Джошуа Рейнолдс отрицательно отзывались о венецианской живописи: они руководствовались скорее моральными, а не эстетическим критериями.

Подобный метод чреват определенными последствиями. Высказывалось мнение, что венецианских живописцев волновало не столько «внутреннее содержание» мира, сколько разнообразие внешних проявлений и их текстура. Они не проявляли видимого интереса к идеалу или глубине постижения. Но что эти звучные термины означают в контексте краски и холста? Как сказал Оскар Уайльд, «только поверхностные люди не судят по внешнему виду».

Венецианское искусство никогда не было научным или даже исторически точным, напротив, оно не поддавалось анализу и пробуждало чувства. Эмоции и страсть венецианских художников можно обнаружить именно во внешнем. Их глубина лежит в области отношений между различными цветами и их оттенками. Разве

глаз не схватывает только цвет, свет и тень? Как сказал о Тициане Аретино, «смысл вещей у него в его кисти». В воздухе витают оптимизм и изобилие. Легкость бытия является в воздушных фигурах Тьеполо, плавно несущихся по небу, поднятых ветром света. Эту черту можно назвать венецианской жизнерадостностью, полагающей, что вечность благосклонна к произведениям времени. Повествуя о Тициане, Вазари постоянно повторяет, что работы венецианца кажутся живыми; в них схвачено движение и внешняя сторона жизни. Схвачена быстротечность момента. В них чувствуется страсть. Они не имеют отношения к расчетам или теориям. От них исходит сияние, льющееся на зрителя, и, кажется, они перестают быть плоскими и становятся частью мира.

Порой эти работы вызывают напряжение. Это не самый приятный аспект театральности. Создается впечатление, что венецианское искусство тяготеет к экстраординарному. Веронезе и Тьеполо ругали за то, что они создают гигантские и слишком пышные театральные декорации. Давались более чем нелестные комментарии по поводу кричащей яркости венецианского искусства и перегруженности деталями. Отме-

чалось, что венецианские художники любят предлагать едва ли не опись товаров: ткани, керамику, мебель и даже модную одежду. У них торгашеский глаз. Они располагают гобелены, ткани и драпировки как торговец на рынке. Мы можем говорить почти в буквальном смысле о богатстве изображения. У Тьеполо даже нищие одеты роскошно. Джошуа Рейнолдс сделал вывод, что «их главной целью служит простая изысканность, ибо они, как представляется, более хотят ослепить, чем растрогать»; многие венецианские картины «нарисованы с единственной целью — вызвать восхищение мастерством, с которым они выполнены, и выставить напоказ свое искусство». Но что такое Венеция, как не бесконечный парад?

Глава 28
Вечная женственность

Кто эта женщина на балконе? Знакомый венецианский мотив. На картинах, изображающих публичные церемонии в Венеции, женщины глядят на процессии с многочисленных балконов и террас. Это знак их заточения, но не присутствия. Они в домашней тюрьме. Однако на неопределенной территории открытого балкона, наполовину публичной, наполовину закрытой, присутствуют и другие возможности. Байрон писал в «Беппо»:

Я говорю, таких писал Джорджоне,
И прежняя порода в них видна.
Они всего милее на балконе
(Для красоты дистанция нужна)[17].

Вероятно, эти женщины свободны и, следовательно, более соблазнительны.

Уильям Тёрнер писал много венецианских окон и балконов. Его Джессика, навеянная образом из «Венецианского купца» Шекспира, стоит у откры-

---

[17] Примечания: 17
Перевод В. Левика.

того окна. Картину сопровождает тёрнеровский вариант шекспировского текста: «Джессика, отойди от окна, я сказал». Окно позволяет продемонстрировать свою привлекательность. Показать товар лицом. В Венеции принято смотреть. В рассказе Марко Поло об общественной жизни Китая он хвалит молодых девушек этой страны за скромность. «Они не высовываются из окна, — пишет он, — разглядывая лица прохожих или выставляя напоказ свое лицо». В этом отрывке нетрудно углядеть намек на его родной город.

Венецию прозвали женским городом. Генри Джеймс замечает: «Живя здесь день за днем, начинаешь чувствовать всю полноту ее очарования, проникаешься ее утонченным духом. Этот город меняется, подобно капризной женщине…» Затем он пространно рассуждает о различных настроениях города и в заключение признается в «желании обнять ее, ласкать, обладать ею». Подобное признание со стороны мужчины, который вряд ли обладал какой-нибудь реальной женщиной, заставляет вспомнить о психоаналитическом переносе, который провоцирует Венеция.

Она считается распущенной в поступках и отношениях. Помимо всего прочего, это город

прикосновений, город взглядов, город плоти. Он открыто обращается к чувствам. Проявляет себя. Как полагают, присутствие воды поощряет сластолюбие. Роскошь, царящая в городе, является апофеозом чувственного удовольствия. Сюда приезжали и до сих пор приезжают любители радостей жизни. Венеция известна как столица безудержных желаний и безграничной терпимости. Эти черты воспринимались, наряду с искусством и торговлей, как проявление силы. Венецианская беседа была известна непристойностью и вульгарностью. Гийом Аполлинер называл Венецию воплощением европейской сексуальности.

В поэзии и драме Венецию часто изображали как возлюбленную, очарование которой только увеличивалось от того, что она постоянно находилась в опасности. В юнгианских терминах можно сказать, что когда мужская идентичность города была утрачена после сдачи Бонапарту в 1797 году, он превратился в чисто женский город, который с XIX века облюбовали изгнанники и туристы. К примеру, в журналистике и литературе последних двух столетий Венецию нередко описывают как поблекшую красавицу. Поэты и писатели воспевали ее способность обольстить

гостя, заключить его или ее в утробные объятия. Узкие извилистые улочки сами по себе вызывают образы эротической охоты и неожиданностей. Символом города неизменно выступала женщина, будь то Мадонна или выходящая из моря Венера. Легенда гласит, что Венеция была основана 25 марта 421 года в праздник Благовещения, в тот день, когда над горизонтом восходила Венера. Город получил двойное благословение. Как он может не быть непобедимым?

Венеция была городом Венеры. Богини, рожденной из моря и неразрывно с ним связанной. Говорят, она возникла из белой пены, которую Нептун швырнул на берег островов, на которых вырос город, сообщив тем самым городу в лагуне глубинную сексуальность. Для путника, едущего из аэропорта «Марко Поло», город чудесным образом возникает из волн. Это один из лучших видов в мире. Слово «Венеция» звучанием вызывает в памяти Венеру. Город без крепостных стен олицетворяет обнаженную Венеру. «Венера и Венеция роль сходную играют — царит в любви одна, в политике — вторая»[18], — написал Джеймс Хауэлл в «Обозрении Синьории Венеции», Венера

[18] Примечания: 18
Перевод И. Летберг.

была королевой любви, Венеция — королевой политики.

Но Венеция была и городом Мадонны. Образы Благовещения можно найти на мосту Риальто, на фасаде собора Святого Марка, на стенах Дворца дожей и во многих других местах. Почитание Девы Марии влекло за собой и даже требовало почитания государства. Стойкость республики была очередным доказательством ее божественного происхождения. Подобно Деве Марии, Венеция существовала как бы вне времени.

Возможно, она пребывает в этом состоянии и поныне. Изображая Марию, стоящую перед архангелом Гавриилом, Тинторетто и Тициан, как и многие другие не столь великие венецианские художники, показывали типичную венецианскую девушку в типичном венецианском доме.

Культ Мадонны пронизал все сферы венецианской общественной жизни. Хронист XVI века пишет, что дож посещал собор Святого Марка «во все праздники, посвященные Деве Марии». В городе устраивались шествия и празднества вроде праздника Двенадцати Марий, завершавшегося ритуальным плаванием двенадцати статуй по Большому каналу. Этот праздник продолжался восемь дней. В XV веке в Венеции насчитывалось

более трехсот алтарей, воздвигнутых в честь Девы Марии. В соборе Санта-Мария Глориоза было восемь алтарей, посвященных Мадонне. Знаменитую Мадонну Никопею, византийскую икону Богоматери, приписываемую евангелисту Луке, торжественно проносили по площади Святого Марка в праздник Успения. Эта реликвия, ставшая защитницей и хранительницей города, до сих пор находится в соборе Святого Марка. Она же была источником пророчеств. Венецианцы верили: для того чтобы узнать, жив ли ваш друг, нужно всего лишь поставить горящую свечу перед образом; если человек жив, свеча не потухнет даже от сильного ветра, а если мертв, пламя угаснет от малейшего вздоха.

Венеция была Девой еще и потому, что ее никто не брал приступом. Она была неосквернённой и чистой, защищенной морскими волнами, словно драгоценным поясом. Мадонна — это мир. Мир — это стабильность. Джеймс Хауэлл в «Наставлениях и указаниях для путешествующего иностранца» писал о Венеции: «Эту прекрасную Деву часто пытаются растлить, одни за ней *ухаживают,* другие *подкупают*, третьи пытаются *изнасиловать*, но она до сих пор остается непорочной». Ни один город не оставался

неосквернённым так долго. Для прославления победоносного образа Венеции поэзия и живопись использовали сюжет коронования Девы Марии на небесах Христом. Царица Небесная — это и морская царица «блистающая, как заря, прекрасная, как луна, светлая, как солнце, грозная, как полки со знаменами». В 1746 году, за пятьдесят один год до падения республики, венецианский монах фра Франческо мог возносить такую молитву Божественной заступнице: «О Пречистая Дева, взгляни с небес на этот город, который ты избрала как главный предмет твоей Материнской Любви на земле».

Мадонне поклонялись все. На углах улиц было множество алтарей с лампадой, горящей перед образом Мадонны. О них заботились жившие по соседству. В Венеции не было дома, пусть и самого бедного, где не висело бы изображение Мадонны. Некоторые художники-*maddonieri* занимались только изготовлением дешевых образов Мадонны. Тем не менее они всего лишь следовали традиции Беллини. Когда звон колоколов призывал к молитве *Ave Maria*, венецианцы падали на колени на улицах и площадях.

Образы Мадонны почитались как чудотворные. Согласно поверьям, икона в нише старого дома

в приходе Санта-Марина обладала способностью исцелять. Лампады, свечи и цветы ставились перед ней в таком изобилии, а толпы верующих на узкой улочке были так велики, что икону перенесли во внутренний двор. На прежнем месте была выстроена великолепная церковь Санта-Мария деи Мираколи, напоминающая шкатулку с драгоценностями. В начале XVII века англичанин-евангелист Уильям Беделл писал о «множестве идолопоклоннических статуй, изображений и священных реликвий на каждом углу, не только в церквах, но и в домах, палатах, лавках и даже на улицах… даже море от них не свободно: они на кораблях, на лодках, на отметках глубины».

Мадонна была и архетипической матерью, в распростертых объятиях которой могли найти отдохновение сыны и дочери Венеции. В венецианских народных песнях город называют матерью. Фигура матери занимает такое значительное место в воображении венецианцев, что здесь угадывается действие других, более отдаленных сил. Возможно, венецианцы тосковали по матери из-за того, что их город был построен не на суше? Его не родила и не взрастила Мать-Земля. Согласно теории Юнга, мать олицетворяет

место рождения. В некотором смысле у Венеции такого места нет. Мать также представляла те стороны жизни и сознания, к которым страстно стремились венецианцы, — материальность и чувственность. Не могли ли быть искусство и культура города формой компенсации за государство, у которого нет матери?

И вот в XVI веке как живое доказательство небесной любви появляется таинственная женщина, ставшая известной в жизни и в легендах как Венецианская Дева. Она явилась неизвестно откуда. И начала каждый день готовить еду для сотен бездомных на одной из площадей. Она просила у богатых, чтобы накормить бедных. И такова была сила ее примера, что в городе были основаны постоянно действующие учреждения для неимущих, названные *Ospedaletto dei Derelitti* (Приют обездоленных). Она предсказывала будущее Венеции. Первое из ее пророчеств начиналось словами: «Преобразование мира начнется в Венеции». Она называла себя и город *Jerusalema Ponentina* (Западным Иерусалимом), в результате в литературе XVI века Венеция стала называться Новым Иерусалимом. Искусственный город стал архетипическим городом.

Майкл Келли, ирландский тенор, живший в

Венеции веком раньше Генри Джеймса, заявил, что этот город — «рай женщин и венецианская женщина стоит рая». Заметьте, что для него он рай женщин, а не рай для женщин. В том же веке миссис Трейл заметила более сурово: «Правительству известно о каждой булавке, которую она (венецианка) носит, и где ее найти в любой момент дня и ночи». Это ощущение, что ты постоянно на виду, относится не ко всем. Патрицианки были скрыты от посторонних глаз, они появлялись на публике лишь во время религиозных или официальных церемоний, а если им случалось выходить из дома, то непременно в сопровождении слуг. И всегда под вуалью. Их затворничество было сродни восточному.

Женщины среднего и низшего классов пользовались значительно большей свободой передвижения. Крестьянки приносили свою продукцию на рынок, а представительницы среднего класса нередко трудились в лавках или мастерских своих мужей. В официальных документах женщины значатся как ткачихи, булочницы, торговки специями и сапожники. Часто говорилось, что венецианские женщины сильнее и выносливее мужчин.

По закону венецианская женщина не была

членом семьи своего мужа; она по-прежнему оставалась в семье отца. Браки заключались скорее между семьями, чем между людьми. В официальных документах женщина упоминалась только как дочь своего отца или жена своего мужа. Имелись и более суровые ограничения. В законодательстве XV века адюльтер со стороны женщины порой карался смертью.

Однако нормы закона — еще не все. Есть много сообщений о том, что у себя дома венецианка пользовалась большой властью. Из официальных документов следует, что в случае смерти мужа или отца женщины высших или средних классов нередко наследовали крупные состояния. В городе существовали заведения вроде певческих школ, где могли беспрепятственно собираться женщины. Служанки или сожительницы венецианских священников часто приобретали большую власть в приходе, помогая управлять общиной. В каждом квартале имелись мудрые женщины и целительницы, которых все знали. В таком полном суеверий городе, как Венеция, они не сидели без дела.

Между женщинами существовало множество других социальных связей. К примеру, патрицианки могли покровительствовать молодым

бедным девушкам. В пьесах Гольдони и мемуарах венецианских граждан описаны сплоченные сообщества слуг, соседей и друзей, которые, стоя на пороге своих домов или около колодца, обменивались последними новостями и сплетнями. Там не было понятия «неприкосновенность частной жизни», как в Англии или Северной Европе. Если муж, по представлениям того времени, несправедливо или слишком жестоко обращался с женой, он мог подвергнуться общественному осуждению и даже преследованию. В Венеции нормы индивидуального поведения определялись обществом. Местные приходы были главным заповедником женской жизни в мужском городе. Тогда как в общественной жизни доминировали мужчины, частная и домашняя сферы принадлежали женщинам. Приход был местом, где они покупали и продавали, обменивались товарами и услугами. Такое устройство удовлетворяло обе стороны и в значительной мере поддерживало и укрепляло знаменитую гармонию венецианского общества.

Однако у женщин было существенное преимущество. Выйдя замуж, они приносили с собой приданое. Приданое было обязательным. Оно — главный пункт брачных переговоров и у простых

людей, и у знати, и купцов. В старой венецианской песне поется: «Сколько купцов начали свое дело, получив приданое?» Хотя приданым жены распоряжался муж, после его смерти оно возвращалось к жене, которая могла распоряжаться им по собственному усмотрению. Большинство женщин становились невестами в четырнадцать-пятнадцать лет; их мужьям обычно было двадцать девять — тридцать. Так как женщины были моложе, они, как правило, жили дольше. Некоторые женщины становились очень богатыми. Даже если они были незаметны, они все равно были влиятельны.

Мудрые матери использовали свое богатство, чтобы увеличить приданое дочерей, повысив тем самым их шансы на замужество. В конце XIV века в Венеции возникло такое явление, как инфляция приданого. Затраты, связанные с женитьбой, были столь велики, что в обмене могла участвовать всего одна девушка из семьи, и только один мужчина в семье мог собрать богатый урожай. В результате в городе появилось множество неженатых мужчин и незамужних женщин; мужчины оставались жить в своей семье, а женщин отправляли в монастырь.

В V веке до нашей эры Геродот писал, что пле-

мена венетов продавали дочерей на открытых торгах тому, кто больше заплатит. Еще в X веке нашей эры встречаются сообщения о ежегодных ярмарках невест в Венеции, проводившихся в день Святого Марка (25 апреля) в церкви Сан-Пьетро ди Кастелло, куда девушки приходили со своим приданым. Это пример устойчивой венецианской традиции, принявшей другую форму. В городе рынков незамужняя женщина была основным товаром. Товары в виде женщин и денег обменивались на рост политического влияния или более высокое общественное положение. При этом видимые активы переходили в невидимые. Когда новобрачная шла в составе свадебной процессии в свой новый дом, обмен становился публичным и подотчетным. Он представлял собой свободную циркуляцию капитала в государстве. Поскольку товар можно было легко повредить, девушек часто помещали на время в монастырь; женские монастыри были чем-то вроде складов.

В знатных семьях в день подписания брачного договора жених посещал дом будущего тестя. Девушка, в соответствии с обычаем, в белом платье и бриллиантовых украшениях, дважды проходила по кругу перед женихом и его друзьями

под звуки флейт и труб. Затем она отправлялась во внутренний двор, где ее приветствовали все женщины семьи, а позже объезжала в гондоле все монастыри, где находились в заточении ее родственницы. Гондольерам невесты полагалось быть в алых носках. За стенами монастыря девушку показывали монахиням, которые, возможно, испытывали по этому поводу смешанные чувства. На рассвете свадебного дня, пока невеста готовилась отправиться в приходскую церковь, у ее дома играл маленький оркестр. После свадебной церемонии устраивался публичный праздник, куда гости приносили подарки.

У других слоев общества существовали не менее строгие свадебные обычаи. Будущему жениху, тщательно причесанному и надушенному, полагалось быть в бархатном или суконном плаще и с кинжалом на поясе. Сначала он признавался в любви, распевая под окном возлюбленной. Затем должен был сделать формальное предложение семье девушки. Если он производил благоприятное впечатление, обе семьи встречались за обедом и обменивались подарками — носовыми платками и миндальными пирогами. За этим следовали другие дары, тщательно регламентированные в соответствии с традицией и предрассудками. На

Рождество мужчине полагалось дарить женщине *confettura* (фруктовый конфитюр) и сырые семена горчицы, а в день Святого Марка — бутоньерку из розовых бутонов; вручались и принимались другие подарки. Но были и запреты. Нельзя было дарить гребни для волос, так как они считались ведьминским орудием; запрет распространялся и на ножницы, потому что те символизировали отрезание языка. Как ни странно, нельзя было дарить изображения святых; это считалось дурным предзнаменованием.

Свадьбу всегда устраивали в воскресенье, по множеству причин иные дни считались неблагоприятными. Семья невесты должна была обставить спальню молодоженов. В соответствии с обычаем в ней должны были находиться кровать, шесть стульев, два комода и зеркало. Никакие другие породы деревьев, кроме ореха, использовать не разрешалось. Вот пример бездумного консерватизма венецианцев. Ни один народ не имел меньшей склонности к социальной или политической революции. В этом городе супружеская жизнь была не только удовольствием, она была торжественным общественным и семейным служением. Возможно, в этом кроется источник венецианской пословицы: «Брак полу-

чается из любви, как уксус из вина».

Относительная анонимность женщин в венецианском обществе подтверждается незначительным количеством женских портретов. Тинторетто написал сто тридцать девять мужских портретов и лишь одиннадцать женских. Тициан исключал женщин из групповых портретов на надгробьях. Это нельзя считать характерной чертой патриархального общества. К примеру, во Флоренции создано множество женских портретов. Стремление стереть женщин из официальной памяти показательно только для Венеции. Оно свойственно власти, наделяющей полномочиями государство, а не индивида. И связано с понятиями принуждения и контроля, которые при этом рассматриваются как мужские доблести. Вот почему в венецианской живописи так много женских ню и так мало полностью одетых женщин. Женщина рассматривалась скорее как объект чувственного восхищения, а не серьезного внимания.

Женщины, которых мы видим на венецианских холстах, почти всегда анонимны. Они даже могут не быть венецианками. Перед нами парадокс бесчисленных образов Мадонны и недостатка изображений реальных женщин. Разгадка, воз-

можно, кроется в том, что идеализированный образ женщины почитался священным. И его нельзя было марать изображением женщины земной.

Жены купцов и богатых лавочников, появляясь на людях, становились предметом многочисленных комментариев. В конце XV века каноник Пьетро Казола писал, что «венецианки, особенно красивые, пускаются на все уловки, чтобы обнажить свою грудь… Когда их видишь, удивляешься тому, как их одежда не падает с плеч». Он обратил внимание на то, что «они не чураются никаких средств, чтобы улучшить свою внешность». В 1597 году Файнс Моррисон описывал их так: «Высокие благодаря деревяшкам, пухлые благодаря тряпью, румяные благодаря краске и белые благодаря мелу». Здесь «деревяшки» — это туфли на высокой платформе. В искусственном городе женщины были воплощением искусственности. В торговом городе мода была важным элементом потребления. В Венеции мода менялась быстрее, чем во всех других областях Италии.

Для многих путешественников Венеция была огромным борделем на открытом воздухе, «разгулом плоти», как выразился один из гостей. Даже Боккаччо в «Декамероне» — книге, не отлича-

ющейся утонченностью, — называет этот город «вместилищем всех пороков». Два века спустя Роджер Аскем сказал, что видел за девять дней «больше потворства греху, чем слышал о нем в нашем благородном Лондоне за девять лет». Говорили, что юноша, посетивший во время Большого путешествия Венецию, привезет с собой в подарок сифилис, которым наградит будущую жену и детей. В Венеции не было знаменитых возлюбленных, только знаменитые развратники и куртизанки.

В начале XVII века Томас Кориат насчитал в Венеции двенадцать тысяч проституток, «многие из которых отличаются таким беспутством, что, как говорится, открывают свой колчан каждой стреле». Это может показаться некоторым преувеличением со стороны раздосадованного моралиста, но цифра не так уж завышена. Веком раньше венецианский историк Марино Санудо оценил ее в одиннадцать тысяч шестьсот пятьдесят четыре. За сто лет может случиться многое, особенно в городе, который становился все более известен распутством и вольнодумством. Цифру, приведенную Санудо, следует рассматривать в контексте численности населения, в начале XVI века составлявшей сто тысяч человек. То есть

одна из пяти венецианок была проституткой. Имеются упоминания о том, что венецианцы предпочитали проституток женам. Одним из объяснений подобного положения дел может служить большое количество неженатых аристократов. Согласно Моррисону, в конце XVI века прелюбодеяние «считалось небольшим грехом, который легко отпускался духовниками».

Святой Николай был одновременно покровителем моряков и проституток, представителей двух профессий, без которых в Венеции невозможно было обойтись.

Торговля наслаждением велась в определенных районах. В одном из них, Кастеллетто, на определенных улицах (всего их было тридцать или сорок) имелись публичные дома. В одном таком доме жили тринадцать проституток. Главный центр проституции с XV века располагался на *campo* Сан-Кассиано, известном как Карампане, поблизости от гостиниц и пансионов Риальто. Площадь Святого Марка использовалась венецианскими матерями как рынок живого товара. «Любая мать, — пишет французский путешественник XVII века, — желающая избавиться от дочери, приводит ее туда, как на рынок… Вы не обязаны покупать кота в мешке, поэтому

вы можете осматривать и ощупывать ее сколько захотите». В воспоминаниях Казановы есть упоминание о подобной сделке. Он встретил в кофейне мать с дочерью, и там, разгадав его намерения, мать попросила денег. Ее дочь не должна потерять невинность, «не получив от этого никакой выгоды». Казанова предложил за ее девичество десять цехинов, но прежде пожелал удостовериться, не обманывают ли его. Что в своей неподражаемой манере вскоре и сделал. Такова расхожая история о жителях Венеции.

Благородная, или честная, куртизанка была венецианской достопримечательностью. Ее не следовало путать с *meretrice* (обычной проституткой). Куртизанка считалась свободной женщиной, образованной и утонченной. Кориат, ставший своего рода экспертом по торговле женским телом, описывает куртизанку, «украшенную множеством золотых цепей и восточных жемчужин, словно вторая Клеопатра (но они очень мелкие), в золотых кольцах с бриллиантами и другими драгоценными камнями и роскошными серьгами в ушах». Чтобы не поддаться чарам этих женщин, он рекомендует путникам носить при себе траву, называемую *моли* (улиссова трава) — разновидность чеснока.

Но куртизанка прельщала мужчин не только плотскими утехами. Она умела поддержать любую беседу, была остроумна, знала поэзию. Ее считали воплощением ренессансного идеала чувственности, приводящей если не к возвышенному образу мыслей, то хотя бы к художественному или литературному салону. К тому же куртизанка олицетворяла новый тип женщины и новую форму женского сознания. Венецианские куртизанки были значительными фигурами, добившимися социального и даже интеллектуального влияния, с которым не могли равняться другие женщины. Вот почему они прославились по всей Европе. Если Венеция и впрямь женский город, то это нагляднее всего доказали куртизанки.

Сексуальность вела и в мастерскую художника. Статус безымянных женщин с полотен венецианских художников не слишком ясен, хотя можно предположить, что, к примеру, модели Тициана были куртизанками. Образы кающейся блудницы Марии Магдалины также могли иметь прототипы в жизни. Посол Феррары в Венеции писал суверену: «Я подозреваю, что девушки, которых он часто изображает в различных позах, возбуждают его желания, которые он удовлетворяет в большей мере, чем позволяют его

скромные силы».

В городе, где продавалось множество товаров, человеческое тело не составляло исключения. Товар, который ты приобретаешь, надо видеть. «О женщине или картине, — гласит венецианская пословица, — нельзя судить при пламени свечи». Мушка около носа означала ненасытность, а в углублении подбородка — любовь к приключениям.

Само государство потворствовало сексуальной практике и поощряло ее. У городских проституток была своя гильдия, они занимались ремеслом под покровительством службы здравоохранения. Причины подобной терпимости коренились скорее в области финансов, а не морали. Предполагалось, что на налоговые поступления от доходов проституток можно соорудить двенадцать боевых кораблей для защиты государства. Проститутки также способствовали развитию отрасли, которую сегодня называют туристической. Женщины помогали выставлять напоказ знаменитую венецианскую свободу. Они стали частью мифа о Венеции. Когда Отелло говорил Дездемоне: «…считал вас ловкой шлюхой венецианской», намек был ясен всем.

Утверждалось, что благодаря проституткам,

целомудрие уважаемых женщин города не подвергается угрозе. Также предполагалось, что доступность женщин была одним из средств сохранения порядка среди низших классов. К тому же проституцию считали защитой от гомосексуализма. В XV веке, в период широкого распространения содомии, городским проституткам было приказано, высовываясь из окна, выставлять обнаженную грудь. Однако некоторые из них предпочитали переодеваться юношами.

Город был известным центром гомосексуализма и гомосексуальной проституции. Многие считали гомосексуализм восточным пороком, а, разумеется, Венеция многим была обязана восточной культуре. Существовало мнение, что венецианцев, как высказался некий европейский критик, «расслабила и выхолостила нежная итальянская музыка». Изнеженность и роскошь, царившие в городе, якобы растлевали его жителей. Прибавим сюда неоднозначный статус земли и воды, границы и материка. Человеку с повышенной чувствительностью приходилось выходить из привычных рамок. Любовь к мальчикам описана в повести Томаса Манна «Смерть в Венеции», где пожилой Ашенбах умирает, соблазнившись внешностью Тадзио. В этой повести

Манн находит верный тон для описания чувственной атмосферы города: «Ашенбаху казалось, что глаза его впивают все это великолепие, что его слух ловит эти лукавые мелодии; он думал о том, что Венеция больна и корыстно скрывает свою болезнь, и уже без стеснения следил за скользящей впереди гондолой».

Венеция влекла людей с неоднозначной сексуальностью: Пруста, Джеймса, Барона Корво, Дягилева и многих других. Как заметил французский писатель Поль Моран в книге *Venises* (1970), «в Венеции гомосексуализм есть не что иное, как наиболее утонченное из изящных искусств». Однако в XIV и XV веках он был самым страшным и самым наказуемым из сексуальных преступлений. Рассадником этой криминальной деятельности считались аптеки и кондитерские. Паперти некоторых церквей и гимнастические школы также слыли опасными. В Венеции было предостаточно темных коридоров, где Содом мог возродиться. В то время полагали, что гомосексуализм может затопить город. Полагали, что он противоречит природе и естественным законам. Но разве таковой не была сама Венеция?

В XVIII и XIX веках Венецию часто называли шлюхой. Она была известна упадком и торгаше-

ской алчностью. Королева морей превратилась в Шлюху Адриатики, подобно тому, как Византия подверглась осмеянию как Шлюха Босфора. По-видимому, в чувственных роскошных городах имелось нечто весьма тревожащее остальных. В Лондоне XVI века был бордель, называвшийся просто — «Венеция». Город был старой куртизанкой, выставившей напоказ свои золотые побрякушки. В начале XX века Филиппо Томмазо Маринетти описывал его как «погрязший в экзотическом распутстве». Английский поэт Руперт Брук окрестил его «безвкусным и чувственным Средневековьем». Пожалуй, это было неизбежно. Город, провозгласивший себя средоточием святости, обителью Девы Марии, неизбежно ждет позор и утрата иллюзий. С тех пор его репутация изменилась к лучшему. Можно ли считать упадком превращение Венеции в город-музей? Для этого у нас нет оснований.

Не исключено, что широкое распространение или по меньшей мере принятие проституции привело к изменениям в общественной морали. К концу XVI — началу XVII века в городе царила бóльшая терпимость. Когда венецианки надевали платья с глубоким вырезом, обнажая грудь, возможно, они подражали своим заблудшим

сестрам. Дисциплина, в которой Венеция нуждалась в начале своего существования, постепенно ослабевала.

В частности, в патрицианских кругах появился персонаж *cicisbeo* (наперсник или возлюбленный). Он стал компаньоном замужней женщины; не муж, а он сопровождал ее на праздники или сидел вместе с ней в оперной ложе. Он с ней обедал и путешествовал. Он стал ее преданным слугой. Со стороны патриция-мужа возражений не было. В действительности муж поощрял такую связь: жена без кавалера потеряла бы престиж. В некоторых брачных контрактах оговаривалось присутствие *cicisbeo* в доме. Возможно, подобные отношения не носили сексуального характера. Не исключено, что *cicisbeo* были гомосексуалистами. Как бы там ни было, это означало, что желания женщины стали принимать в расчет.

Чувственность венецианок была особой темой рассказов путешественников. «Здесь женщины *целуются* лучше, чем в какой-нибудь другой стране, — писал Байрон. — Этот общеизвестный факт объясняется почитанием образов и, следовательно, ранней привычкой к лобызаниям». Так католическое благочестие ставилось в связь с распутством. Очевиднее всего это отразилось на

репутации венецианских монахинь.

В 1581 году в Венеции насчитывалось две с половиной тысячи монахинь. Со временем эта цифра незначительно поднималась или падала, но в качестве средней она годится. К примеру, три века спустя в Венеции было три тысячи монахинь, рассеянных по тридцати трем монастырям в городе и семнадцати в лагуне. Причиной пострижения и заточения этих женщин была склонность патрицианских семей держать незамужних дочерей в заточении. Более половины женщин-патрицианок закончили жизнь в монастыре. Теоретически они олицетворяли чистоту и неприкосновенность правящего класса, однако видимость была обманчива.

Венецианская монахиня Арканджела Таработти написала, что женщин посылают в монастырь «из государственных соображений»; иными словами, слишком большое число приданых разорили бы правящий класс. Молодых женщин приносили в жертву ради денег. К тому же их насильственное заточение повышало финансовый статус женщин, выходивших замуж. Культ Мадонны освящал то, что по сути было коммерческим обменом, обеспечивающим привилегии правящего класса. Религия была выгодным вло-

жением. В начале 1580 года Сенат объявил, что монахинь республики «собирают и сберегают в этих святых местах, словно в сейфе».

В создании этих маленьких тюрем или маленьких островков незамужних женщин есть нечто типично венецианское. Идеальная жизнь в городе в лагуне предполагала навязанную общность. Монастырская жизнь была построена по государственному образцу, во главе обителей стояли аббатисы и группа старших монахинь, или матери совета. Аббатис, как и дожей, избирали. Решающими факторами были возраст и деньги. На стене одного монастыря можно прочесть изречение: «Надежда и любовь хранят нас в этой приятной тюрьме». Эти слова могли бы повторить все граждане Венеции.

Жития наиболее праведных монахинь занесены в анналы города. В свидетельствах современников, собранных в таких благочестивых книгах, как «Некролог монастыря Тела Господня», есть множество упоминаний об их святой жизни и смерти; упоминаний о «чистых девах» и «чистейших девах», кончина которых сопровождалась видениями и чудесами. Венецианцы были помешаны на девственности.

Находясь на смертном одре, монахини постоян-

но высказывали желание «освободиться из этой тюрьмы». Разумеется, имеется в виду тюрьма земной жизни, но в городе Венеции их желание звучит с особой искренностью.

При этом некоторые из монахинь вели вторую жизнь как проститутки или куртизанки. В середине XVIII века некий английский путешественник писал о монахинях: «Жизнь в их монастырях легка; приемные там более просторны и более доступны; у женщин веселый вид, свежий цвет лица и много свободы в поведении и манере говорить… Я умолчу о том, что говорят о еще большей свободе венецианских монахинь». Летом 1514 года, когда в монастырь Сан-Дзаккария были посланы чиновники с приказанием его закрыть, монахини забросали их со стен камнями и вынудили отступить. Сообщалось о кулачных боях между сестрами. У аббатисы и одной из сестер был поединок на кинжалах из-за благосклонности некоего гос подина. Во время карнавала сестры одевались мужчинами. Одна из них прославилась тем, что имела десять любовников. По получении дорогостоящего разрешения от Папы некоторым из них предоставлялся отпуск на несколько недель, а то и на несколько месяцев. На воротах монастыря

висели эдикты, запрещавшие «любые игры, шум, беспорядки, бранные слова, неподобающие поступки, загрязнение территории».

Однако чего можно было ждать в обществе, где большинство монахинь были помещены в монастырь против воли? Их переполняли негодование и ревность. Арканджела Таработти утверждала, что венецианские монастыри «это театр, где разыгрываются самые мрачные трагедии… Везде тщеславие, перспектива и тень, обманывающие глаз». Примечательно, что любые формы венецианской жизни в то или иное время порицаются или прославляются при помощи сравнения с театром.

В начале XVI века Джироламо Приули в своем дневнике обрушивается на монахинь как на «публичных девок» и на монастыри как на «публичные дома». Многие монастыри были не чем иным, как борделями. Это общая тема. В 1497 году францисканский священник заявил в базилике Святого Марка: «Как только иностранец приезжает в этот город, ему показывают женские монастыри, которые на деле следует называть не монастырями, а борделями и публичными домами». Оглашение этого факта с церковной кафедры свидетельствует о том, что он ни для

кого не был новостью. В середине XVI века женский монастырь обращенных принимал в своих стенах мужчин, а его духовник исполнял роль зазывалы. Казанова в мемуарах сообщает, что за сотню цехинов ему предложили аббатису монастыря девственниц.

В общественном сознании слова «монахиня» и «проститутка», по-видимому, были созвучны. Некоторые бордели устраивались по образцу монастыря. Мадам называли аббатисой, а женщин — сестрами, их поведение отличалось монашеской строгостью. Известно, что проститутки часто посещали монастыри и весьма свободно общались с монахинями. Между ними устанавливался дух товарищества, возможно, объяснявшийся их особым статусом в венецианском обществе. И монахини, и проститутки оказались заброшенными, у них не было ни мужа, ни семьи. Их можно было бы назвать храмовыми проститутками, хорошо известными в древнем мире. В современном мире их домом стала Венеция.

Глава 29
Что на обед?

Общепризнано, что еда в Венеции была и остается не самой лучшей в Италии. «Венецианцы отвратительные повара», — писала некая англичанка в 1771 году. Двумя веками позже Иан Моррис, один из самых тонких наблюдателей венецианской жизни, заметил, что «венецианская еда ничем не примечательна». Венецианская кухня, по правде говоря, весьма ограничена. Вероятно, это участь всех небольших островов. К примеру, кухня Корсики или Мальты известна скудостью.

Зато в количестве еды не стоит сомневаться. Путешественники отмечали изобилие венецианского стола — хлеба, фруктов, овощей и рыбы. Томас Кориат отметил в Венеции начала XVII века «чудесное изобилие и богатство всего, что служит поддержанию человеческой жизни». Он продолжает: «Самые лучшие груши, яблоки, сливы, виноград, абрикосы и фиги трех-четырех сортов». Сцены пиров на венецианских картинах, особенно в работах Веронезе и Тинторетто,

поражают щедростью. Существует множество изображений Тайной Вечери по венецианскому канону. Тинторетто написал шесть таких полотен. Здесь по меньшей мере в идеализированной форме изображается все, что, по словам Кориата, «служит поддержанию человеческой жизни». Триумф еды олицетворяет триумф торговли и коммерции. Он подразумевает и триумф империи, так как колонии Венеции были обязаны поставлять продукты своей матери.

В городе, одержимом зрелищами и соблазнами рынка, большое значение придавалось цвету пищи. Устрицы покрывали позолотой. Шафран был так же необходим на кухне, как в мастерской художника.

Но видимость была обманчивой. В конце XV века каноник Пьет ро Казола заметил, что хотя в Венеции много рыбы, он никогда не видел замечательной и не ел хорошей. Конечно, рыба была повсюду. Но рыбу из каналов никогда не ели. Как не ели крыс.

Венецианцы считались бережливыми, легко довольствовавшимися простой пищей. Вот типично венецианское приглашение на обед XIX века: *Venga a mangier quattro risi con me* (Приходи и съешь со мной четыре зернышка риса). Вене-

цианцы никогда не объедались. Никогда не пили допьяна. В Венеции царил не только общественный, но и диетический принцип умеренности. Пьяный вызывал осуждение всего города. В то время как в Париже или Лондоне пьянство считалось неизбежным злом, не навлекающим позора, строгое венецианское общество контролировало аппетиты граждан.

На протяжении веков диета аристократов оставалась питательной и однообразной; она состояла из мяса, овощей — к примеру, капусты и репы, а также фруктов и сыра. Однако аристократы пристрастились к шоколаду и мороженому. В городе, который славился богатством, эти блюда относились к предметам роскоши. Были и другие формы кулинарных изысков. Венецианские аристократы первыми в мире стали пользоваться вилками и стеклянной посудой. Соусы часто бывали чрезмерно сладкими и густыми, что не исключает склонность к уксусу и другим острым приправам. Следует напомнить, что в Европе у венецианцев была монополия на торговлю солью и сахаром.

Кроме зрелищ людям нужен был хлеб. Таким способом можно было предупредить гражданские беспорядки; венецианская пословица

гласит: «Если у тебя рот полон, ты не можешь сказать: „Нет“». Во многих домах пекли хлеб. На случай нехватки продуктов правительство держало большие запасы проса, но оно не пользовалось успехом; его единственным достоинством была способность долго храниться. В 1539 году на континенте начали сеять кукурузу. Это был успех. Файнс Моррисон писал: «Венецианцы „много тратят на хлеб и оливковое масло и даже носильщики едят прекрасный белый хлеб… Не помню, чтобы я где-нибудь видел черный“». Хлеб и вино — единственные продукты, в которых венецианцы понимали толк. Белый хлеб был жизненной необходимостью.

Существовала и пища бедняков, вездесущая polenta (кукурузная каша), которую варят из белой кукурузной муки с водой. Эта пресная, безвкусная еда остается такой до сих пор. В 70-х годах XV века появился рис, а вместе с ним и первое *risotto*. Когда колокол созывал рабочих на обед, на столе обычно лежали рыба, хлеб и фрукты, реже свинина или птица. Тыкву и дыню продавали кусками. Рабочие предпочитали сырые фрукты и овощи, которыми пренебрегали более утонченные граждане, считалось, что сырая пища вредит здоровью. На венецианском материке обычной

пищей бедняков были бобы и рожь. Считалось, что подобная диета делает крестьян слабыми и покорными.

У венецианцев была пословица, суть которой сводится к тому, что у человека, который не любит вина, Бог отберет и воду. На протяжении всей истории в Венеции существовало большое разнообразие вин, хотя до XVI века значительная его часть поступала из венецианских колоний — с Крита и Кипра. Однако иностранцы презрительно относились к качеству венецианского вина, один из них даже сравнивал его с уксусом и водой. Это не относится к *prosecco* (венецианскому шампанскому), которое делают из белого винограда, растущего в регионе Венето. Венецианцы до сих пор довольствуются небольшим бокалом белого или красного вина, известного как *ombra*, которое пьют с небольшим количеством сыра или зеленых оливок. Это древний напиток, его название означает «тень». Оно восходит к концу XIV века, когда продавцы вина на площади Святого Марка передвигали свои ларьки в тень колокольни, привлекая клиентов.

Венеция всегда больше славилась кафе, чем ресторанами. В XVIII веке кофеен было около двухсот, из них тридцать пять только на площади

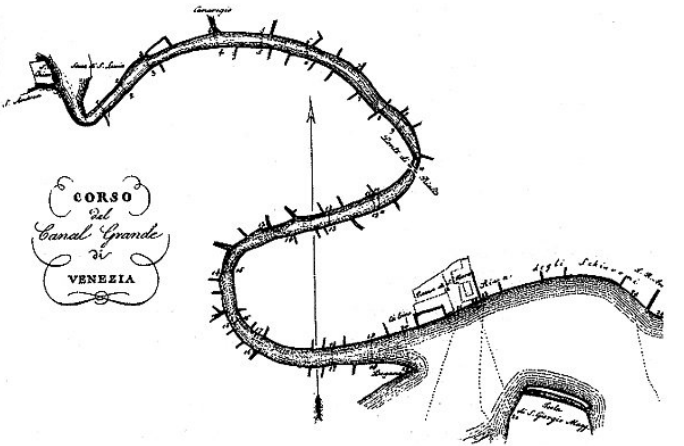
Святого Марка. Венеция была одним из первых городов Европы, где прижилась привычка пить кофе, заимствованная у константинопольских турок. У патрицианок были любимые кофейни, как и у их мужей. Государственные служащие предпочитали другие заведения, и, подобно Лондону, в Венеции были кофейни для представителей любых профессий. Самая известная из них, «У Флориана», открылась в 1720 году под названием «Победоносная Венеция» и до сих пор обслуживает посетителей.

Венецианцам, по-видимому, нравилось проводить время вне дома с чашкой кофе или шоколада, бокалом лимонада или воды с сиропом. Они могли сидеть и пить эти напитки в парикмахерской или в книжном магазине; излюбленным местом для обмена сплетнями и новостями были также аптеки. Город постоянно наблюдал и обсуждал — себя.

Были таверны и *malvasie* (винные лавки) для аристократов и купцов, гондольеров и рабочих. Утром туда забегали выпить стаканчик вина, вечером они превращались в закусочные для бедняков. Там можно было заложить какую-нибудь вещь или сыграть партию в карты или кости. Правительство, опасаясь подрывной деятель-

ности, всегда с подозрением относилось даже к умеренному скоплению людей и посылало шпионов в наиболее известные таверны, такие как «Белый лев» или «Черный орел». К тому же Сенат издал закон, ограничивающий размеры подобных заведений, и в результате появилось множество мест, где не могло поместиться больше пяти-шести посетителей одновременно. У задней стены располагались бочонки с вином, над ними образ Мадонны с постоянно горевшей лампадой.

IX
Священный город



Глава 30
Божественное и дьявольское

Венеция была небесными вратами. Во время религиозного кризиса, в середине XVI века, некий священник написал, что в скором времени Христос вернется в Италию. «Я верю, — писал он, — что дверью будет Венеция».

Число правителей и судей Венеции сравнивали с числом и чинами ангелов и архангелов. Городу было свойственно вдохновлять своих граждан с помощью *aeterna beatitudo, quae in visione Deiconsistit* (вечного блаженства, состоящего в лицезрении Божества). В этом контексте Тинторетто создал великий образ рая во Дворце дожей. Провозглашалось, что Конституция и законы республики ниспосланы Богом. Впрочем, мы не знаем, насколько в это верили. Процветание и расширение границ Венецианской империи тогда объясняли осуществлением Божественного замысла на земле. Само существование города на воде было чудом. Венецианцы называли свою родину «наша Святая земля» или «Святой город».

В 1581 году венецианский писатель Франческо

Сансовино заявил, что Венеция «почитается всеми как священное место на земле, которому, будь это возможно, следовало бы поклоняться». Разумеется, этого не случилось, так как слишком бы напоминало поклонение иудеев золотому тельцу (один из излюбленных сюжетов венецианской живописи). Однако подобная доктрина отнюдь не нова. В религии Древней Месопотамии город считался божественной сущностью. Едва ли нужно говорить, что поклонение такого рода поощряет деспотизм и авторитаризм, осуществляемые в самых широких масштабах. Вот почему единство Церкви и государства в Венеции было столь могущественным. Оно позволяло правителям Венеции сохранять дистанцию по отношению к юрисдикции Рима и Папы. Папой Венеции был дож, а кардиналами сенаторы. В Вербное воскресенье дож выпускал из портала базилики Святого Марка белых голубей в память о знаке, поданном Ною. Он взывал к небесам о спасении города от волн. Был этот ритуал религиозным или скорее политическим? К венецианской культуре это различие неприменимо.

Возможно, то, что паломники отплывали в Святую землю из Венеции, географическая случайность. Они приезжали туда, чтобы закупить

провизию и другие припасы для долгого пути, и постепенно сам город стал восприниматься как неотъемлемая часть святого путешествия. Паломники участвовали во всех священных ритуалах венецианской Церкви. Молились в тех же храмах и часовнях. Почитали те же иконы. К мощам Святого Марка стекались сотни тысяч странников. Гробница Святого Марка источала благоухание, венецианцы знали свое дело. Тесная связь с Востоком также способствовала формированию образа Венеции как части Святой земли, которая сама по себе достойна паломничества, ибо там присутствует отблеск божественного или намек на него.

Город стал священным пространством, содержащим множество намеков на духовный мир. Повсюду в его темных проходах виднелись образы святых и Мадонны. Свечи или лампады перед ними создавали светлое пространство, отгоняющее грех и преступление. В городе было более пяти тысяч *capitelli* (уличных часовен), они служили не только религиозным, но и политическим целям. Обузданию народных волнений.

Мадонна не стала бы ласково взирать на беспорядки. Юго-западный угол Дворца дожей охраняет архангел Михаил с мечом. В панораме

города господствуют колокольни, звонящие: «Святой! Святой! Святой!» Монастыри и церкви города расположены с особым смыслом. Церковь Санта-Мария деи Мираколи стоит на границе двух северных районов — Каннареджо и Кастелло. Одна из старейших церквей Венеции Сан-Джакомо — в самом центре рынка Риальто. Здесь подписывались коммерческие контракты. Макиавелли как-то написал: «Мы, итальянцы… стали нерелигиозны и дурны». К венецианцам это не относится. Они были дурны и религиозны.

Рядом с Божественным всегда присутствует дьявольское. Одно не существует без другого. Есть множество народных историй о дьяволе, уверенно разгуливающем по мостам и улицам города. Согласно одной из них, он насмехался над каменщиком, строившим мост Риальто, утверждая, что никто не сможет построить такую широкую каменную арку, а затем предложил свою помощь в обмен на душу первого, кто пройдет по мосту. Им оказался маленький сын каменщика.

Венеция была священным текстом, который подобало читать и изучать. В XIV–XV веках город впервые стал рассматриваться как единство, которое необходимо тщательно структурировать. Он уцелел благодаря Божественной воле, теперь

же его следовало изваять из камня. В центре конфигурации, образованной Дворцом дожей, рынком Риальто и Арсеналом, находились, как полагают, останки Святого Марка, хранившиеся в базилике. Такова священная геометрия венецианской власти.

Примечательно, что на венецианских полотнах библейские чудеса нередко происходят в самой Венеции. Для Тинторетто события Нового Завета виделись в аспекте знакомой венецианской жизни. В молитвеннике под названием «Сад молитвы», предназначенном для венецианских девочек, автор советует читательницам «представить хорошо знакомый… город… удержать в своей памяти места, где могли бы происходить эпизоды из Страстей Господних». Муки Христовы следовало представлять себе на улицах и площадях Светлейшей.

Венеция была городом чудес. Ни один город в Европе — возможно, за исключением Рима — не пережил так много. В каждом приходе были свои священные события. В середине XIV века составитель *Cronica Venetiarum* (Венецианской хроники)описывает чудеса и предзнаменования с той же достоверностью, что и более земные события. Городские власти то и дело сообщали

о чудесах. Это был еще один способ подтвердить священную судьбу города. Рабочего, сорвавшегося с лесов, возведенных вокруг базилики Святого Марка, спас ангел. Святая Дева прошла по воде Большого канала. Невольник был избавлен от заслуженного наказания на площади Святого Марка самим Святым Марком. Тот же святой с братьями во Христе Николаем и Георгием изгнали демонов, грозивших городу наводнением. Особенно часто происходили чудеса в 1480-х годах, сразу после окончания войн с турками, когда Венеция утратила господство над Средиземным морем. В этих чудесах орудием божественного вмешательства стала Мадонна, восстановив тем самым статус Венеции как Королевы морей.

В 1494 году Карпаччо написал картину «Патриах Градо исцеляет одержимого у моста Риальто», изображающую чудо с реликвией Святого Креста, исцелившей бесноватого на мосту Риальто. В первые годы XV века случилось чудо у церкви Сан-Лио, когда в приходе с тем же названием реликвия Святого Креста стала такой тяжелой, что ее не смогли вынести из церковной сокровищницы на похороны грешника. Джованни Мансуэти запечатлел это событие в 1497 году. Сейчас это место и некоторые из стоящих здесь больших

домов по-прежнему можно узнать. Это еще одно венецианское чудо.

Вот перечень священных мест Венеции. По общему мнению, первое из них — базилика Святого Марка. Средоточие, центральная точка, сердце города. Место встречи Божественного и человеческого. Первоначально там стояла церковь Святого Теодора, но когда, как полагают, останки Святого Марка прибыли в лагуну, все переменилось. В 829 году, как только прибыли мощи святого, церковь с деревянным куполом была перестроена по образцу церкви Святых Апостолов в Константинополе. В 976 году здание было сильно повреждено пожаром, но впоследствии восстановлено. Последняя реконструкция была предпринята во второй половине XI века, на месте прежней церкви была возведена кирпичная, дошедшая до нас в том виде, какой мы видим ее сегодня. То, что базилику построили по образцу пятивековой давности, не было случайностью. Так подчеркивалась предположительная древность венецианской религиозной традиции. У города не было собственной религиозной истории, поэтому он присваивал или приспосабливал то, что попадалось на глаза. К примеру, волнистый пол базилики появился не случайно и не

вследствие ошибки. Он тщательно скопирован с пола церкви Святого Иоанна Богослова в Равенне, возведенной в v веке. Пол «вздымался и опускался, словно волнуемый бурным ветром». Он должен был напоминать об опасном расположении Венеции средь бурных вод.

В XIII веке начались работы над мозаикой. За образец были взяты мозаики церкви Святых Апостолов, но с добавлением сугубо венецианских мотивов. Они, в свою очередь, пострадали от времени и были восстановлены лишь в XVII веке. В XIV веке фасад базилики частично был переоформлен в готическом стиле. Так, в ходе перестроек и дополнений, проводившихся веками, возникло здание в его нынешнем виде. Мраморные или бронзовые скульптуры — неважно, купленные или украденные — устанавливались почти всегда по воле случая.

Базилика уникальна. Одни усматривают в ней черты мавританского стиля, другие византийское влияние, третьих восхищает ажурная каменная резьба на окнах — чудо готического стиля. Происхождение этих элементов не играет роли.

Возможно, это самое красивое здание в мире. Оно вырастает из площади, подобно видению, в россыпях яшмы и порфира, опалов и золота. Его

многоцветному убранству нет равных. Колонны, портики и купола вздымаются один над другим, украшенные скульптурой и мозаикой, повествующей о божественных и человеческих мирах. Игру света и тени на фасаде усиливают группы близко расположенных колонн. Базилика дышит варварским великолепием.

Внутри вошедшего встречает полумрак. Будто он попал в огромную подводную пещеру с затонувшими сокровищами. Хотя здание имеет форму креста, в боковых приделах и нишах сгустилась мгла, освещаемая лишь неровным светом лампад да мерцанием икон. Свод подпирают пятьсот колонн из порфира, серпентина и алебастра. На потолке море золота. На стенах и арках переплетение сияющих мозаик, общая площадь которых составляет три тысячи семьсот квадратных метров. Божественный свет более значим, чем естественный. Интерьер базилики изобилует шелками и эмалями, золотом и самоцветами, он сам — усыпанная драгоценностями реликвия. Это церковь купцов, испытывающих, по словам английского путешественника, «религиозный ужас», то есть благоговение и страх. Это церковь материального изобилия и показной роскоши. Это также церковь редкостных вещей. Здесь хра-

нится икона, написанная евангелистом Лукой. Здесь находится кусок гранита с горы Фавор, где произошло Преображение Господне. Здесь плаха, обагренная кровью Иоанна Крестителя. Здесь мраморные колонны из храма Соломона. Здесь, в часовне Святого Исидора, покоятся мощи Святого Марка. Великолепные декорации для религиозного поклонения.

В своем современном виде колокольня базилики была воздвигнута в начале XVI века вместо старой сторожевой башни, простоявшей семьсот лет. Башня использовалась как площадка для обозрения города и защитное сооружение, с которого можно было наблюдать за морем. До изобретения громоотвода в колокольню нередко попадала молния, но самое крупное несчастье случилось с ней летом 1902 года, когда она, не выдержав собственного веса, обрушилась, превратившись в огромную кучу камней. Она упала, по словам венецианцев, по-джентльменски. Не считая кошки сторожа, никто не пострадал. Самый большой колокол (Марангона), упав с шестидесятиметровой высоты, остался цел. Вскоре было решено построить новую колокольню *dov'era, com'era* (там же и такую же). Через десять лет колокольня, неотличимая от предшественницы, стояла на прежнем

месте. Это по-венециански. Говорят, если путник прибывает в Венецию под звон Марангоны, значит, его душа принадлежала прежде кому-то из умерших венецианцев, и город приветствует его возвращение.

Еще одно священное место города — Дворец дожей, расположенный рядом с базиликой. Умиравшая бабушка Марселя Пруста приехала в Венецию только для того, чтобы посетить это место. Пруст писал, что «она не приписывала бы такого значения радости, полученной от Дворца дожей, если бы не чувствовала, что эта радость из тех, которые по не слишком ясным для нас причинам не подвластны умиранию и обращаются к той части нашего „я“, которая по меньшей мере не подвержена власти смерти».

Изначально дворец был воздвигнут в начале IX века, но в 976 году он был разрушен во время одного из немногих в венецианской истории мятежей. Он постоянно расширялся и переделывался; уничтожались и пристраивались крылья, появлялись новые залы, коридоры и галереи. Как пишет Рёскин в «Камнях Венеции», вместо первого «византийского дворца» появился «готический дворец», что совпадало с окончательным триумфом аристократической формы правления.

Это здание выходит на *bacino*. Оно стало местом пребывания правительства. Архитектура всегда выражала характер власти. Этот готический дворец непрерывно увеличивался в размерах, в нем появлялись новые помещения и залы для все более многочисленного правительственного аппарата. Рёскин сравнил его со змеей, кусающей себя за хвост.

Апартаменты дожа по-прежнему находились в так называемом старом дворце, иными словами, в обветшавшем византийском оригинале. В 1422 году было принято решение его снести и построить на его месте то, что Рёскин назвал готическим дворцом. Рёскин полагал, что уничтожение византийской постройки было актом вандализма, «предзнаменованием конца венецианской архитектуры и самой Венеции». Его эсхатологические склонности могут сейчас оказаться в чести.

Постепенно весь комплекс принял тот вид, который мы видим теперь. Его неоднократно пожирал огонь, он бесконечно восстанавливался и перестраивался; но он уцелел. Современный вид дворец приобрел в середине XVI века. Эволюция дворца, как и эволюция города и формы правления, была постепенной и прагматичной.

Дворец был не только резиденцией дожа, но и

правительственным зданием с залами Большого совета, Сената и многочисленных комитетов, составлявших венецианское государство. Там же находились тюрьмы и конюшни. Однако самое примечательное в нем — то, чего там *нет*. Дворец ничем не защищен. У него нет ни крепостных стен, ни башен. В начале X века в ответ на угрозу венгерского вторжения вокруг него была построена стена, но через двести лет ее снесли. Правительство чувствовало себя в безопасности как от внутренних, так и от внешних врагов.

Дворец является, или представляется, чудом легкости и света. Европейский наблюдатель привык к тяжелому основанию и легкому верху. Дворец дожей не оправдывает таких ожиданий. Длинная двухъярусная аркада на нижнем уровне создает иллюзию воздушности и простора. Глубокие тени внутри аркады служат как бы метафорой основания. Темнота создает иллюзию объема. Верхняя часть фасада отделана розовыми, белыми и серыми мраморными плитками, имитирующими узор булата и мерцающими в свете лагуны. Здание имеет форму куба, но это куб света. Кажется, дворец плывет над городом подобно тому, как город плывет над водой. По словам Пруста, он не подвержен власти смерти.

В 1574 и 1577 годах залы Сената и Большого совета сильно пострадали от пожара, уничтожившего работы Беллини, Тициана, Тинторетто и других художников. Однако в результате этого освободилось место, если можно так выразиться, для новых холстов, на которых венецианские мифотворцы могли создавать свои чудеса. Была заказана новая серия картин. Официальные художники того времени (среди них Веронезе и престарелый Тинторетто) не изобретали художественных программ. Они выполнили желание политических хозяев, приказавших воссоздать и прославить идеологию правящего класса. Они сочинили целиком воображаемую историю города. Обрисовали его силу. Прославили добродетели. Тщательно скопировали венецианское искусство предшествующих веков, воплощая идею неизменности. Забытые образы были воссозданы, старые символы подтверждены. В этом суть венецианского консерватизма. Художники запечатлели битвы, выигранные венецианцами. Создали вотивные образы почивших дожей. Провозгласили Венецию *Justitia* (Справедливостью) и *Liberator* (Освободительницей). Эти картины рассматривались не как шедевры того или иного мастера, а как части единого целого. Живопись

во Дворце дожей передавала дух венецианского общества в самом широком смысле слова. На реализацию проекта ушло двадцать лет. Это была аллегория самого государства.

Перед Дворцом дожей лежит площадь Святого Марка, пожалуй, более известная как piazza. Это единственная настоящая площадь в Венеции. Прежде там, напротив *Bacinodi San Marco*, находились два небольших острова, разделенных узким каналом. Большая часть современной площади прежде была лугом, называемым *Il Morso* (Откушенный кусок), за свою плотную, вязкую почву. Там стояли первый Дворец дожей и первая капелла дожей. На том же острове было еще две церкви и странноприимный дом для паломников, направлявшихся в Святую землю. Из этого ядра и выросла современная площадь. Было решено воздвигнуть для венецианской общины место для собраний. Требовалось также построить здание суда для отправления правосудия. Так площадь постепенно превратилась в местопребывание государства и власти.

В XII веке площадь была расширена примерно до ее настоящих размеров. Почву очистили от деревьев и винограда и замостили ярко-красным кирпичом, выложенным елочкой. Старый канал,

когда-то разделявший два островка, исчез под новым покрытием. (Его воды по-прежнему текут под современной площадью.) В результате, по словам Марино Санудо, человек на площади «оказывался как бы в театре». Этот эффект не был спланирован архитектором или дизайнером, он — чудо коллективной воли.

Важная роль площади была подтверждена, когда на краю *bacino* установили две массивные колонны, привезенные из Константинополя в 1171 году. Была еще третья, но она упала в лагуну. С тех пор оставшиеся две стоят здесь, увенчанные фигурой льва и статуей Святого Теодора. Эти колонны и здание базилики единственное, что осталось от средневекового облика площади — возможно, не считая голубей. Птицы облюбовали площадь с самого начала.

В XII веке под недавно возведенными аркадами появились многочисленные лавки и, как было принято в Венеции, монополизировали территорию. Площадь стала торговым местом. Ее заполонили палатки и ларьки, торговавшие самыми разными товарами и едой. Под колокольней выстроились лавки менял; под окнами Дворца дожей расположились мясные ряды. Там, где сейчас туристы стоят в очереди на *vaporetti*,

продавали сыр, салями и фрукты. Там, где ныне стоит знаменитая Библиотека, располагались пекарни. На piazzetta, небольшой части площади, выходящей на лагуну, боролись за постояльцев пять гостиниц. Колонны Дворца дожей использовались как публичные отхожие места, и было замечено, что патриции, приподняв полы своих мантий, безропотно брели по лужам мочи. И впрямь, ни для кого не секрет, что венецианцы оправляются где и когда им угодно.

Разумеется, под аркадами собирались попрошайки, выставляя напоказ раны и болезни. Там же проходили пышные религиозные и гражданские церемонии, бои быков и скачки. Там же совершались казни. С колокольни свисали клетки с узниками, а между двумя монументальными колоннами рубили головы. Летом 1505 года с площади убрали виселицу, а вместо нее перед базиликой установили три флагштока. Это был заключительный штрих в официальной канонизации пространства. Между Дворцом дожей и базиликой находился камень объявлений, усеченная колонна из порфира, с которой дож оглашал приговор суда. Все было как в любом средневековом городе, за исключением безграничного величия площади. Этот порядок и этот

беспорядок, эта красота и эта грязь служат ключом к пониманию Венеции, какой она была в XIV и XV веках.

В 1530-х годах один архитектор придал площади тот вид, какой она имеет сегодня. Якопо Сансовино было поручено создать из средневекового хаоса классическое пространство. Он воздвиг на площади, напротив базилики, церковь Сан-Джеминьяно, снесенную позже по приказу Наполеона. Возвел Библиотеку и Монетный двор, смотревшие на *bacino*, перестроил Лоджетту в основании колокольни и вымостил площадь мрамором вместо кирпича. Томас Кориат отозвался на увиденное так: площадь «такой поразительной и несравненной красоты, что, я думаю, с ней не сравнится ни одна другая в мире».

Она была центральной точкой города, местом, куда направлялись или стекались все приезжие. В XVIII веке некий англичанин увидел там «разношерстную толпу евреев, турок и христиан; юристов, мошенников и карманников; лекарей-шарлатанов, старух и врачей… людей всех званий и сословий». После победы в 1797 году Наполеон приказал снести церковь Сан-Джеминьяно, чтобы построить третью линию правительственных помещений, тем самым блистательно завершив

трехстороннюю планировку площади. Он снял с базилики бронзовых коней и отправил в Париж. Их возвратили в 1815 году.

На протяжении веков площадь оставалась местом собраний и свиданий. Жена Рёскина Эффи описала ее как «огромную гостиную, достаточно освещенную газовыми лампами из аркад, окружающих площадь», посреди которой бродила «плотная толпа мужчин, женщин, детей, солдат». Муж Эффи Рёскин увидел площадь в более апокалиптическом свете. Он описал ее как «полную безумия всего мира», запруженную «праздными венецианцами из среднего класса» и отрядами военных; в нишах аркад лежали «мужчины и женщины низших классов, безработные и безразличные», а около них просили подаяния уличные мальчишки «отчаявшиеся и порочные до мозга костей». Но вот что привело его в ярость: ни один венецианец даже не взглянул на великолепную базилику. «Ты не увидишь ни поднятых к ней глаз, ни просветленного при ее виде лица». Этот факт до сих пор остается одним из парадоксов города. Часто говорилось, что если ты достаточно долго сидишь за столиком в кафе «Флориан» или «Квадри», то мимо в конце концов пройдут все, кого ты знаешь. Если это когда-то было верно

для англичанина или немца из среднего класса, то сейчас это не так. Вы увидите только кучки туристов из всех стран, которые только есть под солнцем.

Глава 31
О вере

Папа Григорий XIII признался однажды: «Я Папа везде, но только не в Венеции». В 1483 году венецианский историк напомнил кардиналам своего города, что «Венеция — их истинная мать, тогда как Церковь — всего лишь мачеха». Вот почему папские власти считали венецианских кардиналов в Риме чем-то вроде шпионов. Из-за того что мощи Святого Марка хранились в сердце Венеции, город притязал на апостольский статус, такой же как у Рима. Его сила и власть недвусмысленно означали, что он наследник Священной христианской империи.

Венецианская церковь, подобно всем другим институтам города, находилась под полным контролем государства. Дож был не только мирской, но и духовной фигурой.

Когда епископы венецианских колоний на материке получали указания непосредственно от Папы, они передавали их на одобрение Совета десяти. Священникам запрещалось посещать государственные архивы, а патрицианским се-

мьям, которые владели церковными землями, вмешиваться в церковные дела. Согласно широко распространенному и повсеместно утверждаемому мнению, якобы Божественное происхождение города означало, что он, получив свою власть непосредственно от Бога, просто сохраняет традиционное господство над Церковью.

Государство надзирало над всеми церковными делами, включая содержание проповедей и отправление обрядов. Епископы назначались Сенатом. Епископы никогда не ставили эту процедуру под сомнение, поскольку все они происходили из патрицианских семей. Здание церкви нельзя было построить без одобрения властей. В официальных документах любого времени можно прочесть: «*наша* епархия Градо» или «*наши* епископы из Оливоло». Существовала и такая вещь, как государственная теология. Она запечатлена на стенах Дворца дожей. У государства была своя литургия, отличавшаяся от общепринятой, с текстами, особо прославлявшими Святого Марка. Следовательно, и ересь в первую очередь рассматривалась как преступление против государства. Высказывалось предположение, что венецианская Церковь испытала на себе влияние византийской государственной Церкви,

рассматривавшей религию как один из аспектов надлежащего правления, однако в основе подобных взглядов также лежали исторический опыт и особое положение города. Он не был частью итальянского материка. Он создал свои институты *ab novo* и отказывался подчиняться любой внешней власти.

Венецианская религия была весьма могущественной и эффективной смесью суеверий и здравого смысла. Когда в 1399 году ревностные прозелиты, названные за белые одежды *Bianchi*, появились в Венеции, им было запрещено прилюдно молиться или устраивать шествия. На пороге нового века они распространяли учение о конце света. Когда одна такая группа попыталась пройти на площадь Святого Марка перед собором Санти-Джованни э Паоло, их там уже ждали представители Совета десяти. Они вырвали крест из рук возглавлявшего процессию, разломали и бросили обломки в остальных. Согласно хронике, участники процессии разразились оскорблениями и проклятиями. Вот как венецианские власти обращались с представлявшим угрозу меньшинством. Они не терпели инакомыслия и беспорядков, даже религиозных.

Однако Венеция терпимо относилась к тем,

кто не представлял угрозы. В XVI веке, в эпоху религиозных нововведений, власти не противились присутствию студентов-протестантов в университете Падуи. Венеция стала пристанищем европейских реформаторов, бежавших из северных стран. Город всегда был открыт для путешественников и купцов со всех концов мира. У него не возникало проблем с чужеземными верованиями. Он поддерживал тесные торговые связи с еретическими государствами, такими как Англия и Нидерланды. На первом месте была коммерция. Венеция должна была оставаться открытым портом. Немецкие купцы, жившие в центре города, были лютеранами. Это никого не волновало. Сэр I Генри Уоттон был уверен, что город может присоединиться к реформистским государствам. Он принимал желаемое за действительное. Венеция с подозрением относилась к папству, но никогда не переставала верить в Деву Марию и святых. Это было немыслимо. Разумеется, венецианцы хотели бы реформировать Католическую церковь. Реформировать так, чтобы навсегда избавиться от Папы.

Так или иначе, венецианцы были очень набожны. Они демонстрировали то, что Даниэль Дефо назвал «чудовищно глупым фанатизмом». В

более мягких выражениях Филипп де Коммин написал: «Я верю, Бог благословит их за то почтение, которые они выказывают во время церковной службы». В Венеции было более сотни церквей. На всех углах виднелись статуи и изображения Мадонны и святых. Храмы были полны молящимися. В городе устраивались бесконечные шествия, каждое с особым ритуалом: в праздник Тела Господня во главе процессии шли рядом сенатор и бедняк, а их путь усыпали розовыми лепестками; в Страстную пятницу перед большими домами зажигали лампады, факелы и свечи; в Вербное воскресенье перед базиликой выпускали сотни голубей; на Пасху дож возглавлял процессию в монастырь Сан-Дзаккария. Каждая церемония преследовала свою социальную и религиозную цель. В авторитарных обществах очень развита культура общественных шествий.

Эффи Рёскин заметила, что простые венецианцы «кажется, не верят ни во что, но полны привычных предрассудков». Возможно, это лучшее определение венецианской набожности. Когда некий англичанин, посетив венецианскую церковь, не опустился на колени при вознесении даров, венецианский сенатор сделал ему выговор. Англичанин сказал, что не согласен с

учением Реального присутствия, на что венецианец ответил: «Я тоже. Но встань на колени, как это делаю я, или выйди из храма». Набожность народа была нерушимым оплотом государства.

Использование икон и реликвий означает, что набожность соединяла всех граждан узами благочестия. Останки Святого Марка оберегали всех венецианцев. Но в городе хранились и другие священные реликвии, которые можно было увидеть и потрогать. По последним подсчетам, в Венеции хранились мощи более чем пятидесяти святых. Они считались главной защитой города без стен. В одном из монастырей находились мощи двенадцати святых. Как ни странно, святых хватало на всех.

В ноябре 1981 года в церковь Сан-Джеремия ворвались двое вооруженных людей и приказали священнику и прихожанам лечь на пол. Затем они схватили мумифицированные останки Святой Лючии и затолкали в мешок. К несчастью, голова святой отвалилась и закатилась в боковой придел. Серебряную посмертную маску тоже не взяли. Через месяц бедную святую обнаружили в охотничьем домике недалеко от Венеции. Венецианцы отдавали предпочтение, если можно так выразиться, целым мощам. Им нужно было

тело целиком, так как неуверенность в духовных вещах требует материальной полноты. Однако в исключительных случаях годились рука или нога. Голова Святого Георгия покоилась в бенедиктинском монастыре на острове Сан-Джорджо Маджоре. Его рука прибыла несколькими десятилетиями раньше. По всей Венеции были рассеяны раки с фрагментами мощей святых Петра, Матфея, Варфоломея и Иоанна Богослова. Голова пророка Ионы, спасшегося из чрева кита, каким-то образом тоже оказалась в городе в лагуне. Тело Святого Тарасия было прославлено вдвойне, ибо чудом избежало повреждения. Два грабителя из другого города попытались похитить его зуб, но святой им не поддался. Его останки прибыли в город в целости и сохранности. В XVII веке, когда некий голландский путешественник пошел посмотреть на мощи, он нашел тело «в целости и сохранности, с грудями и плотью, похожей на закопченное мясо, с руками и ногами, поскольку это святое тело побывало в огне». Или же какой-нибудь предприимчивый купец сжег другое тело таким образом, чтобы оно походило на подлинный товар.

Святой Исидор Хиосский был похоронен в капелле дожей. Голова и тело Святой Варвары — к

сожалению, по отдельности — были похищены из церкви в Константинополе и переправлены в лагуну. Когда турки вытеснили венецианцев с Крита, те захватили с собой тело Святого Тита. Два венецианских купца тайно вывезли тело Святого пророка Симеона из церкви близ Святой Софии; по их словам, они столкнулись «с некоторыми трудностями».

Говорили, что когда венецианец входит в знаменитый храм, первым делом спрашивает себя: «Что здесь можно стащить для собора Святого Марка?» Чужеземных монахов подкупали, чтобы те выдали чтимые останки. Других святых выкрадывали. Поэтому саму базилику можно уподобить пристанищу пирата, отошедшего от дел. Разумеется, под предлогом благочестия факт кражи прощался. Говорили, что эти перемещения — их можно назвать и заимствованиями — успешно осуществлялись потому, что сами святые хотели взойти на престол в Венеции. Хотели получить больше молитв и больше поклонения. Иначе они отказались бы покинуть место пребывания. Святые бывают очень упрямы. Поэтому прибытие похищенных мощей было еще одним знаком милости Божией. Убедительный аргумент.

Охотников за мощами можно назвать купца-

ми. Останки в некотором смысле тоже товар. Их можно было накапливать. Они были источником дохода от набожных путешественников, прибывающих в город. Они имели высокую стоимость сами по себе: терновый венок, который некогда покоился на голове Христа, был оценен в семьдесят тысяч дукатов.

В базилике Святого Марка хранился сосуд с каплями крови, пролитой Христом в Гефсиманском саду. Хранились тернии с его венца, фрагменты креста и столба, к которому был привязан Спаситель во время бичевания, а также волосы и молоко Святой Девы Марии. Сама базилика является как бы огромной ракой. Так Венецианская церковь установила духовную связь с подвижниками раннего христианства. Фабрикуя реликвии, власти Венеции придумывали религиозную историю для самих себя. Однако им не удавалось покрыть недостаток местных святых, чтобы завершить сделку. В Венеции было больше художников, чем святых.

Показательно, что все из немногих местных святых в некотором смысле имеют отношение к политическому статусу республики. Святой Пьетро Орсеоло, перед тем как в X веке уйти в монастырь, был дожем. Святая Марина вернула

республике Падую. Святой Лоренцо Джустиниани был любимым сыном города, принимавшим активное участие в борьбе за восстановление учения о Непорочном зачатии. Его окружает святость Девы Марии.

С некоторым удивлением было замечено, что в отсутствие домашних кандидатов венецианские власти назвали многие свои церкви в честь ветхозаветных пророков. Действительно, в венецианских святцах присутствует сорок ветхозаветных персонажей. Это не характерно для западного христианства. Но это неотъемлемая черта Восточной церкви, от которой Венеция унаследовала многое. В Венеции были церкви Святого Моисея, Святого Иова, Святого Даниила, Святого Самуила и Святого Иеремии. Венецианцы отождествляли себя с избранным народом, который также блуждал по пустыне в поисках Земли обетованной.

Были и святые визитеры. Венеция, так или иначе, с самого начала была городом туристов. Самым знаменитым из этих божественных странников был, вероятно, Святой Франциск, который после попытки обратить в свою веру султана прибыл в город в 1220-х годах. Он остановился в самой Венеции и вскоре услышал птиц, по-

ющих на деревьях среди болот. Он отправился туда на лодке вместе со спутником, и когда они высадились на болоте, Святой Франциск начал вслух молиться. Но птицы продолжали петь. Тогда святой приказал им молчать. Они послушно замолчали, пока не получили разрешения петь. Потом на этом месте построили церковь и францисканский монастырь.

Венецианцы не питали особо теплых чувств к Папе или католической вере за пределами Венеции. Иезуиты, которых считали агентами Папы, не пользовались популярностью в Венеции; обычно дети бежали за ними по пятам с криками: «Убирайся, убирайся и назад не возвращайся!» Пий II называл венецианцев торгашами, варварами и лицемерами. Он говорил, что они «никогда не думают о Боге, если это не приносит пользы государству, которое они считают божеством, и для них нет ничего святого, ничего священного». Венецианцы, в свою очередь, считали Папу врагом, не столько представителем Бога на земле, сколько правителем итальянских земель. Город был ареной издевательств над Папой. Известна история о венецианском заключенном, который, услыхав о восшествии на престол Сикста V, захлопал в ладоши: «Ну, теперь меня выпустят

на свободу, потому что он трахнул меня, когда я был мальчиком». Венецианцы любили подобные истории. В XVI веке они с восторгом слушали от своего посла в Англии, что в Лондоне печатают карикатуры с изображением Папы, испражняющегося митрами и четками.

В Венеции даже власть инквизиции была ограниченной. Венецианцам было несвойственно рвение испанцев или римлян. Они потребовали, чтобы на суде в противовес трем церковным судьям присутствовали три гражданских. Трибунал был учрежден в 1547 году, однако следует отметить, что в городе, известном суевериями, главными подсудимыми стали женщины, обвиняемые в колдовстве. Судя по записям судебных разбирательств, допросы носили неформальный, почти непринужденный характер. Венецианские власти имели привычку протоколировать даже самые незначительные подробности. Мы словно вновь слышим этих людей: «Говоря это, она плакала…»; «Ах, — сказал он, — я забыл сказать одну вещь…»; «Так как он не знал, что ответить, он хранил молчание на протяжении одного Мизерере», то есть псалма «Помилуй мя, Боже».

У нас нет оснований утверждать, что все венецианцы были снисходительными судьями. Одна-

ко факты говорят о том, что в городе существовала культура гражданского судопроизводства. Венецианские граждане нередко в чем-то обвиняли друг друга. Однако жестокие наказания были редкостью. По сравнению с другими католическими странами, смертных казней по обвинению в ереси было немного, и пытки применялись редко. Женщин, обвиненных в колдовстве, обычно приговаривали к позорному столбу.

Венецианская церковь могла себе позволить быть независимой, потому что ее авторитет зиждился на воле венецианских граждан. В каждом из семидесяти приходов священники избирались людьми, владевшими собственностью. Это была относительно демократическая система, демонстрирующая неразрывность религии и общества и напоминавшая практику раннего христианства. Четверть священников были патрициями, но это означает, что подавляющее большинство, то есть приблизительно шестьсот священников, были обычными гражданами или даже *popolani.* На венецианском диалекте слово *pievano* (приходской священник) восходит к латинскому *plebs.* Уникальность положения приходского священника, возможно, возникла в ранних демократических общинах тех, кто первым пришел

в лагуну. Это, несомненно, объясняет глубокую укорененность и силу народной веры. Сфера деятельности священника охватывала все уровни приходской жизни. Они исполняли роль нотариусов, составляя завещания и брачные договоры; финансистов, назначая зарплату служащим и устанавливая смету своих церквей; арбитров в бытовых спорах и даже юристов или счетоводов.

Их прихожане были, несомненно, самыми суеверными людьми в Италии. Протоколы судов над ведьмами свидетельствуют об их крайнем легковерии. Венеция была городом предзнаменований и пророчеств. В 1499 году Сенат консультировался с оракулом, прозванным духом Феррары, задавая такие вопросы: «Воевать ли нам с Миланом или жить в мире?»; «Потеряем ли мы Пизу?» В 1506 году дож вместе с Советом десяти получили сообщение о рождении крылатого и волосатого монстра. В 1513 году Совет десяти обсуждал предостережения астролога. В Венеции существовало множество примет. Считалось благоприятным умереть в субботу. Полагали, что если во время похорон шел дождь, душа спасется. Не следовало проходить между двумя колоннами на piazzetta; это неизбежно сулило несчастье. Гость, скомкавший салфетку за обедом, никогда не сядет за

этот стол опять. Если часы звонят тогда, когда ты спрашиваешь который час, они возвещают твою смерть. Первый человек, которого встретишь на Новый год, может предсказать твою судьбу. Встретить горбуна — к удаче, хромого — к несчастью. Эти предрассудки и множество подобных им были в ходу и в XIX, и в XX веках.

Колдовство в Венеции отличалось от колдовства на материке. Это было колдовство тесно связанного городского торгового общества, открытого предрассудкам Востока и Запада. Считалось, что ведьмы любят ночью отвязывать гондолы и отплывать в Александрию. Когда ребенку стригли волосы, мать тщательно их собирала, чтобы они не попали в руки колдунов. Тех, кто проклят ведьмой или демоном, легко узнать по лицу цвета неспелых фруктов и суженным глазам. Они испытывают неприятные симптомы: чувствуют, что их плоть пожирают собаки, или что пища застряла у них в глотке, или что по их телу гуляет студеный ветер. Шторм на море вызывают полчища демонов, вот почему Святой Марк и другие святые стоят на страже на берегу лагуны.

При этом ведьмы были частью религиозной культуры Венеции. Они обращались к помощи

Мадонны и святых. Одна известная в городе ведьма по имени Аполлония сказала инквизиции, что молилась «во имя Господа и Девы Марии, которая накладывала свои руки прежде меня». Чтобы остановить кровотечение из носа, нужно было прочесть заклинание: «Кровь, оставайся в силе, как оставался в силе Господь Иисус Христос в смертный час. Кровь, пребывай в вене, как пребывал Господь Иисус в своих страстях». Одно из первых воспоминаний Казановы связано с кровотечением из носа. Его бабка немедленно отвезла его на гондоле к колдунье, жившей на острове Мурано, где он был мгновенно излечен. Это одно из проявлений сохранившейся в Венеции народной католической культуры с очень древними корнями.

Однако ключ к пониманию венецианского колдовства лежит в получении денег. В этой культуре ученые использовали черную магию, чтобы отыскать спрятанные сокровища. Погоня за сокровищами была излюбленным венецианским занятием. В документах инквизиции вновь и вновь повторяются рассказы о попытках получить золото с помощью магии. Один патриций по секрету сообщил друзьям, что знает о большом количестве золота, которое духи хранят в глубокой

пещере. Эта сказка соответствует венецианской изобретательности и доверчивости. Алхимиков в Венеции всегда встречали с распростертыми объятиями. Перед перспективой превратить простые металлы в золото трудно было устоять. В конце XVI века в Лондоне жил знаменитый венецианский алхимик Джамбаттиста Анджелло.

И, разумеется, в общении с потусторонними силами тоже присутствовал коммерческий дух. За услуги дьявола всегда приходилось расплачиваться, к примеру, солью или деньгами. Оба участника сделки должны были признать ее справедливой. Магия использовалась и в политических целях. Во многих случаях дьявола вызывали для того, чтобы узнать имена тех, кто победит на выборах в Большой совет. Игроки в карты прибегали к заклинаниям и магическим знакам. В венецианской культуре широко употреблялись любовные напитки. Одно из таких снадобий приготовлялось из шалфея, смешанного с менструальной кровью. Если женщина добавляла его в пищу или питье мужчины, того неудержимо к ней влекло. Там, где люди оказываются очень близко друг к другу, страсть разгорается быстро.

Венеция, как никакое другое место в Италии,

была пристанищем привидений. В немногих итальянских городах истории о привидениях стали частью культурной традиции. Однако к XVIII веку Венеция превратилась в место обитания многих призраков и теней, а в 2004 году в свет вышла книга Альберто Тозо Феи «Венецианские легенды и рассказы о привидениях». Венеция буквально одержима прошлым. Ей хотелось бы его удержать. Это желание как нельзя лучше проявляется в том, что привидения видят на каждом углу. Говорили, что в канун Дня поминовения усопших мертвые оставляют свои могилы на кладбище острова Сан-Микеле, пересекают лагуну и возвращаются в город. Каждый из них приходит в свой дом и незримо сидит у кухонного очага. Кто способен увидеть привидение? Только те, у кого обряд крещения был прерван или проведен неверно. Для венецианцев притягательная сила денег не исчезала и в загробном мире. Чаще всего являлись призраки тех, кто перед смертью спрятал свои деньги.

Считалось, что в некоторых старинных домах обитают привидения. Следовало избегать некоторых каналов. Рассказывались истории о черепах, испускавших дикие вопли, об оживших статуях и диковинных подводных существах.

Венецианцам всегда нравилось причудливое и фантастическое. Жизнь на воде открывает ум для сверхъестественных подсознательных ассоциаций. Из этого влажного утробного ландшафта выплывают странные очертания, олицетворяющие мечты или кошмары человечества. Отсюда острый страх перед колдовством.

X
Тени истории

Глава 32
Угасание и закат?

Вначале XVII века город уже не строил достаточно кораблей. Его доля в торговле импортными товарами с Ближнего Востока сокращалась. Чтобы торговать с Индией, голландские и английские купцы пользовались недавно открытым путем вокруг Африки. Немецкий рынок резко сократился, отчасти вследствие Тридцатилетней войны. В Константинополе осталось только три венецианских купца. Налеты пиратов означали, что торговым маршрутам грозит постоянная опасность.

Перед лицом экономического соперничества с другими европейскими странами венецианское правительство сочло своим главным долгом сохранять высокие стандарты производства; следовательно, цены оставались высокими. В условиях конкуренции Венеция обратилась к присущему ей традиционализму. Она сохранила строгость построения существующих гильдий; практика изготовления товаров осталась неизменной. Были приняты законы, дававшие

венецианским судам преимущества в венецианских портах. Товары, предназначавшиеся для Венеции, могли перевозиться только на принадлежавших венецианцам кораблях. Консерватизм и новый протекционизм привели к тому, что Венеция не смогла эффективно действовать в условиях быстро меняющегося торгового мира 1630-1640-х годов. Более дешевые изделия подорвали венецианские рынки в таких областях, как крашение и набивка тканей. Венеция сохранила позиции в торговле предметами роскоши; во всех остальных областях она оказалась позади. Анналы того времени пронизаны меланхолией, тоской, отголосками некогда великой экономической империи.

В первой декаде XVII века Папа торжественно отлучил Венецию от Церкви. Отлучение не возымело эффекта главным образом потому, что венецианцы равнодушно отнеслись к папскому неодобрению. Когда один из членов правительства сказал священнику высокого ранга, что на территории республики запрещается открывать и читать любые папские послания, тот ответил: «Я буду следовать велению Святого Духа». На что венецианский чиновник ответил: «Святой Дух уже повелел Совету десяти повесить всех ослу-

шавшихся». Когда священник в соответствии с папским эдиктом закрыл свою церковь, на следующее утро перед папертью воздвигли виселицу. «Руководители вашего Сената, — сказал один Папа венецианскому послу пятьюдесятью годами ранее, — упрямые люди, с ними трудно вести переговоры».

Резкий отпор, полученный Папой, помешал ему распространить свои честолюбивые замыслы на остальную часть Италии, но угроза отлучения от Церкви укрепила венецианцев в мысли, что независимость города никогда не будет чем-то само собой разумеющимся.

Ощущение угрозы нашло драматическое выражение в открытии так называемого Испанского заговора и в последующей истерической реакции на него. В 1618 году некий нормандский наемник якобы предложил испанскому правительству и его представителям в Италии план по разрушению города в лагуне. В определенный день его агенты подожгут Арсенал, Монетный двор и Дворец дожей; одновременно все венецианские аристократы будут убиты, а испанский флот овладеет входами в город. Венеция падет перед Испанией.

Таков был план. Согласно сообщению, он был

с энтузиазмом принят испанским послом в Венеции маркизом Бедмаром и французскими властями. Герцог де Осуна, испанский вице-король Неаполя, был также вовлечен в заговор.

Однако, как часто случается в Венеции, заговорщики были выданы тайными осведомителями. План заговора был представлен Совету десяти, который 17 мая 1618 года принял соответствующие меры. Этот день случайно совпал с днем выборов нового дожа. Поэтому город был полон заинтересованных наблюдателей и приезжих.

Проснувшись утром 18 мая, венецианцы увидели тела двух мужчин, болтавшихся на виселице под двумя колоннами на piazzetta. Следующие три дня шли празднования по случаю выборов нового дожа, во время которых тела казненных были выставлены на всеобщее обозрение. Власти ничего о них не сообщали, кроме того, что они французы. В некоторых гостиницах, населенных французами, обнаружились свободные номера. Было сказано, что ночью в каналах утопили пятьсот заговорщиков. Бедмар был вынужден бежать. Французский посол, также находившийся под подозрением, воспользовался возможностью совершить паломничество в Лорето.

Молчание властей можно истолковать как

замешательство. Представляется вполне вероятным, что никакого заговора не было и что Совет десяти предпринял панические действия на основе ложной информации. Однако его реакция показывает, что власти города считали, что Венеция постоянно находится под угрозой уничтожения.

В исторической литературе Испанский заговор как символическое событие занял место рядом с Пороховым заговором и Варфоломеевской ночью. По словам сэра Генри Уоттона, это «самое глупое и самое страшное событие, о котором стало известно, со времени основания города». Ни одно из существующих объяснений заговора не представлялось полностью убедительным. К примеру, утверждалось, что венецианские власти заключили союз с герцогом Осуной, чтобы установить венецианское господство над Неаполем, но из страха раскрытия заговора убили всех эмиссаров Осуны в городе. Возможно, существовал какой-то заговор и заговор внутри заговора со всеми интригами сложного тайного союза, которые в высшей степени соответствовали театрализованному и подозрительному городу.

На тему заговора были написаны пьесы и памфлеты самого мелодраматического содержания.

Он вдохновил Томаса Отвея написать свою лучшую пьесу «Спасенная Венеция, или Раскрытый заговор» (1682). Судьба всегда хранила Венецию. И будет хранить. Венецианская пословица хорошо передает суть дела: *sempre crolla ma non cade* (всегда рушится, но никогда не падает).

Через двенадцать лет гражданскую гармонию постиг еще один тяжкий удар. В 1630 году во время эпидемии чумы погибло почти пятьдесят тысяч жителей города. Правительство предприняло серьезные меры в области здравоохранения и санитарии; паники и гражданских беспорядков необходимо было избегать любой ценой. Однако население города сократилось до ста двух тысяч человек и в последующие века так и не стало прежним. В этом нет явной вины властей. Конечно, отрицательную роль сыграло сокращение налоговых поступлений, однако снижение численности населения означало, что оставшимся было легче найти работу и заработная плата значительно выросла. Доходы росли, а цены падали. В чрезвычайных обстоятельствах город мог доказать свою самодостаточность.

В любом случае, как можно говорить об угасании и закате города, который до сих пор остается невредимым? В конце XVII века государственное

устройство Венеции продолжало действовать. Еще в 1612 году английский посол назвал сенаторов «капризными взрослыми, мстительными, безответственными и расточительными»; но они оставались сплоченными. В действительности на исходе века Венеция пережила коммерческое возрождение. Ему способствовала торговля с Германией и константинопольскими турками. За последние тридцать лет XVII века доходы от налогов на морские перевозки выросли на семьдесят процентов. Стандарты жизни в городе ничуть не снизились. Возможно, Венеция и перестала быть международным рынком, но она стала важным региональным портом, обслуживающим территорию долины По. Чтобы увеличить поток судов по реке Адидже, был предложен широкий план общественных работ. Вдоль побережья лагуны проложили новые дороги. Были разработаны проекты юридической, образовательной и технологической реформ. Функции города изменились. Он приспособился и выжил. Он стал в полном смысле слова не столько западной, сколько региональной державой.

К XVIII веку город потерял иллюзии относительно своего имперского статуса. Ему принадлежали только Далмация и несколько ионийских ост-

ровов. Но не обязательно об этом сожалеть. В XX веке об Англии было сказано, что она потеряла империю, но не обрела новой роли. Это не относится к Венеции. Город стал центром транзитной торговли товарами, предназначавшимися для Западной Европы вообще и берегов Северного моря в частности. Каждый год порт посещали тридцать английских и пятнадцать голландских купцов. Торговля во второй половине XVIII века ничем не уступала торговле в XV веке. Старые каналы углубили, приспособив для более крупных судов, на суше проложили новые каналы, чтобы отвести воды рек, угрожающие уровню воды в лагуне. В вопросах региональной политики Венеция заняла позицию продуманного нейтралитета, осознав, что война и слухи о войне не благоприятствуют торговле на итальянской земле. Город привык к миру, и это в свете будущих событий, возможно, было опрометчиво. Однако его отход от военных дел создал ему репутацию мудрого арбитра и образца разумного правления. Конституция осталась неизменной.

В XVIII веке Венеция, как мы могли видеть, поставила перед собой задачу стать городом искусства и удовольствий, самым соблазнительным прибежищем для иностранных посетителей.

Публичные здания были отремонтированы, церкви восстановлены. Построены новые больницы и новые театры. То была эпоха Каналетто, чьи городские пейзажи создали великолепный миф об изящном урбанизме. Но то был и век Джамбаттисты Тьеполо, рожденном в 1696 году и умершим в 1770-м. Он унаследовал все жизнелюбие и энергию своих венецианских предшественников и служит символом того, что дух величия города не угас. Венецианцы возродились и процветали в новых обстоятельствах. Первая половина XVIII века была свидетельницей музыки Вивальди. Разве в сочинении музыки не больше великолепия, чем в ведении войны? Венеция не умирала. Она была полна сил как никогда.

Счастье длится недолго. Блестящие яркие явления нередко кончаются крахом. К концу XVIII века Венеция потеряла свободу. Она не потеряла своих сооружений или своего наследия, но утеряла статус республики. За двадцать лет до катастрофы в воздухе уже витали дурные предчувствия. Обращаясь к Большому совету в 1779 году, Карло Контарини заявил: «Все в замешательстве и беспорядке. Продовольствие непомерно дорого. Наша торговля чахнет; это доказывают постоянные банкротства. Средств, которых хва-

тало на поддержание наших семей и вдобавок на помощь государству, теперь недостаточно для того, чтобы выжить». На следующий год дож Паоло Реньер выразил почти те же чувства. «У нас нет сил, — сказал он Большому совету, — ни на суше, ни на море; у нас нет союзников. Мы живем благодаря удаче, благодаря случаю и зависим только от чужого представления о венецианском благоразумии». В 1784 году патриций Андреа Трон подытожил список жалоб: «Старые вечные принципы и законы, создавшие и все еще способные создать великое государство, забыты». Коммерция Венеции свелась к «комфорту, чрезмерной роскоши, бесполезным зрелищам, сомнительным развлечениям и пороку».

Три человека, каждый по-своему, интуитивно чувствовали то, чего нельзя было предвидеть иным путем. Кто мог в тогдашней Европе предсказать появление Наполеоновской империи и подчинение Венеции воле одного человека? Однако эти последствия, разумеется, не были делом рук одного человека. В «Войне и мире» Толстой пытается разобраться в феномене Наполеона. «Почему происходит война или революция? мы не знаем; мы знаем только, что для совершения того или другого действия люди складываются

в известное соединение и участвуют все; и мы говорим, что это так есть, потому что немыслимо иначе, что это закон».

Падение Венеции было просто изменением ее исторической идентичности. Мы не можем сказать, что это было: бесчестье или триумф, потому что не знаем, кто в результате станет триумфатором, а кто покроет себя позором. Все моралистические интерпретации исторических событий грешат одним изъяном. Нам следует скептически отнестись к возможности увидеть цель человеческих начинаний, если только речь не идет о слепом инстинкте, стремящемся к удовлетворению, и мы должны признать, что любая конечная цель всегда находится за рамками нашего понимания. Почему пала Венеция? Чтобы понять, что ответ невозможен, снова обратимся к «Войне и миру». «Когда созрело яблоко и падает — отчего оно падает? Оттого ли, что тяготеет к земле, оттого ли, что засыхает стержень, оттого ли, что сушится солнцем, что тяжелеет, что ветер трясет его, оттого ли, что стоящему внизу мальчику хочется съесть его?»

Развязка наступила быстро. В 1789 году дожем Венеции был избран Лудовико Манин. Это, несомненно, были самые дорогостоящие выборы в

венецианской истории, они стоили в полтора раза больше, чем предыдущие выборы дожа в 1779 году. Деньги были потрачены зря. Манин, сто двадцатый дож, продолжающий непрерывную с 697 года линию правителей, оказался последним дожем в истории Венеции. Спустя восемь лет после его вступления в должность город патрицианского правления был повержен и взят завоевателем, все еще ехавшим верхом на народной революции.

Двадцатишестилетний Бонапарт был недоволен Венецией. Ему не нравилось, что кое-где на ее сухопутной территории возникли центры французской эмиграции и что венецианские власти позволили неприятельской австрийской армии пройти по их земле. Когда он прибыл в регион реки По, он послал своих агентов в город с предложением освобождения. Силы Наполеона воспринимались не как жаждущие крови плебеи-революционеры, но как дисциплинированная армия, готовая уничтожить несправедливость и бессилие старого прогнившего режима. Некоторые венецианцы наверняка должны были приветствовать его приход.

Когда Наполеон перешел реку По, конец Венеции был близок. Был назначен новый *provveditore*

(хранитель венецианских территорий) с официальной целью «сохранить спокойствие республики и предоставить поддержку и утешение ее гражданам». Этот явно неуместный оборот предполагает наличие паники. Когда Наполеон оккупировал Верону, *provveditore* со своими людьми вступил с ним в переговоры. Наполеон был любезен и даже дружелюбен, но не пошел ни на какие уступки. В донесении говорилось, что он в самых дружеских выражениях грозил потребовать выкуп в шесть миллионов франков за то, что город не будет поврежден. У венецианцев не было армии, только остатки флота. Они были совершенно беззащитны. Тем временем Наполеон продолжал кампанию по оккупации венецианских территорий.

Государственная политика венецианского нейтралитета в отношениях с Францией и Австрией теперь обернулась против города. Французы обвиняли Сенат в помощи Австрии, а австрийское правительство, разумеется, упрекало венецианцев в помощи Бонапарту. Дож и Сенат бездействовали. От страха они словно лишились дара речи. Падуанский писатель Ипполито Ньево сказал об этом периоде: «Венецианская знать — это труп, который нельзя оживить».

Когда между Францией и Австрией был заключен мир, Бонапарт стал дожидаться момента, когда Венеция сама упадет к нему в руки. Он ждал ее реакции. 20 апреля 1797 года он послал корабль в бухту Лидо. Венецианский галеон его атаковал. Этого было достаточно для объявления войны.

Венецианский Сенат собрался на долговременное заседание.

Наполеон подстрекал жителей материковых городов поднять восстание против венецианского правления. 25 апреля к Бонапарту были посланы два венецианских аристократа. В напускном гневе он был великолепен. Он упрекал венецианцев за жестокость по отношению к его солдатам. «У меня не будет инквизиции и прочих проявлений варварства», — пообещал он. И закончил словами: «Я буду для венецианского государства Аттилой». Он кое-что знал о венецианской истории. За обедом он потребовал от венецианского казначейства репарацию в двадцать два миллиона франков.

29 апреля французские солдаты оккупировали венецианские границы. Когда на следующий день испуганные власти города собрались на заседание, залпы французской артиллерии были уже явственно слышны. Дож, ходивший взад-вперед

по залу в своих личных апартаментах, где было решено собраться из соображений безопасности, сказал: «Сегодня мы не можем чувствовать себя в безопасности даже в собственных постелях». Затем поднялся прокуратор. «Я вижу, что таково положение по всей стране, — сказал он. — И здесь я ничем не могу помочь. Для честного человека любая страна — его отечество; он может найти для себя занятие и в Швейцарии». Его уговорили остаться, и он утешился понюшкой табаку. Аристократы в надежде избежать вторжения согласились ввести любые демократические изменения, которых потребует Бонапарт.

На следующий день, 1 мая, дож обратился к собравшемуся Большому совету. Он сказал, что необходимо любой ценой заключить мир с Наполеоном, и посоветовал молиться. Окончательное решение было отложено на несколько дней, в течение которых венецианские посланники курсировали между городом и лагерем Наполеона.

Они капитулировали по всем пунктам. Большой совет собрался 12 мая, чтобы ратифицировать протоколы переговоров. Необходимого кворума в шестьсот человек не набралось, но заседание решили начать. Едва перешли к обсуждению вопроса о принятии «предложенного

временного репрезентативного правительства», французского правительства, как послышались выстрелы. В действительности это был салют корабля, покидавшего Лидо, однако патриции решили, что это канонада наступающей армии. Их охватила паника. «Ставьте вопрос на голосование!» — призвал дож, торопясь закрыть собрание. Большой совет подчинился и вскоре покинул зал, чтобы больше никогда туда не возвращаться.

Ипполито Ньево вспоминает: «Шестьдесят лет спустя у меня перед глазами все еще стояли эти испуганные, подавленные, встревоженные лица. Я мысленно вижу смертельную бледность одних, беспорядочные, словно у пьяных, жесты других, нервную торопливость большинства — казалось, они охотно повыпрыгивали бы из окон, чтобы избежать позорной сцены».

В воспоминаниях того времени рассказывалось, что дож, вернувшись в личные апартаменты, отдал свой герцогский берет слуге. «Возьми его себе, — сказал он. — Он мне больше не понадобится». Так перестала существовать Венецианская республика. Последний карнавал перед концом был задуман как самый роскошный и самый дорогой за всю историю города.

15 мая французская армия оккупировала город.

В официальном отчете, предоставленном по этому поводу Бонапарту, сообщалось, что простые венецианцы «молча удалялись к себе в дома, восклицая со слезами: „Венеции больше нет! Святой Марк низвергнут!“» Лев Святого Марка действительно был снят с колонны, а на площади водружено Древо свободы. Знаки отличия дожа и Золотая книга патрициев подверглись ритуальному сожжению. Бывший дож и члены Большого совета присоединились к танцам вокруг Древа.

Таков был конец государства, просуществовавшего более тысячи лет. Самое древнее правительство в Европе оказалось еще одной косвенной жертвой Французской революции.

Наполеон разграбил произведения искусства и сокровища Венеции, как некогда она сама разграбила Константинополь и другие владения своей империи. Перенесение четырех бронзовых коней в Париж — совсем другая история; шестьсот лет назад они были похищены венецианцами из Константинополя. Они всегда были военными трофеями. Потом Наполеон обменял и саму Венецию. Осенью 1797 года он передал ее Австрии согласно договору *campo Formio*. Через восемь лет, разбив австрийцев, он взял ее назад. В 1805 году она вошла в объединенное Итальянское ко-

ролевство. Это стало очередным унижением для Венеции, привыкшей держаться особняком от остальной Италии. Она никогда не участвовала в формировании национального самосознания итальянцев и неохотно согласилась с положением периферии государства. В 1814 году город снова оказался под властью Австрии. Он с достоинством принял эти изменения режима и склонил голову. Теперь он наблюдал за перипетиями своей судьбы.

В начале XIX века Наполеон занялся строительством общественных сооружений. На западном конце площади Сан-Марко был воздвигнут новый королевский дворец. Церкви и монастыри, расположенные прямо за Арсеналом, были снесены, на их месте разбили публичные сады. К ним была проложена новая дорога вдоль побережья, Виа Эуджения, теперь известная как Виа Гарибальди. Строительство общественных сооружений продолжалось и при австрийской оккупации. Лагуна была укреплена. В 1854 году был возведен мост Академии, второй мост через Большой канал. Однако самые радикальные изменения имели отношение к строительству железнодорожного моста, соединившего Венецию с материком. Город перестал быть островом

и утерял веками освященный статус убежища от мира. Это означало и окончательную утрату основополагающего значения воды. Венеция стала городом не столько естественного, сколько механического времени. Возможно, сбылось древнее предсказание. В начале 1500-х годов дож Андреа Гритти обращался к дельфийскому оракулу. В то время ходили упорные слухи о неминуемой гибели Венеции. И в Дельфах, рядом со статуей Аполлона, ему привиделась панорама Венеции, окруженной не морем, а зелеными полями. Пророчество было истолковано так: когда Венеция станет частью суши, республика погибнет.

В этот период Венеция переживала тяжелый экономический спад, от которого она с трудом оправилась в XX веке. Класс патрициев ослаб, каждая третья семья просто вымерла. Некоторым из оставшихся аристократов австрийское правительство пожаловало почетные титулы. Но это была пустая формальность. Награды не обманывали никого, кроме их владельцев. Население города сократилось в результате эпидемий и миграции. В Венеции всегда были нищие, но к началу XIX века бедность и попрошайничество стали наиболее заметным аспектом городской жизни. По оценкам того времени,

треть населения города зависела от милостыни и благотворительности. Именно тогда Венецией заинтересовались английские романтики. Их привлекали упадок и заброшенность.

В некотором смысле это был самый интересный период в истории города. *campi* заросли травой и сорняками, *palazzo* превратились в разоренные убежища для бедных. Каменные лестницы и мосты были покрыты водорослями, а деревянные причалы сгнили. Дома разваливались. «Кажется, Венеция на самом деле при последнем издыхании, — писал некий англичанин зимой 1816 года, — и если что-нибудь не будет предпринято для того, чтобы ее оживить и поддержать, она вскоре вновь погрузится в болота, из которых родилась. Остатки ее былого великолепия лишь подчеркивают ее нынешний упадок».

Однако поколение спустя благосостояние города было отчасти восстановлено. Он вернулся к прежней роли. И снова стал прибежищем для путешественников и туристов, для обслуживания которых было открыто одиннадцать больших отелей и бесконечное количество маленьких гостиниц. Чтобы усилить романтическое очарование ночного города, было устроено газовое освещение. Эту Венецию изобразил Тёрнер.

Численность населения выросла. Торговцы, стеклодувы и гондольеры процветали. К середине XIX века в городе насчитывалось не менее восьмидесяти двух обувных магазинов и сто торговцев шелком.

При этом город по-прежнему находился под властью Габсбургов, и принципиальные социальные и экономические решения принимались в далекой Вене. Венеция стала всего лишь отдаленной подконтрольной областью большой империи. Разумеется, венецианцы были недовольны утратой своего статуса. Они жаловались на высокие налоги и жестокую цензуру. К тому же они не любили австрийских солдат и даже проводили нелестное сравнение с их предшественниками — французскими солдатами. «Едва ли найдется хотя бы один венецианский дом, где принимают австрийцев, — писал английский генеральный консул. — Те, кого подозревают в симпатиях к правительству, подвергаются всеобщему осуждению, их имена пишут на стенах и называют предателями родины».

Шелли был уверен, что венецианцы потеряли лицо во время оккупации города французской и австрийской армиями. «Пока я не пожил несколько дней среди венецианцев, — писал он, — я не

имел представления, до каких размеров могут дойти жадность, трусость, суеверия, невежество, холодный разврат и все немыслимые пороки, к которым может обратиться человеческая природа».

Неверно было бы сказать, что венецианцы полностью утратили смелость и энергию. Эти человеческие качества не подвержены быстрым изменениям. В 1848 году, когда пришла пора испытаний, венецианцы приняли вызов. Речь идет об осаде Венеции.

Она началась в 1848-м, в Год революций, когда Орлеанский дом пал и во Франции установилась Вторая республика. Дух свободы распространился по всей Европе. Примечательно, что общественные беспорядки произошли в Вене, в самом сердце Австрийской империи, и император был вынужден принять новую Конституцию. Когда почтовый пароход привез эту новость из Триеста, венецианцы восстали против оккупационной австрийской армии. Собравшись на площади Святого Марка, они потребовали освободить еврейского юриста Даниеле Манина, посаженного в тюрьму за выражение венецианских патриотических чувств. Арсенал был захвачен местными жителями. Перед лицом всеобщего восстания,

на подавление которого австрийцы не могли рассчитывать, австрийская армия согласилась покинуть Венецию и отошла по морю в Триест.

22 марта Манин был объявлен президентом новой республики. Когда ему сказали, что венецианцы любят праздность и потворствуют своим желаниям, он ответил: «Ни вы, ни кто-либо другой не знают венецианцев. Их никогда не понимали. Я горжусь тем, что их знаю. Это единственная моя заслуга».

Тогда казалось, что Венеция вновь восстала из глубин. В передовой статье *Gazzetta di Venezia* было провозглашено: «Мы свободны!» Ответом стал древний клич: «Да здравствует Святой Марк!»

Но в человеческих делах не может быть уверенности. Предсказанное не наступает; мировая жизнь состоит из непредвиденного и неожиданного. В 1849 году Австрия разбила национально-освободительные силы на материке и оккупировала Венето. Венеция вновь осталась один на один с угрожающими ей силами. На протяжении всей своей истории венецианцы боялись этого больше всего. Вскоре их страхи облеклись в материальную форму. Австрийская армия осадила город. Осада продолжалась семнадцать месяцев.

Народные чувства требовали сопротивления любой ценой. В городе, который в течение двух столетий упрекали в изнеженности и бесславии, воскрес древний дух независимости. Чтобы покончить с иностранным гнетом, венецианцы были готовы поставить на карту все. Они с радостью расставались со столовым серебром и драгоценностями ради благородного дела спасения Венеции. Даже бедняки отдавали свои тонкие браслеты и серебряные шпильки.

Когда разнесся слух, что город будут бомбить с воздуха с помощью воздушных шаров, он был незамедлительно развеян с помощью карикатур и уличных плакатов. 12 июля было запущено несколько воздушных шаров, но, оправдав комические ожидания, они упали в лагуну и были отнесены течением назад к австрийцам.

Однако в конце июля начался серьезный артиллерийский обстрел, продолжавшийся двадцать четыре дня. Были повреждены все дворцы на Большом канале. Большинство австрийских снарядов упало в северном районе Каннареджо, но огонь и дым распространились по всему городу.

Многие горожане сооружали башенки на крышах своих домов, где они ели и пили, наслаждаясь красочным зрелищем. Венецианцы

всегда любили фейерверки. Дух венецианцев, как и лондонцев во время немецких налетов в 1940 году, оставался бодрым и непоколебимым. Венецианцы говорили, что будут держаться «до последней ложки поленты». Дети разыскивали упавшие австрийские ядра и относили на венецианские батареи для повторного использования.

Ужасы этого периода неоднократно описаны. Перед лицом голода и эпидемии азиатской холеры венецианцы отказались сдаться, подбадривая себя припевом «Да здравствует Святой Марк!». Но в конце концов сопротивление стало невозможным.

24 августа Манин подписал договор о капитуляции. Австрийская армия вернулась в разрушенный город, Манин был арестован и выслан в Париж. Его мечта о независимой республике, основанная на древнем прошлом города, не осуществилась. Но хотя бы на время Венеция вновь стала символом республиканской свободы, служа предметом восхищения для всех, кто презирал империю Габсбургов. Конечно, общественной поддержке не хватало материального подкрепления, и она не могла спасти город. Однако мужество и стойкость венецианцев навсегда рассеяли миф об их мягкотелости и бесхарак-

терности.

В наказание за восстание австрийцы отняли у Венеции статус свободного порта. Так закончилась морская жизнь города.

Австрийская оккупация продлилась еще семнадцать лет после осады. Венеция превратилась в город траура. «На суше и на море нет большей подавленности и печали, чем в современной Венеции», — писал американский консул в 1865 году. Она стала обителью уныния, напоминая «гробницу для живых». На ранних фотографиях город напоминает трущобы — женщины в шалях, мужчины в потертых шляпах.

Затем события во внешнем мире, к которому венецианцы стали равнодушны, представили город в новом свете. В 1866 году австрийские войска ушли, и Венеция стала частью нового Итальянского королевства. Царившая в городе атмосфера уныния и заброшенности начала рассеиваться.

Успех Лидо как курорта, наступивший в 1880-х годах, открыл новые перспективы торговли и процветания в лагуне. На острове были построены два роскошных отеля. Венеция вновь стала местом развлечений для богатых и знатных. Ее посещали лишившиеся трона члены королевских семей, герцоги и герцогини, популярные

певцы, актеры и те, кого называли плейбоями. Приехали аристократы. За ними последовал средний класс.

В 1895 году была организована первая Международная выставка, вскоре ставшая известной как Биеннале. Она положила начало чисто венецианской традиции искусства, денег и знаменитостей.

С этого времени всем стало ясно, что единственным будущим для города может стать туризм. Создание индустриальной зоны на материке в Местре и Маргере, в непосредственной близости от Венеции, в первые десятилетия XX века только укрепило уверенность в том, что развитие современных форм жизни надо каким-то образом сдерживать. Так проявилось древнее стремление изгнать всю промышленность за пределы города. Венеция решила положиться на свою историю, подлинную или мнимую. Подлинное прошлое не получило определения. Город просто поощрял дух архаичности.

Дворец, построенный в XIII веке, в котором некогда размещалось турецкое подворье (Фондако деи Турки), пришел в упадок и был куплен муниципалитетом. Его восстановили — с симметрией и элегантностью, которыми он никогда

не обладал. На языке историков архитектуры, здание было «слишком венециализировано». В 1907 году в Риальто был построен новый Рыбный рынок в стиле XV века. Происходило готическое возрождение и византийское возрождение. Новые гостиницы были выстроены в классическом стиле или стиле Возрождения. По берегам Большого канала вырастали новые дворцы, по внешнему виду которых можно было подумать, что они спроектированы и построены в XII или XIII веках.

Во время Первой мировой войны старые властители Венеции, австрийцы, оказались в опасной близости от города, их войска подошли совсем близко к границам лагуны. С колокольни на площади Святого Марка можно было видеть аэростаты заграждения, а порт пришлось закрыть из-за угрозы вражеской атаки. Но город не пал.

Он почти не подвергся разрушению во время двух мировых войн, мало пострадал от бомбардировок и за все годы военных действий потерял всего две сотни человек — большинство из них упали в каналы во время затемнения.

Однако были и другие жертвы. Приказы Муссолини и Гитлера обрекли венецианских евреев на страдания. В 1920-х годах город быстро усвоил

идеи фашизма, и вскоре организованные группы сторонников Муссолини стали там могучей силой. Расистские законы 1938 года и активное преследование евреев в 1943–1945 годах нанесли глубокую рану венецианскому еврейству. Евреев увольняли с работы, не позволяли пользоваться пляжами Лидо, на общественных зданиях висели объявления «Евреям и собакам вход воспрещен». Историческая терпимость венецианцев исчезла.

В 1943 году, когда немецкая армия оккупировала город, около двухсот евреев были задержаны и депортированы в концентрационный лагерь на материке. Некоторых отправили в Аушвиц. Душевнобольных забирали из больниц на островах и казнили. Мир за пределами Венеции, реальный мир, взял управление в свои руки.

Вторая половина XX века была ознаменована исходом венецианцев на материк, где развитие промышленности обещало более высокие заработки и менее дорогое жилье. К тому же промышленность Местре и Маргеры помогла отравить воды лагуны, увеличив уязвимость городской окружающей среды.

В городе продолжала — и продолжает — процветать бюрократическая пассивность и некомпетентность. Джанфранко Пертот, автор книги

«Венеция: экстраординарные расходы» (2004), отмечает «невыполнение обещаний, отсутствие программ и планов, а следовательно, и действий» со стороны венецианских властей. «Инерция и отсутствие мобильности» в городе отчасти позволяют и даже поощряют «возмутительную эксплуатацию, спекуляцию, разрушение и упадок». Утверждается, что в городе процветают взяточничество и повальная коррупция. Но какое общество не поражено коррупцией? Таковы условия человеческого существования. И они веками оставались условием существования Венеции.

К тому же в Венеции веками было почти невозможно установить источник или центр власти, распределенной между частично дублирующими друг друга правительственными организациями. Кто стоял во главе государства? Дож или Сенат? Совет десяти или Большой совет? Современное бюрократическое устройство города унаследовало эту сложность и расплывчатость. Приведем еще одну цитату из книги Пертота: «Вопрос о том, кто отвечает за положение дел в Венеции, до сих пор не решен». И так было всегда. В XV и XVI веках появлялись новые законы при сохранении старых.

История повторяется и ныне. В конце XX века

один специальный закон о сохранении города следовал за другим специальным законом. Все части административного механизма были поражены проволочками и неразберихой. Все еще не существует соглашения заинтересованных сторон относительно будущего города. Каким ему быть? Городом-музеем и исследовательским центром? Просто раем для туристов и площадкой для различных международных выставок, которые притягивает лагуна? Или он должен восстановить свое прошлое живого города с постоянными жителями?

Возможно, для последнего предложения время уже прошло. Миграция жителей Венеции в Местре, начавшаяся в 1950-х годах, продолжается. В начале XXI века доходы жителей Венеции были самыми низкими во всем регионе Венето. Возраст трети населения превышает шестьдесят лет. Смертность здесь в четыре раза выше рождаемости. Вот почему ночью Венеция кажется такой пустынной. Она и впрямь *опустела*. Трудно вообразить, что когда-то этот город был густонаселен. Конечно, днем он полон туристов. Но, как ни парадоксально, туристы способствуют опустению города. Они превращают его жизнь в спектакль, лишенный глубины. Сейчас в Венеции постоянно

проживает около шестидесяти тысяч человек, и демографы предполагают, что приблизительно к 2030 году последний венецианец покинет город.

Молодые венецианцы переехали на континент, где есть работа не только в сфере обслуживания. Для них Венеция стала слишком дорогой. Дома или квартиры покупают или снимают иностранцы. Найти жилье за приемлемую плату нелегко. Многие дома превращены в пансионы или гостиницы. Многие местные магазины почти не отличаются от сувенирных киосков. Мясники и пекари уехали, а магазинов, где продается мороженое, стало больше. Современная Венеция вновь как бы оказалась на осадном положении.

Вдали от главных туристических маршрутов город кажется запущенным. Частные дома разрушаются от двойной угрозы — оседания и затопления. Загрязнение окружающей среды от химических и нефтеперегонных заводов в Маргере, на материке, также губительно повлияло на кирпич и камень. Возникают трещины, стены смещаются и рушатся, из зданий выпадают камни. Слои штукатурки пропитываются на воздухе солью. Недавнее исследование Венеции, проведенное Джоном Берендтом, называется «Город падающих ангелов». Название навеяно объявле-

нием на стене собора Санта-Мария делла Салюте. Иными словами, трудно не заметить некоторого цинизма оставшихся жителей города.

Большое наводнение 1966 года, когда дневной прилив поднялся выше обычного почти на два метра, напомнило венецианцам, что их городу все еще грозит опасность. Это событие взволновало весь мир, для сбора средств на реставрацию Венеции был создан фонд «Венеция в опасности». Город постепенно оседает, и опасность затопления увеличивается. Было подсчитано, что площадь Святого Марка каждый год заливает около пятидесяти раз.

Море продолжает подниматься. К угрозе глобального потепления присоединились ил, скапливающийся на дне лагуны, и метан из Адриатики. Море возвращает себе древние владения, несмотря на постоянное и энергичное противодействие людей. К примеру, в процессе разработки находится проект, в соответствии с которым в узком проливе, где встречаются море и лагуна, будет возведено семьдесят девять заграждений, которые во время угрожающе высоких приливов будут подниматься с помощью сжатого воздуха. Однако против этого спорного предложения выступают многие венецианцы,

утверждающие, что лагуна, лишенная прилива, превратится в стоячий пруд. К тому же осуществление проекта потребует столько денег, что многие потребности самого города будут оставлены без внимания.

Как бы там ни было, Венеция — часть Италии. Потеряв независимость, она лишилась прав и перестала быть хозяйкой собственной судьбы. Но, потеряв уникальность, не потеряла ли она и энергию? Пегги Гугенхейм однажды сказала, что «когда Венеция затоплена, она вызывает еще большую любовь». Подобно Офелии, она плывет, угасая, по воде, то отнимая, то вселяя надежду.

Однако Венеция постоянно подвергалась опасности, ее существование постоянно находилось под угрозой. Она — творение рук человеческих, зависящее от превратностей природы. И она не погибла. Вот это достойно подражания. Будем надеяться, что ее воля к жизни останется могучим источником энергии.

Здесь кончается исторический урок.

Глава 33
Смерть в Венеции

У подножья барочной колокольни церкви Санта-Мария Формоза над входом изваяна отвратительная маска со следами разложения и страдания. По словам Рёскина, «хорошо, что в этом месте мы можем увидеть и почувствовать полный ужас происходящего и знаем, какая погибель пришла и дохнула на ее (Венеции) красоту, пока она не исчезла». Для него деформированное лицо символизировало упадок Венеции начиная с эпохи Возрождения. На самом деле каменная маска гораздо интереснее. Она точно воспроизводит лицо человека, страдающего нейрофиброматозом, или болезнью Реклингхаузена.

Венеция ассоциируется со смертью и чумой. Она в значительной части является полуразрушенным городом, о его крошащийся кирпич и штукатурку плещется вода.

Джон Аддингтон Саймондс в «Венецианской мозаике» пишет, что «темная вода нашептывает нам на уши рассказы смерти». Венеция город теней. К тому же этот город связан с чумой и

спрятанным ножом убийцы. В нем до сих пор существует *Rio Terra degli Assasini* (Переулок убийц). Самый известный рассказ, созданный в этом городе, — «Смерть в Венеции» Томаса Манна. Надгробная песнь Венеции к лицу. Венеция обречена. Об этом рассказывают волны. В городе поблекших камней Байрон размышляет об упадке.

> *Венеция! Когда тебя поглотят воды*
>
> *И с морем мрамор твой сровняет власть времен, —*
>
> *О, над тобой тогда заплачут все народы*
>
> *И громко прозвучит над морем долгий стон*[19].

Это место слизи, плесени и ила. Маринетти назвал Венецию «разлагающимся городом», «великолепной язвой прошлого». Для Рёскина она стала призраком на поверхности моря. Ее тишина зловеща. От ее развалин веет смертью более чем в других местах, так как на них не различить прикосновения природы, обещающей возрождение. Эти каменные развалины окончательны.

---

[19] Примечания: 19
Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

Их не покроют ни мох, ни трава. Они являют собой то, что Шелли назвал «мрачной бесформенной грудой» камней. В «Последнем человеке» (1826) Мэри Шелли так описала подобную сцену запустения: «Прилив неохотно отхлынул от рухнувших порталов и осквернённых залов Венеции». Единственная судьба, ожидающая город, словно покинувший изменчивый мир времени, — Апокалипсис. Он должен затонуть, молча и навсегда погрузиться под воду. Этот образ города олицетворяет конец всех человеческих достижений и надежд. Уильям Вордсворт написал сонет о Венеции (1802), кончающийся словами:

> *Мы – люди! Пожалеем вместе с ней,*
> *Что все ушло, блиставшее когда-то,*
> *Что стер наш век и тень великих дней*[20].

«Я не *чувствую* романтики Венеции, — говорил Рёскин отцу. — Это просто груда развалин». Венецианские хроники более давних времен полны рассказов о церквах, мостах или домах, внезапно рухнувших и превратившихся в груды пыли и битого камня.

---

[20] Примечания: 20
Перевод В. Левика.

В XVIII веке в городе распространился культ живописных руин. Руины там были даже в XIV веке. Многие дома были покинуты в плачевном состоянии и больше не восстанавливались. Разумеется, там нет античных руин, как почти во всех городах Италии — в этом отношении Венеция стоит особняком, — скорее можно говорить о медленном, но постоянном разрушении еще воспринимаемой красоты. Город лишен надежности великих городов древности. Вот почему упадок и разрушение в Венеции все же прекраснее большинства великолепных зданий в других местах. Они неотъемлемая часть ее особого очарования. Часть сладкой меланхолии быстротечности. Они напоминают человека, который движется к могиле.

Для Генри Джеймса Венеция была самой красивой в мире усыпальницей, где прошлое «похоронено с такой нежностью, такой печалью смирения». Церкви полны гробниц. Некогда существовала *Campiello dei Morti* (площадь Мертвых), но название было изменено на *campi ello Nuovo* (Новую площадь). Некогда существовал Мост мертвецов, но теперь он называется Мост портных. А *Calle dela Morte* (улица Смерти) осталась. И все же кладбище тоже может стать метафорой. В

XVIII веке Венецию называли «гробницей аристократов, в которой заперты здоровые люди».

Теперь рядом с городом есть остров мертвых, Сан-Микеле. Раньше там был монастырь, в котором занимались науками, но в XIX веке здесь было устроено кладбище, чтобы тела умерших более не находились вблизи живых. Трупы, уложенные в маленькие мраморные ящики, хранятся как бы в смертельном буфете. Церковь Сан-Микеле ин Изола, построенная почти четырьмя веками ранее, охраняла пространство, словно гроб повапленный. Число тел, покоящихся на кладбище, в несколько раз превосходит число жителей города. По прошествии некоторого времени тела вынимают из гробов, а скелеты отвозят на остров костей Сант-Ариано. Разве это не настоящая *laguna morte* (мертвая лагуна)? Меж черепов и костей снуют крысы и рептилии; среди разложения вырастают костяные цветы.

В Венеции существует культ смерти. Футуристы Италии верили, что этот город — храм поклонения смерти, с которой связано его основание и существование. В своем манифесте футуристы заявляли, что настало время «засыпать вонючие мелкие каналы обломками обветшавших зараженных старых дворцов». «Давайте

сожжем гондолы, эти кресла-качалки для идиотов», — призывали они. Для них весь город был «огромной сточной трубой традиционализма».

Когда-то венецианские похороны поражали великолепием. С самого начала похоронные ритуалы города напоминали скорее ритуалы Египта или Ассирии, а не любого из итальянских городов. Тело покойного укладывали на пол, покрытый пеплом. Его родственникам полагалось продемонстрировать все пароксизмы горя, испуская вопли и стоны; по обычаю осиротевший супруг или супруга ложились на пороге, чтобы тело любимой или любимого не вынесли из дома; затем его или ее ритуально оттаскивали прочь. Тело обычно проносили по улицам города с открытым лицом и обнаженными ногами. Участники похоронной процессии несли хоругви и факелы, а комнаты дома покойного драпировались черным бархатом. Семья усопшего должна была громко рыдать на протяжении всей траурной церемонии. Это еще один пример восточного влияния на город. Того, кто умер девственником или девственницей, хоронили с зеленым венком на голове.

Всякий, кто видел фильм «А теперь не смотри» (1973), вспомнит катафалк, плывущий по

воде в черной гондоле. Когда остров Сан-Микеле превратили в кладбище, возник обычай едва ли не триумфальных процессий к центру мертвых; появились траурные гондолы, предназначенные для этой цели, с пятью гондольерами в золоченых костюмах. Один из них стоял перед гробом с жезлом в руке, на носу и корме гондолы возвышались скульптурные изображения святых и пророков. Даже для более скромных похорон гондольеры надевали черные шарфы и кушаки, а гроб с катафалком был щедро украшен цветами.

В венецианских сказках и народных поверьях чувствуется болезненный интерес к смерти. Французский король Людовик XII сказал, что венецианцы слишком боятся смерти, чтобы выиграть войну; им присущ страх купцов перед насилием и ненадежностью. Город окружен островами, на которые всегда высылали сумасшедших и прочих опасных для общества людей. В «Венеции» Джен Моррис написал: «Венецианцев зачаровывают мертвецы, ужасы, тюрьмы, извращенцы и уроды». Возможно, потому что сам город противоестественен и похож на тюрьму. Есть подозрение, что это мертвый город.

Некоторые люди, оказавшись в Венеции, физически чувствуют, что заболевают. Французский

писатель Морис Барре заявил, что как только он вышел из вокзала и подошел к стоянке гондол — чувствуя на лице ветер лагуны, — понял, что напрасно понадеялся на хинин. «Я явственно ощутил, как внутри меня возрождаются к жизни миллионы бактерий… Повсюду в Венеции человек видит победу смерти», — написал он. Вагнер, ступив в гондолу, испытал схожие чувства.

Вагнер умер в Венеции. Стравинский умер во время шторма над лагуной. Здесь же скончался и Браунинг. И Дягилев. Некоторые умерли неподалеку. Данте умер в Равенне от лихорадки, которую подхватил в Венеции. Байрон решил закончить свои дни в этом городе, но ему помешали события, случившиеся в другом месте. Можно с определенной долей вероятности предположить, что в этом самом артистическом из городов умрет некоторое число артистов, но истина заключается в том, что люди, чтобы умереть, отправляются именно в Венецию. Генри Джеймс интуитивно ощутил фатальную притягательность города для страдающей Милли Тил в «Крыльях голубки». «Мне кажется, — говорит она, — здесь было бы приятно умереть». Есть что-то утешительное в смерти около воды, в городе, который сам находится в предсмертной агонии. Умереть в большом

венецианском доме, как Вагнер или Браунинг, значит обрести огромный надгробный памятник, не тратясь на строительство. А неумолчный колокольный звон может послужить репетицией смерти.

Город навевает меланхолию и подрывает силы. Это не место для старых, больных и страдающих. Его атмосфера порождает депрессию и вялость. Когда французский художник Леопольд Робер покончил с собой в Венеции, его соотечественница Жорж Санд приписала это атмосфере города. Венецианским вечером Антону Чехову, услышавшему музыку и пение, захотелось разрыдаться. Венеция — город слез. Вагнер, впервые попав в Венецию, погрузился в состояние крайней меланхолии. Когда Томас Мур посетил в Венеции Байрона, он сразу же невзлюбил город и назвал его печальным местом. Такой же была реакция многих путешественников, внезапно испытавших странную подавленность. Даже в карнавальной атмосфере XVIII века чувствовалась меланхолия. Иначе зачем так надрывно веселиться? Англичане, жившие в Венеции в XIX веке, советовали вновь прибывшим соотечественникам не проводить в городе слишком много времени. Считалось, что длительное

пребывание здесь способствует мрачному расположению духа. Этому имеется объяснение из области культуры и психологии. В то время английские путешественники верили, что вся история Венеции была историей потерь и угасания, что город утратил цель существования и ему не на что больше надеяться. Возможно, так они предчувствовали упадок Англии и Британской империи.

Присутствие воды также навевает меланхолию. Вода олицетворяет память и бег времени. Вода — символ забвения. Она привлекает тех, кто хотел бы уйти от мира. Тех, кто хотел бы забыть и быть забытым. В угасании Венеции есть нечто, служащее утешением проигравшим битву с жизнью. Огромная и нередко безмолвная лагуна по-прежнему доминирует над городом. Для тех, кто держал путь на Восток, для купцов или пилигримов, Венеция была последним портом на западном берегу. Возможно, все эти прощания оставили в воздухе осязаемое чувство ностальгии. Возможно, люди с атавистическим складом ума горько сожалеют о прошлом, которое столь мучительно проступает на порой слишком шумных улицах современной Венеции.

Жан Кокто описывал Венецию как больной

лихорадочный город, плавающий в застойной воде и испускающий ядовитые испарения. Считалось, что на границе лагуны, там, где соленая вода смешивается с пресной, образуется вредный для здоровья воздух, а оттуда малярию разносят комары. В древности груды бревен и ловушки для рыбы также препятствовали свободному течению воды. Некогда процветающие поселения и острова вскоре оказывались в центре зловонных болот. В летние месяцы венецианские москиты до сих пор причиняют неудобства.

Корреспонденция сэра Генри Уоттона полна упоминаний о нездоровом, на его взгляд, воздухе. Он «чувствовал сильную слабость и потливость, которые мгновенно возникают в этом воздухе»; боли в груди «усилились в этом туманном воздухе». Он чувствовал, что им овладевает ипохондрия, «ибо ее рождает само это сырое место». Венеция вызывала в нем «свойственную ему склонность к унынию».

В Венеции стояло страшное зловоние, особенно в летние месяцы. В XVIII веке город поражал запущенностью и грязью: на углах возле каналов гнили кучи мусора, в каналы сливались все виды нечистот и отходов. Узкие каналы мало чем отличались от сточных канав. В нарушение

санитарного законодательства мусор веками сбрасывался в каналы под тем предлогом, что их очистит прилив. Эта дурная привычка укоренилась, и домохозяйки просто выбрасывали мусор на улицу.

В 1780-х годах Хестер Трейл заметила, что в Венеции «отвращение преобладает над всеми другими чувствами». В базилике грязь и зловоние. Весь ладан с алтарей не может заглушить отвратительный запах. В то же самое время, что и Хестер Трейл, тюремный реформатор Джон Говард писал о городе, как о «месте, зараженном вирусом преисподней». Гете отметил, что в дождливые дни под ногами хлюпает «мерзкая грязь», состоящая из грязи и экскрементов. Самих венецианцев считали грязными и неаккуратными. Раньше запах сам по себе считался признаком болезни. Он наполнял Эдварда Джиббона «пресыщенностью и отвращением». Неудивительно, что все эти сообщения относятся к XVIII веку. Венеция не в один день наполнилась смрадом — она всегда была и в некотором смысле остается такой до сих пор, — но только в XVIII веке путешественники стали отпускать по этому поводу замечания. До этого зловоние, человеческое или любое другое, было чем-то само собой разумеющимся.

Только в конце XIX века связь между запахом и болезнью стали отрицать на основании научных фактов. В 1899 году некий доктор отметил, что «многие запахи» Венеции безвредны, «так как они вызываются разложением сульфатов соленой воды и превращением их в сульфиды, в результате чего выделяются зловонные газы». Это объяснение не слишком утешало. В XIX веке Ральф Уолдо Эмерсон заметил, что в Венеции пахнет трюмной водой, а в конце XX века Донна Леон, автор детективов, действие которых происходит в Венеции, описала в «Безымянном венецианце» «проникающий повсюду запах разложения, всегда таящийся в глубине». Эту фразу можно понимать двояко — и как метафору, и буквально. В то же время другой автор детективов, Майкл Дибдин, писал в «Мертвой лагуне» (1994) о канале, где «в воздухе висят густые отвратительные запахи взбаламученной грязи, вредоносные миазмы такой силы, что они почти осязаемы». Авторов криминальных романов влечет к гибельному городу, где за красивой поверхностью скрываются летучие запахи.

В голодные времена, особенно в первые десятилетия XVI века, бедняков из-за недоедания поражала лихорадка. Лихорадка была разлита в

воздухе. Существовали и другие болезни. Гастроэнтерит, тиф и инфлюэнца приходили и уходили вместе с временами года. Диарея и глазные болезни считались эндемическими заболеваниями. Некий врач XVI века приписывал недуги венецианцев половым излишествам и обжорству. В 1588 году появилась прежде неизвестная болезнь — грипп, сваливший с ног всю Венецию. Впервые в истории не собрался Большой совет. На первый взгляд у гриппа множество симптомов, но он в действительности был тяжелой формой инфлюэнцы.

И, разумеется, была еще одна болезнь, известная в просторечии как Смерть. Известно, что Венеция была первым европейским городом, в который пришла чума. Когда осенью 1347 года венецианская галера вернулась в родной порт из торгового плавания в Каффу на Черном море, она привезла в своем трюме черных крыс, на которых жили блохи *Yersinia pestis*. Торговые пути между Востоком и Западом сеяли смерть. Эпидемия распространялась также из Венеции. (Говорят, что Великая чума, разразившаяся в Лондоне более трех столетий спустя, началась после того, как в съемных комнатах на севере Друри-лейн умерли два венецианца). Так в Европу проникла

Черная смерть. Весной 1348 года венецианские власти, напуганные массовыми смертями горожан, назначили трех человек, чтобы «тщательно рассмотреть все возможные способы сохранить здоровье города и избежать заражения воздуха». Это первый в истории Европы случай государственного и законодательного регулирования в области здравоохранения.

В Венеции очень рано возникла сеть общественных больниц. Было открыто множество церковных и благотворительных заведений для нуждающихся женщин, детей, сирот и опасно больных. К примеру, в 1735 году были учреждены специальные отделения для больных туберкулезом. В 1258 году уже существовала гильдия врачей и аптекарей, а полвека спустя государство выплачивало годовое жалованье двенадцати врачам-хирургам. В 1368 году была открыта Медицинская академия. В то время доктора пользовались благосклонностью государства. Они облагались небольшим налогом и могли одеваться как им было угодно. Они носили белые шелковые чулки и кружевные камзолы. Им разрешалось носить любое количество колец. Им вменялось в обязанность наблюдать за работой фармацевтов и аптекарей, но запрещалось участвовать в их

доходах. Аптечное дело было развито в Венеции с древности, отчасти благодаря притоку лекарств из таких торговых портов, как Каир и Византия. С Востока поступало и самое чудодейственное средство, известное как *treacle*— смесь янтаря и восточных специй, которое якобы излечивало все болезни, от чумы до укуса змеи. От этого корня происходит английское *treacle* (патока, или противоядие).

Экономические и социальные последствия первой в Европе эпидемии чумы были огромны. Однако в городе в лагуне они имели особенности. Черная чума косвенно послужила спусковым механизмом крестьянского восстания в Англии и Жакерии во Франции, однако в Венеции подобных беспорядков или мятежа не было. Люди сохраняли спокойствие. При этом нехватка рабочих рук была так сильна, что в 1348 году правительство объявило, что предоставит гражданство каждому, кто поселится в городе в следующем году. Это неслыханное предложение больше никогда не повторялось.

В анналах города содержится более семидесяти записей о визитах Смерти. Чума 1527 года уничтожила пятую часть населения Венеции. Больные умирали прямо на улицах, а их тела плавали в

каналах. Но самая страшная эпидемия случилась в 1575–1576 годах, когда погибло более трети населения. С июля 1575 по февраль 1577 года в Венеции умерли сорок шесть тысяч семьсот двадцать один человек. Из страха заразиться жены бросали мужей, а сыновья — матерей. Одной из жертв чумы стал Тициан, ничем не болевший на протяжении долгой жизни. Близлежащие острова, Ладзаретто Нуово и Ладзаретто Веккио, где прежде жили прокаженные, теперь были отданы жертвам чумы. Тех, кто казался здоровым, но вызывал подозрения, на двадцать два дня отправляли на Ладзаретто Нуово. Тот, кто нарушил предписание, на несколько лет изгонялся из города. Тех, кто уже заболел, высылали на Лазаретто Веккио, где условия заведомо были ужасны. В палатах раздавались стоны, некоторые больные бросались в воды лагуны, над островком висели клубы дыма от сжигаемых тел.

Город был охвачен пароксизмом ненависти к себе, являвшейся оборотной стороной веры в свое священное предназначение. В глазах некоего венецианского поэта целомудренная дева превратилась в *orrido mostro* (ужасное чудовище). Горожане, погрязшие в пороках и роскоши, навлекли на себя гнев Божий. К тому же и статус

Венеции как абсолютной модели города работал против нее. Все города переживают упадок. Все города — приют смерти и болезни. Поэтому в мифе и предании Венеция должна была быть крайне нездоровым местом.

Нашествия чумы повторялись. С июля 1630 по октябрь 1631 года в городе умерли сорок шесть тысяч четыреста девяносто человек. Летом 1630 года бежало двадцать четыре тысячи человек — от болезни и изнуряющей жары, которая вызывает лихорадку. В поисках Божественной защиты возносились молитвы святым, но святые не слишком помогали. Венецианские врачи облачились в черные мантии, пропитанные воском и ароматическими маслами, покрыли голову капюшоном, глаза защитили большими очками, а нос — длинным клювом с фильтром на конце. Они сами казались привидениями. Но в силу любопытного акта переноса именно это зловещее одеяние стало одним из излюбленных карнавальных костюмов. Это было не только *memento mori* (помни о смерти), мотив, весьма характерный для стихии карнавала, но и способ посмеяться над смертью.

И все же те, кто сумел приспособиться к климату Венеции, обычно отличались отменным

здоровьем. По меньшей мере аристократы жили, как правило, очень долго. Считалось, что мягкий климат способствует неге и чувственности. На вид венецианцы XVII–XVIII веков (а возможно, и позже) отличались нежной плотью и округлостью форм. Их кожа была бархатисто-белой. Однако внешность порой обманчива. Летописцы отмечали особую живость и импульсивность горожан. Венецианцам, создавшим свой город в неблагоприятных условиях, пришлось выработать твердый характер, чтобы его защищать и хранить. Как утверждалось в XIX веке, возбуждение поддерживает жизнь.

Многие венецианские дожи были избраны, когда им перевалило за девяносто. Город был раем для стариков, и местную форму правления можно, по сути, назвать геронтократией. «Никогда ни в каком другом месте, — писал Файнс Моррисон в конце XVI века, — я не видел такое множество глубоких старцев или сенаторов, уважаемых за их седины и старческую степенность». В венецианских архивах хранится сообщение о настоятельнице монастыря, обратившейся летом 1521 года с жалобой к правящему дожу, аббатисе было сто шесть лет. Тициан скончался в девяносто один год, Тинторетто в семьдесят шесть,

Беллини в восемьдесят шесть. Пьетро Лонги было восемьдесят три, а Франческо Гварди восемьдесят один. В эпоху, когда они жили, это был весьма преклонный возраст. Он служит мерой их бурной деятельности, их гибкости и энергии, которыми отличается венецианский гений.

Было сказано, что венецианцы жили дольше современников. По мнению Макиавелли, постоянная активность горожан позволяла им держать болезнь на расстоянии. Возможно, трата жизненных сил позволяла им противостоять недугам. В наше время отсутствие транспорта в городе означает, что по улицам и мостам приходится ходить пешком. Поэтому современные венецианцы меньше страдают от гипертонии и сердечных заболеваний; однако из-за влажного воздуха они чаще болеют ревматизмом.

Венеция была городом смерти в совершенно ином смысле. Ее «убийства по суду» были известны всей Европе секретностью и быстротой. Людей, оскорбивших государство, незамедлительно уничтожали. Мартовским утром 1498 года бытописатель Марино Санудо услышал тихий разговор на улице, смысл которого заключался в том, что справедливость восторжествовала. Проходя по площади Святого Марка, он увидел на

piazzetta высокое должностное лицо, болтавшееся между двумя колоннами. Чиновника, обвиненного в измене, повесили, никого не известив. Он был в своем обычном костюме с пышными рукавами. Почти триста лет спустя английский художник Джеймс Норткот с ужасом увидел болтавшееся между колоннами тело с табличкой, на которой значилось: «За государственную измену». Говорили, что если число приговоренных было недостаточным, власти брали трупы из больниц и вешали их, чтобы держать население в страхе. Впрочем, это весьма сомнительно.

Церемонии публичной казни были призваны подчеркнуть тот факт, что государство возлагает на себя квазирелигиозную роль ангела мщения. Приговоренного сопровождали к плахе или виселице члены венецианской гильдии смерти в черных капюшонах. Затем он или она поворачивались к изображению Венеции и декламировали на латыни *Salve Regina* (хвалебная песнь Пресвятой Богородице). На казни присутствовал дож в самых пышных одеждах. Горожане стояли молча и чинно, словно члены религиозного братства. Это была религиозная церемония, призванная очистить государство от заблудшего индивида. Публичные казни в Венеции не имели ничего

общего с беспорядком и весельем лондонского Тайберна, где преступников, пока они шли к виселице, приветствовали криками и аплодисментами. В Венеции казни были торжественным общим ритуалом.

Многих внутренних врагов города удушили в камерах Дворца дожей, а их тела тайно сбросили в воды лагуны. Когда племянник дожа в 1650 году был замечен в гондоле с испанским дипломатом, его бросили в камеру во дворце его дяди и быстро умертвили. За островом Сан-Джорджио Маджоре проходит большой канал, известный как Канале Орфано, из которого тела казненных попадали в море. Некий генерал, наемник, прельстившийся щедрым венецианским жалованьем, был заподозрен в сношениях с врагом. Под предлогом консультации он был вызван в Большой совет во Дворце дожей и сразу же направлен к секретной двери. «Мы не туда идем», — сказал он. «Туда, туда, — ответили ему. — Мы идем именно туда, куда надо». Коридор привел его к тюремной камере. «Я погиб!» — вероятно, воскликнул он. Старая венецианская пословица гласит: «Мертвец не воюет». Пощады не мог ожидать и любой венецианский адмирал или полководец, не оправдавший надежд государства.

Приговоры бывали весьма суровыми. В XIV и XV веках фальшивомонетчиков сжигали заживо. Сыновьям двух сенаторов, распевавшим богохульные песни, вырвали языки и отрубили кисти рук. Монах, от которого забеременело не менее пятнадцати монахинь, был сожжен на костре. Двух священников, обвиненных в государственной измене, похоронили заживо, положив друг на друга лицом к лицу. Подобная жестокость заставляет вспомнить о восточных казнях. В Венеции изобрели новый вид казни: приговоренного к смерти помещали в деревянную клетку с железными прутьями, которую затем подвешивали на колокольне на площади Святого Марка. Несчастного кормили уменьшавшимися порциями хлеба и воды, которые доставлялись к нему на веревке, пока он не умирал от голода и жажды на глазах у многочисленной толпы, снующей внизу.

Венецианцы также славились тайными убийствами. В 1421 году Совет десяти решил отравить герцога Миланского, предварительно испробовав яд на двух свиньях. О результатах ничего не сообщается. В 1649 году венецианский врач изготовил «квинтэссенцию чумы», чтобы применить ее против турок; это первое в истории упоминание о попытке использования биологического ору-

жия. В столицах Европы бытовало мнение, что Венеция использует группу профессиональных убийц, готовых уничтожить врагов, где бы те ни находились. Эта история вымышлена, но она свидетельствует о глубоком подозрении, какое испытывали к венецианцам другие страны. Когда сила и могущество города стали иссякать, враждебность тоже уменьшилась. В XVIII веке говорили, что яд, используемый венецианскими властями, выдохся, а рецепт его изготовления потерян.

Отражают ли сообщения о государственном насилии отношение к насилию вообще? В данном случае важна природа насилия сама по себе. Власти применяли насилие, не считаясь с достоинством и спокойствием граждан. Говоря современным языком, права жертвы редко соблюдались. Преступления против государства — к примеру измена — наказывались быстро и жестоко. Не столь тяжкие государственные преступления влекли за собой не менее жестокое наказание. Наиболее суровые наказания применялись к людям, оскорбившим город. Генуэзский моряк, прибыв в лагуну, заявил, что с радостью омыл бы руки венецианской кровью. Его немедленно схватили и повесили, отрезав подошвы

ног, чтобы кровь его орошала камни Венеции. Когда в 1329 году венецианец Марко Рицо заявил, что хотел бы бросить всех патрициев в тюрьму, его арестовали, вырвали язык и навсегда изгнали из города.

Преступления против собственности считались более тяжкими, чем преступления по страсти. К примеру, пытки обычно применялись в случае воровства, но не в случае убийства. За повторный грабеж преступнику автоматически грозило повешение. Создается впечатление, что изнасилование было обычным делом, особенно изнасилование простолюдинок патрициями. Однако это преступление наказывалось всего восьмидневным тюремным заключением, причем насильник освобождался от наказания, если выплачивал жертве сумму в размере приданого. Это преступление не считалось серьезным.

Судебные протоколы свидетельствуют о том, что жертвы нападения предпочитали кричать «Пожар!» вместо «Помогите!», так как это быстрее привлекало внимание.

Больше всего преступлений в венецианском обществе совершали аристократы, хотя представители их класса стремились облегчить им наказание за преступления, не угрожающие

государственному статус-кво. В частности, молодые аристократы бывали крайне необузданны. Казанова всегда носил при себе нож, который, по его словам, «в Венеции носят все честные люди, чтобы защитить свою жизнь». Простые горожане были более послушны. В Венеции существовали значительные силы по поддержанию порядка, да и сами *popolani* были начеку и яростно защищали общественную безопасность. В густонаселенном торговом городе соблюдение порядка отвечало всеобщим интересам. В нем имелось место для партийных фракций, но не для преступных банд. Преступников-одиночек здесь не чествовали, в отличие от других стран. В любом случае, куда мог скрыться преступник в городе, окруженном водой?

Стоит ли удивляться тому, что в Венеции многие сходили с ума? Автор этой книги слышал вой, похожий на вой обреченных на вечные муки, который доносился из небольшого доходного дома в Кастелло. Безумие поражает островитян коварнее, чем других. В самом городе никогда не было сумасшедшего дома; возможно, это считалось слишком вызывающим. Душевнобольных содержали на нескольких островах лагуны. К примеру, с XVIII века женщин, потерявших рассу-

док, отправляли на остров Сан-Клементе, где их за различные проступки подвешивали в клетках над водой. Мужской сумасшедший дом на острове Сан-Серволо обессмертил Шелли:

То, что мы видим, – дом умалишенных
С своею башней, – молвил Маддало.
Вот в этот час всегда здесь слышать можно,
Как над лагуной колокол поет,
И каждого из кельи он тревожно
К вечерне для моления зовет[21].

Из зарешеченных окон палат сумасшедшие окликали проплывавшие мимо гондолы.

Можно сказать, что сам город демонстрировал некоторые психопатические склонности. Он постоянно находился в состоянии сильнейшего беспокойства. С момента трудного и опасного возникновения в водах лагуны, он чувствовал себя во вражеской осаде всего мира. Когда-то он в полном смысле слова находился в изоляции и страдал от глубокой онтологической неуверенности. Причины этого понять нетрудно: представьте Нью-Йорк или Париж, стоящие на

[21] Примечания: 21
Перевод К. Бальмонта.

воде, и вы почувствуете глубинный страх, сопряженный с подобным положением. Вода зыбка. Вода непредсказуема. Вот почему Венеция всегда подчеркивала свою устойчивость и постоянство.

На протяжении всей своей истории она ощущает угрозу. Она проецирует образы непрочности и уязвимости, тем самым настойчиво вызывая реакцию заботы и попечения. В XII веке частые землетрясения повергли горожан в панику. В 1105 году остров Маламокко затопило, и было решено, что Венецию постигнет та же участь. В XIII веке город охватил почти истерический страх пожара; считалось, что он тлеет где-то внутри, готовый вырваться наружу во мраке ночи. В XV веке горожан повергла в ужас угроза заиливания лагуны и обмеления каналов. Говорили, что с каждым годом Венеции угрожает все большая опасность. Во второй половине того же века люди верили, что Венецию неминуемо постигнет кара за грехи. Грядет Божий суд, и Венеция погрузится в пучину волн.

Венеции всегда угрожала опасность. Во все века считалось, что город ждет неминуемая гибель. Все его действия, возможно, объясняются глубоким всеобъемлющим страхом, а захват материковых земель и создание империи были

попытками уменьшить неуверенность. Медленное торжественное правление патрициев на самом деле представляло собой защитный механизм. Венецианцы ненавидели непредсказуемость. Они испытывали нешуточный страх перед будущим. Стяжательство, страсть к золоту и другим богатствам, возможно, объясняются так же, как скупость мистера Скруджа в повести Чарлза Диккенса «Рождественская песнь» (1843) — «Ты слишком боишься мира». Однако триумф Венеции, главный источник ее гражданской гордости в XVII и XVIII веках, ее притязания на вечную славу можно объяснить простым фактом: она поставила себя в уязвимое положение и все-таки осталась неосквернённой. Какой еще город на земле может об этом заявить?

Этот город всегда осознавал себя, был одержим собой. И занимался самообманом. Он лгал самому себе. Создавал о себе мифы. Он сочинил свою историю, совершенно не согласующуюся с подлинной. Он был во власти противоположных импульсов; к примеру, проповедовал гражданскую свободу и в то же время требовал полного контроля над населением. На первый взгляд в нем царила атмосфера праздничного веселья, однако в центре его политики лежал коммер-

ческий расчет. Многочисленные воззвания к народу Венеции не поддаваться искушению роскошью, чувственностью и расточительностью свидетельствуют о том, что город охватывала ненависть к себе. «Мы должны быть непорочными» — таков был призыв. Мы должны остаться неосквернеными, как наш город. Должны быть безупречными. Поэтому то, что угрожало порядку или безопасности, изгонялось за пределы города.

Настроение народа было крайне неустойчивым. Любые внезапные изменения или неожиданные поражения повергали его в отчаяние. В XVI веке Марино Санудо то и дело пишет в дневнике: «Весь город в отчаянии». Город преследовал постоянный страх заговора. У человека это опасный симптом психического расстройства.

Можно сказать, что Венеция олицетворяет все города. Она воплотила в себе многие страхи, поражающие города: страх заболеть, страх заразиться, страх навсегда быть отрезанным от природы. Но она олицетворяет и пороки всех городов: их роскошь, их могущество, их агрессию. Место, полное страхов.

XI
Город мифов

Глава 34
Карта разворачивается

Существует множество карт Венеции, не все из них надежны. Возможно, по количеству карт этот город занимает первое место в мире, и все же в некотором смысле он не поддается переносу на карту. *Calli* слишком напоминают лабиринты, тесные проходы между ними слишком извилисты. Здесь слишком много закоулков, чтобы их можно было начертить на бумаге. Во всяком случае, город расположен не на одном уровне, а раскинулся вдоль мостов и каналов. До боли знакомая картина: туристы, потрясающие картой и тщетно вглядывающиеся в названия улиц и мостов. Они оказались в «совсем другом месте». Чужакам в Венеции нельзя не заблудиться. Во всяком случае, городов, созданных человеческим воображением, нет ни на одной карте.

Первая дошедшая до нас карта Венеции, на которой можно ясно разглядеть окончательные очертания города, относится к XII веку. Но самой известной остается карта 1500 года работы Якопо де Барбари, изображающая город «с птичьего по-

лета». На этой карте впервые нашел воплощение образ Венеции как значимой формы. Ее детали не имеют себе равных, исполнение выше всяких похвал. Однако это скорее символическое, а не натуралистическое изображение города. Некая священная геометрия, подчеркивающая искусственную природу города. Меркурий, сидящий на облаке над городом, прямо над рынком Риальто и базиликой Святого Марка, восклицает: «Я, Меркурий, благосклонно блистаю над этим рынком, как ни над одним другим». Нептун глядит на него из вод лагуны, возглашая: «Я, Нептун, обитаю здесь, успокаивая воды этой гавани». Город имеет форму дельфина, резвящегося в волнах. Его безлюдность внушает веру в то, что Венеция важнее любого из ее временных обитателей. Они лишь тени на ее стенах.

Разумеется, эта карта не преследует практической цели. Как сказал венецианский картограф XV века Фра Мауро, «моя карта… всего лишь один из вариантов реальности. Она может быть хоть сколько-нибудь полезной только как орудие воображения. Я полагаю, и самый мир следует рассматривать как совершенное произведение искусства и проявление безграничной воли».

Множество венецианских карт выражали мер-

кантильные интересы города. Они были созданы не только для того, чтобы обозначить торговые пути в Катай и Трапезунд, но чтобы облегчить проникновение туда, где ни один венецианский купец еще не побывал. К примеру, многие пытались отыскать морской путь к индийским пряностям. На почерневшей стене Галереи рядом с рынком Риальто были фрески, изображающие *mappamundi* (карту мира), а в самой Галерее хранилась копия «Путешествий Марко Поло».

Венецианцы были сведущими и искусными картографами. В своем водном мире они искали определенности и достоверности. Легко понять их одержимость в городе, где карта редко встречается с реальностью. Изготовление карт олицетворяет стремление к порядку и контролю. Это еще одна сторона всеобъемлющей власти. К примеру, венецианские правители заказывали множество подробных карт, которые касались всех аспектов жизни материковых провинций, находившихся под их господством. Возможно, именно этот дух завоеваний побудил венецианского картографа написать первое эссе о пейзажной живописи. В Венеции не было пейзажей. Для их создания годились только захваченные территории. В 1448 году венецианский картограф Андреа Бьянко впервые

намекнул на существование Америки, нарисовав остров там, где примерно находится Бразилия. В начале XVI века венецианец Джованни Контарини изготовил первую точную карту Африки.

В домах известных купцов и патрициев на стенах висели карты мира. Покои Дворца дожей украшали карты с торговыми путями Венеции по всему миру. На картине художника середины XVIII века Пьетро Лонги «Урок географии» (1752) изысканно одетая дама изучает глобус, держа в правой руке два компаса; у ног ее лежит открытый атлас. Фра Мауро, бенедиктинский монах из Мурано, создал знаменитую полную *mappamundi* с символическими деталями и ссылками на Священное писание. Он заявил, что создал ее «для размышления славных правителей» города. Уже в середине XV века в Венеции имелась мастерская, занимавшаяся только изготовлением карт. Венецианские картографы особо славились морскими справочниками, картами береговой линии, предназначенными для моряков. В 1648 году в Венеции была создана Академия аргонавтов, занимавшаяся изданием карт и глобусов.

Неудивительно, что копия «Путешествия Марко Поло» находилась в Риальто. Марко Поло — самый известный из всех венецианцев — воз-

можно, за исключением Казановы — и самый известный из путешественников. Его история — в некотором смысле типичная для Венеции коммерческая история.

Он принадлежал к семье, занимавшейся торговлей. Некогда жили два брата, которые родились в венецианском приходе Святого Иоанна Златоуста и стояли во главе торгового дома в Константинополе, представлявшего одну из ветвей их семейного бизнеса. Они были патрициями, но в Венеции патриции богатели на торговле.

В 1260 году, во время крупных беспорядков в Византии, Никколо и Маффео Поло решили в поисках новых торговых путей отправиться на Восток. Они взяли с собой драгоценности, надежно спрятав их в одежде, и отправились в Среднюю Азию. Они добрались до Бухары, теперь входящей в Узбекистан, где войны и слухи о войне задержали их почти на три года. Однако благодаря счастливому случаю они познакомились с посланниками, направлявшимися ко двору Великого хана, «владетеля всех татар в мире». Такую возможность нельзя было упустить. И они отправились в город Кублай-хана, правившего Монгольской империей и Китаем. В Пекине Кублай-хан был любезен и любознателен. Он

подробно расспрашивал о законах и обычаях их страны. Под конец их пребывания в Пекине он вручил им послание к Папе и попросил вернуться с маслом от лампад, горящих у Гроба Господня в Иерусалиме.

На обратный путь в Венецию ушло еще три с половиной года. Они не видели свой город пятнадцать лет, и по возвращении Никколо Поло встретил дома сына, которому исполнилось шестнадцать. Его назвали Марко в честь святого покровителя Венеции. В конце концов они получили от нового Папы Григория X грамоты с папским благословением и сосуд с драгоценным маслом, а затем вернулись к Кублай-хану вместе с молодым Марко Поло. И вновь на путешествие ушло три с половиной года.

Однако самое интересное впереди. Через двадцать четыре года в приход Святого Иоанна Златоуста прибыли три странника. В одежде из грубой шерсти, как у татарских воинов. С длинными волосами и бородами, с грубой кожей, обветренной в долгих странствиях. Марко Поло вместе с отцом и дядей наконец-то вернулись домой.

Их не признали членами семьи Поло. Они говорили на ломаном венецианском диалекте.

Скорее всего их выдворили бы из прихода как самозванцев. Но Марко Поло представил доказательства. Он взял одежду из домотканой шерсти и распорол по швам. В нее было зашито множество драгоценных камней — рубины, сапфиры, бриллианты, изумруды — щедрые дары Великого хана. Венецианцев, разумеется, мгновенно убедили баснословные сокровища, и они, по словам летописца, приняли пришельцев «с превеликими почестями и уважением». Марко Поло стали называть Марко Миллионе. Во время недавних раскопок на месте, где находился дом семьи Поло, обнаружили новые фундаменты времен возвращения Марко Поло. Он не хранил свое богатство в драгоценностях.

Всем известно, что на этом история не кончается. Марко, будучи горячим патриотом, снарядил на свои деньги галеру для войны с генуэзцами. В битве близ острова Корчула в сентябре 1298 года Поло был взят в плен. Его посадили в генуэзскую темницу, где он провел около года. За это время он приобрел известность как рассказчик удивительных историй о дальних странах. И нашелся человек, который их записал. Старик из Пизы по имени Рустикан записал историю Марко на странном старо-французском, почерпнутом из

рыцарских романов. Письменная версия имеет все признаки устного рассказа: «Довольно об этом, теперь я расскажу вам кое-что еще»; «Оставим Мосул и поговорим о Бодаке, большом городе»; «Но сначала я должен вам сказать…»

Рукопись переписали. Ее начали распространять.

После освобождения из заточения Марко Поло вернулся к тихой ничем не примечательной жизни в родном городе и занимался только обычными торговыми делами. Он подарил экземпляр своей книги французскому королю, посетившему Венецию, но больше никаких упоминаний о книге, сделавшей его имя бессмертным, нет.

Марко Поло умер в 1324 году в возрасте семидесяти лет. На смертном одре он заявил, что не рассказал и половины того, что видел.

Когда-то думали, что эти рассказы были лишь красивыми историями, однако в последние годы становится все более очевидным, что Марко Поло правдиво описал страны и города, в которых побывал. Он был практичен и предусмотрителен, у него были ясная голова и зоркий глаз. Он также обладал почти детской энергией и любознательностью, которые помогли ему оставаться в живых долгие годы странствий среди необычных людей.

Он был истинным венецианцем. Мы могли бы назвать его венецианским героем, если бы город не питал неприязни к героическим личностям, угрожающим благополучию государства.

Из рассказа о странствиях Марко Поло становится ясно, что он прошел через всю Азию по поручению Кублай-хана, желавшего знать свою империю во всех подробностях. Пожалуй, подобную миссию мог выполнить только венецианец. Он был первым путешественником, сообщившим о богатстве и величии Китая, описавшим монгольские степи и неприступный Тибет; он написал о Бирме и Сиаме, о Яве и Индии; он рассуждает о факирах Пашаи и идолопоклонниках Кашмира; рассказывает о битве между Чингисханом и попом Иваном.

Во многих отношениях это было удивительное путешествие, но в действительности Марко Поло неукоснительно следовал венецианской традиции. Дипломатам и другим официальным лицам полагалось составлять подробные *relazione* об иностранных городах, которые они посетили. Отчасти книга Марко Поло имела целью преподать венецианцам урок удачного правления. В самом деле, через несколько лет после его возвращения венецианские власти ввели если не конкретные

детали, то некоторые общие принципы монгольской системы. Они следовали рецептам Великого хана, Великого Господина Господ, которого Марко Поло описывает как «самого могущественного человека в том, что касается войск, земель и сокровищ, которые существуют или существовали в мире со времен нашего праотца Адама по настоящее время».

Венецианским купцам также требовалась точная информация о состоянии местных обществ и местных экономик. В чем те нуждаются? Что могут предложить на продажу? Венецианцы умели не только наметанным глазом оценивать товар, но и внимательно наблюдать за местными условиями. Более всего они нуждались в информации. И не стоит удивляться, что Марко Поло с особым интересом наблюдал за торговлей во всех городах, которые посетил. О городе Кобинан в Персии он написал: «Есть тут железо и сталь, и онданик. Выделываются здесь из стали большие и очень хорошие зеркала». Описав, как люди зарабатывают себе на жизнь, он часто прибавлял: «Больше ничего не стоит упоминания».

Венецианские аристократы были профессиональными путешественниками, органично входя в роли купцов. В отличие от современников из

Флоренции или Гамбурга, они не выжили бы без точного знания морских путей и береговой линии. Дух путешествий был у венецианцев в крови. Иначе и быть не могло, ведь город смотрит на Адриатику и Средиземное море. Уже в IX веке венецианские купцы посетили Египет, Эвксинский понт и Азовское море. В начале XV века некий венецианец был рыцарем в Дании. А веком позже венецианский кораблестроитель преуспевал на верфях острова Элефанта в Индии.

Существуют рассказы о путешествиях в Гренландию и Тартарию. В 1432 году Пьетро Кверини добрался до Северного Ледовитого океана; сорока годами позже Иосафат Барбаро ступил на берег Каспийского моря. Когда купец и мореплаватель Джованни Кабото (генуэзец, гражданин Венеции по собственному выбору, одобренному государственным декретом, находился на английской службе) высадился в Новом Свете, рядом с английским флагом он водрузил знамя Святого Марка. Возможно, сто́ит упомянуть о том, что первооткрыватель и мореплаватель Себастьяно Кабото родился в Венеции; в 1498 году он открыл полуостров Лабрадор, а в 1526 году добрался до низовьев реки Ла-Плата. В середине XV века молодой венецианский патриций Альвизе да Мосто

отправился в Сенегал и открыл Острова Зеленого Мыса. Он описал подробности плавания в истинно венецианском духе, поскольку «был первым из благороднейшего города Венеции, кто, выйдя в океан через Гибралтарский пролив, направился к югу, в землю негров…» Он также был первым купцом, обменявшим лошадей, шерсть и шелк на рабов и попугаев.

Венецианские путешественники преследовали двоякую цель: получить доход и добиться славы; общественный вес и уважение проистекали из коммерческого успеха, а открытие новых земель служило тому и другому. Вот почему многие купцы вели записи своих достижений. Их дневники служили доказательством их подвигов и исполняли роль мемориалов в семейном бизнесе. Первые отчеты путешественников были опубликованы в Венеции в XV веке. В 1543 году вышла антология путешествий под названием «Путешествия из Венеции в Тану (город на левом берегу Днепра), Персию, Индию и Константинополь».

Карта фиксирует границы. Венеция всегда стояла на границе. Ее называли шарниром Европы. Во всех своих действиях она, по сути, обладает всеми признаками границы — порогового пространства. Она есть вечный порог — не то земля,

не то море. Она посередине, между древними имперскими городами Римом и Константинополем. Здесь Италия встречалась с Востоком, и Европа в самых общих чертах встречалась с Африкой. Здесь можно было сесть на корабль, отправлявшийся в Левант, и оставить позади христианский мир. Вот почему некоторые полагали, что священная миссия Венеции состоит в объединении западных христиан с остальным миром — с греческими христианами на Босфоре, а также с наследниками ислама и индуизма.

Гете описывал Венецию как «рыночную площадь, где встречаются рассветные и сумеречные страны»; он имел в виду, что город, расположенный между Западом и Востоком, является срединной точкой между солнцем на восходе и на закате. Когда в эпоху Карла Великого Священная Римская империя распалась, лагуны Венеции не были отнесены ни к Западу, ни к Востоку. По словам венецианского историка Бернардо Джустиниани, их оставили «в целости и сохранности, почти как известные Святые места». Далее он говорит, что «эти места были оставлены как некая граница между обеими империями». В Средние века почтовая служба, осуществляемая венецианскими галерами, была единственным

средством сообщения между королевскими дворами Германии и Константинополем. Первые представления о мусульманском мире пришли в Европу из Венеции.

Венеция также была границей между религиозным и светским. Публичное пространство города являлось пороговой зоной благочестия и патриотизма. Границы между прошлым и будущим были размыты, как и границы между личным и общественным, которые постоянно нарушались. Здесь встречались и смешивались католики и протестанты, католики и православные, иудеи и христиане, турки и европейцы. Все цивилизации Средиземного моря — греко-римская, мусульманская, иудейская и христианская — сошлись в Венеции. О венецианских художниках XV века было сказано, что в своем искусстве они осуществили синтез тосканского и фламандского стилей. Город был дверью между холодным Севером и жарким Югом; поначалу он предназначался для торговли, но затем стал средством доступа к общему делу жизни, распространявшемуся по Европе.

Венеция в полном смысле слова неоднородна и с культурной, и с социальной точек зрения. Некоторым она покажется восточным городом,

с базиликой Святого Марка, весьма напоминающей мечеть, и Риальто, весьма напоминающим восточный рынок. Вот почему другие европейские страны относились к Венеции с подозрением. Она содержит в себе признаки Другого. Здесь уместно напомнить, что арабские слова, проникшие в венецианский диалект, главным образом связаны с торговлей — *zecca* (монетный двор), *doana* (таможня), *tariffa* (тариф) — или с предметами роскоши, к примеру софа и диван. «Увы, венецианский народ, — писал Папа Пий II в 1458 году, — как много из своего древнего характера вы утратили! Слишком долгое общение с турками сделало вас друзьями мусульман». Фасад Дворца дожей, смотрящий на лагуну, мусульманский по духу. По всему городу действительно встречаются заимствования мотивов исламской архитектуры и исламского искусства. Даже венецианские цвета — ярко-синий и золотой — пришли со Среднего Востока. Торговые пути, организованные морские караваны, даже венецианские гильдии были мусульманскими по происхождению. Венецианцы испытывали истинную симпатию к мусульманской цивилизации и восхищение ею не без связи с неприязнью к папской пышности. К примеру, на картинах Карпаччо венецианские интерьеры

украшают предметы восточного происхождения; трон Мадонны на картине Джентиле Беллини «Мадонна с младенцем на троне» (1480–1485) стоит на турецком ковре или молельном коврике.

Венеция во многих отношениях была близка Византии. Она заимствовала идеи и практику у древнего города, которому когда-то подчинялась. Ее даже называли вторым Константинополем. Венецианское общество было скорее иерархическим, нежели феодальным. Влияние византийской цивилизации можно заметить в домашней изоляции молодых девушек, а также в обычае разделять мужчин и женщин во время церковной службы. Оно также чувствовалось в чопорности и пышности религиозных церемоний, в которых использовались ритуалы и реликвии Византийской церкви. Чувствуется что-то восточное в величавости и символизме венецианской политической жизни с ее сложным бюрократическим механизмом и торжественной практикой выборов. К тому же — не был ли дож чем-то вроде императора? Он иногда рассматривался в подобном священном свете. На Страстной неделе дож изображал Христа в его последние дни. В той же роли выступал и византийский император.

Базилика Святого Марка построена по образцу

константинопольской церкви Святых Апостолов. Хронисты Венеции также сообщают, что собор Святого Марка был построен архитектором из этого города, но это утверждение спорно. Однако не возникает сомнения, что в городе в то время жили мусульманские ремесленники. Религиозная политика Венеции, с ее понятием государственной Церкви, следует византийскому примеру; ее глава назывался Патриархом, как в Константинополе.

Есть и другие дериваты. Представление об Арсенале, оружейной мануфактуре, принадлежащей правительству, почерпнуто из византийской практики. Длинный черный плащ, который носили патриции, похож на византийский кафтан. Разбрасывание монет народу по случаю выбора дожа — практика, заимствованная у восточных императоров. Ведение подробнейшей документации наверняка позаимствовано у византийской бюрократии. Само слово «византийский» стало синонимом перегруженности деталями. В Венеции, как и в Византии, записывали буквально все. Когда венецианцы отпускали бороду в знак национального или личного траура, они подражали восточным современникам. Любовь к куклам и кукольному театру уходит корнями в

древность. Конечно, все итальянцы имеют давнюю традицию кукольного театра и театра масок, однако любовь венецианцев к куклам восходит к византийской традиции, менее связанной с реальностью, в которой подчеркивается меланхолический аспект неодушевленной куклы, пока человеческое желание не вдохнет в нее жизнь.

Глава 35
Сплоченная семья

До самого последнего времени среди венецианцев царил дух братства. Утверждение, что все они — одна большая семья, превратилось в клише. Это было заметно всем. Дух братства проявлялся в самой атмосфере общения. Простолюдины, были детьми республики, патриции — их отцами. Гете называет дожа дедом народа. Организация общественного здравоохранения и сиротских домов для детей, потерявших отца, свидетельствует о том, что государство, в сущности, считало себя одной большой семьей. Управляющие подобными заведениями старались создать внутри большой семьи маленькие семьи. Так поступали в Венеции.

Степень гармонии не стоит преувеличивать; как и в любом другом замкнутом сообществе там возникали споры и вражда. Венецианцы не были святыми. Однако в Венеции не было вопиющей дисгармонии или фанатичной злобы, поражавших такие города, как Флоренция и Генуя. Эмоции и отношения людей были ограничены предела-

ми небольшого замкнутого пространства, и это естественным и неизбежным образом привело к тому, что в общественной жизни установилась семейная атмосфера. Топография города позволяла воспринимать его как огромный семейный дом. Генри Джеймс называет Венецию всеобщим жилищем, «великолепным совместным местом жительства, семейным, домашним и отзывчивым». Известно, что Наполеон назвал площадь Святого Марка лучшей гостиной Европы. Однако эта семья не могла покинуть свой дом.

Семья была определяющей социальной силой венецианского общества. Политические и общественные союзы были построены на фундаменте семейной жизни. Выражение *l'honorevolezza della casa* (честь семьи) повторялось очень часто. Успех или провал политической карьеры в значительной степени зависел от влияния патрицианской семьи. На протяжении многовековой венецианской истории повторяются одни и те же имена — среди них Вендрамин, Барбо, Дзен, Фоскари и Дандоло. В сущности, Большой совет был собранием семейств, связанных друг с другом рядом взаимных обязательств; с точки зрения эмоций он был не столько собранием фанатиков, сколько местом договоров и компромиссов. Он не слу-

жил ареной для декларации принципов или для идеологических высказываний. Каждая семья по отдельности была не в состоянии создавать фракции или оказывать определяющее влияние на результаты выборов. Они существовали на основе взаимной зависимости.

По закону венецианские власти считали всю семью ответственной за проступки одного из ее членов. В середине XIV века анонимный составитель *Cronica Venetiarum* описывает целые семьи так, как если бы они были отдельно взятыми людьми с определенными привычками и характеристиками; Дандоло были отважными, а Барберини «бестолковыми… развлекаясь по всему миру». В книге говорилось, что Барбо никогда не были богатыми, Мочениго бедными, а Эриццо сострадательными. Одна и та же фамилия встречается в списках сенаторов, епископов или богатых купцов. В Венеции все были одержимы генеалогией, и потому в XV веке были заведены *Librid'Oro* (Золотые книги), чтобы заносить туда сведения о свадьбах и рождениях аристократов.

Главное коммерческое предприятие города — *fraterna*. В его бухгалтерских книгах на равных фигурируют домашние и коммерческие счета. Братья, живущие под одной крышей, вос-

принимались как деловые партнеры, если они формально не разрывали эту связь; семейный бизнес считался более эффективным и более ответственным. По словам некоего патриция, отцы и сыновья трудились друг для друга «с большей любовью, большей честностью, большим доходом и меньшими издержками». Сокращались и накладные расходы. В венецианском обществе было гораздо больше холостяков, чем в любых других городах Италии. В XV веке, к примеру, холостяками остались более половины взрослых мужчин. Их собственность после смерти доставалась детям женатого брата, тем самым поддерживая семейный бизнес.

Сама семья рассматривалась как подобие государства. Она была институтом, в котором индивидуальная воля обязана подчиняться решению коллектива. Муж обладал безусловной властью; роль жены сводилась к деторождению; детям предписывалось молчаливое послушание. Господ и слуг связывал тесный контекст контроля. Без семьи нет государства; без государства нет семьи. Идеал семейной гармонии, таким образом, был весьма силен. В уставе гильдии строителей провозглашалась «любовь и плодотворное счастье между… добрыми соседями и

дорогими друзьями». Члены братства Святого Иоанна Евангелиста стремились снискать благодать «посредством любви», тогда как каменотесы трудились для «всеобщего блага и процветания».

Жителей Венеции можно уподобить пчелам, трудящимся сообща в золотом улье. Пчелы должны подчиняться всеобщей цели улья. Они соревнуются, но не враждуют. Они трудятся без устали не из принуждения, а в стремлении к общему благу. Там нет гражданских войн. Чарлз Батлер в книге «Женская монархия в истории пчел» (1609) перечислил некоторые характеристики этих насекомых: они полезны, трудолюбивы, верны, проворны, ловки, смелы и искусны. Все эти качества можно отнести к венецианцам. Плиний Старший заметил, что пчелы «признают только то, что представляет общий интерес». Это еще один ключ к пониманию венецианского общества. Мы также можем понять природу Венеции из книги Би Уилсон «Улей», где она утверждает, что улей — «это место, где мир природы сливается с миром артефакта, вот почему он представляется таким таинственным». Такова и тайна Венеции.

Что представляет собой это общее благо, к которому стремились венецианцы? Его можно определить как необходимость самого выжи-

вания, продолжения бытия. Его единственная цель — поддержание и сохранение жизни как таковой. Она первична, она слышится в крике младенца и хрипе умирающего. «Согласие здесь наблюдается лишь в одном, — писал испанский посол о венецианском правлении в начале XVII века, — в непрерывности власти». Все другие мотивы человеческих действий — богатство, могущество, слава — подчинены этой главной необходимости. Этот принцип взаимосвязи и взаимодействия основан скорее на органической, а не на механической силе. Именно этот поток взаимосвязанной целенаправленной деятельности и образует историю Венеции. В истории мы, несомненно, различаем отдельные события и пытаемся установить их причины. Но главная причина выше нашего понимания. Она часть внутреннего бытия вещей. Вместо нее мы можем ухватить только хитросплетение событий, более важное и существенное, чем находящиеся в связи события или предметы.

Общее благо воплощало в себе волю и сенситивность общины. Каждый человек был обязан подчинять свои интересы интересам государства. Если первичный капитализм способен быть также формой первичного коммунизма, тогда

Венеция была олицетворением этого состояния. Но эти термины, возможно, анахроничны. Может быть, более уместно рассматривать их в контексте средневекового коллектива, используя понятие «город», как человеческий организм, созданный по образу и подобию Божию. «Капитализм» и «коммунизм» стали инструментами инстинктивной потребности борьбы за выживание. В Венецианской республике, в отличие от королевств и герцогств, общественное благо имело приоритет над индивидуальной волей. Природа республики определяется правовыми и институциональными процессами, а не властью или личностью. В Венеции не было единого центра власти. В ней процветал плюрализм. На протяжении всей истории Венеции в ней не было ни одного деспота. На первом месте всегда стоял сам город.

Идея семьи проявляется в четырех различных представлениях, или верованиях: территория города — это общее наследие; форма правления городом определена священным договором; происхождение города связано с семьей или кланом; благочестие города основано на уважении к предкам. Граждане Венеции с рождения находились в обстановке человеческой взаимозависимости

и естественной потребности в ней. Возможно, это условие самой жизни. Общественная жизнь отвечает природе человека. Людям нет нужды устанавливать руссоистский общественный договор. Джорджа Элиота посетило озарение, когда, наблюдая закат над Венецианской лагуной, он заметил: «Это была картина такого рода, перед которой я с готовностью забыл о собственном существовании и почувствовал, что растворяюсь в общей жизни».

Венецианцы видели свою задачу в единодушии и солидарности. К примеру, крупные торговые проекты Венеции были коллективными мероприятиями, в ходе которых группы купцов заключали официальный договор по доставке товаров. За самые большие галеры отвечали власти города. Венецианцы находили смысл в создании сети гильдий, приходов и *scuole* (школ), составлявших важную часть общественной жизни города, а также бесконечных комитетов, советов и правлений, выполнявших контролирующие функции.

Равенство венецианцев — вопрос весьма спорный. Разделение жителей Венеции на аристократов, граждан и простой народ заставляет предположить существование иерархии в том,

что касалось общественного положения и общественной ответственности. Однако не возникает никаких сомнений, что внутри венецианской политики существовала тенденция к сглаживанию различий. Еще в VI веке Кассиодор, вождь остготов, сказал о венецианцах: «Здесь бедняк на равных говорит с богачом, все едят одну и ту же пищу и живут в одинаковых домах». По традиции все дома в городе когда-то были одной высоты. В XI веке две-три старые семьи попытались создать правящие династии, но получили резкий отпор со стороны патрициев, заявивших: «Мы пришли сюда не для того, чтобы жить под чьей-то властью».

Среди венецианских купцов на самом деле существовало подлинное равенство. Деньги не знают социальных барьеров. Томас Кориат отметил, что «у них люди благородного происхождения и знаменитые сенаторы, имеющие состояние, быть может, в два миллиона дукатов, ходят на рынок и покупают там мясо, фрукты и прочие вещи, необходимые для содержания семьи». На узких улицах города постоянно сталкивались и общались друг с другом различные классы. И купцы, и патриции не могли оставаться в стороне от обыденной жизни. Вот почему ниж-

ние этажи роскошных домов нередко сдавались под магазины и лавки. Венецианские законы запрещали показную роскошь. Но, так или иначе, бережливость или *mediocritas* (умеренность) была у венецианцев в крови. Во многих завещаниях оговаривается, чтобы похороны были «как можно скромнее». Естественная среда обитания также сыграла свою роль. Вода — великий эгалитарист. К примеру, было замечено, что Темза — великая гавань социального равенства. На воде все находятся на одном уровне.

Вот почему в отношении венецианцев друг к другу чувствовалась сердечность. Некий английский аристократ XVIII века заметил: «Во всех слоях общества здесь присутствует поголовная вежливость; люди ожидают учтивого отношения к себе со стороны своей знати и с почтительностью и признательностью отвечают тем же; разве стал бы вельможа вести себя высокомерно и нагло с простыми людьми, если бы те не терпели такое поведение?» В отношениях венецианцев царило относительное равенство. В комедиях Гольдони слуги часто сердятся на своих хозяев. Хозяева же никогда, никогда не бьют своих слуг. Находились те, у кого подобная свобода обращения вызывала сожаление. В диалоге конца XVI

века под названием *Discorsi Morali* (Диалоги о морали) один из собеседников замечает, что в Венеции «слуги распущенны, развратны, порочны и дерзки», а при княжеских дворах «добры, верны, честны и благонравны».

К тому же существовало официальное толкование понятия «свобода», согласно которому считалось, что государство не должно быть слугой князей. Миф о государстве, построенном на общинной основе, хотя на самом деле беженцы подпадали под власть епископов или местных господ, был очень силен. Для венецианского правления свобода заключалась не в личной свободе, но в свободе от вмешательства других государств.

Начиная с XIV века Венеция позволяет приезжим пользоваться роскошью свободы вероисповедания. Вот почему она считалась открытым городом, дающим пристанище кальвинистам и анабаптистам, а также православным, мусульманам и иудеям. Религиозный фанатизм не слишком хорошо уживается со свободой торговли. «Так как я человек, рожденный в свободном городе, — сказал некий сенатор коллегам, — я буду свободно выражать свои чувства». В начале XVI века мало где можно было произнести

эту фразу. В конце же XVII века французский путешественник писал: «Венецианская свобода сообщает подлинность всему, что вы делаете: образу жизни, который вы ведете, религии, которую вы исповедуете; если только вы не говорите и не предпринимаете ничего против государства или знати, вы можете жить спокойно, ибо никто не станет надзирать за вашим поведением или разбираться в неурядицах ваших соседей».

Вот почему эта свобода сознания вылилась в свободу поведения, которой всегда отличался город. В XIV веке Петрарка заклеймил «исковерканный язык и непомерную вольность поведения» венецианцев, которая в XVII и XVIII веках стала отличительной чертой города. Венеция славилась тем, что ныне называется вседозволенностью, и вскоре было замечено, что личная свобода вполне сочетается с упорядоченным правлением. Для остального мира это стало откровением. Однако за атмосферой изнеженности скрывалась система. Свобода поощряла приезжих тратить все больше денег. Здесь царила свобода иного вида. В Венеции ты мог забыть свое прошлое и стать другим человеком.

Как часто отмечалось, в венецианской литературе почти нет биографий или автобиографий.

Действительно, в венецианской жизни нет отдельного человека. Детей патрициев с младенчества учили не выделяться из среды товарищей. Как уже говорилось, венецианцы не прощали своим адмиралам или военачальникам поражения; точно так же они не прощали успеха. Личная слава грозила затмить славу города.

Главной разновидностью венецианского портрета был портрет групповой. Было выдвинуто предположение, что именно такой портрет появился в Венеции первым. Прекрасный знаток венецианской истории Полпео Молменти заметил в XIX веке, что «в венецианской живописи индивидуальное теряется в радостной толчее». К примеру, Тинторетто, увлеченный передвижением и распределением людских толп, редко уделял внимание отдельным персонажам, подчиненным всеохватывающему ритму и единству композиции точно так же, как жители Венеции подчинялись государственному ритму. На картинах Карпаччо мы всегда видим группы людей, обменивающихся шутками и сплетнями. Они никогда не спорят. Никогда не возникает чувства, что они могут что-то изменить в своей жизни. Такова природа венецианского общества. Венеция всегда была местом скорее для толпы, нежели

для одиноких странников. В XXI веке первое, что бросается в глаза, — группы туристов.

Если венецианский портретист изображает отдельного человека, он (почти всегда это мужчина) представлен в его социальной или политической роли. На портрете нет внутренней жизни, нет попытки психологического разоблачения. Вместо этого тщательно соблюдаемая анонимность. Выражение лица отчужденное и замкнутое. Главное в характере сдержанность и благопристойность, известная в Венеции как *decoro* (внешнее приличие). Здесь важен не столько сам человек, сколько его классовая принадлежность или сан. Человек, изображенный на портрете, поглощен государственной ролью. Его руки почти всегда скрыты.

Потому трудно воздать хвалу знаменитым мужчинам и женщинам Венеции. Там были великие художники и музыканты, но не было великих личностей, подобных Лоренцо Медичи или Папе Юлию V. И в литературе, и в истории жители Венеции не блещут индивидуальностью. Они не запомнились нам эксцентричностью или победами. Комедии Гольдони — комедии обыденной жизни; они наполнены поэзией домашних событий и локальной интриги, но им чужды подвиги,

приключения, уязвимость выдающихся личностей или сбившихся с праведного пути. В них отражен благодатный общественный порядок. Венецианцы всегда отличались покорностью. Они могли легко предаться личным страстям, но всегда относились к власти с уважением.

Буркхардт никогда не мог бы написать о Венеции тех слов, которые посвятил Флоренции: «В результате человек мог достигнуть высших пределов в осуществлении и использовании власти»; правители народа «обретали ярко выраженный личный характер». Никто из дожей или правителей Венеции не отличался «ярко выраженным характером». Город никогда не был и не мог быть феодальным государством; при феодализме санкционировалось и сохранялось личное господство.

Макиавелли отметил, что безопасность и благоденствие города в лагуне проистекали из того факта, что его знать не имела ни замков, ни собственных армий, ни вассалов. Венеция — это «великий и достойный уважения результат совместных человеческих усилий, — писал Гете, — великолепный монумент, созданный не одиноким мастером, но народом».

Должное воздавалось самому народу. Гаспаро

Контарини в книге о государственной власти в Венеции, опубликованной в 1547 году, заметил: «Наши предки, от которых мы получили столь процветающую державу, объединились, чтобы сохранять, чтить и укреплять свою страну, не помышляя о личной выгоде или славе». Они остались безымянными в жизни и смерти, и единственным памятником им стало само государство. «Хотя эти венецианские джентльмены необычайно мудры, когда они все *вместе*, — писал в XVII веке Джеймс Хауэлл, — возьмите их поодиночке, и они окажутся такими же, как остальные». Секрет венецианцев лежал в их сплоченности. Вне этого контекста у этих патрициев не было своего лица. Их собственное «я» было поглощено их политическим «я». Без государства они были ничто. Отсутствие великих людей в Венеции подтверждает мысль Толстого, что человеческой историей управляют миллионы различных случайностей и интересов, связанных друг с другом тем, что может быть названо общественным инстинктом. Каждый исторический период представляет собой обнаружение подобного инстинкта. Автор в полном смысле слова потрясен сложностью этого процесса.

Глава 36
Луна и ночь

Ночь и тишина в Венеции глубоки. Площадь Святого Марка заливает лунный свет. Суть Венеции проступает ночью. Свойственный этому времени суток покой лучше всего соответствует ощущению остановившегося времени. Тогда является предмет ее любви — она сама. Дверные проемы кажутся темнее, чем в любом другом городе. В них плещется темная вода. Перед статуями Мадонны на углах *calli* мерцают лампадки. Ночи в Венеции бывают разными: глубокая синева летней ночи и непроницаемая тьма зимней. Современные венецианцы редко выходят из дома ночью. Нет пьяниц, бредущих по улицам в предрассветный час. Нет пронзительных криков. Современный специалист по акустике замерил уровень ночных шумов в Венеции, он оказался равен тридцати двум децибелам. Ночи в других городах шумнее децибел на тринадцать. В Венеции нет фоновых шумов.

Во второй половине XIII века было образовано государственное учреждение, призванное

охранять общественный порядок под покровом темноты (*signori di notte*). Похоже, венецианская ночь сделалась предметом подозрений. Ей сопутствовал страх невидимой воды, темной и глубокой, и извилистого лабиринта переулков. Ночь — время нападений и переворотов. Ночь — время убийц и шпионов. Ночь — время сборищ тайных обществ, ночью на стенах города появляются граффити против законной власти. Для города, гордившегося порядком и контролем, ночь была особо опасным врагом. В декретах провозглашалось, что ночью вам угрожает множество *pericula* (опасностей); всегда есть риск *disordines et tumultationes* (беспорядков и мятежей). Ночь была хаосом. Ночь была угрозой. Венецианская ночь, казалось, призывала изначальную тьму и тишину лагуны, из которой вырос город. Ночь пробуждала память об истоках.

Однако в последующие века, с появлением вездесущего карнавала это настроение буквально просветлилось. В мемуарах Гольдони, написанных в XVIII веке, перед нами предстает ночной мир того времени. Лавки открыты до десяти часов вечера, многие из них не закрывают дверей до полуночи; к тому же «все таверны открыты, и ужин готовится во всех постоялых дворах и

гостиницах».

Каковы звуки венецианской ночи? Венеция — великолепный акустический инструмент. Время от времени звонят колокола. Звук воды, в вечном движении с плеском набегающей на камень. Над водой раздается зов, чистый и звучный — над стоячей водой, между приливом и отливом, голос разносится очень далеко. По узким улочкам звук идет, как по трубам. Прибавим к этому едва различимый звук гондолы. В XIX веке самые романтичные путешественники отмечали, что иногда над водой звучит музыка. Наделенный тонкой восприимчивостью Ференц Лист упоминал «немые звуки» города, один из которых — тихий шелест скользящей по воде лодки.

Всегда есть моменты, когда на Венецию спускается тишина. «Повсюду царила все та же необычайная тишина», — писал Диккенс в «Картинах Италии». Для него это была неестественная тишина современной жизни — ни экипажей, ни повозок, ни механизмов. Для многих викторианских путешественников очарование Венеции было связано с ее отдаленностью от современной индустриальной цивилизации. Двумя веками раньше Джон Ивлин писал о Венеции, что в ней «почти так же тихо, как посреди поля, ни грохота

карет, ни топота лошадей». Ни шума машин. Вы можете завернуть за угол и оказаться в полной тишине. Ни в одном другом городе нет такого количества тихих уголков. В «Мертвой лагуне» Майкла Дибдина рассказчик заявляет, что «столь абсолютная, безоговорочная тишина рождает тревогу, будто прекратилась какая-то жизненно важная функция».

В Венеции была и темная сторона, которую скрывала ночь. Там было много бедных и отверженных. В венецианской жизни всегда присутствовали нищие. В конце XV века в Сенате обсуждалась проблема стариков и прочих неимущих, которые каждую ночь лежали около Дворца дожей. Были построены приют и больница. Но этого оказалось недостаточно. Во времена голода, к примеру зимой 1527 года, бедняки умирали у колонн дворца. Дети стояли на рынке Риальто или на площади Святого Марка и кричали: «Я умираю от голода! Умираю от голода и холода!» Один из современников заметил, что «в городе от них смердит». У городской скученности есть предел. И, разумеется, Венеция не производила продовольствия.

В начале XVII века было построено новое заведение — *Ospedale dei Mendicanti* (Госпиталь

нищих), чтобы очистить улицы и площади от бесчисленных бродяг. Все нищие в Венеции были обязаны получить лицензию и поселиться в больнице. Нищие, не имевшие лицензии, были изгнаны из города, а те, кто якобы слишком преуспел в своем занятии, отправлены на галеры. Владелец неофициальной ночлежки для нищих был бит кнутом на всем пути от площади Святого Марка до моста Риальто.

Не все несчастные оказались в общественном приюте. Эффи Рёскин писала: вечерами «мы видим, как они лежат, тесно прижавшись друг к другу, у кромки мостов, завернувшись в огромные коричневые плащи с большим капюшоном». Венецианский аристократ Гаспаро Контарини не был уверен в том, кто они — граждане Венеции или бездомные животные. Некоторые семьи жили у причала на старых кораблях. В XIX веке дворцы, стоявшие вдоль канала, были превращены в многоквартирные дома, где ютились бедняки. В том веке ни одна картина с видом Венеции не обходилась без живописной фигуры бедняка — предпочтительно красивой девушки.

В середине XVI века в городе насчитывалось шесть тысяч нищих. К концу XVIII века эта цифра увеличилась до двадцати двух тысяч. Возможно,

это частично объясняется репутацией Венеции как туристического места: нищим всегда легче получить милостыню от иностранцев. Миссис Трейл назвала их «дерзкими, беззаботными и эксцентричными». Она отметила, что венецианцы обращаются с ними очень ласково и почтительно. В описании венецианских нищих, относящемся к XVI веку, приводятся их собственные слова: «Я притворяюсь сумасшедшим»; «Я одеваюсь паломником и закрываю лицо образом Святого Иакова. Я делаю жалобные жесты, и богачи дают мне денег». Они показывали на площадях свои раны, опухоли и язвы. Раздавались знакомые крики: «Сжальтесь! Сжальтесь!»; «Бросьте монетку, и я помолюсь за вас»; «Подайте, ради Мадонны». Нищие прибывали в Венецию из других городов. В списке, составленном в 1539 году, упоминаются нищие из Милана, Пизы, с Сицилии и даже из Франции. И в XXI веке можно увидеть старух и молодых людей, скорчившихся на мосту и протягивающих к вам руки. Венеция слывет раем для отверженных и изгнанников любого толка. Почему бы ей не распространить эту благосклонность на настоящих обездоленных?

На заре в Венеции не слышно птичьего щебета. Однако с рассветом город пробуждается от без-

молвного сна. И вновь путешественник слышит звонкие голоса, свист, песни, крики, колокольный звон. Утро города, населенного людьми. Бесконечный рой звуков в воздухе.

Глава 37
Пока звучит музыка

«Когда я ищу другое слово для музыки, я всегда нахожу только слово „Венеция“», — писал Фридрих Ницше в *Ecce Homo* (1888). Однажды вечером, в конце XIX века, Рихарда Вагнера везли домой в гондоле по темной воде; гондольер усердно работал веслом, как вдруг «из его могучей груди вырвался печальный звук, сродни звериному вою, который, нарастая от тихой низкой ноты, после долгого „О!“ завершился простой музыкальной фразой — „Венеция“…» Итак, Венеция — это музыка, пока она звучит.

В путеводителе по Венеции, опубликованном в 1581 году, город превозносится как *la sede di musica* (обитель музыки). Он являл собой гармоничное сообщество с уникальной традицией религиозной и светской музыки. На площади Святого Марка ежедневно играл по часу герцогский оркестр; на протяжении веков центральное пространство города заполнялось музыкой. Играли уличные оркестры, звучало хоровое пение, в городе было несколько концертных залов. Во

всех *sestieri* пели и играли на музыкальных инструментах. В Страстную пятницу члены каждого прихода — продавцы вина, рыбаки, гондольеры — круглосуточно исполняли песнопения.

Этого не требовал церковный обряд. Таково было желание самих людей. У каждой гильдии были свои песни и мелодии. В городе действовали популярные хоровые общества, а также *accademie* (частные общества, где выступали музыканты-любители). Почти во всех описях домашнего имущества венецианцев среднего класса фигурируют струнные или клавишные инструменты.

Общественные городские праздники проводились под звуки музыки. На Большом и других каналах стояли концертные барки, игравшие для венецианской публики и приезжих. На гравюре 1609 года видно множество музыкальных развлечений на канале. Виртуозы давали концерты и в частных домах. Музыкантов даже нанимали в городские игорные дома. А во время карнавала всегда давались комические балеты. В 1770 году некий английский путешественник заметил: «Люди здесь так музыкальны, что весь день напролет из домов несутся самые мелодичные звуки, прелестно затихающие на воде». Присут-

ствие воды располагает к пению и музыке; в ее течении и в звуках этого течения есть нечто, вызывающее к жизни другие мелодии. Так мы читаем о «торжественном потоке» венецианской церковной музыки.

В конце XVIII века Чарлз Берни заметил, что венецианцы будто разговаривают в песне. Гондольеры, если можно так выразиться, были печально известны тем, что распевали речитативы из произведений поэта XVI века Торквато Тассо. Это были элегии, потому что печаль Венеции вошла в ее песни. Гете описал, как женщины, сидя на берегу островов лагуны, пели стихи Тассо мужьям, ловившим рыбу; затем мужчины отвечали песней, заводя домашний разговор в музыке. Тассо, живший в городе в годы ранней молодости, был одним из любимых сынов Венеции, а его отец входил в кружок Альда Мануция.

Были и другие *vilote* (народные песни). Их пели женщины за шитьем или во время стряпни. Обычно это были жалобы влюбленных, выражавшие их надежды, мечты и желания.

Vilote также танцевали на *campi* под звуки клавесина. И разумеется, нельзя не вспомнить знаменитые венецианские серенады, песни под вездесущим балконом под аккомпанемент

мандолины и гитары. Можно сказать, что венецианцы были одержимы музыкой. Они любили любовь и любили мелодию. Когда византийский экзарх Лонгин в 567 году посетил город в лагуне, он едва не оглох от колокольного звона и звуков музыкальных инструментов, игравших в его честь.

Вот сообщения о венецианской музыке, относящиеся к самому раннему периоду истории города. В 815 году священник Джорджио из Венеции настолько преуспел в изготовлении органов, что современники говорили о его *mirifica arte* (чудесном искусстве). Впоследствии изготовители органов из Венеции славились по всей Европе. В документах начала XIV века упоминается о гильдии певцов в базилике Святого Марка. В 1403 году там открылась певческая школа для мужчин. С XVI века начался долгий период, когда венецианская музыка удерживала пальму первенства. После того как экспансия Венецианской империи завершилась, город стал искать другие формы превосходства. Венеция стала родиной изобретенного здесь мадригала. Стала центром церковной музыки. Столицей оперы. Едва ли найдется крупный европейский композитор, не посетивший Венецию; Скарлатти, Глюк, Мо-

царт, Вагнер, Гендель, Мендельсон, Монтеверди, Стравинский — все посетили Светлейший город. Вагнер и Монтеверди умерли здесь.

Мессы в церквах, сопровождавшиеся музыкой и хоровым пением, продолжались часами. Время от времени священный обряд сопровождался инструментальной музыкой, особенно во время исполнения церковных гимнов и вознесения даров, и люди приходили в церковь, как в концертный зал. Инструментальная музыка звучала и во время безмолвной молитвы. В Венеции частное и сокровенное становилось публичным и театрализованным. Слова женских или мужских оперных партий переделывали в честь святых, память которых отмечалась в этот день. Арии превращались в оратории. Церкви строились так, чтобы служить зоной звука. К примеру, собор Санта-Мария делла Салюте имеет форму овала.

В 1750-х годах в базилике Святого Марка размещалось пять оркестров под управлением Бальдассаре Галуппи. В этой церкви существовала традиция полифонии, исполняемой двумя или более хорами, которые пели антифонно, вторя друг другу, или одновременно под аккомпанемент (если это требовалось) четырех органов. Божественное звучание усиливалось лабиринт-

ной акустикой пространства. Неудивительно, что музыкальные выступления по праздникам и воскресеньям проводились именно здесь. Природа этих полихоральных событий, в которых противостоящие силы в конце концов достигают гармонии, как нельзя лучше соответствовала пристрастиям венецианского государства. К тому же свойственные полихоральной музыке эффекты эха были не чужды городу, который отражается в воде.

Девочки-сироты из государственных благотворительных учреждений получали прекрасное музыкальное образование, потому их концерты стали чудом своего времени. *Ospedali* (дома призрения сирот) превратились в консерватории, где девочки учились петь, играть на музыкальных инструментах и сочинять музыку. В качестве преподавателей туда приглашали известных венецианских музыкантов. К примеру, Антонио Вивальди четыре десятилетия был учителем музыки в Оспедале делла Пьета. Девочки располагались на хорах за кованой железной решеткой; казалось, их голоса и мелодии исходят от невидимых ангельских сил. Летом 1770 года Чарлз Берни отметил, что «девочки владеют тысячью приемов пения, особенно в дуэтах, где они испытывают

свое мастерство и природные способности в том, кто возьмет самую высокую или самую низкую ноту, или протянет ее дольше всех, или быстрее других пропоет дробные ноты». У каждой девочки была своя группа поклонников. То, что они были сиротами, только увеличивало их притягательность. При этом они не были монахинями. Молодые люди приходили в приют, чтобы сделать предложение руки и сердца той, чей голос им особенно понравился.

В церквах, где проходили выступления, аплодисментов не было, слушавшие плакали и молились. Сохранились сообщения о том, что некоторые мужчины и женщины от звуков пения падали в обморок. Гондолы, проплывавшие по каналу рядом с церковью, останавливались, чтобы пассажиры могли услышать льющиеся оттуда звуки музыки. По свидетельствам различных наблюдателей, в том числе Гете и Руссо, голоса этих девочек очаровывали и ошеломляли. «Я не мог себе представить, — пишет Руссо, — ничего столь сладострастного и волнующего, как эта музыка». Чувственность — верное для Венеции звучание.

Венецианская гармония имеет и другой аспект. Древние верили, что музыка — символ упорядоченного космоса. Так как Венеция являлась

самым ярким представителем упорядоченного правления, неудивительно, что от нее исходила музыка. В ней звучала музыка сфер. Она общалась с небесами и землей. Райские врата открывались в городе. Здесь возникли и слились воедино все формы правления — монархия, олигархия и республика. Они олицетворяли собой небесную гармонию, исходящую от Бога. Даже венецианские купцы учились правилам пропорции по торговым руководствам вроде «Правила трех», известного также как «Золотое правило», или «Ключ купцов». Математика Пифагора была неотъемлемой чертой коммерции. Архитектура, или архитекстура, города понималась с точки зрения гармонии. Если правда, что здания воздвигаются силой музыки, то церкви и дворцы Венеции, несомненно, воплощают собой мелодию мира. Архитекторы Венеции изучали теорию гармонии. Во внешней политике дож и Сенат стремились к сохранению баланса сил; стремились к миру, ибо мир во всех отношениях являлся отражением гармонии.

Как в сонате или концерте ни один инструмент не должен доминировать над другими, так и в венецианском государстве интересам или власти одних не позволялось оказывать влияние на

интересы или власть других. Все находилось в гармонии. Никто не мог подняться слишком высоко или пасть слишком низко. Все находилось в пропорции друг к другу. Целью был безупречный порядок. И он, к удивлению остального мира, в значительной степени был достигнут. Когда в нише Лоджетты, находящейся в нижней части колокольни Святого Марка, была установлена скульптура Аполлона, ее автор, Якопо Сансовино, объявил: «Известно, что этот народ находит истинное наслаждение в музыке, и Аполлон здесь служит олицетворением музыки… Благодаря удивительной гармонии это замечательное правление пребудет во веки веков».

По этой же причине довольно существенную роль в городе играли танцы. Судя по дневникам венецианцев, на площадях и внутренних дворах города почти непрерывно устраивались общественные танцы. В домах аристократии танцы в бальном зале были излюбленным средством выражения. Существовали танцы для женщин, в которых могло быть более сотни участниц. Существовало множество танцевальных школ, обучающих танцу со шляпой, танцу с факелом и преследованию. Танцы устраивались и на барках. Они были важной частью вездесущего

уличного театра. На улицах города воспроизводилось движение сфер. На картине Габриэле Беллы «Фесто подает сольдо на площади» группа венецианцев, мужчин и женщин, чинно танцует под аккомпанемент двух скрипок и виолончели. Их соотечественники глядят с балконов и из соседней таверны, как женщины помахивают своими фартуками, а мужчины поднимают руки над головой. И разумеется, популярные представления *commedia dell'arte* сопровождались неистовыми плясками и грубыми сатирическими песнями.

К тому же есть разновидность музыки как выражение политической жизни. Можно сказать, что люди появляются на свет, чтобы поддерживать и прославлять структуру, в которой родились: радость заключается в самой демонстрации формального порядка. В бесконечных отзвуках и повторениях заключена радость, так похожая на венецианское правление.

Испытывать гармонию от звука десятков тысяч голосов гораздо утешительнее, чем от одного. Музыка в базилике Святого Марка находилась под непосредственным контролем государственных прокураторов, что служит подтверждением того очевидного факта, что Римско-католическая церковь превратилась в Церковь государственную.

Между верой, городом и гармонией песнопений существовало глубокое согласие. Выражаясь более грубо, музыка стала формой политической пропаганды. На картинах и гравюрах, изображающих различные городские шествия, всегда присутствуют барабаны, цимбалы и серебряные трубы. Музыка стала средством поддержания общественного порядка. Во многих венецианских операх для комментирования современных событий использовались аллегории, где Венеция выступала в роли героини всех коллизий. Именно тогда Венеция превратилась в неприступную деву с мечом и весами в руках — *ecco Venezia bella* (вот Прекрасная Венеция). В постановке *Il Bellerofonte* (Беллерофонт) из моря под звуки музыки появлялась точная искусно сделанная модель города.

Венецианские художники также были ревностными поклонниками музыки. Вазари, по-видимому, полагал, что музыкальное дарование Тинторетто заслуживает большей похвалы, чем его достижения в живописи. На картине Веронезе «Брак в Кане» (1563) гостей развлекает квартет; в участниках музыкального ансамбля можно узнать Тициана, Тинторетто, Бассано и самого Веронезе. И когда Уолтер Пейтер в иссле-

довании творчества венецианского художника Джорджоне предположил, что «все искусства постоянно стремятся достичь состояния музыки», он определил одну из основных тенденций венецианского искусства. Пейтер добавляет, что в венецианской школе круга Джорджоне «совершенные музыкальные моменты, исполнение или слушание музыки, песня или аккомпанемент сами по себе являются заметной темой». Живопись маслом может быть мелодичной, как музыка. Так мы читаем о «гармонии тонов» и «ритмичных движениях» у Тициана и «быстром энергичном темпе» Лоренцо Лотто. Язык композиций Тинторетто неизменно кажется нам и языком музыки. Когда мы смотрим на архитектоническую гармонию Тьеполо, мы слышим энергичную и победную музыку скрипок Вивальди. С другой стороны, в работах о Вивальди есть упоминания о его «наслаждении оркестровыми красками». На языке венецианского искусства музыка и живопись воспринимаются как близнецы. На картине Карпаччо «Видение Святого Августина» (1502–1504) великий мастер венецианских сцен изображает святого в мире музыки; Августин пишет на нотных листах партии тенора и контральто, а у его ног лежат произведения

церковной и светской музыки. Таким образом, его видение — это видение трансцендентальной гармонии.

Изображение музыкальных сцен — чисто венецианское искусство. Сотни картин изображают мужчин и женщин с музыкальными инструментами. Ангелы в венецианской религиозной живописи обычно выступают в роли музыкантов. Ангельские хоры сменяются ангельскими оркестрами. Ни в одной другой художественной традиции этим образам небесной гармонии не уделяется такого внимания. Поющие девушки и юноши, музыка, исполняемая у прудов и колодцев, как бесконечное празднование венецианского созвучия музыки и воды. Тициан был одержим зрелищем исполнения музыки и концертными сценами. Слышимые мелодии сладки, но неслышимые еще слаще. Однако венецианская музыка — это музыка напоказ. Она никогда не бывает музыкой размышления или горестного самоанализа. Она построена на импровизации и драматической интерпретации. Мы еще раз убеждаемся, что венецианское восприятие отличает любовь к поверхностному и богатство поверхностных эффектов. Так называемая *coloratura* (украшение).

Однако Венеция не была бы Венецией не только без звуков музыки, но и без духа торговли. Город стал столицей нотного издания и изготовления музыкальных инструментов. Множество коллекций музыкальных инструментов приобретались не только для показа, но и как средство вложения денег. Великих венецианских композиторов можно рассматривать и как весьма успешных предпринимателей.

Приведем в пример самого венецианского артиста и скрипача Антонио Вивальди. Никто так не искал заказов и не стремился к выгоде. Коммерческий инстинкт был у него в крови. Однажды он сам назвал себя *un franco intraprenditore* (откровенным дельцом).

Он был рожден в Венеции в 1678 году и крещен в приходской церкви Сан-Джованни ин Брагора. Его отец Джамбаттиста Вивальди был музыкантом в базилике Святого Марка. Именно здесь сам Вивальди начал учиться игре на скрипке. Отец преподал ему основы семейной профессии. Такова была венецианская традиция. В пятнадцать лет он был возведен в сан дьякона, а десять лет спустя — священника. Его называли *prete rosso* (рыжим священником). Возможно, рыжие волосы были признаком или выражением его

бешеного темперамента. У него были крупный орлиный нос, острый подбородок и большие выразительные глаза.

Вивальди родился недоношенным и едва не погиб в младенчестве, он с детских лет отличался слабым здоровьем и в путешествиях нуждался в помощнике. В письме, написанном ближе к концу жизни, он приводит следующие объяснения: «Получив сан священника, я немногим более года продолжал служить мессу, но впоследствии сдался, потому что из-за моего нездоровья был вынужден трижды покидать алтарь, не кончив службы. По этой причине я почти всю жизнь провожу в стенах дома, покидая его лишь в гондоле или карете, потому что из-за болезни, известной как сердечный приступ, я не могу ходить. Ни один вельможа и даже дож не приглашают меня к себе, потому что всем известно о моем недомогании. Обычно я бываю в силах выйти из дома сразу после завтрака, но никогда пешком».

Однако этот человек с головой погружался в сочинение музыки и в организационную деятельность. Он был импульсивен, склонен к донкихотству и, по общему мнению, подвержен резким сменам настроения. Подобно своей музыке, он, по-видимому, обладал неимовер-

ной внутренней энергией, которую черпал из неведомого источника. Современник Вивальди, английский музыкант Уильям Хейз сказал, что «в его характере слишком много ртути», то есть он слишком вспыльчив и порывист. Вивальди был, пожалуй, слегка эксцентричен. В возрасте двадцати семи лет он был назначен преподавателем музыки в сиротском приюте Оспедале делла Пьета, где проработал большую часть жизни. Поступив в это заведение, он стал полным хозяином всей его музыкальной жизни: учителем, дирижером и исполнителем. Девять лет спустя он был назначен официальным композитором приюта. За эти годы его слава композитора упрочилась и распространилась по всей Европе. Датский король Фредерик IV посетил приют, чтобы послушать оратории Вивальди.

Однако энергия и решимость музыканта вели его в другом направлении. В том же году, когда он был назначен официальным композитором приюта, в Виченце, на материковой части Венето, была поставлена его первая опера. Это событие послужило прелюдией к постановке опер Вивальди в Венеции. Он быстро приобрел популярность и, как следствие, хороший доход. Всю оставшуюся жизнь он сочинял и для сцены,

и для церкви. Отчасти им руководило стремление к выгоде. Он нередко предлагал свои пьесы иностранным музыкантам, запрашивая огромную цену. Он продавал венецианскую музыку точно так же, как его современник Каналетто продавал иностранным путешественникам виды Венеции. Он торговался из-за цен и издержек. Он отказался от публикации своих произведений, надеясь больше выручить от продажи рукописей. Он обсуждал финансовые вопросы с английским путешественником Эдвардом Холдсуортом, который заметил, что «он пользуется хорошим спросом, потому что рассчитывает получить за каждую пьесу по гинее».

В оперной деятельности Вивальди был не только музыкантом, но и антрепренером. Он арендовал театр. Нанимал певцов и музыкантов. Выбирал либретто. Управлял оркестром и исполнял соло на скрипке. Ему приходилось отвечать на запросы публики. Если опера не пользовалась успехом, он через несколько дней находил ей замену. Однако этот выдающийся импресарио был и священником. Гольдони вспоминает визит к Вивальди: «Я нашел его в окружении партитур, с требником в руке. Он встал, широким жестом показал на распятие, положил свой требник…»

Это соединение набожности и дела, божественного и мирского настолько свойственно Венеции, что не нуждается в комментариях.

Однако все в Венеции зависело от моды. В 1740 году близкий друг Вивальди Шарль де Бросс написал: «К моему великому изумлению, я обнаружил, что в этой стране, где все подчиняется требованию момента, он не так почитаем, как того заслуживает». По этой и по иным причинам Вивальди искал иностранных покровителей. Он отправился в Вену и собирался проследовать в Дрезден, но в 1741 году умер в возрасте шестидесяти трех лет. Сообщалось, что после весьма расточительной жизни он умер бедняком. Возможно, то был обычный благочестивый конец карьеры экстравагантного гения.

Вивальди работал необыкновенно быстро, как истинный венецианец. Он написал более пятисот инструментальных произведений и почти сотню опер. Он хвастал, что способен сочинить полноценный концерт «быстрее, чем его скопирует переписчик». Его игра на скрипке также отличалась блеском и энергией молнии. Немецкий ученый Захариас фон Уффенбах, посетив один из концертов Вивальди, заметил: «Он совершенно поразил меня, ибо подобной игры никто нигде не

слышал и не услышит никогда. Он кладет палец всего в волоске от кобылки, так что едва остается место для смычка. Он играет на всех четырех струнах, с имитациями, и на немыслимой скорости». Уффенбах попросил Вивальди написать для него несколько кончерто гроссо. Через три дня Вивальди принес ему десять. На рукописи его оперы «Тито Манлио» есть надпись: *Musica del Vivaldi fatta in 5 giorni* (Музыка Вивальди, написанная за пять дней).

В его рукописях чувствуется огромная сила замысла и воплощения, опережающая способность руки предать его бумаге. Его музыке свойственны такое воодушевление и ритмический напор, что ей невозможно противиться. Богатство оттенков, мерцающая гармония — фантастическая изобретательность венецианской музыки в произведениях Вивальди достигает высшей точки. Любая имитация вызывает восхищение. Воодушевление вызывает восхищение. Вивальди — это живость. Ключ — в скорости сочинения и исполнения. Его современники использовали слова *fierezza* (бешеная энергия) и *prestezza* (скорость). Безграничная мелодическая сила создает впечатление неистощимости.

Вивальди был также человеком театра, созда-

вая для выражения необузданных и неистовых чувств необычную по напряжению звуковую среду. Его самое известное произведение «Времена года» полно экспрессии. Это попытка переложить на музыку изобразительный и оперный жанры. В его искусстве присутствует чисто венецианская тенденция сочетать изображение с мелодией, он вводит оперные эффекты в свою инструментальную музыку и снабжает оперы техникой своих концертов. Первая страница соло на скрипке из концерта «Весна» напоминает композиции Питера Мондриана. Ноты словно танцуют. Изгиб, прыжок и полет повторяются вновь и вновь. На своих партитурах Вивальди торопливо нацарапывал: *spiritoso* (с воодушевлением) или *allegro* (живо).

Иногда он исписывал нотами три-четыре страницы, затем останавливался, перечеркивал все и начинал сначала — с той же энергией и скоростью. Иногда он писал два варианта одной части, оставляя выбор на усмотрение солистов или оркестра. Порой он работал так быстро, что забывал изначальную тональность. В процессе сочинения записи становились все более отрывистыми и невнятными.

Этот гениальный натиск, эта легкость и из-

быточность проходят через всю историю венецианской культуры. Тинторетто прославился яростной энергией художественной практики. Он был способен за неделю расписать стены церкви или зала *scuola*. В следующем веке Тьеполо мог написать большой холст за десять часов. Так и музыка Вивальди поражала современников головокружительной быстротой и напором. Она неумолима, как судьба. Она рвется вперед, как воды лагуны. В чем кроется секрет избытка чувств, переполнявших художников Венеции? В радости. Радости творения. Она связана с жизнью в гармоничном городе. Но также с радостью жизни в единстве с окружающим их обществом и культурой. Они были дома. Основой их бытия была сама Венеция.

Можно ли тогда определить природу венецианской музыки как органичного целого? Ее отличает экспансивность и спонтанность, безудержная радость, проявляющаяся во всех формах венецианского искусства. Охотнее и чаще всего ее называют блестящей. Она сверкает, как венецианское стекло и воды лагуны. Однако венецианская музыка также вызывает в памяти богатство красок и текстуры венецианской живописи. Мы читаем о блестящих оттенках

цвета и хроматических фразах венецианских музыкантов, в отличие от музыкантов Неаполя и Флоренции. В венецианских учебниках музыки, написанных в XVI и XVII веках, особое внимание уделяется искусству импровизации и орнаментации. Венецианская музыка прежде всего экспрессивна. Грубо говоря, импульсивность в ней преобладает над содержанием. Некий немецкий музыковед XVIII века, противопоставляя венецианские мелодии римским, заметил, что «венецианские быстрее достигают слуха, но их очарование быстрее проходит». Искусство отзвуков, уже отмеченное в церковной полихоральной музыке, было не чуждо и светской музыке. К примеру, было отмечено, что венецианская соната обладает всеми признаками полифонии.

Венецианская музыка благозвучна. Нередко она бывает легкой и прозрачной. В этом смысле можно предположить, что она почти не отражает внутренней жизни. В Венеции не могло быть Бетховена. Потоку этой музыки нельзя противиться. У нее ритм моря, но не колеса. Она скорее вызывает изумление и восхищение, чем рождает созерцание. Однако она бывает непокорной и непредсказуемой, с внезапными неожиданными поворотами мелодии и гармо-

нии. Она часто эксцентрична и экстравагантна. Иногда в ней смакуются странные *bizzarria* (созвучия), имеющие восточный привкус. Можно даже утверждать, что при содействии Венеции восточная музыка вошла в европейскую традицию. Венецианская музыка построена на постоянном и искусном изменении. Она обожает контрасты и сложности; она бывает быстрой и вычурной. Она прекрасно подходит виртуозам. Как полагают, первый сольный концерт был сыгран в Венеции. Тогда мы можем определить природу венецианской музыки как выражение венецианского темперамента. Как сказал Стендаль, «блеск венецианского характера находит отражение в венецианской музыке». Процесс передачи и наследования культурных моделей никогда не осознавался до конца, если не считать очевидных моделей языка, который описывает и искусство, и характер с помощью одних и тех же слов. Итак, вот наши слова: яркость, жизнерадостность, блеск, экстравагантность, энергия, бодрость, спонтанность, напористость, легкость, экспансивность и стремительность. О, Венеция!

Венецианская хронология

IV, V и VI века н. э.

Племя венетов покидает материковую часть Италии и переселяется на острова, чтобы найти убежище от постоянных набегов варваров. Острова входят в состав Византийской империи.

421 — Легендарное основание Венеции. Реальное основание города, вероятно, произошло более века спустя.

446 — Венеты собираются в Градо и учреждают правление трибуна.

568 — Освоение острова Торчелло.

VII век

Начало — На острове Торчелло строится базилика Санта-Мария дель Ассунта.

697 — Народом избран первый венецианский дож Паолуччо Анафеста.

VIII век

Набеги варваров кладут конец византийскому господству над Северной Италией.

IX век

Начало — На месте, известном ныне как площадь Святого Марка, строится первый Дворец дожей.

810 — Пипин безуспешно пытается присоединить острова к Империи франков.

825 — Завершен ансамбль площади Святого Марка.

828 — Останки Святого Марка доставляются в Венецию из Александрии. Святой Марк как покровитель города заменяет Святого Теодора.

X век

900 — Укрепление лагуны.

928 — Первое упоминание о венецианском стекле.

XI век

Венеция провозглашает себя независимым государством и морской республикой. Она становится могущественной морской державой и создает империю на востоке, захватив до 1200 года Восточное побережье Адриатического моря

и многие острова Эгейского моря, в том числе Кипр и Крит.

Конец — Учреждается венецианский карнавал.

XII век

1100 — Венеция участвует в Первом Крестовом походе. Построен Арсенал.

1167 — В Венеции осуществлен первый выпуск публичного займа.

1171 — На площади Святого Марка воздвигаются две гигантские колонны, одна увенчана статуей Святого Теодора, другая — фигурой льва.

1178 — Венеция устанавливает контроль над перевалом Бреннер, ведущим из Вероны в Западную Европу, и основывает обширную империю, которая просуществует еще четыре века, на материковой части Италии, *terra firma.*

Конец — Первое дошедшее до нас упоминание о гондоле. Учрежден Большой совет, состоящий из аристократов. Он выбирает дожа и Сенат.

XIII век

1203–1204 — Венеция играет главную роль в штурме и разграблении Константинополя. Венецианцы привозят домой четыре бронзовых

коня. Венеция доминирует в торговле по всей Византийской империи.

1229 — Сформулированы венецианские законы.

1242 — Сообщение о первых рыцарских турнирах на площади Святого Марка.

1270 — Первое упоминание о частном банке.

1284–1285 — Отчеканен первый золотой дукат; основан Монетный двор.

1298 Марко Поло, сидя в тюрьме, рассказывает о своих путешествиях в дальние страны.

XIV век

1310 — Сформирован Судебный комитет, известный как Совет десяти. Он избирается Сенатом и с 1335 года становится постоянным.

1348 — В городе свирепствует чума.

1380 — Долгая война между Венецией и Генуей, продолжавшаяся с перерывами сто лет, заканчивается победой Венеции.

С XIV по XV век

Венеция на вершине морской и военной мощи.

XV век

1421 — Начинается строительство *Ca' d'Oro.*

1422 — На площади Святого Марка на месте старого Дворца дожей построен ренессансный дворец.

1462 — Между Венецианской и Османской империями начинается война. Она кончается в 1479 году, когда венецианцы просят о мире. Это событие знаменует начало конца венецианского господства на Востоке. Постепенно Венеция утрачивает доминирующее положение в торговле в этом регионе.

1494 — Издатель Альд Мануций открывает в Венеции мастерскую для печатания книг на греческом, латыни и иврите.

XVI век

1516 — На Каннареджо создано еврейское гетто.

1516 — Родился Тинторетто.

1527 — После разграбления Рима варварами Венеция предлагает пристанище множеству римских художников и интеллектуалов.

1527 — Якопо Сансовино, беженец из Рима,

назначен общественным архитектором. Он проектирует Монетный двор, Библиотеку, лоджетту и часть рынка Риальто. Он также превращает площадь Святого Марка в классическую piazza.

1565 — В Венеции построен первый в Европе театр, предназначенный специально для постановки спектаклей.

1570 — Венеция отдает туркам Кипр.

1585 — Начало строительства Моста Риальто.

XVII век

1618 — Провал Испанского заговора, участники которого собирались разрушить многие важные политические здания города.

1637 — В Венеции построен первый публичный оперный театр.

1678 — Родился Вивальди.

1696 — Родился Тьеполо.

XVIII век

Венеция становится городом искусства и удовольствий.

1725 — Родился Казанова.

1774 — По требованию публики закрылся самый большой игорный дом в Венеции.

1797 — Венеция сдается Наполеону, который отдает город австрийцам. Отречение дожа, крах Венецианской республики.

XIX век

1805 — Наполеон разбивает австрийцев и возвращает себе Венецию.

1814 — Австрийцы изгоняют французов из Венеции.

1848 — Венецианцы изгоняют австрийцев из города и восстанавливают Венецианскую республику.

1849 — Австрийцы вновь оккупируют Венецию. Падение республики.

1854 — Построен Мост Академии.

1866 — Венеция освобождается от австрийского господства, город входит в состав недавно образованного Королевства Италия.

Конец — Лидо становится популярным курортом.

1895 — Организована Первая международная художественная выставка, вскоре ставшая известной как Биеннале.

XX век

1902 — Обрушилась колокольня на площади Святого Марка.

1917 — Во время Первой мировой войны Венеции как городу Италии, заключившей союз с Великобританией и Россией, вновь грозит австрийская оккупация.

1943 — Немецкая оккупация города.

1966 — Самое серьезное за всю историю Венеции наводнение.

1996 — В Венеции сгорел знаменитый оперный театр *La Fenice.*

Благодарности

Я хочу поблагодарить двух своих помощников-исследователей Томаса Райта и Маррафа О'Брайена *за их неоценимую работу над этим проектом.*

Мне хотелось бы также выразить благодарность моему редактору Дженни Аглау *и литературному редактору* Дженни Обертон.